

ISSN 1810-1909

Вестник

ЧУВАШСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 4 2016

Гуманитарные науки

Научный журнал

Основан в марте 1995 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

Главный редактор

А.Ю. Александров, кандидат экономических наук, доцент (Чебоксары, Россия)

Заместитель главного редактора

Г.Е. Корнилов, доктор филологических наук, профессор (Россия, Чебоксары)

Члены редакционной коллегии

Л.А. Абукаева, доктор филологических наук, доцент (Россия, Йошкар-Ола)

Т.Б. Агранат, доктор филологических наук, доцент (Россия, Москва)

С.А. Арутюнов, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Д.Н. Давлетбаева, доктор филологических наук, доцент (Россия, Казань)

Е.С. Данилко, доктор исторических наук, профессор РАН (Россия, Москва)

А.В. Дыбо, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)

И. Зимони, доктор наук, профессор (Венгрия, Сегед)

Т.Н. Иванова, доктор исторических наук, доцент (Россия, Чебоксары)

А. Каппелер, доктор истории, университетский профессор (Австрия, Вена)

Н.В. Кондратьева, доктор филологических наук, доцент (Россия, Ижевск)

Й. Луугонен, доктор философии, доцент (Финляндия, Турку)

Е.К. Минеева, доктор исторических наук, профессор (Россия, Чебоксары)

С.Ю. Михайлова, доктор исторических наук, доцент (Россия, Чебоксары)

О.А. Мудрак, доктор филологических наук (Россия, Москва)

С.А. Мызников, доктор филологических наук, главный научный сотрудник (Россия, Санкт-Петербург)

О.Е. Поляков, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)

Л.П. Репина, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

А.К. Салмин, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник (Россия, Санкт-Петербург)

О.Н. Широков, доктор исторических наук, доцент (Россия, Чебоксары)

А.Ш. Юсупова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Казань)

Ответственный секретарь

Н.И. Завгородняя

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Адрес редакции: 428015, Чебоксары, Московский пр., 15,
тел. (8352) 45-20-96, 58-33-63 (доб. 2030)
e-mail: vestnik210@mail.ru, vestnik@chuvsu.ru
<http://www.chuvsu.ru/university/vestnik.htm>

ISSN 1810-1909

Vestnik

CHUVASHSKOGO UNIVERSITETA

№ 4 2016

Humanities

Scientific Journal

Since March, 1995

Founder:
Federal State Educational Budgetary Institution
of Higher Education
the Ulyanov Chuvash State University

Editor-in-Chief

A.Yu. Aleksandrov, Candidate of Economics, Associate Professor (Cheboksary, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

G.Ye. Kornilov, Doctor of Philology, Professor (Cheboksary, Russia)

Editorial Board

L.A. Abukaeva, Doctor of Philology, Associate Professor (Yoshkar-Ola, Russia)

T.B. Agranat, Doctor of Philology, Associate Professor (Moscow, Russia)

S.A. Arutyunov, RAS corresponding member, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russia)

D.N. Davletbaeva, Doctor of Philology, Associate Professor (Kazan, Russia)

E.S. Danilko, Doctor of Historical Sciences, RAS Professor (Moscow, Russia)

A.V. Dybo, RAS corresponding member, Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russia)

I. Zimoni, Doctor of Science, Professor (Szeged, Hungary)

T.N. Ivanova, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Cheboksary, Russia)

A. Kappeler, Doctor of History, Professor (Vienna, Austria)

N.V. Kondratieva, Doctor of Philology, Associate Professor (Izhevsk, Russia)

J. Luutonen, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Turku, Finland)

E.K. Mineyeva, Doctor of Historical Sciences, Professor (Cheboksary, Russia)

S.Yu. Mikhailova, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Cheboksary, Russia)

O.A. Mudrak, Doctor of Philology (Moscow, Russia)

S.A. Myznikov, Doctor of Philology, Chief Researcher (St. Petersburg, Russia)

O.E. Polyakov, Doctor of Philology, Professor (Saransk, Russia)

L.P. Repina, RAS corresponding member, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russia)

A.K. Salmin, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher (St. Petersburg, Russia)

O.N. Shirokov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Cheboksary, Russia)

A.Sh. Yusupova, Doctor of Philology, Professor (Kazan, Russia).

Executive Editor

N.I. Zavgorodnyaya

The journal is included into the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications issued in the Russian Federation where the main scientific results of doctoral theses are to be published.

Address: 15, Moskovskiy pr., Cheboksary, Chuvash Republic, 428015, Russia
Tel. +7(8352)45-20-96, 58-33-63 (2030)
E-mail: vestnik210@mail.ru, vestnik@chuvsu.ru
<http://www.chuvsu.ru/university/vestnik.htm>

УДК 351.86: 061(470.344)
ББК Ц491.111 (2Рос.Чув.)

О.В. АНДРЕЕВ

ЧУВАШСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОСОАВИАХИМА В СИСТЕМЕ ОБОРОННО-МАССОВОЙ РАБОТЫ В СССР В 1927–1940 ГОДАХ

Ключевые слова: оборонно-массовая работа, военно-патриотическая организация, партийно-государственные органы, Центральный Совет, военный комиссариат, секция, комитет, кружок военных знаний, военно-учебный пункт, военно-прикладная подготовка, репрессии, обороноспособность.

В статье представлены результаты исследования процесса становления и развития оборонно-массовой работы в Чувашской АССР в 1927–1940 гг. Оборонная общественная организация Чуваши анализируется в неразрывной связи с ходом формирования и развития организационной структуры, практической деятельности Общества содействия обороне, авиации и химическому строительству СССР. Дана оценка роли центральных и местных партийно-государственных, военных органов, профсоюзов и комсомола в организации, осуществлении мер по укреплению обороноспособности страны в предвоенный период.

С объединением по инициативе ЦК ВКП(б) в январе 1927 г. обществ АВИАХИМ и ОСО в единую массовую военно-патриотическую организацию «Общество содействия обороне, авиации и химическому строительству СССР» (ОСОАВИАХИМ СССР) работа по оборонно-массовой подготовке гражданского населения вышла на качественно новый уровень.

ОСОАВИАХИМ, как правопреемник АВИАХИМа и ОСО, решал комплекс задач по содействию укреплению обороноспособности страны: расширение и улучшение военной работы среди трудящихся; пропаганда военных знаний; повышение уровня подготовки военнослужащих запаса рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА); помощь развитию авиационной и химической отраслей промышленности; увеличение численности организации и укрепление её звеньев.

С учётом изменений в международной обстановке и выявленных недостатков в работе (слабость низовых, особенно сельских ячеек общества; медленный рост рядов актива) задачи общества расширялись и конкретизировались. Так, в постановлении ЦК ВКП(б) от 19 марта 1928 г. «О работе фракции Президиума ЦС ОСОАВИАХИМ СССР», принятом на основании доклада партийной фракции президиума Центрального Совета Общества, было акцентировано внимание на развитии общественных начал в деятельности всех звеньев Общества, более активном участии коммунистов в деятельности ОСОАВИАХИМа [17. С. 53]. В свою очередь, IX съездом комсомола (январь 1931 г.) перед ОСОАВИАХИМом была поставлена задача вовлечения всех членов ВЛКСМ в ряды Общества, выдвинуты конкретные задачи перед каждым комсомольцем: овладеть минимумом военных знаний, в совершенстве освоить одну из военных специальностей.

Позже, в условиях нарастания военной опасности, 8 августа 1935 г. ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР в совместном Постановлении «Об ОСОАВИАХИМ» определили главные задачи оборонного Общества: повышение уровня подготовки бойцов запаса РККА через вовлечение их в ряды Общества и охват стрелковым спортом; подготовка к противовоздушной и противохимической обороне; укрепление первичных организаций ОСОАВИАХИМа. А накануне Второй мировой войны, в частности, на XVIII съезде ВКП(б) (март 1939 г.), в качестве первоочередных были определены задачи всеобщего охвата предприятий и учрежде-

ний системой организации ОСОАВИАХИМа, усиления военно-прикладной подготовки. Отмечены были и достижения на этом пути. Так, в речи К.Е. Ворошилова ОСОАВИАХИМ был назван помощником Красной Армии в деле предварительной успешной подготовки кадров различных военных специальностей [17. С. 69].

Система руководства оборонно-массовой деятельностью складывалась и совершенствовалась постепенно, а структурные изменения в ней происходили по мере усложнения работы. Характерно, что деятельность ОСОАВИАХИМа как добровольной массовой организации строилась преимущественно на общественных началах.

Высшим руководящим органом общества являлся Центральный совет (ЦС) ОСОАВИАХИМа СССР, во главе которого стоял Президиум ЦС. Обязанности председателя Центрального Совета на общесоюзном и местном (республиканском, краевом, областном) уровнях выполняли преимущественно лица, занимавшие одновременно высшие государственные и партийные должности. Так, с 1927 г. и до очередной реорганизации в 1948 г. Центральным Советом ОСОАВИАХИМа СССР руководили А.И. Рыков, И.С. Уншлихт, Р.П. Эйдеман, П.С. Горшенин, П.П. Кобелев.

С возникновением ОСОАВИАХИМа СССР в республиках, краях и областях развернулась активная работа по созданию региональных организаций. Одними из первых возникли Советы ОСОАВИАХИМа Уральской области и Пермской губернии.

Чувашская организация ОСОАВИАХИМа, образованная на основании решения президиумов республиканских советов ОСО и АВИАХИМа от 15 февраля 1927 г., находилась в подчинении ОСОАВИАХИМа СССР и РСФСР. Структурными элементами управления республиканской организацией являлись: Центральный Совет, Президиум, Секретариат, Ревизионная комиссия. В районах, на предприятиях, в учреждениях создавались первичные организации Общества. Центральному Совету ОСОАВИАХИМа Чувашии подчинялись районные и городские Советы, руководившие первичными ячейками Общества. В свою очередь, в Чувашской АССР за годы функционирования ОСОАВИАХИМа по общесоюзному образцу одновременно пост председателя Совнаркома республики и обязанности председателя Республиканского Совета ОСОАВИАХИМа с февраля 1927 г. совмещали А.Я. Яковлев, А.М. Михайлов, П.Я. Самарин и Л.С. Спасов, также руководили В.Д. Тимофеев (одновременно – военный комиссар Чувашской АССР), М.Т. Ермаков, Г.О. Осипов, А.П. Малов, И.А. Смирнов, А.Ф. Лебедевский.

Состав членов Центральных Советов ОСОАВИАХИМа СССР и регионов страны увеличивался соразмерно расширению масштабов деятельности и увеличению числа членов общества. Например, если в Чувашии в 1929 г. Совет состоял из 27 человек [8. Л. 26], то в 1930 г. вырос до 45 членов и 7 кандидатов [5. Л. 2]. Численный состав Президиума ЦС ОСОАВИАХИМа республики также увеличился: если в 1929 г. он состоял из 7 человек, то в 1930 г. – уже из 12 членов и 4 кандидатов. За те же годы численность работников Секретариата увеличилась с 7 до 12 человек; а Ревизионной комиссии – с 3 до 5 человек [8. Л. 26].

В год основания республиканской организации при отделениях не было ни одного штатного работника, так как только через год, в июне 1928 г. Чувашсоветом ОСОАВИАХИМа была утверждена должность штатного ответственного секретаря [5. Л. 6]. В 1928 г. даже при Президиуме Общества количество штатных работников составляло всего 2 человека [5. Л. 2]. Постепенно начало расти количество работников центральных и районных аппаратов: если в 1928 г. был всего 1 штатный сотрудник, то в 1929 г. – 6 человек [7. Л. 218]. С 1930 г. Чувашсовет начал подыскивать постоянных штатных работников и для работы при райсоветах. В результате при 8 райсоветах ответственных секретарей стало 5, а

военных инструкторов – 3 [5. Л. 846]. В 1930 г. их количество выросло до 30 человек, а в 1931 г. – до 91 сотрудника [7. Л. 218]. В 1932 г. количество руководящих работников в районных советах достигло 48 человек, из которых: 23 – члены и кандидаты ВКП(б), 8 – члены ВЛКСМ, 17 – беспартийные; а по национальности: 37 – чувашаи, 10 – русские, 1 – татарин [9. Л. 1].

Следует отметить, что к ответственной работе в организации в первую очередь привлекались члены ВКП(б) ввиду их большей дисциплинированности, благонадёжности и сознательности. В руководящем составе осоавиахимовских кадров на первых порах главную роль играли служащие. Что касается представительства женщин в руководстве Чувашской организации ОСОАВИАХИМа, то их практически не было.

Важными элементами в структуре общества являлись секции, комитеты и комиссии при Центральном и региональных Советах, количество которых неуклонно росло. Так, с самого начала активно действовали секции: агитационно-пропагандистская, сельскохозяйственная, химико-научно-промышленная, авиационно-промышленная, военно-научно-исследовательская, воздушно-химической обороны, спортивная и другие. Некоторые из них положили начало крупным научно-исследовательским институтам в СССР. Например, на базе секции реактивной техники в 1931 г. образовалась центральная группа по изучению реактивного движения и реактивного метода летания (ЦГИРД) во главе с Ф.А. Цандером. Вскоре постановлением Совета Труда и Обороны от 31 октября 1933 г. на базе московского (руководил С.П. Королёв) и ленинградского ГИРДов и ленинградской Газодинамической лаборатории был открыт Реактивный научно-исследовательский институт.

Позднее при Центральном Совете ОСОАВИАХИМа начали свою деятельность специальные комитеты: стратосферный комитет, включавший ракетную группу; комитет по изучению проблем, связанных с усовершенствованием самолётов и повышением безопасности полётов.

На общесоюзном и местном уровнях в конце 1920-х гг. успешно работали химико-научно-промышленная и сельскохозяйственная секции. Так, химико-научно-промышленная секция при ЦС ОСОАВИАХИМа СССР оказывала помощь многим высшим учебным заведениям, участвовала в подготовке специалистов-химиков. О качестве работы свидетельствуют такие факты: в 1929–1930 гг. ОСОАВИАХИМ подготовил 35 тыс. специалистов по борьбе с сельскохозяйственными вредителями, создал свыше 2 тыс. отрядов по уничтожению вредителей лесов и полей. За эти два года силами Общества было обезврежено 5,5 млн га посевных площадей, 25 млн га садов, протравлено 1 млн т семенного зерна.

В целях совершенствования руководства оборонно-массовой работой со стороны советских органов 27 апреля 1934 г. Указом Президиума ЦИК СССР при Советах были созданы оборонные комиссии (секции). К 1 января 1936 г. такие секции были созданы в 605 сельских и 855 городских Советах.

Оборонные секции Советов сосредоточили в своих руках организационную и практическую работу по военному обучению граждан, подготовке к призыву, оказанию помощи общественным организациям, занимавшимся вопросами укрепления обороноспособности страны. В состав оборонных секций входили представители Красной Армии, ОСОАВИАХИМа, профсоюзных и комсомольских организаций, депутаты, руководители предприятий, колхозов, МТС.

Используя ранее накопленный опыт, оборонные секции проводили конкретные мероприятия, направленные на подготовку кадров общественных организаций, оказание помощи в налаживании осоавиахимовской работы на местах. В своей работе секции стали использовать такие формы, как создание комиссий для изучения состояния оборонной работы на предприятиях и

учреждениях, организация соревнований между секциями, заслушивание отчетов руководителей организаций ОСОАВИАХИМа.

Чувашская организация ОСОАВИАХИМа руководствовалась общими целями и задачами, сформулированными Центральным Советом ОСОАВИАХИМа СССР, строила свою работу с учётом особенностей республики. Так, наибольшее внимание уделялось работе в области сельского хозяйства. Предпринимались меры и по привлечению к работе женщин, так как их доля среди членов общества росла крайне медленно.

Перед секциями, работавшими при Центральном Совете ОСОАВИАХИМа Чувашской АССР, в рамках военной подготовки населения ставились такие задачи, как обеспечение кружков военных знаний руководителями, программами и другими пособиями и литературой (особенно деревенских ячеек); работа с активом; налаживание связи с органами физкультуры и совместное развитие вопросов военизации физкультуры; переподготовка начсостава запаса и др. [6. Л. 3].

Сельскохозяйственные секции при Центральном Совете и райсоветах ОСОАВИАХИМа Чувашии предпринимали организационные меры по улучшению состояния сельского хозяйства республики. В частности, ставились задачи по вовлечению всех агрономов в ряды ОСОАВИАХИМа и в секционную работу, организации работы в борьбе с сельскохозяйственными вредителями [6. Л. 8].

Сельскохозяйственная секция при Центральном Совете ОСОАВИАХИМа Чувашии для этого использовала различные средства и методы: на русском и чувашском языках издавались плакаты о борьбе с вредителями садовых участков и жилищ; книги и брошюры («ОСОАВИАХИМ в сельском хозяйстве», «Программа сельскохозяйственного кружка I ступени»); проводились доклады, беседы, лекции по вопросу химизации сельского хозяйства; при ячейках организовывались сельскохозяйственные кружки по ликвидации неграмотности среди членов ОСОАВИАХИМа в области химии и агрономии; в газетах «Канаш», «Трудовая газета», в журналах «Чăваш ялĕ», «Ĕç хĕрарăмĕ» на чувашском языке публиковались статьи о достижениях Чувашской организации ОСОАВИАХИМа в области сельского хозяйства; проводилась работа по участию ячеек ОСОАВИАХИМа в местных сельскохозяйственных выставках. Секция также добивалась включения учебного курса по химизации сельского хозяйства в программы школ повышенного типа (восьмилеток, ШКМ), школ II ступени, рабфака, техникумов; планировала массовые экскурсии членов ОСОАВИАХИМа на сельскохозяйственные опытные станции, на станцию защиты растений, на опытные поля, в образцовые сады, огороды, питомники и т.д. [6. Л. 8].

Число секций при Центральном Совете ОСОАВИАХИМа ЧАССР также менялось. Например, если в 1928–1929 г. при Президиуме ЦС Общества действовали только секции по военной подготовке трудящихся, сельскохозяйственная, женская и агитационно-пропагандистский отдел (АПО) [5. Л. 6], то в 1930 г. к четырём действовавшим прибавились ещё две: стрелковая, военно-химической обороны (ВХО) [5. Л. 24].

По примеру Центрального Совета ОСОАВИАХИМа республики при районных Советах также были организованы аналогичные секции, а в некоторых из них даже имелись свои подсекции: Мариинско-Посадском – военная и женская; Красночетайском – военная, сельскохозяйственная, АПО; Чебоксарском – военная, сельскохозяйственная, женская; Ядринском – военная, АПО; Козловском – военная, сельскохозяйственная, АПО; Малояльчикском – сельскохозяйственная, АПО; Алатырском – военная [5. Л. 24]. В дальнейшем и при райсоветах возникали и другие секции, количество которых колебалось от 2 до 4 [5. Л. 84б].

Структура Общества усложнялась и дополнялась новыми отделами. Так, во второй половине 1931 г. были созданы отделы: организационный с секторами кадров и планов, проверки пополнения; агитационный с секторами

сельскохозяйственным, печати, по работе среди женщин; военной подготовки трудящихся с секторами обязательного и добровольного обучения начсостава запаса, авиации противовоздушной и химической обороны, военно-морской подготовки, стрелковой и физической подготовки; общий отдел, отдел финансирования, 1-й сектор [8. Л. 26].

Большая ответственность возлагалась на секцию агитационно-пропагандистской работы. Так, АПО при Чувашсовете ОСОАВИАХИМа, проводя массовую агитпропработу, решал следующие задачи: разъяснение вопросов международного положения и необходимости усиления обороноспособности СССР, раскрытие классового характера будущих войн, роли в них технических средств борьбы и общественной помощи в укреплении советской военной авиа- и химпромышленности. Особое внимание уделялось изданию книг и брошюр на чувашском языке и освещению работы Чувашской организации ОСОАВИАХИМа в местной печати. Для этого при редакциях газет «Канаш» и «Трудовая газета» имелись постоянные заведующие ОСОАВИАХИМ-отделами. Прилагались большие усилия по увеличению числа подписчиков газет и журналов, особенно «Красной Звезды», «Красноармейца», «Авиации и химии», «ОСОАВИАХИМ». Для этого при всех райсоветах действовали уполномоченные по вербовке подписчиков. Отдел агитации и пропаганды ЦС регулярно составлял перечень необходимой литературы и учебных пособий, устраивал осовавиэхимовские выставки. В Чебоксарах была организована центральная выставка при Доме крестьянина. Для успешной работы разрабатывались планы по использованию радиовещания, клубов, кинотеатров и других политпросветучреждений, которые включали просмотр военно-осовавиэхимовских кинофильмов; проведению вечеров и постановку спектаклей военного характера; организации выставок, докладов, лекций и т.д. В крупных районах организовались семинары по подготовке секретарей ячеек ОСОАВИАХИМа, а при всех райсоветах готовились кадры докладчиков и лекторов.

В 1928–1929 гг. при агитпропсекции были организованы комиссии: издательская (с возложением на неё работы по распространению литературы и вербовке подписчиков военно-осовавиэхимовских изданий); по печати (для освещения деятельности ОСОАВИАХИМа в местной и центральной печати), по радиовещанию; по разработке вопросов кампанейского характера и других директив Центрального Совета [6. Л. 5].

Агитпропотдел также прилагал усилия по обеспечению постоянной связи с другими организациями: Российским обществом Красного Креста (РОКК), Автодором, Обществом по изучению местного края, Главполитпросветом; по организации военных уголков, библиотек, «агитповозок», выставок при первичных организациях и райсоветах; по проведению семинаров на тему подготовки низовых работников организации; по пропаганде и практической работе «по военизации и химизации в деревне».

Слабым звеном оборонно-массовой работы в Чувашии являлся низкий уровень представительства в ней женщин. В области подготовки женщин к обороне страны реализовывались следующие задачи: организация женских секций при всех райсоветах и укрепление женской секции при Чувашском Совете; обучение женщин службе в сторожевой охране и поддержания порядка в тылу (охрана фабрик, заводов, учреждений и т.д. в военное время). Предусматривалось также ведение военной пропаганды среди женщин по направлениям: 1) обсуждение империалистической войны и разъяснение необходимости «защиты Союза братских республик всех национальностей от империалистов»; 2) значение и роль Красной Армии в деле охраны социалистического строительства в СССР; 3) защита прав и привилегий, данных Октябрь-

ской революцией труженице; 4) значение ОСОАВИАХИМа и РОККа в деле вовлечения тружениц в подготовку к обороне страны [6. Л. 7].

Кроме того, женские секции регулярно участвовали в освещении вопросов подготовки женщин-тружениц к обороне страны в газетах и журналах, в частности, в журнале «Ёҫ хёраpамё»; в обмене опытом работы женских ячеек; усилении подготовки женщин к защите от воздушно-химического нападения и от боевых отравляющих веществ, вовлечении для этого женщин в авиахимотряды, команды и кружки первой помощи; налаживании связей с физкультурной организацией и усилении физической подготовки женщин; вовлечении работающих женщин и студентов педтехникумов в проведение семинариев по подготовке инструкторов по военному обучению женщин; организации при существовавших школах кройки и шитья специальных кружков по пошиву военного обмундирования; проведении районных и республиканских стрелковых состязаний женщин [6. Л. 7].

Кружковая работа стала неотъемлемой частью оборонно-массовой подготовки граждан. Кружки военных знаний (КВЗ), созданные при наиболее сильных ячейках ОСОАВИАХИМа, вплоть до середины 1930-х гг. являлись одной из основных и самых распространенных форм. Каждый КВЗ охватывал 60–80 человек, из которых 40–50 человек были коммунистами и комсомольцами, привлеченные к учебе в обязательном порядке [10. С. 53]. Через такую форму организации работы успешно решалась проблема ликвидации военной неграмотности. Формирование КВЗ происходило на базе отлаженного законодательством механизма военной подготовки призывной и допризывной молодежи. Для допризывников занятия в таких кружках являлись подготовительной ступенью к службе в армии, для переменного состава территориальных частей – средством, способствовавшим лучшему овладению военным делом. Тысячи юношей и девушек изучали в этих кружках основы военных знаний. При первичных ячейках общества действовали разнообразные кружки, в которых велась практическая оборонно-массовая работа.

В начале первой пятилетки военная подготовка трудящихся на предприятиях проводилась одновременно в кружках военных знаний ОСОАВИАХИМа и профсоюзов. Это порождало ненужный параллелизм в работе, снижало ответственность за состояние военного обучения. 19 марта 1928 г. ЦК ВКП(б) приняло постановление о слиянии осоавиахимовских и профсоюзных органов. Ответственность за состояние военного обучения должны были нести организации общества.

В середине 1930-х гг. на предприятиях, в учреждениях были открыты военно-учебные пункты. Необходимость их создания исследователем Д.Н. Кузнецовым обосновывается так: «Существовавшие до середины 1930-х гг. кружки военных знаний уже не отвечали требованиям времени. И вот на крупных промышленных предприятиях, в районах появляются военно-учебные пункты (ВУПы), клубы и школы различного назначения» [17. С. 10].

Преимущества ВУПов были очевидны: они давали возможность концентрировать учебно-материальную базу, подбирать квалифицированные кадры преподавателей и обеспечивать прохождение в течение года 120-часовой программы. Построенные на стационарной основе, с дневными и вечерними занятиями, военно-учебные пункты наиболее соответствовали условиям производственной деятельности молодежи. ВУПы готовили бойцов пехоты, связистов, артиллеристов, снайперов, пилотов, парашютистов, планеристов, авиамоделистов, мотористов, стрелков, моряков, шоферов, танкистов (танкетчиков) и др.

Ещё одним элементом в структуре ОСОАВИАХИМа стали специальные лагеря по подготовке молодежи, подлежащей призыву в ряды Красной Армии. В

Чувашии такие лагеря имелись в Цивильском и Канашском районах. Существовали также Дома обороны и специальные военизированные Дома отдыха. Благодаря деятельности этих заведений ОСОАВИАХИМа решались задачи обучения членов организации не только на теоретическом, но и практическом уровнях.

С целью охвата своей работой большего числа граждан Центральный Совет ОСОАВИАХИМа с 1938 г. начал создавать свои первичные организации в средних школах. И в таком виде ОСОАВИАХИМ действовал до 1940 г.

Накануне Великой Отечественной войны структура Общества претерпела определённые изменения. На основании постановления Центрального совета ОСОАВИАХИМа от 21 августа 1940 г. «О перестройке военного обучения членов Осоавиахима» при первичных организациях были созданы группы и команды по обучению стрелков, связистов, мотоциклистов и других специалистов. Каждая группа состояла из 10-15 человек, 4 и более группы составляли команды. При районных, городских советах, крупных первичных организациях были созданы отряды. Вместо учебных организаций были сформированы учебные центры, клубы, школы (стрельбы, кавалерии, техники, связи и др.) с разделением на отряды, группы, команды, взводы и отделения.

При первичных организациях из граждан, способных носить оружие и желавших получить военную подготовку, комплектовались отделения и взводы. Учебные подразделения ОСОАВИАХИМа формировались по военным специальностям. Командиры отделений и взводов назначались советами первичных организаций Общества. По усмотрению местных партийных организаций в подразделениях от взвода и выше могли назначаться заместители командира по политической части. Все эти меры придали осоавиахимовским подразделениям стройный военный характер и способствовали повышению качества подготовки резервов для действующей армии [16. С. 111].

Реорганизация Общества проходила очень интенсивно, и к лету 1941 г в составе ОСОАВИАХИМа насчитывалось 156 тыс. учебных групп, 26 680 команд и 3 500 отрядов, в которых различными военными специальностями овладевали 2 млн 600 тыс. человек. Военные занятия были перенесены из кабинетов в поле, на стрельбища. Они проводились командирами запаса при любых погодных условиях, характерных для боевой обстановки [12. С. 405].

Таким образом, организационная структура Общества была многоступенчатой и разветвленной и менялась в соответствии с требованиями времени. В преддверии войны Общество все более военизировалось, приобретало структуру, построенную по армейскому образцу, стала более чёткой, подготовка обучавшихся приобрела военно-прикладной характер, что способствовало более успешному выполнению задач.

Нужно отметить, что структура, цель и задачи Чувашской организации ОСОАВИАХИМа от общесоюзной отличались незначительно. Различия в основном были связаны с региональными особенностями. Например, преимущественно аграрный характер республики побуждал больше активизировать деятельность Общества в сельской местности, а слабое участие женщин в оборонно-массовой работе заставлял уделять этому вопросу более пристальное внимание.

Одновременно ОСОАВИАХИМ, формально оставаясь общественной организацией, фактически превращался в государственную структуру, что подтверждалось конкретными фактами [18. С. 2]. Так, в аппарате Общества работало немало кадровых военнослужащих РККА, число которых по отношению к гражданским работникам и военнослужащим запаса постоянно увеличивалось к началу 1940-х гг. Да и сами работники ОСОАВИАХИМа зачастую

воспринимали работу в Обществе как работу в одном из Наркоматов [18. С. 2]. Кроме того, деятельность Общества контролировала Инспекция ОСОАВИАХИМа в составе Наркомата Оборона. Помимо этого в составе НКВД существовал 6-й отдел Управления государственной безопасности НКВД СССР, который также наблюдал за ОСОАВИАХИМом.

По сути, в начале 1940-х гг. ОСОАВИАХИМ постепенно превратился в своеобразный главк Наркомата Оборона. Так, самостоятельная Инспекция ОСОАВИАХИМ НКО была ликвидирована, а её функции переданы Инспекции Пехоты (инспекция по военной работе ОСОАВИАХИМа при Инспекции Пехоты Красной Армии). Был ликвидирован и 6-й отдел ГУГБ НКВД СССР, функции которого были переданы 2-му (секретно-политическому) и 4-му (особому) отделам ГУГБ НКВД СССР). К тому же в ОСОАВИАХИМе практически не осталось лиц высшего командного и начальствующего состава (только старший и средний). Он становился «своеобразным, рассеянным по стране военным округом» [5. С. 2].

В организации и руководстве оборонно-массовой работой ведущую роль играли партийно-государственные, советские, военные, профсоюзные органы и ВЛКСМ. Именно руководство РКП(б) еще в марте 1918 г. на партийном съезде инициировало решение о введении всеобщего обучения граждан Советской России. И после завершения гражданской войны на европейской части России начиная с ноября 1920 г. данный вопрос при участии руководства РККА многократно обсуждался на пленумах, конференциях, съездах партии и Советов. В результате в 1923 г. возникло Общество друзей воздушного флота, в 1924 г. – Общество друзей химической обороны и химической промышленности, которые в 1925 г. были объединены в АВИАХИМ. В 1926 г. на базе Военно-научного общества было создано Общество содействия обороне (ОСО). Наконец, в 1927 г. партийно-государственное руководство страны приняло решение о создании ОСОАВИАХИМа СССР.

Таким образом, система организации оборонно-массовой подготовки граждан включала в себя партийные организации, государственные органы (местные Советы и военные комиссариаты), комсомол, профсоюзы, учебные заведения, а также ОСОАВИАХИМ.

Партийные органы, как руководящие инстанции, отдавали приказы и указания советским органам, а профсоюзы и комсомольские органы, в свою очередь, подчинялись решениям партийно-государственного руководства.

До середины 1930-х гг. партийное руководство ОСОАВИАХИМом осуществлялось через бюро по военной пропаганде при парткомах, инструкторов по военной работе при окружкомах и горкомах партии [4. Л. 1]. В связи с обострением международной обстановки и усложнением задач военного обучения трудящихся постановлением ЦК и СНК СССР «Об Осоавиахиме» от 8 августа 1935 г. были определены дополнительные меры по улучшению военного обучения граждан. Ответственность за состояние работы было возложено на вторых секретарей крайкомов, обкомов, горкомов и райкомов партии [19. С. 193].

В 1930-е гг. оборонно-массовая работа значительно усилилась. Одновременно с усилением жёсткой и требовательной политики в отношении военной учебы населения набрала силу и командно-административная система управления, элементы которой отчётливо присутствовали уже в конце 1920-х гг.

Задачи, которые ставились перед ОСОАВИАХИМом через местные Советы ещё в годы первой пятилетки, фактически сужали возможность ОСОАВИАХИМа, снижали его роль как самостоятельной общественной организации трудящихся. Например, по указанию партийных органов Советам предписывалось подбирать кадры для Общества.

Вместе с тем слабость материально-технической базы, отсутствие достаточных финансовых средств, погоня за количественными показателями в ущерб качеству, низкая квалификация, а иногда и отсутствие инструкторских кадров, слабая работа актива, кампанейский подход к массовым оборонным мероприятиям и другие недостатки и упущения требовали новых подходов и форм работы как со стороны партийных, так и советских органов.

Кроме того, оборонно-массовая работа конца 1920-х гг. велась на фоне сложных процессов, происходивших в стране. На ее развитие существенное влияние оказала политика ускоренной индустриализации, сплошной коллективизации, вследствие чего не хватало материальных средств обеспечения военного обучения трудящихся. Массовое раскулачивание в деревне, утверждение в массовом сознании «образа врага» крайне отрицательно сказывались на организации оборонной работы.

Механизм репрессий, развернувшийся во всю силу в конце 1930-х гг., непосредственно затронул и руководителей ОСОАВИАХИМа. Были расстреляны в 1937–1938 гг. председатели его Центрального Совета: видный военный деятель, комкор Р.П. Эйдеман, председатель СНК СССР А.И. Рыков, его преемник и один из создателей советских органов государственной безопасности ВЧК-ГПУ И.С. Уншлихт [2. С. 21].

Не избежали репрессий и председатели Чувашского Республиканского Совета ОСОАВИАХИМа. Так, в октябре 1937 г. был репрессирован председатель Совнаркома Чувашской АССР, председатель Республиканского Совета ОСОАВИАХИМ 1927–1929 гг. А.М. Михайлов (умер в декабре 1942 г. в лагере на территории Красноярского края). В октябре того же года был арестован Председатель ЦС ОСОАВИАХИМа ЧАССР 1932–1937 гг. М.Т. Ермаков, обвинённый Особым совещанием при НКВД СССР в сентябре 1941 г. в «участии в антисоветской буржуазно-националистической организации и ведении контрреволюционной деятельности». В январе 1938 г. был арестован, а в 1939 г. приговорён к лишению свободы сроком на 10 лет бывший военный комиссар Чувашской автономной области (1923–1925) и бывший председатель Республиканского Совета Общества друзей Воздушного Флота И.Е. Ефимов, который повторно был арестован в 1951 г. и приговорён к ссылке на поселение в Кустанайскую область Казахской ССР. В том же году был репрессирован председатель Совнаркома Чувашской АССР и первый председатель Республиканского Совета ОСОАВИАХИМа (февраль–ноябрь 1927 г.) А.Я. Яковлев. В 1938 г. также был арестован и приговорён к 5 годам лишения свободы председатель Совнаркома Чувашской АССР, председатель ЦС ОСОАВИАХИМа ЧАССР 1930–1931 гг. В августе того же года такая же участь постигла председателя Совнаркома Чувашской АССР, бывшего председателя ЦС ОСОАВИАХИМа ЧАССР 1931–1932 гг. Л.С. Спасова. Ввиду недоказанности предъявленного ему обвинения в 1940 г. был освобождён. В Великой Отечественной войне он отличился смекалкой и храбростью: был тяжело ранен, награждён тремя орденами Отечественной войны, Красной Звезды, советскими и польскими медалями и вышел в отставку в звании полковника. В ноябре 1938 г. был арестован, а в мае 1940 г. Особым совещанием при НКВД СССР приговорён к 5 годам лишения свободы Г.О. Осипов – председатель ЦС ОСОАВИАХИМа ЧАССР 1937–1938 гг. [2. С. 22].

В 1930-е гг. постепенно сложилось своеобразное положение: если партийные органы, зачастую подменяя деятельность Советов, ставили органы Советской власти в подчиненное положение, то и сами Советы, получив право контроля за деятельностью оборонных организаций, напрямую ставили им задачи как подчиненным государственным структурам. При этом не учитывал-

ся общественный статус ОСОАВИАХИМа. Функции контроля нередко передавались исполкомам Советов, руководителям организаций, т.е. тем, кто отвечал за исполнение. В дальнейшем, в 1933–1936 гг., Советы существенно влияли на организацию массового военного обучения трудящихся. Получив законодательную основу для создания оборонных секций, местные Советы корректировали свои задачи в области военной подготовки населения и от пропагандистской работы все больше переходили к практической деятельности.

Значителен вклад самих Вооружённых Сил СССР в организацию массового военного обучения граждан, где большое значение придавалось красноармейцам, отправлявшимся в отпуск, увольнявшимся в запас. Так, в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 14 октября 1927 г. «Об использовании демобилизованных из Красной Армии на низовой советской, кооперативной и общественной работе» партийным и советским органам вменялось в обязанность активно использовать отпускников в проведении военной пропаганды и в непосредственной работе местных организаций ОСОАВИАХИМа, военных уголков при избах-читальнях, также в качестве руководителей спортивных кружков и кружков военных знаний [15. С. 243–244]. Во исполнение данного постановления политорганы и партийные организации РККА через специальные курсы готовили из красноармейцев, увольнявшихся в запас, военных руководителей. Кроме того, многие работники низового советского аппарата также являлись демобилизованными и активно проводили оборонную работу на местах. Только в 1929 г. Красная Армия через сеть спецкурсов подготовила 13 тыс. работников низового советского аппарата [13. С. 61].

В 1930-е гг. помощь ОСОАВИАХИМу со стороны РККА усилилась и совершенствовалась. Так, в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 29 августа 1934 г. «Об укреплении руководства со стороны городских и районных комитетов ВКП(б) постановкой политработы на учебных пунктах Осоавиахимы» в военно-учебные пункты были мобилизованы политруки из частей Красной Армии. Например, если до принятия этого постановления в регионах Среднего Поволжья их было 18, то к ноябрю 1934 г. выросло до 100 [13. С. 55].

Одним из звеньев в организации оборонно-массовой работы являлся ВЛКСМ, в котором в 1920–1930-е гг. были созданы структурные элементы централизованного руководства военной работой. Так, в марте 1936 г. при военно-физкультурном отделе ЦК ВЛКСМ, затем и на местах, были образованы четыре группы: ОСОАВИАХИМ, отдел физкультурного движения, шефство над флотом, РККА. Создание данных групп способствовало концентрации внимания комсомольских организаций на вопросах практического военного обучения и физической подготовки молодежи.

В свою очередь, программа X съезда комсомола (апрель 1936 г.) ставила конкретные задачи перед каждым комсомольцем призывного возраста: овладение исключительно меткой стрельбой, освоение одной из воинских специальностей.

Итак, к 1941 г. все основные звенья политической системы советского общества занимались вопросами организации массового военного обучения граждан, ставшими важнейшими в деятельности партийных, советских и военных органов, профсоюзов, комсомольских организаций.

Однако совершенствование оборонно-массовой работы в предвоенный период проходило на фоне утверждения административно-командных методов руководства, нарастания бюрократизации управленческих структур, усиления репрессий. Это, в свою очередь, вызвало противоречия между массовым подъемом, улучшением оборонной работы, с одной стороны, и ростом

бюрократизации, формализма и очковтирательства, с другой стороны. Отсутствие стимулов в работе, опора в основном на силу приказа в конечном итоге вредили и снижали эффективность работы.

Всё же, несмотря на противоречия в организации и осуществлении оборонно-массовой работы, в указанный период ОСОАВИАХИМу СССР и его Чувашской организации удалось решить главные задачи: обеспечить передачу военных знаний гражданам, обучить их военно-прикладным видам спорта и в конечном счете содействовать повышению обороноспособности страны. В свою очередь, Общество, по сравнению с состоянием к 1927 г., к началу Великой Отечественной войны имело четкую структуру, меняющуюся в соответствии с требованиями времени [1. С. 57]. Благодаря стройной организационной структуре оборонной организации удалось успешно распространить в массах свои идеи и в целом добиться поставленных задач. А впереди её и всю страну ждали тяжёлые и великие испытания.

Литература

1. Андреев О.В. Опыт оборонно-массовой работы в Советском государстве 1918–1927 гг. как фактор патриотического воспитания молодёжи // Полиэтничность России в контексте исторического дискурса и образовательных практик XIX–XXI вв.: сб. ст. Всерос. науч. конф. (III Арсентьевские чтения). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2010. С. 48–57.
2. Андреев О.В. Безопасность государства и личности: взаимосвязь и противоречия, исторические уроки в нравственном и правовом измерении // Правовые и нравственные аспекты обеспечения безопасности личности и государства на современном этапе политических и экономических санкций: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 15 апреля 2016 г.): в 2 ч. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. Ч. I. С. 18–23.
3. Васютин Ю.С. Военно-патриотическое воспитание. М.: Мысль, 1984. 172 с.
4. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (Далее – ГАСИ ЧР). Ф. 2754/1022. Оп. 1. Д. 3.
5. ГАСИ ЧР. Ф. 2757/1022. Оп. 1. Д. 41.
6. ГАСИ ЧР. Ф. 2757/1022. Оп. 1. Д. 43.
7. ГАСИ ЧР. Ф. 2757/1022. Оп. 2. Д. 1.
8. ГАСИ ЧР. Ф. 2757/1022. Оп. 3. Д. 26.
9. ГАСИ ЧР. Ф. 2757/1022. Оп. 3. Д. 35.
10. Жарков В.В. Политический аппарат Красной армии в 20-30-е гг. XX века // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 3. С. 52–58.
11. Золотов В.Т. Ореол романтики и мужества: 80-летию ОСОАВИАХИМ – ДОСААФ – РОСТО. Чебоксары: Новое время, 2007. 147 с.
12. История второй мировой войны. 1939–1945 гг.: в 12 т. М.: Воениздат, 1974. Т. 3. 504 с.
13. Казимиров И.Н. Оборонно-массовая работа в Среднем Поволжье в годы первых пятилеток: 1928–1937 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2005. 198 с.
14. Камышанов Ю.Ф. На службе Отечеству: 80-летию ОСОАВИАХИМ – ДОСААФ – РОСТО. М.: Витязь-Братишка, 2008. 359 с.
15. Коммунистическая партия Советского Союза о Вооруженных силах: Документы, 1917–1981 гг.: сб. / сост. Н.И. Савинкин, К.М. Боголюбов. М.: Воениздат, 1981. 622 с.
16. Краснознаменное оборонное: Книга о ДОСААФ, о возникновении и развитии общества, его военно-патриотической деятельности, его вкладе в укрепление оборонного могущества страны. М.: Изд-во ДОСААФ, 1971. 282 с.
17. Кузнецов Д.Н. По ленинским заветам. М.: Изд-во ДОСААФ, 1979. 55 с.
18. Мостинский И.В. Осоавиахим СССР. Сращивание общественной организации с государственным аппаратом (1935–1941 гг.) // Отечественная история. 2000. № 3. С. 2–5.
19. Соколова В.И. Молодежь Чувашии в 1917–1941 годы: исторический опыт социально-политической организации. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2005. 295 с.

АНДРЕЕВ ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (olevasandr@mail.ru).

O. ANDREEV

**CHUVASH ORGANIZATION OSOAVIAKHIM
(SOCIETY FOR THE PROMOTION OF AVIATION AND CHEMICAL DEFENSE)
IN THE SYSTEM OF DEFENSIVE-MASS WORK IN THE USSR 1927–1940**

Key words: defensive-mass work, military-patriotic organization, party-state institutions, Central Council, military commissariat, section, committee, group of military knowledge, military training facility, military-applied preparation, repressions, defensive capacity.

The article presents research results concerning formation and development of defensive-mass work in the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic in 1927–1940. Defensive public organization of Chuvashia is analysed in indissoluble connection with the process of formation and development of organizational structure and practical activity of Society for the Promotion of Aviation and Chemical Defense of the USSR. The role of central and local party-state, military organs, trade unions and komsomol in organization, implementation of measures aimed at strengthening the defensive capacity of the country in the pre-war period is given an estimate.

References

1. Andreev O.V. *Opyt oboronno-massovoi raboty v Sovetskom gosudarstve 1918–1927 gg. kak faktor patrioticheskogo vospitaniya molodezhi* [Experience of defensive-mass work in the Soviet state in 1918–1927 years as a factor of patriotic education of young people]. *Polietnichnost' Rossii v kontekste istoricheskogo diskursa i obrazovatel'nykh praktik XIX–XXI vv.: sb. st. Vseros. nauch. konf. (III Arsent'evskie chteniya)* [Proc. of Rus. Sci. Conf. «Polyethnicity of Russia in the context of historical discourse and educational practices XIX–XXI centuries»]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2010, pp. 48–57.
2. Andreev O.V. *Bezopasnost' gosudarstva i lichnosti: vzaimosvyaz' i protivorechiya, istoricheskie uroki v npravstvennom i pravovom izmerenii* [Safety of the state and personality: interconnection and contradictions, historical lessons in the moral and legal measuring]. *Pravovye i npravstvennye aspekty obespecheniya bezopasnosti lichnosti i gosudarstva na sovremennom etape politicheskikh i ekonomicheskikh sanktsii: sb. materialov Vseross. nauch.-prakt. konf. (Cheboksary, 15 aprelya 2016 g.): v 2 ch.* [Proc. of Sci. Conf. «Legal and moral aspects of providing of safety of personality and state on the modern stage of political and economic sanctions». 2 parts]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2016, part I, pp. 18–23.
3. Vasyutin Yu.S. *Voenno-patrioticheskoe vospitanie* [Military-patriotic education]. Moscow, Mysl' Publ., 1984, 172 p.
4. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. F. 2754/1022. Op. 1. D. 3.* [State Archives of Modern History of Chuvash Republic. Archives 2754/1022. Anagraph 1. Document 3].
5. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. F. 2757/1022. Op. 1. D. 41.* [State Archives of Modern History of Chuvash Republic. Archives 2757/1022. Anagraph 1. Document 41].
6. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. F. 2757/1022. Op. 1. D. 43* [State Archives of Modern History of Chuvash Republic. Archives 2757/1022. Anagraph 1. Document 43].
7. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. F. 2757/1022. Op. 2. D. 1* [State Archives of Modern History of Chuvash Republic. Archives 2757/1022. Anagraph 2. Document 1].
8. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. F. 2757/1022. Op. 3. D. 26.* [State Archives of Modern History of Chuvash Republic. Archives 2757/1022. Anagraph 3. Document 26].
9. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. F. 2757/1022. Op. 3. D. 35.* [State Archives of Modern History of Chuvash Republic. Archives 2757/1022. Anagraph 3. Document 35].
10. Zharkov V.V. *Politicheskii apparat Krasnoi armii v 20–30-e gg. XX veka* [The political apparatus of the Red Army in the 20–30 years of XX century]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Gazette], 2010, no. 3, pp. 52–58.
11. Zolotov V.T. *Oreol romantiki i muzhestva: 80-letiyu OSOAVIAKHIM – DOSAAF – ROSTO* [A halo of romance and courage: to the 80 year of OSOAVIAKHIM – DOSAAF – ROSTO]. Cheboksary, Novoe vremya Publ., 2007, 147 p.
12. *Istoriya vtoroi mirovoi voyny. 1939–1945 gg.: v 12 t.* [History of the Second World War. 1939–1945. 12 vols.]. M, Voenizdat Publ., 1974, vol. 3, 504 p.
13. Kazimirov I.N. *Oboronno-massovaya rabota v Srednem Povolzh'e v gody pervykh pyatiletok : 1928–1937 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Defensive-mass work in Middle Volga in the years of first five-year: 1928–1937 years: Absract of Diss.]. Penza, 2005, 198 p.
14. Kamyshyanov Yu.F. *Na sluzhbe Otechestvu: 80-letiyu OSOAVIAKHIM – DOSAAF – ROSTO* [On service to Homeland: to the 80 year of OSOAVIAKHIM – DOSAAF – ROSTO]. Moscow, Vityaz'-Bratishka Publ., 2008, 359 p.

15. *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza o Vooruzhennykh silakh: Dokumenty, 1917–1981 gg.: sb. / sost. N.I. Savinkin, K.M. Bogolyubov* [The Communist party of Soviet Union about Armed forces: Documents, 1917–1981 years: Collection]. Moscow, Voenizdat Publ., 1981, 622 p.

16. *Krasnoznamennoe oboronnoe: Kniga o DOSAAF, o vozniknovenii i razvitii obshchestva, ego voenno-patrioticheskoi deyatel'nosti, ego vklade v ukreplenie oboronnogo mogushchestva strany* [The Red Banner-defense: The Book of DOSAAF, about an origin and development of society, his military-patriotic activity, his contribution to strengthening of defensive power of country]. Moscow, DOSAAF Publ., 1971, 282 p.

17. Kuznetsov D.N. *Po leninskim zavetam* [According to Lenin's precepts]. Moscow, DOSAAF Publ., 1979, 55 p.

18. Mostinskii I.V. *Osoaviakhim SSSR. Srashchivanie obshchestvennoi organizatsii s gosudarstvennym apparatom. (1935–1941 gg.)* [Osoaviakhim of the USSR. Splicing public organization with the state apparatus. (1935–1941 years)]. *Otechestvennaya istoriya* [National history]. 2000, no. 3, pp. 2–5.

19. Sokolova V.I. *Molodezh' Chuvashii v 1917–1941 gody: istoricheskii opyt sotsial'no-politicheskoi organizatsii* [Young people of Chuvashia in 1917–1941: historical experience of socio-political organization]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2005, 295 p.

ANDREEV OLEG – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Russian History named after A.V. Arsenteva, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (olevasandr@mail.ru).

Ссылка на статью: Андреев О.В. Чувашская организация ОСОАВИАХИМа в системе оборонно-массовой работы в СССР в 1927–1940 годах // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 4. – С. 5–17.

УДК 355.582.2(091)(470)"1914/1918"
ББК Ц902г(2)532

А.О. БАГДАСАРЯН

РАЗРАБОТКА МЕРОПРИЯТИЙ ПО ЗАЩИТЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ ОТ НАПАДЕНИЯ С ВОЗДУХА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова: защита населения, авиация, бомбардировки, гражданская оборона, Первая мировая война.

В статье рассматриваются вопросы организации первых мероприятий по защите населения от воздушных ударов противника в годы Первой мировой войны и условия их выполнения. На основании представленного материала автор приходит к выводу, что впервые мероприятия гражданской обороны России стали проводиться с 1914 г. Опыт защиты крупных и важных городов от действий вражеской авиации, накопленный в 1914–1918 гг., позволил определить основной комплекс мероприятий системы гражданской обороны, в частности порядок создания штаба воздушной обороны, сети наблюдательных пунктов, отрядов для оказания пострадавшим первой медицинской помощи и др. Сформированные в рассматриваемый период органы противовоздушной обороны накопили полезный опыт решения задач по обучению населения, осуществлению мер по защите от фугасных и химических боеприпасов, организации добровольных отрядов для ликвидации последствий вражеских налетов.

В современной российской историографии отправной точкой в изучении истории становления и развития системы защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, включая и военное время, принято считать постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 4 октября 1932 г., утвердившее «Положение о противовоздушной обороне территории СССР» [14. С. 20]. Однако первые мероприятия по защите населения от нападения с воздуха начали проводиться с 3 марта 1918 г., когда от воздействия бомбардировки немецкой авиации пострадали жители Петрограда [2. С. 18]. Именно в этот день Комитет революционной обороны в воззвании «К населению Петрограда и его окрестностей» изложил правила поведения жителей в условиях воздушного нападения и довел до сведения населения перечень мероприятий по противохимической и противовоздушной обороне города [6. С. 76].

Основываясь на введённых в научный оборот документах и свидетельствах того времени, попытаемся ответить на вопрос, действительно ли была осуществлена бомбардировка города в марте 1918 г. и является ли эта дата днем, когда впервые в России были осуществлены мероприятия по защите населения от нападения с воздуха?

Известно, что предпринятое в феврале 1918 г. наступление немцев на Петроград потребовало от советского руководства принятия чрезвычайных мер для защиты столицы. 21 февраля по указанию Совета Народных Комиссаров РСФСР был организован Комитет революционной обороны Петрограда, взявший на себя в том числе и функции руководства воздушной обороной города [1. С. 115].

В периодических изданиях этого периода события 2 марта, когда германская авиация бомбардировала Петроград, описаны и истолковываются по-разному. Так в «Известиях Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Солдатских, Казачьих и Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» от 3 марта 1918 г. этот эпизод даётся без указания принадлежности самолета [7]. Ленинградский историк А.Л. Фрайман, ссылаясь на другие периодические издания этого периода («Правда» и «Красная газета»), утверждал, что бомбы были сброшены советским самолетом, осуществляющим тренировочный полет. Принятый за вражеский, он был обстрелян. Пилот, считая,

что его обстреливают контрреволюционеры, сбросил бомбу. По другим сведениям, бомбы с самолета не сбрасывались, а на улицы города упали несколько неразорвавшихся снарядов, выпущенных из зенитных батарей [16. С. 207].

Такая противоречивая информация даёт основания полагать, что в марте 1918 г. немцы так и не смогли осуществить бомбардировку Петрограда.

И действительно, 8 и 9 марта 1918 г. командование Первого корпуса РККА опубликовало опровержение, в котором говорилось, что несчастный случай, имевший место 2 марта, произошел в результате обстрела зенитными батареями нашего аэроплана, возвращавшегося с разведки и принятого за германский. Часть неразорвавшихся снарядов упали и разрывались на улицах города [12, 13].

Вместе с тем в это время германская авиация все же предпринимала попытки бомбить город. 3 марта три вражеских самолета вылетели в направлении на Петроград, но подверглись обстрелу зенитным огнем на подступах к столице и не достигли своей цели [16. С. 208].

Для защиты населения в опубликованном Комитетом революционной обороны воззвании «К населению Петрограда и его окрестностей» были прописаны правила поведения жителей при авианалете и применении противником химического оружия [7]. Определялся порядок создания штаба воздушной обороны, сети наблюдательных пунктов, отрядов для оказания пострадавшим первой медицинской помощи и др. Во исполнение данного указания в Петрограде были открыты специальные пункты, где жители города могли получить защитные маски, противогазовую жидкость и памятки с указаниями, как можно избежать отравления ядовитыми газами. Организация медицинской помощи пострадавшим была поручена Медицинскому совету при Министерстве внутренних дел Российской империи (с 1916 г. Главному управлению государственного здравоохранения) и Военно-санитарному ведомству. Они создавали медицинские пункты, команды для оказания первой помощи гражданам. Разработкой средств и способов противохимической защиты занимался Химический комитет Главного артиллерийского управления [8. С. 89].

Конкретные обязанности по противовоздушной и противохимической защите Революционный комитет обороны Петрограда возложил на жителей города и домовые комитеты. Об угрозе воздушного нападения население оповещалось сиренами и фабричными гудками. Вводились правила светомаскировки [8. С. 89].

Поэтому 3 марта 1918 г., когда было опубликовано воззвание, принято историками считать днем, когда впервые были проведены мероприятия по защите населения от действий авиации противника. Однако события Первой мировой войны свидетельствуют, что к тому моменту страна уже имела определенный опыт выполнения подобных мероприятий.

Приведём несколько примеров. Впервые в России мирные граждане подверглись непосредственному воздействию авиации и артиллерии противника осенью 1914 г. при проведении Варшавско-Ивангородской операции (15(28) сентября – 26 октября (8 ноября) 1914 г.).

Известно, что при её осуществлении были применены новые виды вооруженной борьбы, в частности первый опыт противовоздушной обороны большого города (Варшавы) [10. С. 62]. Первый воздушный налет на Варшаву был произведен германским дирижаблем уже 13(26) сентября 1914 г. [11. С. 57]. Не отвлекаясь на подавление огневых точек, летчики сосредоточили усилия на бомбардировке стратегических объектов. 26-27 сентября (9-10 октября) одиночные аэропланы бомбили Брестский и Петроградский вокзалы. 3 (16) октября на вокзалы и жилые кварталы было сброшено 15 бомб. Жертвами стали главным образом

мирные жители. Бомбардировки повторились 4 (17) и 6 (19) октября: было сброшено до 40 бомб. И хотя военные объекты не пострадали, в городе было убито и ранено до сотни мирных жителей, в том числе женщин и детей. Последний воздушный налет был совершен 10 (23) октября. Таким образом, в первых числах октября 1914 г. в результате действий германской авиации в Варшаве было убито и ранено свыше 233 лиц, включая 48 женщин и 14 детей [11. С. 58].

В ноябре 1914 г. немецкая авиация сбрасывала бомбы на Лодзь и Варшаву. В Лодзи была разрушена фабрика и повреждены жилые здания [9. С. 42].

В сложившихся новых обстоятельствах военными и гражданскими администрациями наравне с организацией противовоздушной обороны (тогда она называлась воздушная оборона. – А.Б.) начали проводиться мероприятия по защите населения от действий германской авиации. Так, в январе 1915 г. варшавским обер-полицмейстером генерал-майором П.П. Мейером были определены требования светомаскировки и проведён эксперимент по одновременному тушению во всем городе освещения. При этом жители обязаны были закрывать или плотно завешивать окна во всех помещениях [3].

Для защиты жителей города начальником гарнизона Варшавы генерал-лейтенантом А.Ф. Турбиным 19 февраля (3 марта) 1915 г. были доведены требования по действиям при налетах авиации (рекомендации покидать улицы, дворы и другие открытые площади и укрываться в помещениях) и определен порядок оповещения (три холостых выстрела из зенитных орудий) [4].

Опыт защиты крупных и важных городов от действий вражеской авиации не остался незамеченным. 30 ноября 1914 г. главнокомандующий 6-й армией, прикрывающей российскую столицу, генерал от артиллерии К.П. Фан-дер-Флит (19.07.1914–21.06.1915) в приказе за № 90 изложил специальную инструкцию, согласно которой впервые была организована воздушная оборона Петрограда и его окрестностей. Начальником воздушной обороны был назначен генерал-майор Г.В. Бурман, в прошлом инженер, сам разрабатывающий технические новинки для армии [5].

В помощь войскам в организации мер защиты привлекалось военное руководство Кронштадтской и Выборгской крепостей, а также гражданская администрация и полиция Петроградской губернии [6. С. 74].

В системе воздушной обороны Петрограда особое внимание уделялось вопросам защиты мирного населения, в первую очередь, по своевременному оповещению граждан о грозящей опасности с воздуха и соблюдению мер светомаскировки в темное время суток. Так, тушение уличного освещения Царского села и Петрограда, а также внутри административных и жилых зданий осуществлялось централизованно по указанию начальника воздушной обороны Петроградского района. Оно сопровождалось секретным паролем (по телефону), на основании которого все электрические станции прекращали свою работу. При этом уличное освещение отключалось через 15 минут, а внутреннее – через 30-40 минут по получении приказа. Одновременно останавливались трамвайное движение и работа газовых заводов, которые могли демаскировать клубами выпускаемого пара свое местонахождение [1. С. 131].

Менее чем через полгода с момента выхода приказа № 90, 29 апреля 1915 г. главнокомандующим 6-й армией была введена Инструкция для действия частей, назначенных для борьбы с воздушным противником. Она обязывала столичного градоначальника осуществлять посредством полиции оповещение населения с предупреждением скрываться в подьезды и ворота и не выходить на улицы. Предписывалось также направлять пожарные команды без вызова на место, куда будет брошена бомба [15].

Несмотря на то, что все усилия по защите территории и мирных граждан были сосредоточены в крупных городах и столице, уже в 1916 г. в прифрон-

товых районах страны также стали осуществляться первые мероприятия по защите населения. Сформированные тогда органы противовоздушной обороны были призваны решать задачи обучения населения принимать меры по защите от фугасных и химических боеприпасов, по организации добровольных отрядов для ликвидации последствий вражеских налетов [17. С. 10].

В годы Первой мировой войны мероприятия защиты населения успешно решались в таких городах, как Одесса, Минск, Двинск, Псков и т.д. Были сформированы пассивные способы воздушной обороны (местной обороны, а в последующем – гражданской обороны), включающие в себя светомаскировку, противопожарные средства, средства оповещения населения и т.п. [9. С. 6] Приведённые свидетельства позволяют утверждать, что уже к 1918 г. в стране начала оформляться и носить системный характер организация защиты населения и территорий.

Таким образом, можно сделать вывод, что мероприятия по защите населения от действий авиации противника стали проводиться не с 3 марта 1918 г., как это принято считать, а уже в первый год Первой мировой войны в рамках воздушной обороны. Это было вызвано появлением и быстрым развитием воздушного флота и требовало активного поиска мер, способов сохранения жизни и здоровья не только российской армии, но и мирного населения и инфраструктуры тыла страны.

Литература и источники

1. 100 лет Военно-воздушным силам России (1912–2012 годы) / [Лашков А.Ю., Голотюк В.Л.]; под общ. ред. В.Н. Бондарева. М.: Фонд «Русские Витязи», 2012. 792 с.
2. *Беляев А.Н.* Местная противовоздушная оборона страны в Великой Отечественной войне 1941–1945. М.: Военное издательство, 1985. 232 с.
3. Варшавский дневник. 1915. № 14, 14 (27) янв. С. 1.
4. Варшавский дневник. 1915. № 50, 19 фев. (3 мар.). С. 1.
5. *Голотюк В.* Организатор воздушной обороны Петрограда // Военно-промышленный курьер. 2005. № 43(110), 16 нояб.
6. *Гусев А.В.* Местная противовоздушная оборона областей центрального района России в предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны (1932–1945 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Кострома, 2013.
7. Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Солдатских, Казачьих и Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. 1918. № 39 (303), 3 марта. С. 2.
8. *Корнеев В.В.* Россия в период общемирового кризиса (1914–1918 гг.). Установление Советской власти. Химки: АГЗ МЧС России, 2012. 129 с.
9. *Лашков А.Ю.* Зарождение, становление и боевая деятельность объектовой противовоздушной обороны России накануне и в годы Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.
10. *Нелипович С.Г.* Бои в пригородах Варшавы в октябре 1914 года // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов: Научная книга. 2005. Вып. 6. С. 62–77.
11. *Нелипович С.Г.* Варшавское сражение. Октябрь 1914 г. М.: Цейхгауз, 2006. 64 с.
12. Немецких аэропланов не было // Красная газета. 1918. № 37, 9 марта. С. 1.
13. Опровержение // Правда. 1918. № 44(270), 8 марта (23 фев.). С. 4.
14. От МПВО к гражданской защите (исторический очерк) / под общ. ред. С.К. Шойгу. М.: УРСС, 1998. 336 с.
15. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2126. Оп. 1. Д. 234. Л. 44–45.
16. *Фрайман А.Л.* Революционная защита Петрограда в феврале – марте 1918 г. М., Л.: Наука, 1964. 323 с.
17. *Шульгин В.Н.* Теоретические основы инженерной защиты населения. М.: Академия ГПС МЧС России, 2007. 556 с.

A. BAGDASARYAN

DEVELOPMENT OF POPULATION PROTECTION MEASURES FROM AIR ATTACKS IN RUSSIA IN THE FIRST WORLD WAR

Key words: protection of population, aviation, bombardments, civil defense, First World War.

The article examines issues of organization of the first measures in population protection from air attacks in the First World War and conditions of their execution. On the basis of the presented material the author comes to conclusion that the first civil defense measures in Russia were conducted in 1914. The experience in protection of large and important cities from the actions of enemy aircraft, accumulated in 1914–1918, allowed to define a core set of civil defense system, in particular, the order of creating air defense headquarters, the network of observation posts, detachments to render victims first aid etc. Formed in the period under review air defense authorities accumulated useful experience in solving problems of population education, implementation of measures for protection against explosive and chemical ammunition, organization of voluntary groups to eliminate the consequences of enemy raids.

References

1. Bondarev V.N., ed. *100 let Voенno-vozdushnym silam Rossii (1912–2012 gody)* [100 years of the Russian Air Force (1912–2012)]. Moscow, Fond «Russkie Vityazi» Publ., 2012, 792 p.
2. Belyaev A.N. *Mestnaya protivovozdushnaya oborona strany v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945* [The Local Anti Aircraft Defense of the country in the Great Patriotic War 1941–1945]. Moscow, 1985, 232 p.
3. *Varshavskiy dnevnik* [Warsaw diary], 1915, no. 14, Jan. 14 (27), p. 1.
4. *Varshavskiy dnevnik* [Warsaw diary], 1915, no. 50, Feb. 19 (Mar. 3), p. 1.
5. Golotyuk V. *Organizator vozdushnoy oborony Petrograda* [The Chief of Anti Aircraft Defense of Petrograd]. *Voенno-promyshlennyy kur'er* [Military-industrial courier], 2005, no. 43(110), Nov. 16.
6. Gusev A.V. *Mestnaya protivovozdushnaya oborona oblastey tsentral'nogo rayona Rossii v predvoennyi period i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1932–1945 gg.): dis. ... d-ra ist. nauk* [The Local Anti Aircraft Defense of the regions in central part of Russia in the pre-war period and during the Great Patriotic War (1932–1945)]. Doct. Diss.] Kostroma, 2013.
7. *Izvestiya Vserossiyskogo Tsentral'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta Sovetov Rabochikh, Soldatskikh, Kazach'ikh i Petrogradskogo Soveta Rabochikh i Soldatskikh Deputatov* [Proceedings of all-Russian Central Executive Committee of Soviets of Workers', Soldiers', and Cossack Petrograd Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies], 1918, no. 39, Mar. 3, p. 2.
8. Korneev V.V. *Rossiya v period obshchemirovogo krizisa (1914–1918 gg.). Ustanovlenie Sovetskoy vlasti* [Russia in the time of the world crises (1914–1918). The development of the Soviet authority]. Khimki, 2012, 129 p.
9. Lashkov A.Yu. *Zarozhdenie, stanovlenie i boevaya deyatel'nost' ob'ektovoy protivovozdushnoy oborony Rossii nakanune i v gody Pervoy mirovoy voyny: dis. ... kand. ist. nauk* [The origination, formation and combat activities of Russian Anti-aircraft Defense before and during the First World War. Doct. Diss.]. Moscow, 2005, 234 p.
10. Nelipovich S.G. *Boi v prigorodakh Varshavy v oktyabre 1914 goda* [The battles near Warsaw in the October 1914]. *Voенno-istoricheskie issledovaniya v Povolzh'e* [Military-historical research in the Volga region]. Saratov, Nauchnaya kniga Publ., 2005, iss. 6, pp. 62–77.
11. Nelipovich S.G. *Varshavskoe srazhenie. Oktyabr' 1914 g.* [The Warsaw battle. October 1914]. Moscow, Tseykhgauz Publ., 2006, 64 p.
12. *Nemetskikh aeroplanov ne bylo* [There was no german's airplanes]. *Krasnaya gazeta*, 1918, Mar. 9, p. 1.
13. *Oproverzhenie* [Denial]. *Pravda*, 1918, Mar. 8 (Feb. 23), p. 4.
14. Shoygu S.K., ed. *Ot MPVO k grazhdanskoй zashchite (istoricheskiy ocherk)* [From LAAD to civil defense (the historical esse)]. Moscow, URSS Publ., 1998, 336 p.
15. *Rossiiskii gosudarstvennyi voенno-istoricheskii arkhiv. F. 2126. Op. 1. D. 234. L. 44-45* [Russian State Military-Historical Archives. Archive 2126. Anagraph 1. Document 234].
16. Frayman A.L. *Revolutsionnaya zashchita Petrograda v fevrale – marte 1918 g.* [The revolution protection of Petrograd in the February – March 1918]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964, 323 p.
17. Shul'gin V.N. *Teoreticheskie osnovy inzhenernoy zashchity naseleniya* [The theriottical base of the engineering protection of population]. Moscow, 2007, 556 p.

BAGDASARYAN ARTYOM – Candidate of Historical Sciences, Russian Agency for Disaster and Emergency Management, EMERCOM of Russia, Russia, Moscow (minikorobka2000@mail.ru).

Ссылка на статью: Багдасарян А.О. Разработка мероприятий по защите населения России от нападения с воздуха в годы Первой мировой войны // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 4. – С. 18–22.

УДК 316.653-057.87:314.7
ББК С545.1(2Рос.Чув)

И.И. БОЙКО

ШКОЛЬНИКИ И СТУДЕНТЫ ЧУВАШИИ О ПРОБЛЕМАХ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (по материалам социологического опроса)*

Ключевые слова: этнокультурное образование, чувашский язык, национальные традиции, использование языков, социологический опрос.

Исследование проблем этнокультурного образования, имеющее не только научное, но и прикладное значение, базируется на данных опроса 300 школьников и студентов Чувашии и является частью общероссийского проекта, разработанного Институтом этнологии и антропологии РАН. Центральным элементом этнокультурного образования является преподавание родных языков (в нашем конкретном случае – чувашского). Выявлено отношение молодежи к изучению чувашского языка в школах и вузах, показаны особенности ответов в зависимости от типов учебных заведений, места проживания, этнической принадлежности опрошенных. Показана практика использования русского и чувашского языков в повседневной жизни опрошенных, перечислены причины, по которым не используется чувашский язык. Рассмотрена реакция молодых людей на возможности их визуального ознакомления с материальными и духовными памятниками этнокультурного наследия российских народов путем организации экскурсий в художественные, краеведческие музеи, путешествий в другие города, туристических походов и др. Выявлена структура предпочтений реально изучаемых тем и предметов этнокультурной направленности. Сгруппированы мнения школьников и студентов о важности предметов этнокультурного цикла для сохранения традиций, чувства принадлежности к своему народу, любви к родному краю, получения специальных навыков и умений, которые пригодятся в жизни и т.д. В то же время обращено внимание на наличие определенной части опрошенных, которые достаточно индифферентны к подобным знаниям. Данные обследования подтвердили материалы других опросов о преобладании в республике доброжелательных отношений между представителями различных этнических групп, в первую очередь представляющих старожильческое население. Абсолютное большинство молодых людей не испытывали к себе негативного отношения из-за языка, национальности или религиозных предпочтений. Зафиксирована положительная или нейтральная реакция на предложенную проективную ситуацию о возможности совместного обучения с молодыми людьми из семей мигрантов. Все полученные ответы проанализированы с учетом этнической, гендерной принадлежности опрошенных, типов учебных заведений.

Институт образования в России играет важную роль в социализации молодежи, в том числе в формировании и укреплении общегражданской, региональных и этнических идентичностей. Значительное место при этом занимает этнокультурное содержание образовательного процесса, в первую очередь изучение родных языков. Эти задачи согласуются с одной из целей «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»: сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России¹. Они особенно важны для национально-территориальных образований, во многом определяют характер межэтнических отношений [8]. Иначе говоря, проблема весьма актуальна как для практических целей собственно образования, так и для проведения выверенной национальной политики. Сюжеты, имеющие непосредственное отношение к этнокультурному образованию, достаточно активно разрабатываются исследователями. Следует отметить труды Института социологии образования РАО [11] и Института этнологии и

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФГНФ научного проекта № 16–03–00356а.

¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Указом Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 [Электронный ресурс] // Президент России: офиц. сайт. URL // <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1644521>.

антропологии РАН [6]. В первом выпуске сборника «Этнокультурное образование. Методы социальной ориентации российской школы» (М., 2010) опубликован ряд статей, авторы которых анализируют отдельные аспекты данной проблемы, в том числе в следующих регионах Приволжского федерального округа: Марийской [10], Мордовской [7], Удмуртской [4] и Чувашской республиках [2], а также Самарской области [9]. Изданы труды, посвященные преподаванию чувашского языка в школах, его этнокультурным особенностям, авторами которых являются сотрудники Чувашского республиканского института образования [5] и Чувашского государственного института гуманитарных наук [3]. Особо следует отметить цикл статей Э. Алоса-и-Фонта, в которых анализируются различные сюжеты языковой ситуации в Чувашии [1]. В конце октября – начале ноября 2015 г. в Чувашии проведено специальное обследование по проблемам этнокультурного образования. Данный опрос является частью общероссийского проекта, реализуемого по программе Института этнологии и антропологии РАН и Распределенного научного центра по изучению межнациональных и межрегиональных проблем. Всего было опрошено 630 человек, и практически половину из них (300 человек) составили школьники (139 человек), учащиеся I курса педагогического колледжа (11 человек) и 150 студентов вузов. Полевая этап проведен в школах Чебоксар (№ 29, 37, гимназия № 5) а также в Тренькасах (Чебоксарский район) и Калайкасах (Моргаушский район). По критериям исследования ответы школьников объединены с результатами опроса 11 учащихся Чебоксарского педагогического колледжа. Студенты представлены Чувашским государственным университетом, Чувашским государственным педагогическим университетом, Чебоксарским кооперативным институтом. Свыше 95% этих респондентов учились на I и II курсах, что определялось задачами проекта. Среди них будущие филологи, историки, экономисты, географы, врачи, электроэнергетики, управленцы.

В учебных заведениях Чувашии ведущим предметом этнокультурного цикла является чувашский язык. Всего в республике к началу 2014/2015 учебного года функционировали 298 школ с чувашским (в начальных классах), 163 – с русским, 16 – с татарским языком обучения, в 3 школах с русским языком обучения изучается мордовский язык. Во всех школах с русским языком обучения, а также в школах, где изучается татарский и мордовский языки, учащиеся 1–9 классов изучают чувашский язык как государственный, учащиеся 10–11 классов – чувашскую литературу на русском языке. Иначе говоря, в «чувашских» селах младшие школьники обучаются на чувашском языке, в последующих классах – на русском, чувашский язык изучается как предмет до 9 класса. Язык и чувашская литература преподаются на чувашском языке. С этнокультурными особенностями чувашского народа школьники знакомятся на уроках культуры родного края, объединяющей сведения по истории, материальной и духовной культуре чувашей. Но следует учесть, что этот предмет не включен в основную программу и его изучают во многих, но не во всех школах. В обследованных вузах на первом курсе студентам преподается чувашский язык. Предметами этнокультурной направленности являются также история Чувашии, чувашская литература (для специализированных с этой точки зрения факультетов). Этнокультурные сведения могут быть сообщены слушателям и на других занятиях, поскольку преподаватели имеют возможность комментировать положения учебных курсов местными примерами. Речь идет, например, об археологии, этнологии, географии, экономике и др.

Рассмотрим далее ответы респондентов на некоторые вопросы анкеты. Почти половина респондентов (46,3%) предпочитает изучать чувашский язык в рамках стандартных программ, за его углубленное изучение высказалось ме-

нее пятой части (17,7%). Почти треть выразила негативное отношение к предмету: язык им совсем не нужен (11,7%) или же необходимо только общее знакомство с ним (19,0%). Наконец, 4,7% ратуют за обучение на национальном языке. Если рассмотреть ответы школьников и студентов, то окажется, что школьники выступают с более жестких позиций по отношению к предмету: среди них примерно одинаковые доли тех, кто считает, что национальный язык или не нужен (18,6%), или же изучать его надо только в рамках общего ознакомления (19,3%). За изучение языка в рамках стандартного варианта высказались 46,0%, за углубленное – 12,7%, и за обучение на национальном языке – 4,0%. Ожидаемой оказалась разница между учащимися гимназии № 5 и сельских школ. Среди первых доля тех, кто посчитал национальный язык ненужным для себя, равнялась 30,0%, что необходимо только общее знакомство с ним – 40,0%. Остальные 30,0% высказались за стандартное изучение национального языка. В двух сельских учебных учреждениях негативное отношение к «родному» языку высказали 9,8% учащихся, общее знакомство с ним предпочли 5,9%. Более половины (54,9%) отметили вариант в рамках стандартного изучения, углубленный вариант – 19,6% и обучение на нем – 9,8%. Обращает на себя внимание, что в сельских школах нет значительного преобладания тех, кто выступает за углубленное изучение чувашского языка или преподавания на нем, в них выше среднего показателя доля тех, кто предпочитает рамки стандартного обучения. Вполне возможно, что в данном случае играют роль несколько факторов, среди которых и выбор будущего вуза, своей специальности, и они, скорее всего, не связаны с чувашским языком. Нельзя упускать из виду и ситуацию, в которой оказались эти школьники в ходе опроса: все они знают чувашский язык с детства (или, по крайней мере, думают, что хорошо знают) и, примеряя проективную ситуацию на себя, полагают, что сегодняшняя практика изучения языка, осуществляемая в школе, для них является оптимальной. Если вести речь о студентах, то среди них заметные отличия от среднего распределения ответов на данный вопрос имеются в группе филологов, изучающих чувашский язык в педагогическом университете. Понятно, что, отвечая на вопрос о возможностях изучения национального языка, они проецировали данную ситуацию на свое настоящее и будущее. Среди них 75% высказались за углубленный вариант обучения, 20,0% – за стандартный вариант преподавания и 5,0% – за обучение на национальном языке. В других группах специальностей чаще всего большинство голосов (около 50–60%) набирал вариант, предполагавший стандартную систему обучения. Объяснимым выглядят показатели, характеризующие отношение к обучению национальным языкам со стороны русских и чувашей. Среди первых 48,5% посчитали, что им это не нужно или же следует вводить только общее знакомство с языками. В то же время 41,2% посчитали, что достаточно стандартного изучения, 4,1% – углубленного и 6,2% – обучения на национальных языках. В составе чувашей доля скептиков оказалась в три раза меньше – 16,4%, сторонников стандартных методов чуть больше (50,3%), за углубленный метод изучения высказались 27,8%, а за преподавание на национальных языках – 5,0%.

Практически две трети опрошенных (63,0%) в семье или при общении с друзьями и знакомыми используют русский и чувашский языки. Среди школьников из Калайкасинской и Тренькасинской сельских школ этот процент заметно выше и достигает 80,4%. Реально этот показатель еще больше, поскольку в ходе проверки в анкетах были замечены ошибки заполнения. С учетом коррекции, доля общающихся на родном языке у сельских школьников достигает 86,3%. Еще трое школьников, не общавшихся на родном языке из-за его плохого

го знания, в качестве родного назвали только один чувашский язык. Скорее всего, это позиция отдельных молодых людей, считающих, что общаться на русском языке «круче», чем использовать родной. Другое дело, что каждый по-своему оценивает собственные познания в родном языке, но, по крайней мере, в школе это происходит публично на уроках как чувашского языка в 8–9 классах, так и чувашской литературы в 10–11 классах. Отметим, что более трети тех респондентов, которые идентифицировали себя в качестве русских, используют в общении с друзьями и знакомыми кроме русского и другие языки (34,0%). Среди чувашей таковых оказалось 78,6%. Отметим также, что 45,1% школьников и студентов, для которых родным языком был русский, в разговорах с ближайшим окружением пользовались и другим языком. Те респонденты, у которых родным был чувашский язык, прибегали к его помощи в 79,0% при общении с друзьями и знакомыми. Если сравнить ответы школьников и студентов отдельно, то окажется, что среди первых доля тех, кто использовал другой (чувашский) язык, кроме русского, составляла 55,3%, а среди студентов – 70,1%. Если же учесть заметную долю сельских школьников, то окажется, что их городскими сверстниками чувашский язык применяется еще реже.

Среди причин, которые назывались теми респондентами, которые не пользовались родным языком в общении с друзьями и знакомыми, чаще других речь шла о незнании или плохом его знании – таким образом ответили 37,8%; еще 12,6% отметили ситуацию, когда окружающие не знают этого языка, а 5,4% испытывали стеснение при пользовании родным языком. В комментариях молодые люди отмечали практически те же проблемы с некоторыми нюансами: «редко общаюсь»; «многие меня не понимают, язык устаревает»; «привык общаться на русском»; «общаюсь на родном в кругу родных» и т.п.

Школьники и студенты в абсолютном большинстве активно поддержали возможность визуального изучения различных объектов культурного наследия народов России путем посещения музеев, выставок, туристических поездок и т.п. Лишь менее 3% респондентов посчитали, что такая возможность для них не является важной. Понятно, что для молодежи самым интересным вариантом расширения кругозора оказались поездки в другие города и регионы (77,0%). При этом первоначальный посыл о возможности изучения культур отходил на второй план, поскольку вариант ответа не связывал эти поездки с такой познавательной деятельностью. Шесть человек из десяти (59,7%) выбрали вариант, предполагающий туристические походы, которые, в свою очередь, давали возможность посмотреть, «как люди жили в старину». Примерно по 38% набрали два варианта: посещение музеев, выставок, театров, концертов коллективов и фестивалей народного творчества, народных праздников. По 2 студента упомянули такие возможности для повышения уровня знаний о культуре других народов, как проектная деятельность и общение с представителями других народов. Сумма ответов превышает 100%, поскольку можно было выбрать несколько ответов. Отмечены некоторые особенности в предпочтениях молодых людей и девушек. В составе первых доля желающих посещать музеи, выставки и театры ожидаемо была заметно меньше, чем у представительниц прекрасного пола (25,2 и 47,9%, соответственно). Достаточно неожиданным оказалось большее стремление девушек ездить в другие города и регионы (84,8% сравнительно с 67,4% у мужской части опрошенных).

Школьникам и студентам был предложен перечень из 13 предметов и тем, которые были бы им интересны при этнокультурном обучении. Все опрашиваемые проявили достаточно заметную активность, ответ не ограничивался названием только одного предмета или темы. В среднем каждый вы-

брал по 3,4 ответа. С небольшим, но достаточно ясным отрывом респонденты отдали предпочтение истории родного края (44,7%) и национальной кухне (42,3%). Далее шли следующие ответы: история народа/народов региона (34,0%), география родного края и национальные традиции, народные праздники (по 32,0%), национальные виды спорта (31,7%). С определенной долей условности достаточно близкая частота выбора объединила темы, связанные с народным искусством: национальная культура и искусство, народное изобразительное творчество, народные ремесла (по 27,0%), национальные танцы (21,7%), народная музыка, народное песенное творчество (по 19,7%). В еще одной группе оказались сюжеты, выбираемые примерно одинаково: традиционная религиозная культура (14,0%), традиционный костюм (12,0%) и традиционные виды труда и хозяйственная деятельность (по 11,7%). Ответы на вопрос выявили достаточно заметные гендерные предпочтения, когда разница в выборе определенных ответов достигает свыше 20 процентных пунктов (п.п.). Например, национальные традиции и праздники вызвали интерес у 18,5% мужчин и 43,0% женщин. Далее соответственно: национальные культура и искусство (17,8 и 34,6%); национальные танцы (9,6 и 31,5%); национальные виды спорта (48,2 и 18,2%) и национальная кухня (28,9 и 53,3%). Дистанция в 12-13 п.п. отмечается при выборе таких предметов, как география родного края (в пользу мужчин), национальная литература, народный эпос (в пользу женщин). Такие предметы, как история родного края, история народа, традиционная религиозная культура, вызывают примерно одинаковый интерес. Этническая принадлежность молодежи также проявилась в ряде предпочтений. Достаточно заметна она при фиксации интереса к истории родного края (русские – 46,4%, чувашаи – 51,6%), истории народа/народов региона (24,7 и 39,6%), национальным традициям (25,8 и 40,2%), народным танцам (12,4 и 28,3%), национальной кухне (32,9 и 45,3%).

По мнению школьников и студентов, знания о народной культуре необходимы прежде всего для сохранения традиций (48,3%), чтобы чувствовать принадлежность к своему народу (39,0%), они нужны всем, кто любит родной край (36,0%). Кроме того, речь идет о необходимости таких знаний для всех граждан России (25,3%), а также для получения специальных навыков и умений, которые пригодятся в жизни (24,0%). В то же время следует учитывать, что каждый седьмой, отвечавший на вопросы анкеты, был достаточно индифферентен к подобным знаниям: речь шла о том, что они не нужны или почти не нужны (1,6% от числа ответивших и 3,3% от общего количества выбранных ответов) или же они нужны для ознакомления (12,7 и 25,7%, соответственно). Заметная разница между молодыми людьми и девушками отмечена при выборе варианта о сохранении традиций – 39,3 и 55,8%, соответственно. В данном случае роль, на наш взгляд, играли не гендерные позиции, а избранная специальность, интересы будущих профессий. При этом нельзя не учитывать и влияние пола при выборе факультетов и специальностей. Среди девушек-студенток большая доля филологов, историков, а среди юношей – «технарей». Практически такая же разница в выборе этого варианта у студентов (58,0%) и школьников (38,7%). Вполне возможно, что следует учитывать и влияние возрастных особенностей: среди тех, кому не исполнилось 18 лет, вариант о традициях отметили 42,0%, а в более возрастной когорте (19–20 лет) – 57,0%.

Материалы обследования еще раз показали, что в республике традиционно преобладают спокойные отношения между людьми разных национальностей, религий. На вопрос о негативном к себе отношении из-за языка, национальной принадлежности, религии в течение последнего года 92,2% мо-

лодых людей ответили, что подобного напряжения они не испытывали. У 4,3% школьников и студентов были проблемы из-за языка, у 2,0% – из-за национальности и у 1,6% – в связи со своей религиозной принадлежностью. В основном положительно или достаточно сдержанно респонденты оценили проективную ситуацию, которая предполагала совместное обучение с мигрантами. К подобному совместному обучению 41,3% молодых людей отнеслись положительно, 5,7% – отрицательно, 52,0% – нейтрально. Комментарии к ответам практически не было. Один из опрошенных подчеркнул, что «положительно, если он (мигрант. – И.Б.) уважает культуру региона, в котором проживает, и делится своей культурой». Другой отметил, что приезжие не виноваты в той ситуации, в какой оказались. Возможно, автор комментария предполагал, что речь в основном идет о беженцах с Украины. Если сравнивать ответы на этот вопрос с учетом пола, вида обучения и национальности, то окажется, что заметных отличий не наблюдается. Максимальными они зафиксированы в ответах русских и чувашей. Среди первых было меньше положительно настроенных к совместной учебе (35,1%, у чувашей – 42,1%). В то же время нейтральное отношение преобладало среди русских (57,7%, среди чувашей – 51,6%). Доля отрицательно настроенных оказалась в двух основных по численности группах населения практически одинаковой (5,2% у русских и 5,7% – у чувашей). Распределение ответов на этот вопрос с учетом гендерного фактора и вида учебного заведения показало, что разница еще меньше, и дистанция не превышает 5 п.п. при выборе положительного отношения к совместной учебе с мигрантами.

Таким образом, среди проблем этнокультурного образования, выявленных в ходе данного обследования, значительное место занимают сюжеты, связанные с преподаванием чувашского языка в школах, в первую очередь с его обязательным включением в учебную программу. Для значительной части молодежи интересны этнокультурные особенности народов, проживающих в республике, возможности не только теоретического, но и визуального их изучения.

Литература

1. *Алос-и-Фонт Э.* Исследование языковой ситуации в Чувашской Республике / ЧГИГН. Чебоксары, 2015. 324 с.
2. *Бойко И.И.* Чувашия. Проблемы равенства языковых прав в образовании // Этнокультурное образование. Методы социальной ориентации российской школы / Ин-т этнологии и антропологии РАН. М., 2010. Вып. 1. С. 127–136.
3. *Бойко И.И., Харитонова В.Г.* Этнокультурный компонент в школьном образовании Чувашской Республики // Социокультурная динамика регионов в условиях финансово-экономического кризиса: сб. материалов VI Всерос. науч.-практ. конф. «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (7–9 октября 2010 г.). Ульяновск, 2010. С. 194–199.
4. *Воронцов В.С.* Поможет ли новый федеральный закон родному языку? // Этнокультурное образование. Методы социальной ориентации российской школы / Ин-т этнологии и антропологии РАН. М., 2010. Вып. 1. С. 180–188.
5. *Говорят ли дети по-чувашски? / А.П. Игнатьева, Ю.М. Виноградов, В.И. Игнатьева и др.* // Народная школа. 2009. № 4. С. 41–44.
6. *Лебедева М.Н., Лунова О.В., Стефаненко Т.Г.* Межкультурный диалог в школе. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2004. Кн. 1. 195 с.
7. *Мартыненко А.В.* Мордовия. Поликультурное образование // Этнокультурное образование. Методы социальной ориентации российской школы / Ин-т этнологии и антропологии РАН. М., 2010. Вып. 1. С. 61–67.
8. *Минеева Е.К.* Национально-территориальные образования и историческая обусловленность межэтнических отношений в Российской Федерации на современном этапе // Вестник Чувашского университета. 2013. № 4. С. 43–51.
9. *Мухаметшина Н.С.* Самарская область. Национально-религиозное образование в этнодисперсной среде // Этнокультурное образование. Методы социальной ориентации российской школы / Ин-т этнологии и антропологии РАН. М., 2010. Вып. 1. С. 81–95.

10. Шаров В.Д. Марий Эл. Школа – источник языка // Этнокультурное образование. Методы социальной ориентации российской школы / Ин-т этнологии и антропологии РАН. М., 2010. Вып. 1. С. 54–60.

11. Этнос. Идентичность. Образование // Труды по социологии образования / под ред. В.С. Собкина. М.: Ин-т социологии образования РАО, 2003. Т. IV, вып. VI. 268 с.

БОЙКО ИВАН ИВАНОВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (boyko2003@yandex.ru).

I. BOYKO

PUPILS AND STUDENTS OF THE CHUVASH REPUBLIC ABOUT THE PROBLEMS OF ETHNO-CULTURAL EDUCATION (BASED ON MATERIALS OF A SOCIOLOGICAL POLL)

Key words: ethno-cultural education, the Chuvash language, national traditions, the use of languages, a survey.

The study of ethno-cultural education problems, having not only scientific but practical significance as well, is based on survey data of 300 schoolchildren and students of the Chuvash Republic and is a part of a nationwide project developed by the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. A central element of ethno-cultural education is native languages teaching (in this specific case – the Chuvash language). The attitude of young people to the study of the Chuvash language at schools and universities is identified; the features of answers depending on types of educational institutions, place of residence, and ethnicity of the respondents are shown. The practice of using the Russian and Chuvash languages in the everyday life of respondents is illustrated; the reasons for not using the Chuvash language are listed. The reaction of young people to opportunities of their visual acquaintance with material and spiritual monuments of ethnic and cultural heritage of Russian peoples by organizing excursions to art, history museums, trips to other cities, hiking, etc is examined. The structure of preferences of really studied ethno-cultural themes and subjects is revealed. The opinions of schoolchildren and students about the importance of subjects of ethnic and cultural cycle in preserving traditions, feelings of community spirit, love of the native land, receiving the special skills and abilities that are useful in life, etc. are grouped. At the same time, attention is drawn to the presence of a certain part of respondents, who are quite indifferent to such knowledge. The survey data confirmed findings of other surveys on prevalence in the Republic of friendly relations between representatives of different ethnic groups, primarily representing long-term residents. An absolute majority of young people did not experience negative attitude to themselves because of language, nationality or religious preferences. A positive or neutral reaction to the proposed projective situation on possibility of co-education with young people from migrant families was recorded. All answers received were analyzed taking into account ethnic, gender sets of respondents, and types of educational institutions.

References

1. Alos-i-Font Ye. *Issledovanie yazykovoi situacii v Chuvashskoi Respublike* [Investigation of the language situation in the Chuvash Republic]. Cheboksary, 2015, 324 p.

2. Boyko I.I. *Chuvashiya. Problemy ravenstva yazykovykh prav v obrazovanii* [Chuvashia. Problems of equality of language rights in education]. *Etnokul'turnoe obrazovanie. Metody social'noi orientacii rossiiskoi shkoly* [Ethno-cultural education. Methods of social orientation of Russian schools]. Moscow, 2010, vol. 1, pp. 127–136.

3. Boyko I.I., Haritonova V.G. *Yetnokul'turnyi komponent v shkol'nom obrazovanii Chuvashskoi Respubliki* [Ethno-cultural component in school education in the Chuvash Republic]. *Sociokul'turnaya dinamika regionov v usloviyah finansovo-ekonomicheskogo krizisa. Sbornik materialov VI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferencii «Sociokul'turnaya evolyuciya Rossii i ee regionov»* [Proc. of Rus. Sci. Conf «Sociocultural evolution of Russia and its regions»]. Ulyanovsk, Ulyanovsk State Pedagogical Institute Publ., 2010, pp. 194–199.

4. Voroncov V.S. *Pomozhet li novyi federal'nyi zakon rodnomu yazyku?* [Will the new Federal law the native language?]. *Etnokul'turnoe obrazovanie. Metody social'noi orientacii rossiiskoi shkoly*. [Ethno-cultural education. Methods of social orientation of Russian schools]. Moscow, 2010, vol. 1, pp. 180–188.

5. Ignat'eva A.P., Vinogradov Yu.M., Ignat'eva V.I et al. *Govoryat li deti po-chuvashski?* [Say whether children in the Chuvash?]. *Narodnaya shkola* [Folk School], 2009, no. 4, pp. 41–44.

6. Lebedeva M.N., Luneva O.V., Stefanenko T.G. *Mezhkul'turnyi dialog v shkole* [the Intercultural dialogue at school]. Moscow, 2004, vol. 1, 195 p.

7. Martynenko A.V. *Mordoviya. Polikul'turnoe obrazovanie* [Mordovia. Multicultural education]. In: *Etnokul'turnoe obrazovanie. Metody social'noi orientacii rossiiskoi shkoly* [Ethno-cultural education. Methods of social orientation of Russian schools]. Moscow, 2010, vol. 1, pp. 61–67.

8. Mineeva E.K. *Natsional'no-territorial'nye obrazovaniya i istoricheskaya obuslovlennost' mezhetnicheskikh otnoshenii v Rossiiskoi Federatsii na sovremennom etape* [National-territorial formations and historical conditioning of inter-ethnic relations in Russia at the present stage]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2013, no. 4, pp. 43–51.

9. Muhametshina N.S. *Samarskaya oblast'. Nacional'no-religioznoe obrazovanie v etnodispersnoi srede* [Samara oblast. National-religious education in the Diaspora environment]. In: *Etnokul'turnoe obrazovanie. Metody social'noi orientacii rossiiskoi shkoly* [Ethno-cultural education. Methods of social orientation of Russian schools]. Moscow, 2010, vol. 1, pp. 81–95.

10. Sharov V.D. *Marii El. Shkola – istochnik yazyka* [Mari El Republic. School – the source language]. In: *Etnokul'turnoe obrazovanie. Metody social'noi orientacii rossiiskoi shkoly* [Ethno-cultural education. Methods of social orientation of Russian schools]. Moscow, 2010, vol. 1, pp. 54–60.

11. Sobkin V.S., ed. *Etnos. Identichnost'. Obrazovanie. Trudy po sociologii obrazovaniya* [Ethnicity. Identity. Education. Works on sociology of education]. Moscow, 2003, vol. 4, iss. 6, 268 p.

BOYKO IVAN – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Cheboksary, Russia (boyko2003@yandex.ru).

Ссылка на статью: Бойко И.И. Школьники и студенты Чувашии о проблемах этнокультурного образования (по материалам социологического опроса) // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 4. – С. 23–30.

УДК 94(470.343)
ББК 63.3(2РОС.МАР)

Н.А. ВАСКАНОВА, А.Г. ИВАНОВ

ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬИ ГОРНЫХ МАРИЙЦЕВ КОЗЬМОДЕМЬЯНСКОГО УЕЗДА В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Ключевые слова: крестьянская семья горных мариюцев, природно-климатические условия, территориально-географическое размещение, хозяйственные занятия, промыслы.

Данная статья посвящена вопросу о том, какое значение имели территориально-географическое размещение и природно-климатические условия в социально-экономическом развитии крестьянской семьи горных мариюцев Козьмодемьянского уезда Казанской губернии в XIX – начале XX вв. Исследование включает комплексный анализ историко-географических описаний, статистических обзоров, очерков, воспоминаний, заметок современников, материалов устного народного творчества рассматриваемого времени. Сделан вывод о том, что факторы окружающей среды в целом благоприятствовали развитию основных хозяйственных занятий крестьянской семьи горных мариюцев.

В жизнедеятельности крестьянской семьи, в том числе горных мариюцев, одно из первостепенных значений имели и природно-климатические условия. В отечественной историографии вопрос о роли природно-климатического и географического фактора в истории народов России можно встретить в трудах известных историков С.М. Соловьева [16], И.Д. Ковальченко, А.В. Муравьева [9], К.И. Козловой [10], Л.В. Милова [13] и др. На региональном уровне данная проблема раскрывается в работах С.М. Михайлова [14], А.С. Патрушева [15], А.Г. Иванова [4], А.А. Филонова [17] и др.

Традиционно основными занятиями крестьянской семьи горных мариюцев Козьмодемьянского уезда были земледелие, животноводство и различные промыслы. В разных частях уезда доля тех или иных хозяйственных отраслей различалась в зависимости от природно-географических условий. Козьмодемьянский уезд делился рекой Волгой на две неравные части – Горная и Луговая стороны, которые различались ландшафтом, почвенным покровом и климатическими условиями, что не могло не сказаться на плотности населения. Так, по данным 1890 г., на левобережье Волги плотность населения составляла всего 2,13 человек на 1 кв. версту, тогда как на правобережье – 43,13 человек на 1 кв. версту [10. С. 232]. Расстояние между селениями в левобережной части уезда колебалось от 15 до 60 верст [14. С. 114].

Центральное место в жизнедеятельности крестьянской семьи горных мариюцев занимало земледелие. Благоприятная почва на Горной стороне в целом способствовала развитию хлебопашества, садоводства и огородничества [4. С. 29]. Иная ситуация складывалась в левобережной части Козьмодемьянского уезда. Почва, отмеченная большей частью как сливной супесок, являлась малоплодородной [8. С. 356]. Поэтому в левобережной части уезда большинство крестьянских семей не имело возможностей полностью обеспечивать себя необходимым количеством хлеба, и содержало себя за счет охоты и других лесных промыслов [8. С. 369].

Согласно источникам, площадь пахотных земель в Козьмодемьянском уезде в середине XIX в. составляла 94 356 десятин, тогда как площадь лугов была меньше примерно в 7 раз (12 864 десятин) [7. С. 345]. К началу XX в. в Козьмодемьянском уезде 21% крестьянских хозяйств имели в среднем по 17,7 десятин земли, а 32,6% – только по 6,9 десятин [15. С. 11]. Главным кри-

териум аграрного развития здесь являлся крайне ограниченный срок полевых работ – «беспашенный период» составлял семь месяцев. На обработку пашни крестьянину давалось примерно 100 дней, 20-30 дней уходило на заготовление корма на зиму для домашнего скота. Одנותягловый крестьянин обработку больших участков пашен мог сделать исключительно за счет привлечения труда подростков и пожилых членов семьи [13. С. 1].

Как отмечают исследователи, основные посевные площади приходились под «серые хлеба»: озимую рожь, яровые овес и ячмень. В земледельческой системе основное место занимала трехпольная система [7. С. 122–123]. Нормы высева полевых культур также во многом зависели от почвенно-климатических условий. К примеру, в Козьмодемьянском уезде еще в середине XVIII в. на одну десятину в среднем высевалось по 2 четверти ржи, тогда как в Царевококшайском и Кокшайском уездах – по одной четверти [4. С. 135].

Для получения насущного хлеба крестьянская семья тщательно обрабатывала пашню, удобряя навозом. В целом урожайность крестьянских полей была «средственной» и «достаточной». Например, на Горной стороне урожайность ржи доходила до «сам–4–5», а яровой пшеницы, ячменя, полбы, овса – до «сам–6». Согласно источникам, хлеба хватало на продовольствие населения и еще оставалось около 2½ пудов на душу [3. С. 31].

Хлебопашество заметно дополнялось садоводством и огородничеством. Исстари Горная сторона славилась своими садами, в которых росло множество сортов садовых деревьев и ягодных кустарников (яблони, вишни, сливы, малина, смородина, крыжовник), приносящих неплохие доходы крестьянской семье горных марийцев. Лучшие сады имелись в таких населенных пунктах, как Малые Юльялы, Малый Сундырь, Юлькшерга, Носелы, Шелаболки и др. Согласно описаниям С.М. Михайлова, в 1852 г. по уезду насчитывалось 1 250 садов, 10 100 огородов, 10 000 яблонь, 8 000 вишен, 100 груш, 500 слив, 1 300 кустов смородины, 100 кустов крыжовника [8. С. 360]. В огородах также было посажено 40 000 четвертей капусты, 1000 четвертей свеклы, 5 000 четвертей огурцов, 500 четвертей бобов, 3 500 четвертей моркови, 5 000 четвертей картофеля, 300 четвертей репы. Часть продукции уходила на продажу [6. С. 150].

Крестьянские семьи получали большой доход от повсеместного выращивания хмеля (до 1328 огородов по уезду). В год можно было собрать до 1600 пудов хмеля [8. С. 343].

Следует отметить, что погодные условия не всегда позволяли собрать богатый урожай. По наблюдениям современников, два-три года в каждом десятилетии были неурожайными [3. С. 31]. Май часто бывал холодным и не благоприятствовал произрастанию хлебов, повреждал огородные растения и цветения садовых деревьев. К примеру, в 1852 г. в огородах замерзли посаженные огурцы [8. С. 356]. Сухая и теплая погода начиналась только в начале июля. Испарение в правобережной части по сравнению с таковым в завожской части уезда было значительно больше. При уборке хлеба часто бывали дожди и росы, которые образовывали ржавчину на яровых хлебах и делали их непригодными для кормления домашнего скота. Снег, выпадавший во время жатвы, мог погубить весь урожай. Именно так произошло летом 1852, 1858 гг. Тогда яровые хлеба скашивались косами «на зелене». В июле 1858 г. неожиданно выпавший снег погубил до 1000 четвертей хлеба в уезде. В зимнее время, наоборот, могла стоять теплая погода. Так, 6 января 1854 г. в Козьмодемьянске шел сильный дождь с градом и молнией [11. С. 128]. Малоснежные зимы в 1833, 1834, 1835, 1841, 1842 гг. повредили всходы озимых хлебов [7. С. 123]. Эти данные свидетельствуют о том, что пагубные природные явления в одночасье могли уничтожить урожай,

для получения которого крестьянская семья прикладывала все свои усилия. Нехватка хлеба была причиной голода среди населения.

Вторым по значимости хозяйственным занятием крестьянской семьи горных марийцев выступало животноводство. В основном скот разводили для собственных нужд. Крестьянская семья среднего достатка имела в хозяйстве не менее 1-2 лошадей, 1-3 коров и другой живности. В середине XIX в. в Козьмодемьянском уезде насчитывалось 25 155 лошадей, 14 504 рогатого скота, 35 028 овец, 7 506 свиней, 3 751 коз [8. С. 346]. На развитии скотоводства тяжело сказывался необычайно длительный период стойлового содержания скота (до 7 месяцев), что требовало больших запасов кормов. При этом период заготовки кормов проходил в сжатый и напряженный по времени цикл полевых работ и поэтому был крайне ограничен (20-30 суток) [13. С. 1]. В летнее время животноводство основывалось на вольном выпасе на паровых залежах, лесных рощистях, лугах и оврагах. Летний пастбищный период осложнялся, в особенности в лесном левобережье края, мириадами слепней, комаров, мошек, которые нападали на домашний скот и деревенских пастухов [7. С. 124].

На зиму крестьянская семья должна была успеть заготовить корма – сено, солому, мякину. Количество собранного сена также зависело от погодных условий: с заливной и болотистой десятины крестьянская семья могла собрать 20-30 и даже 50, а с полевой и дубравной десятины – 15-20 копен. По данным 1848 г., в Козьмодемьянском уезде было собрано 68 140 копен, тогда как в Царевококшайском уезде того же года – 180 000 копен. По наблюдениям современников, недостаток лугов и пастбищ крайне тяжело сказывался на развитии скотоводства [8. С. 346].

Следующим важным условием, оказавшим значительное влияние на жизнеобеспечение крестьянской семьи горных марийцев, являлось наличие обширных лесных богатств на территории Козьмодемьянского уезда. В середине XIX в. на левом берегу Козьмодемьянского уезда лесная площадь составляла 276 513 десятин 1 508 сажень, из них крестьянских и заказных – 143 684 десятин 1 891 сажень. На Горной стороне лесов насчитывалось всего 56 187 десятин, из них крестьянских – 40 041 десятин 104 сажени. В конце XIX в. под лесами находилось до 312 000 десятин, из них 285 000 казенного леса. В уезде также насчитывалось около 16 000 десятин корабельного леса [18. С. 616].

Близость к обширным лесным массивам позволяла крестьянской семье горных марийцев заниматься охотой, бортничеством, собирательством, наниматься на лесорубные и лесозаготовительные работы, что давало дополнительные доходы семье. Особенно прибыльной была охота в заволжской части уезда [9. С. 343]. Охота на белок, зайцев, лисиц, волков, медведей имела промысловое значение. Меха отвозили для продажи в другие города [4. С. 137].

Заметное место в крестьянском хозяйстве занимало бортничество, постепенно переходившее во второй половине XIX в. в пасечное пчеловодство. По данным 1853 г., в Козьмодемьянском уезде пчеловодством занимались 222 человека, количество ульев достигало 1360 [8. С. 370]. Полученный мед крестьяне широко использовали в быту, при приготовлении национальных блюд и напитков, а воск шел на изготовление свечей. Часть меда сбывалась скупщикам и купцам, которые вывозили их в Ирбитскую и Макарьевскую ярмарки, Архангельск, Пермь и другие города [3. С. 35].

Важным дополнением к крестьянским промыслам являлась рыбная ловля. В Козьмодемьянском уезде насчитывалось 67 рек, которые относились к речной системе Волги, и 60 озер, большинство которых было расположено по левой

стороне Волги. Крестьяне ловили рыбу (белуга, стерлядь, осетр, плотва, окунь, щука, судак, лещ и др.) для своих нужд и частично для продажи [17. С. 616].

В приволжских селениях Козьмодемьянского уезда, где ощущалось недостаточное количество плодородной земли, судопромышленность и бурлачество преобладали над земледелием. Ежегодно в судовую работу по Волге уходило от 4 до 5 тысяч человек. В таком случае все полевые работы либо выполнялись женщинами, либо мужчины возвращались домой к началу рабочей поры [8. С. 369].

Наличие крупной водной артерии Волги и проходившего через Козьмодемьянский уезд Московского тракта способствовало развитию торговли. В уезде проходили различные ярмарки и базары, на которых крестьяне продавали мед, воск, хмель, пушнину, изделия лесной промышленности. Большое значение имела ежегодно проводившаяся Козьмодемьянская лесная ярмарка, по своему обороту уступавшая лишь Архангельской лесной ярмарке [13. С. 3].

Как видно, весь уклад крестьянской жизни горных марийцев был связан с условиями окружающей среды. Многовековые наблюдения за изменениями в природе можно проследить также и в народном фольклоре горных марийцев. Сохранилось множество пословиц, поговорок, примет о различных признаках, указывающих на предстоящие явления погоды. К примеру, мысль о круглогодичной смене временных отрезков можно проследить в следующей поговорке: «Шартялеш кечы ик ведыра сыра йуаш кужемеш» – «К Рождеству день прибавляется настолько, что хватает времени на питье одного ведра домашнего пива». Наблюдения были и о предстоящем урожае: «Каля паша гынь, нужда и лиэш» – «Коли мыши расплодятся, год станет неурожайным» [1. С. 217].

Многоотраслевое хозяйство крестьянской семьи горных марийцев, таким образом, было максимально приспособлено к окружающей среде. Влияние климата и почв оставалось решающим. В целом природно-географический фактор способствовал развитию крестьянского хозяйства горных марийцев Козьмодемьянского уезда в XIX – начале XX вв. Однако нельзя забывать о том, что в любой момент тяжелейший труд крестьянской семьи мог стать напрасным из-за пагубных природно-климатических условий. История человека всегда была тесно связана с историей природы.

Литература

1. Грачева Ф.Т. Горномарийские пословицы, поговорки, приметы, загадки. Йошкар-Ола: Изд-во Мар. ун-та, 2001. 236 с.
2. Иванов А.Г., Николаев Г.А. Козьмодемьянская лесная ярмарка: к постановке проблемы // Марийский археографический вестник. 2008. С. 4–17.
3. Иванов А.Г. Марийцы Поволжья и Приуралья / Республиканское полиграфическо-редакционное объединение Мининформпечати Республики Марий Эл. Йошкар-Ола, 1993. 104 с.
4. Иванов А.Г. Очерки по истории Марийского края XVIII века. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1995. 368 с.
5. Иванов А.Г. Природно-географический фактор в истории Марий Эл // Современное состояние окружающей среды в Республике Марий Эл и здоровье населения. Йошкар-Ола, 2011. С. 3–8.
6. Иванов А.Г., Николаев Г.А. Крестьянское хозяйство и быт горных марийцев в описаниях Х.А. Родионова начала XX века // Марийский археографический вестник. 2008. С. 148–159.
7. Иванов А.Г., Сануков К.Н. История Марий Эл. Йошкар-Ола: Изд-во Мар. ун-та, 2015. 300 с.
8. История Марийского края в документах и материалах / сост.: Г.Н. Айплатов, А.Г. Иванов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1992. 564 с.
9. Ковальченко И.Д., Муравьев А.В. Историческая география СССР. М.: Высш. шк., 1973. 196 с.
10. Козлова К.И. Очерки этнической истории марийского народа. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. 344 с.
11. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Казанская губерния. СПб.: Военная типография, 1861. 622 с.

12. Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Вып. 10. Уезд Козьмодемьянский. Казань: Типография губернского правления, 1891. 381 с.
13. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998. 576 с.
14. Михайлов С.М. Собрание сочинений. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. 510 с.
15. Патрушев А.С. Марийская деревня в период империализма. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1974. 270 с.
16. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. СПб.: Общественная польза, 1851–1879. Кн. 3. Т. XIII. 746 с.
17. Филонов А.А. Очерки по истории лесного хозяйства Марийского края. Йошкар-Ола: Изд-во Мар. ун-та, 2014. 296 с.
18. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб.: Семеновская типо-литография, 1895. Т. 15а. 504 с.

ВАСКАНОВА НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА – аспирантка кафедры отечественной истории, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (koroleka22@mail.ru).

ИВАНОВ АНАНИЙ ГЕРАСИМОВИЧ – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (anani@marsu.ru).

N. VASKANOVA, A. IVANOV

NATURAL AND GEOGRAPHICAL CONDITIONS OF DAILY LIVING ACTIVITIES OF A RURAL FAMILY OF MOUNTAIN MARI IN KOZMODEMYANSK COUNTY IN THE XIX CENTURY – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Key words: a rural family of Mountain Mari, natural and climatic conditions, territorial and geographic distribution, economic activities, trade.

The given article is devoted to the question of what significance had territorial and geographical placement and natural-climatic conditions in social and economic development of a rural family of Mountain Maris of Kozmodemyansk County of Kazan province in XIX – the beginning of the 20th centuries. The research includes a complex analysis of historical and geographical descriptions, statistical reviews, sketches, memoirs, notes of contemporaries, materials of folklore of the considered time. The conclusion is drawn that environment factors in general favored to development of the main economic activities of a rural family of Mountain Maris.

References

1. Gracheva F.T. *Gornomariiskie poslovitsy, pogovorki, primety, zagadki* [Gornomariysky prov-erbs, sayings, signs, riddles]. Yoshkar-Ola, Mari University Publ., 2001, 236 p.
2. Ivanov A.G. *Koz'modem'yanskaya lesnaya yarmarka: k postanovke problemy* [Kozmode-myansky forest fair: to statement of a problem]. *Mariiskii arkhograficheskii vestnik* [Mari arkhograficheskyy bulletin], 2008, pp. 4–17.
3. Ivanov A.G. *Mariitsy Povolzh'ya i Priural'ya* [Maris of the Volga region and Cisural area]. Yoshkar-Ola, 1993, 104 p.
4. Ivanov A.G. *Ocherki po istorii Mariiskogo kraya XVIII veka* [Sketches on history of the Mari edge of the 18th century]. Yoshkar-Ola, Mari Publishing House, 1995, 368 p.
5. Ivanov A.G. *Prirodno-geograficheskii faktor v istorii Marii EI* [Natural and geographical factor in the history of Mari EI]. *Sovremennoe sostoyanie okruzhayushchei sredy v Respublike Marii EI i zdorov'e naseleniya* [Current state of environment in the Republic of Mari EI and health of the population]. Yoshkar-Ola, 2011, pp. 3–8.
6. Ivanov A.G., Nikolaev G.A. *Krest'yanskoe khozyaistvo i byt gornyykh mariitsev v opisaniyakh X.A. Rodionova nachala XX veka* [Rural economy and family life of Hill Maris in H.A. Rodionov's descriptions of the beginning of the XX century]. *Mariiskii arkhograficheskii vestnik* [Mari arkhograficheskyy bulletin], 2008, pp. 148–159.
7. Ivanov A.G., Sanukov K.N. *Istoriya Marii EI* [History of Mari EI]. Yoshkar-Ola, Mari University Publ., 2015, 300 p.
8. *Istoriya Mariiskogo kraya v dokumentakh i materialakh* [History of the Mari edge in documents and materials]. Sostaviteli G.N. Aiplatov, A.G. Ivanov. Yoshkar-Ola, Mari Publishing House, 1992, 564 p.
9. Koval'chenko I.D., Murav'ev A.V. *Istoricheskaya geografiya SSSR* [Historical geography of the USSR]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1973, 196 p.

10. Kozlova K.I. *Ocherki etnicheskoi istorii mariiskogo naroda* [Sketches of ethnic history of the Mari people]. Moscow, Moskow Universitet Publ., 1978, 344 p.

11. *Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Kazanskaya guberniya* [The materials for geography and statistics of Russia collected by general-staff officers. Kazan province]. St. Petersburg, V1861, 622 p.

12. *Materialy dlya sravnitel'noi otsenki zemel'nykh ugodii v uezdakh Kazanskoj gubernii. Vypusk 10. Uezd Koz'modem'yanskii* [Materials for comparison purposes land grounds in counties of the Kazan province. Release 10. County Kozmodemyansky]. Kazan, 1891, 381 p.

13. Milov L.V. *Velikorusskii pakhar' i osobennosti rossiiskogo istoricheskogo protsessa* [Great Russian plowman and features of the Russian historical process]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1998, 576 p.

14. Mikhailov S.M. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2004, 510 p.

15. Patrushev A.S. *Mariiskaya derevnya v period imperializma* [The Mari village in the period of imperialism]. Yoshkar-Ola, Mari Publishing House, 1974, 270 p.

16. Solov'ev S.M. *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen* [History of Russia since the most ancient times]. St. Petersburg, 1851–1879, book 3, vol. XIII, 746 p.

17. Filonov A.A. *Ocherki po istorii lesnogo khozyaistva Mariiskogo kraja* [Sketches on history of forestry of the Mari edge]. Yoshkar-Ola, Mari University Publ., 2014, 296 p.

18. *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona*. Vol. 15a. [Brockhaus and Efron's encyclopedic dictionary]. St. Petersburg, 1895, 504 p.

VASKANOVA NADEZHDA – Post-Graduate Student of Russian History Department, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola (koroleka22@mail.ru).

IVANOV ANANY – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Russian History Department, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola (anani@marsu.ru).

Ссылка на статью: Васканова Н.А., Иванов А.Г. Природно-географические условия жизнедеятельности крестьянской семьи горных марийцев Козьмодемьянского уезда в XIX – начале XX веков // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 4. – С. 31–36.

УДК 070:654.191-053.67(470.344)
ББК Ч603.158.4(2Рос.Чув)

А.Д. ГАВРИЛОВ, А.М. ЭШКЕРАТ

РЕГИОНАЛЬНОЕ РАДИОВЕЩАНИЕ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ (на примере Чувашской Республики)

Ключевые слова: средства массовой информации, региональное радиовещание, молодежная радиопередача, молодежная аудитория, конвергенция, Чувашская Республика.

В статье рассматриваются и характеризуются процессы становления и эволюции радиовещания для молодежной аудитории в постсоветском пространстве в Чувашской Республике. Авторами предпринимается попытка уточнения специфики молодежных радиопередач, их места и роли в региональной программной сетке. Отдельно анализируются радиопроекты на русском и чувашском языках. В ходе исследования установлено, что выпуском молодежных радиопрограмм в республике в основном занимаются государственные профессиональные радиостанции и на текущем этапе особенно активизируются студенческие редакции самостоятельных радиостанций при образовательных организациях. Авторами выявлены основные кризисные стороны современной радиопродукции для молодежного сегмента в Чувашии, значимые векторы ее развития. Дана комплексная оценка молодежной аудитории региона на основе обобщения исследования ученых Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Социально-экономическая модернизация российского общества и общемировой научно-технический прогресс последних двух десятилетий неукоснительно привели к трансформации отечественной медиасистемы, появлению новых форм массовой коммуникации. Такие традиционные средства массовой информации, как печать, радиовещание и телевидение, оказались в кризисном положении и были вынуждены освоить цифровые механизмы работы в целях сохранения и привлечения аудитории. Процесс медиаконвергенции, как его именуют теоретики высшей школы, требует от журналистов особых мультимедийных компетенций и по сей день выступает своеобразной «проверкой на прочность» главным образом для региональных профессиональных сообществ [3. С. 289]. Овладение инструментарием интернет-среды, интеграция с социальными сетями и сервисами становится частью привычного образа жизни современных масс-медиа.

Молодежь, как наиболее чуткая ко всему новому и технологичному часть социума, сегодня служит для СМИ прямым ориентиром. Ее реакция на медиапродукцию и возможная к ней приверженность показывают, как меняется рынок, в каком направлении двигаться дальше. Понимание того, что и почему вызывает интерес у нового поколения потребителей информации, позволяет СМИ выстраивать успешную концепцию, а затем и расставлять акценты. Стереотип о том, что аудитория развлекательного контента всегда будет шире познавательного, уходит в прошлое. Исследователь медиаобразования молодежи И.В. Жилавская подчеркивает, что «медiateкст воспринимается современными молодыми людьми одновременно и как смысл, и как графический образ, и как вершина информационного айсберга. Молодежь желает все и сразу. Мультимедийность, интерактивность, гипертекстовость – главные характеристики современного медiateкста, который востребован молодежной аудиторией» [5. С. 127]. Поэтому, если продукт СМИ сочетает в себе все перечисленные выше свойства, выделяется качеством, он обязательно привлечет к себе внимание аудитории, и в первую очередь молодежной.

Современное радиовещание, изменив привычную практику работы, сумело приблизиться к былым позициям популярности. В отраслевом докладе Фе-

дерального агентства по печати и массовым коммуникациям «Радиовещание в России в 2015 г. Состояние, тенденции и перспективы развития» отмечается, что «величина аудитории радио в России продолжает оставаться значимой. В среднем хотя бы раз в сутки к радио обращались 64% населения, а хотя бы раз в неделю – 89%. Россияне продолжают слушать радио. Среднесуточное время радиослушания составило 252 мин, или 4 ч 12 мин. Это сопоставимо со среднесуточным временем телевизионных просмотров»¹. Радиовещание вновь становится востребованным молодежью, в эфире реализуются специальные креативные проекты для этого сегмента аудитории. Исследователи молодежных СМИ по способу производства выделяют два вида медиапродуктов – официально зарегистрированные (профессиональные) и самодельные (корпоративные) [5. С. 128–129; 6. С. 71–72; 7. С. 308–310]. Первые создаются профессиональными журналистами и редакциями и транслируются на FM-волнах, вторые выпускаются инициативными молодыми людьми при образовательных организациях и зачастую существуют в виде аудиоподкастов. Их одновременное функционирование в информационном пространстве позволяет отражать интересы большего числа слушателей. Данная практика начала широко распространяться в различных регионах России в постсоветское время. Интересная обстановка сложилась в Чувашской Республике.

Чувашская Республика (Чувашия) – субъект Российской Федерации, расположенный в Волго-Вятском регионе, центре европейской части страны. На ее территории проживают чуваша, русские, татары, мордва, марийцы и многие другие национальности. Государственными являются чувашский и русский языки. По данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Чувашской Республике – Чувашии (Чувашстата), «на 1 января 2015 года численность населения составляет 1 238 071 человек, среди них молодежи (лиц в возрасте от 15 лет до 29 лет) – 244 284 человек» [10]. Данная категория составляет 20% населения Чувашии, примерно 40% из них – экономически активны.

На сегодняшний день отсутствует научная литература, полноценно отражающая исторический опыт развития молодежных радиопроектов в нашей стране. При проведении исследования для нас несомненную значимость имели работы по теории масс-медиа декана факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова Е.Л. Вартановой [3]. В некоторых трудах последнего десятилетия мы обнаружили характеристику отдельных молодежных радиопередач и анализ особенностей их контента. Это прежде всего научные изыскания И.В. Жилавской [5], А.В. Колесниковой [6], А.В. Куприяновой [7]. Важно отметить, что специализированно изучением локальной истории радиопрограмм для молодежи в Чувашии ранее никто из ученых не занимался. Видный теоретик чувашской радиожурналистики Г.В. Вакку в своих публикациях затрагивал вопросы становления и развития чувашского радиовещания лишь в целом. В данной работе нами предпринята попытка восполнить этот пробел посредством сравнительного, системного, прогностического научных методов, а также метода логического анализа.

В 2014 г. ученые Чувашского государственного института гуманитарных наук – ЧГИГН (И.И. Бойко, И.Е. Ильин, Эктор Анос-и-Фонт, В.Г. Харитонов) провели обследование студенческой и учащейся молодежи Чувашской Республики, опросив более 700 студентов вузов, а также учащихся учреждений среднего и

¹ Радиовещание в России в 2015 году. Состояние, тенденции и перспективы развития: отраслевой доклад [Электронный ресурс] // Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям: офиц. сайт. URL: <http://www.fapmc.ru/rospechat/activities/reports/2016/radio.html> (дата обращения: 15.07.2016).

начального профессионального образования. Предметом их исследования выступили основные формы идентичности молодежи, их социальное самочувствие, уровень межэтнических и религиозных отношений в регионе и т.п. По завершении исследования ЧГИГН подготовил печатный труд с данными аналитических материалов [2]. Результаты анкетирования показали, что молодежь Чувашской Республики – равнодушная к проблемам общества часть населения, находящаяся в поиске возможностей для реализации собственного потенциала и стремящаяся к социально-экономическому благополучию, политической стабильности, культурному и нравственному росту. К числу социальных проблем, волнующих молодых людей больше всего, респонденты отнесли низкий уровень доходов (50,1%), безработицу (43,7%), рост цен, инфляцию (43,5%) и т.д. Основными источниками, распространяющими радикальные идеи среди молодежи, молодые люди называют «некоторые форумы в Интернете, материалы отдельных социальных сетей» (46,7% опрошенных) и «провокационные публикации и передачи в СМИ» (34,7% человек). Результаты исследования показывают, что поведение молодых людей прямо пропорционально транслируемым установкам в масс-медиа и сети Интернет, что подтверждает значимость СМИ и СМК в жизни современной молодежи и потребность разработки и внедрения специальной программы по медиабезопасности.

Наше внимание привлекли также следующие показатели: 54,5% молодежи считают своим родным одновременно чувашский и русский языки, только чувашский язык – 7,0% опрошенных, а только русский язык – 30,3% человек. Стоит признать, что большая часть респондентов владеет исключительно русским языком, но факт двуязычия нынешнего молодого поколения подчеркивает необходимость выпуска информационной продукции для молодежной аудитории в Чувашской Республике и на русском, и на чувашском языках.

В современном мире продукция молодежного радиовещания в процессе формирования информационного поля, благоприятного для развития подрастающего поколения, играет значимую роль и выполняет важную социальную функцию. Однако реальная практика свидетельствует о наличии определенных недостатков в реализации данного направления.

В республике выпускаются молодежные радиопередачи на русском и чувашском языках. Однако их положение в региональном медиаполе неодинаково. Реализацией чувашскоязычных молодежных радиопроектов занимаются лишь профессиональные государственные радиостанции. Образовательные организации, при которых вещают самодеятельные, любительские радиоканалы, создаваемые ученическим активом, оставляют их без внимания. Об этом свидетельствуют данные мониторинга информационной сети образовательных организаций Чувашии, которое провело в январе-феврале 2015 г. Министерство образования и молодежной политики Чувашской Республики. По их запросу сведения предоставили 6 учреждений высшего образования и 19 учреждений профессионального образования. В ходе мониторинга стало известно, что на базе образовательных организаций выпускается 20 студенческих газет и осуществляет вещание лишь 1 радиостанция. Единственная корпоративная (русскоязычная) радиостанция принадлежит БПОУ ЧР «Чебоксарский экономико-технологический колледж». Она называется «Радиорубка ЧЭТК». Ее выпуски выходят два раза в месяц, над ними работают три сотрудника студенческой редакции. В последние десятилетия открытие на базе образовательных организаций персональных радиостанций является общемировой тенденцией [6. С. 71]. Свое радио в ближайшее время планируют запустить и два главных высших учебных заведения Чувашии – ФГБОУ ВО «ЧГУ имени И.Н. Ульянова» (в 2016/17 учебном году) и ФГБОУ ВО «Чувашская ГСХА» (в 2017/18 учебном году). Следует заметить, что рассматри-

вать радиопродукты самодетельных молодежных масс-медиа наряду с радиопроектами профессиональных, официально зарегистрированных радиостанций, неправомерно.

Всего «по состоянию на 16.03.2016 г. в Чувашской Республике зарегистрировано 173 средства массовой информации: из них 138 – периодических печатных изданий (97 газет, 36 журналов, 2 бюллетеня, 2 сборника, 1 каталог), 33 – электронных СМИ (2 радиопрограммы, 12 телеканалов, 18 радиоканалов, 1 электронное периодическое издание), а также 2 информационных агентства» [8]. Из ныне функционирующих 2 радиопрограмм и 18 радиоканалов лишь две радиостанции имеют собственные проекты для молодежи: «Радио Чувашии» (чуваш. Чăваш радио) – передачу на русском языке «Остров молодых» (с 1997 г.) и передачу на чувашском языке «Араскал» (Счастливая судьба) (с 1969 г.); «Национальное радио Чувашии – Чăваш Ен» (чуваш. Чăваш наци радиовё) – русскоязычные передачи «Перекресток» (с 2010 г.) и «Студенческий городок» (с 2012 г.), чувашскоязычную передачу «Шурăмпуç» (Рассвет) (с 2010 г.).

1. Радиостанция «Радио Чувашии» – подразделение Государственной телевизионной и радиовещательной компании «Чувашия» (ГТРК «Чувашия»). Она осуществляет регулярное вещание с марта 1932 г. на русском и чувашском языках по всей территории Чувашской Республики. «Радио Чувашии» транслируется на волнах государственных радиостанций «Радио России» и «Маяк» (придерживается их формата), а также в сети Интернет.

Проект «Остров молодых» – информационно-познавательная радиопрограмма для молодежи на русском языке, впервые вышедшая в эфир «Радио Чувашии» в 1997 г. На сегодняшний день она является самым продолжительным русскоязычным молодежным радиопроектom в Чувашской Республике. По мнению продюсеров вещания «Радио Чувашии», цель «Острова молодых» – ненавязчиво помочь молодежи сделать правильный выбор в жизни [9]. За 19 лет вещания радиопередача ни разу не прерывалась, а ее ведущими в разные годы были профессиональные журналисты Эльвира Тимофеева (автор проекта), Надежда Степанова, Екатерина Степанова. В 2001 г. сократили хронометраж – с 25 до 15 минут, в 2012 г. совершили трансформацию вещания – от прямых эфиров к предварительной записи. Традиционной осталась периодичность выхода выпусков – 1 раз в неделю. Исследователи молодежных радиопередач Чувашии постсоветского времени А.Д. Гаврилов и Э.В. Никитина отмечают: «Ознакомившись со сценариями программы, мы можем охарактеризовать ее как радиокладесь полезных советов» [4. С. 81]. На ранних этапах развития программа имела рубрики «Перед зеркалом» (о правильном уходе за собой), «Психология общения» (о том, как стать «мастером» общения, приятным собеседником), «Учимся хорошим манерам» (о правилах этикета), «Если завтра война» (о патриотизме, долге перед Родиной). В начале 2000-х гг. в центре внимания передачи оказались злободневные молодежные проблемы (наркомания, алкоголизм, суицид и т.п.), обсуждение которых осуществлялось в формате круглого стола в присутствии компетентных специалистов. Сегодня под руководством ведущей Екатерины Степановой «Остров молодых» сохраняет свои лучшие традиции: здесь звучат интервью с молодыми людьми, рассказывающими о своем образе жизни, учебной деятельности, увлечениях и стремлениях, освещаются самые яркие молодежные мероприятия и т.п. В ближайших планах редакции радиопроекта – наладить взаимодействие с молодыми слушателями посредством общения на странице аккаунта радиостанции «Радио Чувашии» в социальной сети «ВКонтакте».

Для молодежи, говорящей на чувашском языке, «Радио Чувашии» с июля 1969 г. и по сей день выпускает информационно-развлекательную радио-

передачу «А́раскал». В 2016 г. самому старому региональному чувашско-язычному молодежному радиoproекту исполнилось 47 лет. Автором и создателем радиопередачи является Венера Петровна Большова, впоследствии (1984–1991 гг.) ставшая председателем ГТРК «Чувашия». «Передача выходила в эфир каждую неделю и рассказывала о жизни молодежи республики. Здесь звучали корреспонденции о передовиках производства, музыкальные композиции, стихи и рассказы молодых начинающих авторов. Именно программа «А́раскал» дала путевку в жизнь многим ныне известным артистам, писателям, ученым. С первых же выпусков передача стала популярной и любимой. С ней советовались, делились, к ней прислушивались – об этом говорили письма, которые приходили в Дом Радио буквально мешками. В 1998 г. радиoproграмма «А́раскал» удостоена Государственной молодежной премии ЧР» [1], – сообщается в материале, посвященном посадке деревьев и открытию зеленой аллеи в честь 40-летнего юбилея радиопередачи. Данный молодежный радиoproект примечателен еще и тем, что за столь продолжительную историю существования он неизменно выходит еженедельно, чередуя вещание в прямом эфире и заранее записанное.

2. Радиостанция «Национальное радио Чувашии – Чăваш Ен» – одно из трех средств массовой информации, принадлежащих «Национальной телерадиокомпании Чувашии» («НТРК Чувашии»), учредителем которой выступает Министерство информационной политики и массовых коммуникаций Чувашской Республики. Она осуществляет вещание с 25 апреля 2009 г. на русском и чувашском (преимущественно – более 70% передач от общего количества) языках по всей территории Чувашской Республики на 105.0 FM и 72.41 УКВ волнах, третьей кнопке, а также в режиме реального времени на официальном сайте «НТРК Чувашии». Концепция радиостанции представлена следующим соотношением передач: 30% – информационно-аналитические, 30% – образовательные, 20% – литературно-драматические и 20% – музыкальные. Важное место в сетке вещания радиостанции занимают радиoproекты для молодежной аудитории «Перекресток», «Студенческий городок» и «Шурáмпус» (Рассвет).

«Перекресток» – информационно-познавательная (иногда развлекательно-познавательная) радиопередача для молодежи на русском языке, впервые вышедшая в эфир в 2010 г. Ее авторами-создателями являются молодые люди в возрасте 23-25 лет – это Марина Арсентьева, Татьяна Чугунова и Андрей Антонов. Периодичность выхода новых выпусков передачи в 2010–2013 гг. – 1 раз в две недели, продолжительность – по 18-20 минут каждый. С 2014 г. регулярность вещания радиoproграммы нарушилась и ее хронометраж сократился до 15 минут. «Перекресток» транслируется 1 раз в два-три месяца – это объясняется тем, что ведущие совмещают работу над выпуском передачи с основной трудовой деятельностью. Этот радиoproект по структуре и подаче материала напоминает разновидность самодеятельных молодежных СМИ. Постоянными рубриками «Перекрестка» являются «Альтернатив» и «Мысли вслух». В первой – ведущие предлагают современной молодежи свою версию интересного и разнообразного образа жизни, делятся друг с другом историями лично пережитого опыта, на примере героев «нашего времени» стараются пропагандировать нравственные модели поведения людей. Ведущими движут бескорыстные мотивы в трансформации общепринятых, устоявшихся негативных явлений. Во второй – они комментируют результаты опросов (по актуальным молодежным проблемам), проводимых в группе-аккаунте радиопередачи «Перекресток» (пользуется популярностью) в социальной сети «ВКонтакте». Здесь ведущие общаются со своей аудиторией, знакомятся с реальными слушателями. В феврале 2015 г. произошли первые существенные

изменения за период длительного стабильного вещания «Перекрестка». Во-первых, увеличился состав ведущих – теперь в их команде новые молодые голоса – представители студенческой братии (Анастасия Ершова, Павел Майоров, Артемий Давыдов). Во-вторых, ввели новые рубрики «Отражение» (о любовных взаимоотношениях) и «Ученые доказали» (статистика, приведение неоспоримой фактологической информации). Для связки композиционных частей радиопередачи ведущие используют включение музыкальных композиций хип-хоп- и рок-направленности, соответствующих заявленной в выпусках тематике. Традиционная жанрово-тематическая структура «Перекрестка» основана на дружеской беседе шести абсолютно разных по социальным признакам молодых людей, их добрых и остроумных шутках, а также метких ремарках. Их речь – эмоциональна, понятна и доступна каждому слушателю, близка к разговорному стилю, но исключает сленговые выражения.

Радиопроjekt «Перекресток» получил признание в молодежной среде – это подтверждается активностью аудитории на странице передачи в социальной сети «ВКонтакте». Для дальнейшего развития проекта авторам-ведущим стоит увеличить частоту выхода выпусков в эфир и обозначить регулярность вещания на официальном сайте «НТРК Чувашии» в программе передач «Национального радио Чувашии – Чăваш Ен».

Параллельно с «Перекрестком» в эфире радиостанции функционирует и молодежный проект «Студенческий городок» – авторская информационно-познавательная, а иногда культурно-просветительская радиопередача для молодежи на русском языке, дебютировавшая в октябре 2012 г. в записи. Периодичность выхода выпусков варьируется от одного до двух раз в месяц, хронометраж составляет 25 мин. Автором и ведущим радиопроекта является студент-журналист Артем Гаврилов.

Передача «Студенческий городок» в региональном медиапространстве позиционирует себя как радиопанорама яркой и насыщенной жизни студентов Чувашской Республики. По форме вещания радиопрограмма напоминает радиожурнал, гармонично сочетающий в себе широкую тематическую направленность и разнообразие ее практического жанрового исполнения. К основным рубрикам относятся «Актуально» и «События» (информационно-новостные), «Учись! Стремись! И совершенствуйся!» (интервью с целеустремленными молодыми людьми, достойными представителями студенческой молодежи Чувашии), «Серые страницы» (рубрика вопрос-ответ, отдел взаимопомощи), к сезонной рубрике – «Я болею тобой, Студвесна» (радиодневник известного регионального молодежного творческого фестиваля) и к временной рубрике – «Любимое кино» (обзор киноновинок, рейтинги). Некоторые исследователи подчеркивают, что «цель проекта – стать верным другом каждому радиослушателю, вдохновить его на самосовершенствование, привить любовь к образованию, науке, культуре, здоровому образу жизни и спорту, зародить желание жить ярко, интересно, принося при этом пользу не только себе, но и окружающим. Стиль подачи материала – лаконичный монолог ведущего, сопровождающийся многочисленными мнениями студентов республики по определенной проблеме. Речь ведущего уместно эмоциональна, понятна, близка к литературному стилю» [4. С. 83]. Продвижение радиопроекта осуществляется ведущим с помощью сетевой платформы «ВКонтакте». Здесь в официальной группе передачи регулярно обновляются новости, ведется фонотека выпусков, устраиваются опросы и голосования среди пользователей. Важная особенность этой программы в том, что ее аудитория слушателей представлена исключительно учащейся и студенческой молодежью Чувашии.

Для чувашскоязычной части молодого населения региона редакция «Национального радио Чувашии – Чăваш Ен» в лице ведущей Екатерины Семеновой с августа 2010 г. готовит и выпускает информационно-развлекательную передачу «Шурăмпұç» (Рассвет). Ее выпуски по своему содержанию, тематике и проблематике схожи с продукцией радиопрограммы «Араскал» (Счастливая судьба) конкурирующей радиостанции «Радио Чувашии». Она также выходит 1 раз в неделю, чередуя прямые и предварительно записанные эфиры. Важно отметить, что радиопроекты на чувашском языке в основном ориентированы на представителей районной и сельской молодежи и поэтому в первую очередь на волнах радиостанций затрагивают и отражают их интересы.

При изучении медиаобстановки Чувашской Республики мы также заметили, что выпуском молодежных радиопередач абсолютно не занимаются коммерческие радиостанции. Можем предположить, что такие проекты не вписываются в их вещательный формат, а также в этом, возможно, частные вещатели не видят большой финансовой перспективы.

В ближайшие годы на развитие радиовещания для молодежи в Чувашской Республике может существенно повлиять реализация на ее территории Федеральной целевой программы «Развитие телерадиовещания в Российской Федерации на 2009–2018 годы», утвержденной Правительством России 3 декабря 2009 г.¹ Она направлена на переход от аналогового к цифровому вещанию. Для этого в субъектах Российской Федерации продолжается строительство сети цифрового эфирного телевидения (ЦЭТВ). Чувашия относится к числу регионов третьей очереди – здесь запланировано строительство 42 объектов связи, причем 14 из них – на базе существующих объектов Российской телевизионной и радиовещательной сети (РТРС). Цифровое вещание – это новый уровень развития технологий, абсолютное качество звука и графики. Строительство ЦЭТВ – это особая перспектива для радио, поскольку оно даст возможность расширить возможный спектр FM-частот для функционирования новых региональных радиостанций, получения ими лицензии на вещание. С другой стороны – переход на «цифру» лишит радиослушателей и телезрителей, проживающих в таких национальных субъектах Российской Федерации, как Чувашия, бесплатного прослушивания радиостанций и просмотра телеканалов, вещающих на родном (национальном) языке. В настоящее время предложена законодательная инициатива по включению в мультиплексы региональных вещателей (радиостанций и телеканалов на национальном языке). Промежуточное решение федеральные органы власти видят в отдалеке права субъектам России самостоятельно определять возможность осуществления аналогового вещания. По-прежнему возникает множество спорных вопросов. Профессиональные специалисты и эксперты в сфере медиа сходятся в одном, что будущее за мобильным вещанием – уже сегодня набирают обороты прослушивание и просмотр передач онлайн.

Текущее положение молодежного радиовещания в Чувашской Республике неоднозначно. В процессе исследования мы обнаружили несколько отрицательных явлений. Во-первых, современные региональные молодежные радиопередачи на русском языке выходят исключительно в записи, не пользуются преимуществами прямого эфира. Во-вторых, данные радиопрограммы по при-

¹ О федеральной целевой программе «Развитие телерадиовещания в Российской Федерации на 2009–2018 годы»: постановление Правительства РФ от 03.12.2009 г. № 985 (ред. от 29.08.2015) [Электронный ресурс] // Правительство РФ: офиц. сайт. URL: <http://government.ru/docs/all/103307/> (дата обращения: 22.02.2016).

чине медленного конвергентного развития становятся менее привлекательными для слушателя. В-третьих, в структуре молодежных радиопроектов слабо представлен музыкальный сегмент, важный для их потенциальной аудитории. Решение проблем нам видится в следующем. Во-первых, поскольку некоторые материалы, действительно, требуют предварительной подготовки (сбора и подбора информации, ее анализа), предлагаем наладить вещание русскоязычных молодежных радиопередач по принципу равномерного сочетания – чередования выпусков, заранее записанных и созданных в прямом эфире, т.е. по примеру программ на чувашском языке. Во-вторых, в условиях информационной монополии интернет-среды важно осваивать платформы новых медиа и открывать на их базе собственные официальные аккаунты, что позволит взаимодействовать с молодым слушателем круглосуточно в режиме реального времени. В-третьих, редакциям молодежных передач государственных радиостанций Чувашии следует уделять особое внимание музыкальной составляющей и начать уместно размещать в своем эфире самые популярные хиты отечественных и зарубежных исполнителей. Если авторы и ведущие современных молодежных радиопроектов Чувашской Республики освоят успешные механизмы и принципы работы мультимедийной медиаконвергентной редакции XXI в., то уже сегодня их радиопроодукция сможет составить значимую конкуренцию видным «брендовым», коммерциализированным СМИ и занять достойную нишу в глобальном медиапространстве.

Литература

1. «Аллея счастья – Яраскал» украсила столицу Чувашии [Электронный ресурс] // Официальный сайт Администрации города Чебоксары. URL: http://gov.cap.ru/info.aspx? gov_id=81&pos=51&id=742591 (дата обращения: 20.07.2016).
2. *Бойко И.И., Харитонова В.Г.* Студенческая и учащаяся молодежь Чувашии: гражданские ценности, социокультурные ориентиры / ЧГИГН. Чебоксары, 2014. 124 с.
3. *Вартанова Е.Л.* Будущее российских медиа: о необходимости прогнозирования // Век информации. 2016. № 2. С. 288–291.
4. *Гаврилов А.Д., Никитина Э.В.* Сравнительный анализ молодежных радиопередач Чувашии постсоветского времени // Сборник научных трудов молодых ученых и специалистов. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2014. С. 80–84.
5. *Жилавская И.В.* Медиаобразование молодежи. М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2013. 243 с.
6. *Колесникова А.В.* Ценностные ориентиры современной студенческой молодежи и их формирование посредством вузовского радио // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2010. № 2(12). С. 70–73.
7. *Куприянова А.В.* Информационные интересы молодежи в аспекте медиабезопасности и их реализация в городской молодежной радиопрограмме // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. 2013. № 21(312). С. 307–311.
8. Новости от 17 марта 2016 г. [Электронный ресурс] // Управление Роскомнадзора по Чувашской Республике – Чувашии: офиц. сайт. URL: <http://21.rkn.gov.ru/news/news95781.htm> (дата обращения: 20.04.2016).
9. Остров молодых [Электронный ресурс] // ГТРК «Чувашия»: офиц. сайт. URL: <http://chgtrk.ru/radio/programms/87> (дата обращения: 15.06.2016).
10. Распределение численности населения Чувашской Республики по полу и возрастным группам на 1 января 2015 года [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Чувашской Республике – Чувашии: офиц. сайт. URL: http://chuvash.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/chuvash/resources/9f8f4a0041268efca01ae7367ccd0f13/2015.pdf (дата обращения: 15.02.2016).

ГАВРИЛОВ АРТЕМ ДМИТРИЕВИЧ – магистрант юридического факультета, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (artmaster28@rambler.ru).

ЭШКЕРАТ АМИН МУХАМАД – кандидат исторических наук, доцент кафедры журналистики, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (eshkeratamin@gmail.com).

A. GAVRILOV, A. ESHKERAT

**REGIONAL RADIOBROADCASTING FOR THE YOUTH:
CURRENT STATUS AND DEVELOPMENT PROSPECTS
(ON THE EXAMPLE OF THE CHUVASH REPUBLIC)**

Key words: mass media, regional radiobroadcasting, youth radio program, youth audience, convergence, the Chuvash Republic.

The article examines and characterises the processes of formation and evolution of radio-broadcasting for the youth in the post-Soviet territory in the Chuvash Republic. The authors attempt to clarify the specifics of youth radio programs, their place and role in the regional broadcasting line-up. Radio projects in Russian and Chuvash are separately analyzed. The study concludes that professional state broadcasting radiostations mainly make youth radio programs in the Chuvash Republic and currently avocational student broadcasting stations at different educational organizations become more active. The authors revealed main problems of modern avocational broadcasting for the youth audience in the Chuvash Republic and determined the most significant vectors of its development. They also gave an integrated assessment of the regional youth generalizing research data of scientists of the Chuvash State Institute of the Humanities.

References

1. «Alleya schast'ya – Araskal» ukrasila stolitsu Chuvashii [The Alley of Happiness named Araskal has Decorated the Capital of the Chuvash Republic]. Available at: http://gov.cap.ru/info.aspx?gov_id=81&pos=51&id=742591 (Accessed: 20 July 2016).
2. Boiko I.I., Kharitonova V.G. *Studencheskaya i uchashchayasya molodezh' Chuvashii: grazhdanskie tsennosti, sotsiokul'turnye orientiry* [The College and School Youth of the Chuvash Republic: Civic Virtues, Social and Cultural Guiding Lines]. Cheboksary, ChGIGN Publ., 2014, 124 p.
3. Vartanova E.L. *Budushchee rossiiskikh media: o neobkhodimosti prognozirovaniya* [The Future of the Russian Media: on the Necessity of Prediction]. *Vek informatsii* [The Age of the Information], 2016, no. 2, pp. 288–291.
4. Gavrilov A.D., Nikitina E.V. *Sravnitel'nyi analiz molodezhnykh radioperedach Chuvashii post-sovetskogo vremeni* [The Comparative Analysis of the Youth Radio Programs in the Chuvash Republic in the Post-Soviet Period]. *Sbornik nauchnykh trudov molodykh uchenykh i spetsialistov* [The Collection of the Scientific Works of Young Scientists and Specialists]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2014, pp. 80–84.
5. Zhilavskaya I.V. *Mediaobrazovanie molodezhi* [The Media Education of Youth]. Moscow, Moscow State University of Humanities Publ., 2013, 243 p.
6. Kolesnikova A.V. *Tsennostnye orientiry sovremennoi studencheskoi molodezhi i ikh formirovaniye posredstvom vuzovskogo radio* [The Valuable Guiding Lines of Modern College Students and their Formation on the Basis of College Radio]. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Vector of the Science of Togliatti State University], 2010, no. 2(12), pp. 70–73.
7. Kupriyanova A.V. *Informatsionnye interesy molodezhi v aspekte mediabezopasnosti i ikh realizatsiya v gorodskoi molodezhnoi radioprogramme* [The Information Interests of Youth in Terms of Media Safety and their Implementation in an Urban Youth Radio Program]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologiya. Iskusstvovedenie* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Philology. Arts], 2013, no. 21(312), pp. 307–311.
8. *Novosti of 17 marta 2016 g.* [News is on the 17th of March, 2016]. Available at: <http://21.rkn.gov.ru/news/news95781.htm> (Accessed: 20 April 2016).
9. *Ostrov molodykh* [The Island of Youth]. Available at: <http://chgtrk.ru/radio/programms/87> (Accessed: 15 June 2016).
10. *Raspredelenie chislennosti naseleniya Chuvashskoi Respubliki po polu i vozrastnym gruppam na 1 yanvarya 2015 goda* [The Distribution of the Population of the Chuvash Republic According to Gender and Age Groups as it is on the 1st of January, 2015]. Available at: http://chuvash.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/chuvash/resources/9f8f4a0041268efca01ae7367ccd0f13/2015.pdf (Accessed: 15 February 2016).

GAVRILOV ARTEM – Master's Program Student of Law Faculty, Chuvash State University, Cheboksary, Russia (artmaster28@rambler.ru).

ESHKERAT AMIN – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Journalism Department, Chuvash State University, Cheboksary, Russia (eshkeratamin@gmail.com).

Ссылка на статью: Гаврилов А.Д., Эшкерат А.М. Региональное радиовещание для молодежи: современное состояние и перспективы развития (на примере Чувашской Республики) // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 4. – С. 37–45.

УДК 94(470.344) «20»
ББК ТЗ(2 Рос. Чув) 61 – 4

О.Н. ГАЛОШЕВА, В.И. СОКОЛОВА

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧУВАШСКОГО КОМИТЕТА МОПРА В 1923–1928 ГОДАХ

Ключевые слова: Международная организация помощи борцам революции, МОПР, Красная Помощь, интернациональное воспитание молодежи, помощь политзаключенным и их семьям, шефская переписка.

В статье на основе ранее неизвестных материалов из архивов ГАСИ ЧР и ряда других опубликованных источников исследуется история зарождения и деятельности Международной организации помощи борцам революции в отдельно взятом регионе – Чувашской АССР в 1923–1928 гг. Доказано, что основными направлениями работы МОПРа СССР являлись материальная (в основном денежная), юридическая, моральная поддержка политическим заключенным, политическим эмигрантам и их семьям, а также семьям позбихих революционеров. Одной из главных составляющих в деятельности МОПРа СССР являлось интернациональное воспитание граждан. С этой целью большое внимание обращалось на шефскую переписку членов МОПРа с борцами революции, особенно с заключенными зарубежных тюрем. Активисты МОПРа внесли заметный вклад в развитие связей между гражданами разных стран, помогли многим нуждающимся политзаключенным и их семьям в зарубежных странах. Члены МОПРа активно участвовали во всех социально-экономических и общественно-политических кампаниях, проводимых в стране в годы индустриализации промышленности и коллективизации сельского хозяйства. В первые годы советской власти особенно трудно было вовлечь в общественную работу женщин и сельских жителей. Тем не менее члены МОПРа внесли существенный вклад в развитие гражданского общества в советской стране.

Ретроспективный обзор истории формирования Международной организации помощи борцам революции (МОПР) показывает, что зачастую в тени истории находятся события и факты, оказавшие в свое время значительное влияние на жизнь отдельных граждан и общества в целом в большинстве государств мира. Сегодня оказались забытыми усилия многих выдающихся общественных деятелей и простых граждан различных стран в деле помощи осужденным революционерам и их семьям в трудные времена восстановления народного хозяйства после разрушительной Первой мировой войны. Данная тема остается недостаточно изученной в современной науке, поэтому объективный, комплексный анализ основных принципов и направлений жизнедеятельности названной благотворительной организации становится актуальной исследовательской задачей.

Для современной России, проводящей активный внешнеполитический курс, опирающийся на патриотическое воспитание молодого поколения и общества в целом, изучение опыта интернационального воспитания граждан в советском государстве должно стать одним из приоритетных направлений исторической науки. Цель статьи – освещение вопросов становления и развития МОПРа в Российской Федерации с акцентированием внимания на интернациональном воспитании подрастающего поколения отдельно взятого региона – Чувашской Республики. Надо отметить, что названную тему до настоящего времени ни один из исследователей Чувашии не разрабатывал, поэтому статья обладает высокой степенью научной новизны и открывает новое направление в изучении данного вопроса. Источниковой основой статьи послужили материалы фонда 2893/1256, хранящиеся в ГАСИ ЧР (Государственном архиве современной истории Чувашской Республики).

К настоящему времени по названной теме имеется небольшая статья в «Чувашской энциклопедии», написанная Е.В. Касимовым, и некоторые сведе-

ния о деятельности этой организации содержатся в исследованиях В.И. Соколовой [3. С. 72; 4. С. 68–82; 5. С. 151–152; 6].

Международная благотворительная организация МОПРа (Красная Помощь) была создана в конце 1922 г. по решению 4-го конгресса Коммунистического Интернационала в качестве коммунистического аналога действующему Красному Кресту в целях «защиты трудящихся от белого террора и помощи его жертвам». Являясь организацией внепартийной и имея отделения (секции) в десятках стран мира, она оказывала материальную (в основном денежную), юридическую, моральную поддержку политическим заключенным, политическим эмигрантам и их семьям, а также семьям погибших революционеров [3. С. 72].

Октябрьская революция 1917 года в Российской империи оказала огромное революционизирующее воздействие на весь мир и создала принципиально новые условия для борьбы трудящихся масс за свое освобождение в связи с тем, что появилось первое в мире социалистическое государство как пример для подражания для других стран. Так его воспринимали в самой России и мировом сообществе в тот период. В результате подъема рабочего и национально-освободительного движения в ряде стран начался процесс образования коммунистических, социалистических, социал-демократических и иных партий и течений.

В 1918 г. зародились коммунистические и иные близкие им партии в Германии, Австрии, Венгрии, Польше, Нидерландах, Финляндии, Болгарии, Аргентине, Швеции, Греции и других странах. Позже были созданы коммунистические партии и кружки в Чехословакии, Румынии, Италии, Франции, Великобритании, Дании, Швейцарии, США, Канаде, Бразилии, Китае, Корее, Австралии, Южно-Африканском Союзе, Латвии и других странах мира. Советская секция МОПРа была самой массовой, являлась основным источником денежных средств. Особую активность в деле защиты жертв репрессий на территории своих и зарубежных государств проявляли национальные секции стран, в которых были сильны позиции коммунистических и иных левых партий. МОПР объединял вокруг себя широкие массы рабочих, крестьян, служащих без различия их партийной принадлежности.

В конце 1920-х – начале 1921 г. во многих странах мира начался первый экономический кризис, который отрицательно сказался на уровне жизни прежде всего беднейших слоев населения. В этой связи перед партийными организациями остро встала проблема вовлечения в революционную борьбу широких масс трудящихся. 1923 год стал годом массовых народных выступлений, завершивших революционный подъем. Закончились поражением выступления пролетариата Германии, Болгарии, Польши. Они показали слабость коммунистических партий. Капиталистический мир стабилизировался, укрепил свои позиции и усилил давление на рабочий класс. К этому моменту активизируется деятельность буржуазно-демократических, христианских, фашистских и иных организаций, противостоящих трудящимся и борющимся с коммунистическими партиями и движениями. Получивший широкое распространение белый террор, усилившаяся реакция, разгон демонстраций, революционных организаций, аресты революционеров побудили рабочий класс к созданию МОПРа.

В марте 1923 г. ЦК МОПРа объявил День Парижской Коммуны (18 марта) своим праздником. К 1924 г. организация имела секции в 19 странах мира. К 1932 г. МОПР объединял 70 национальных секций, включавших около 14 млн человек. Из них 9,7 млн человек входили в МОПР СССР, взносы которой были наиболее значительными. В эти годы Центральным Комитетом МОПРа

СССР была поставлена задача – к 18 марта 1935 г. довести численность членов МОПРа в стране до 15 млн человек, а численность ЮДМ (юных друзей МОПРа) – до 5 млн человек. До 1939 г. МОПР, как и НКВД, имел право на выдачу разрешений на въезд в СССР. В международном масштабе МОПР действовал до начала Второй мировой войны, советская секция – до 1947 г., в Чувашской АССР комитет МОПРа закончил свою работу в марте 1948 г. [1. Д. 5. Л. 15–18].

Можно утверждать, что первые ячейки МОПРа в СССР начали действовать в 1923 г. Решение об организации Чувашского отделения МОПРа было принято бюро обкома РКП(б) ЧАО 16 февраля 1923 г., первым руководителем отделения (Уполномоченным ЦК МОПРа по Чувашобласти) был назначен заведующий отделом ОК ВКП(б) А.М. Михайлов. До окончательного организационного оформления все дела новой организации вел уполномоченный ЦК МОПРа (Красной Помощи) А.М. Михайлов, все денежные записи велись в одной кассе Чувашского обкома ВКП(б). К началу 1924 г. во всех уездах ЧАО оформились уездные отделения МОПРа [1. Л. 6–14].

14 мая 1924 г. состоялась 1-я Чувашская областная конференция МОПРа, на которой был принят Устав организации, выбраны руководящие органы и ревизионная комиссия. На конференции присутствовали 34 делегата (г. Чебоксары – 23 человека, Чебоксарский уезд – 7, Цивильский уезд – 1, Ядринский уезд – 1, Батыревский уезд – 1, отдел Лиги помощи детям Германского пролетариата – 1 человек) [1. Л. 13–16].

Согласно Уставу, членом организации МОПРа мог быть трудящийся гражданин, без различия пола, достигший 16-летнего возраста, не лишенный активного и пассивного избирательного права, признающий диктатуру пролетариата, сочувствующий классовой борьбе за идеалы коммунизма и принимающий участие в работах отделения или его органах.

Конференция ЧАО постановила принять Устав со следующими изменениями и дополнениями: 1) областное правление состоит из 5 членов и 3 кандидатов (вместо 7 членов и 3 кандидатов, рекомендованных вышестоящим органом МОПРа СССР); 2) членские взносы установить: для членов, получающих зарплату до 40 руб. – 0,25%; от 40 до 60 руб. – 0,5%; от 60 руб. и выше – 1%; для учащих – в размере 5 коп., для прочих – 10 коп.; вступительный взнос установить в размере ежемесячного взноса; 3) взносы разрешить платить не только деньгами, а также хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами [1. Л. 15–16].

На конференции по организационно-методическим и финансовым вопросам, а также по выборам членов правления состоялись дискуссии. К примеру, представитель Марпосадской ячейки МОПРа Я. Смирнов предложил допустить прием членов в МОПР с 14 лет, которое было отвергнуто остальными делегатами. Членами правления были избраны А.М. Михайлов, М.В. Мокеев, И.В. Морозов, П. Смирнов и представительница отдела Лиги помощи детям Германского пролетариата Лбова. Стоит отметить, что в первые годы формирования организации членские взносы можно было устанавливать самостоятельно, поэтому цены в регионах варьировались.

В 1925 г. Чувашское отделение МОПРа было преобразовано в Чувашский комитет МОПРа. Численное состояние организации по годам характеризуется следующими данными: на 19 декабря 1924 г. (по неточным сведениям) в Чувашобласти числилось примерно 79 ячеек с количеством членов в 3404 человек. По состоянию на 1 января 1926 г. всего имелась 151 ячейка, объединяющая 10 741 члена. Из них: мужчин – 7278, женщин – 3463; рабочих – 915, крестьян – 4053, служащих – 4164, военнослужащих – 107, учащихся –

1008, прочих – 494; членов и кандидатов в ВКП(б) – 1293, членов ВЛКСМ – 2590, беспартийных – 6858 [1. Л. 16].

По состоянию на 1 января 1927 г. в Чувашской АССР имелось 227 ячеек, объединяющих 8500 членов (кроме Ядринского уезда, который сведения не предоставил). Из них мужчин – 7087, женщин – 1413; рабочих – 1000, крестьян – 3258, служащих – 2441, военнослужащих – 129, учащихся – 1614, прочих – 58; членов и кандидатов в ВКП(б) – 1044, членов ВЛКСМ – 2009, беспартийных – 5447. Если принять количество членов по Ядринскому уезду – 843 человека (по состоянию на 1 января 1928 г.), то следует отметить, что наряду с увеличением ячеек произошло некоторое сокращение численности членов МОПРа Чувашской АССР. Это можно объяснить тем, что примерно с 1927 г. была прекращена практика коллективного вступления граждан в члены МОПРа и начата кампания индивидуального членства, а также в связи с развертыванием мероприятий по переучету членов МОПРа и отказа от политики «дутых» цифр [1. Л. 16–17].

13 февраля 1928 г. состоялась 2-я Чувашская областная конференция МОПРа. Делегатов было избрано 36 человек, явилось только 19 человек. Председателем Чувашского ОК МОПРа был избран Фомин. По состоянию на 1 января 1928 г. в Чувашии всего имелись 254 ячейки, объединяющие 9641 человека: из них мужчин – 7866, женщин – 1775; рабочих – 1162, крестьян – 2713, служащих – 3775, военнослужащих – 95, учащихся – 1838, прочих – 58; членов и кандидатов в ВКП(б) 1183, членов и кандидатов ВЛКСМ – 2351, беспартийных – 6107.

Анализ вышеприведенных данных позволяет сделать следующие выводы: в первые годы формирования ячеек МОПРа особенно трудно было вовлекать в работу сельских жителей (всего 2713 членов по всей республике, хотя население в основном было крестьянским); партийно-комсомольский состав был представлен также в малом количестве – всего до 15-25% к общей численности членов этой организации. Женщин в ячейках МОПРа было мало – соответственно 18% женщин и 82% мужчин. Перед руководством республики, другими общественными организациями стояла важная задача – усиление агитационно-пропагандистской работы в целях массового вовлечения населения в мопровское движение [1. Л. 16–17].

С укреплением СССР развивались и множилось международные контакты советских людей. Формы связей членов МОПРа стали разнообразнее. Если в начале 1920-х гг. преобладали митинги, демонстрации солидарности и сборы денег в помощь бастующим и бедствующим, то в последующие годы добавились такие формы связей, как прием рабочих делегаций, помощь политэмигрантам, развитие контактов профсоюзов и общественных организаций. Например, в 1927 г. в Москве состоялся Всемирный конгресс друзей СССР, на котором было принято воззвание со следующим призывом к гражданам мира: «Боритесь, защищайте, охраняйте СССР, родину трудящихся, оплот мира, очаг освобождения, крепость социализма всеми средствами, всеми способами!» [6. С. 155].

Работа МОПРа СССР строилась на ожидании мировой революции. Такая политика продолжалась вплоть до окончательного роспуска Коминтерна в 1943 г. и позже, и поэтому одной из главных составляющих в деятельности МОПРа СССР являлось интернациональное воспитание граждан, в первую очередь молодежи и школьников. С этой целью огромное внимание обращалось на шефскую переписку членов МОПРа с борцами революции, особенно с заключенными зарубежных тюрем. Их списки распределялись по отдельным организациям по разнарядке ЦК МОПРа СССР.

К примеру, 8 мая 1928 г. Чувашобком МОПРа получил из ЦК МОПРа СССР новый список подшефных тюрем и прикрепил их по районным комитетам

ЧАССР. В связи с тем, что после административно-территориальной реформы (районирования) в 1927 г. районов в ЧАССР стало 17, а подшефных тюрем для дружеской переписки и оказания помощи было рекомендовано всего шесть, то одна тюрьма приходилась на несколько районов. Эти сведения были немедленно доведены до сведения всех членов МОПРа районов с тем, чтобы ячейки начали переписку с подшефными политзаключенными. Ячейкам рекомендовалось срочно организовать сбор пожертвований в пользу осужденных революционеров. Если какой-либо из райкомов или ячеек МОПРа продолжительное время не получал писем, то своевременно следовало об этом сообщить в областной комитет МОПРа для запроса в ЦК МОПРа СССР. На этот период ОК ЧАССР присылал районным комитетам письма из других тюрем.

Присылаемые сводки и письма политзаключенных следовало использовать для массовой агитации (в печати, стенгазетах, на собраниях, в беседах, в уголках МОПРа и т.д.). ЦК МОПРа СССР были разработаны и высланы на места директивные указания о соблюдении основных правил переписки с зарубежными политзаключенными, которыми должны были руководствоваться все члены организации. Распределение подшефных тюрем по районам Чувашии было следующим: Чебоксарский, Марпосадский РК МОПРа – Центральная тюрьма в Будапеште (Венгрия); Козловский, Урмарский, Цивильский – Поджио-Реале (Италия); Татаркасинский, Ядринский, Аликовский, Красночетайский – Митровица (Югославия); Канашский, Вурнарский, Ибресинский – Ревельская досрочная (Эстония); Большебатыревский, Шемуршинский, Малояльчиковский – Либава (Латвия); Алатырский. Порецкий – Жилава (Румыния) [2. Д. 32. Л. 51].

Необходимо отметить, что мопровское движение в СССР включало в себя широкий круг деятельности: агитационно-пропагандистскую работу (пропаганда советского образа жизни в стране и за рубежом, борьба с «белым террором», проведение кампаний (в том числе так называемые «летние», «зимние» и др.), организация и деятельность мопровских уголков, красных уголков, использование клубов и изб-читален, подготовка актива, работа с допризывниками в учебных пунктах, сборах, работа с населением на предприятиях, в колхозах, учреждениях, школах, общественных местах); особые кампании (протестов, помощи, солидарности и др.) и проведение дней МОПРа (18 марта день Парижской Коммуны как день рождения МОПРа; 8 марта Международный женский день, 6-7 ноября праздник Октябрьской революции, Первое мая как день Международной солидарности трудящихся, 10 сентября МЮД (Международный юношеский день и т.д.); интернациональные связи (участие в международном рабочем движении, интернациональное воспитание граждан, развитие дружбы и взаимопонимания между жителями разных стран, укрепление международной пролетарской солидарности); участие в хозяйственной деятельности (мероприятия по использованию так называемых га (гектаров), на которых трудились члены различных добровольных объединений на общественных началах и деньги от продажи продукции сдавали в фонд государства на различные благотворительные цели. К примеру, такими га (гектарами) в тот период были: га Обороны (Осоавиахим); га Красного Креста; сан-га (Наркомздрав); га МОПР; культ-га (Наркомпрос); га кассы взаимопомощи и т.п.; политические мероприятия (участие в общественно-политических кампаниях, проводимых в стране и за рубежом по поддержке коммунистического и рабочего движения); забота о политзаключенных (шефство над узниками тюрем капиталистических стран, переписка с осужденными революционерами и членами их семей, моральная, материальная и юридическая помощь нуждающимся людям), прием и размещение политэмигрантов.

Говоря о деятельности мопровцев в годы индустриализации промышленности и коллективизации сельского хозяйства, надо отметить, что члены МОПРа

были участниками всех массовых мероприятий, проводившихся в советской стране. Для укрепления обороноспособности родины нужны были деньги. Поэтому одной из важных задач государства стала мобилизация средств граждан на новостройки, развитие промышленности. На эти цели использовали доходы с сельского хозяйства, легкой промышленности, транспорта и других отраслей народного хозяйства, сбережения населения и внутренние займы. В 1927 г. была проведена первая массовая подписка населения на займы индустриализации. Члены МОПРа активно участвовали в распространении облигаций займов.

В сельском хозяйстве в соответствии с планами Наркомзема мопровцы вели общественно-агрономическую работу, ставили опыты в крестьянском хозяйстве, организовывали кружки, курсы. Лекции, доклады, беседы и собрания, вечера вопросов и ответов, диспуты, стенные и «живые» газеты, работа агитаторов-чтецов, кружки политобразования, выступления коллективов художественной самодеятельности – все формы общественной работы были направлены на то, чтобы вовлечь жителей республики в мопровское движение, способствовать развитию крестьянской инициативы на местах.

Таким образом, исследование истории формирования и деятельности МОПРа в первые годы советской власти показало, что для руководства страны было важно вовлечение населения в общественно полезную работу, в том числе в мопровское движение. Этот период был озаглавлен социально-политическими преобразованиями, охватившими политику, экономику, культуру, социальную сферу. Члены МОПРа внесли существенный вклад в развитие страны и республики. Особенно важна роль МОПРа СССР по интернациональному воспитанию молодого населения страны.

Литература

1. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (далее – ГАСИ ЧР). Ф. 2893/1256. Оп. 1. Д. 5. Л. 15–18.
2. ГАСИ ЧР. Ф. 2893/1256. Оп. 1. Д. 32. Л. 51.
3. Касимов Е.В. Международная организация помощи борцам революции // Чувашская энциклопедия: 4 т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. Т. 3. С. 72.
4. Соколова В.И. К вопросу о начальном всеобщем военном обучении граждан ЧАССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Чувашского университета. 2006. № 1. С. 68–82.
5. Соколова В.И. Молодежь Чувашской АССР в мероприятиях по оказанию помощи семьям фронтовиков в годы Великой Отечественной войны // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2009. № 1(25). С. 151–152.
6. Соколова В.И. Молодежь Чувашии в 1917–1941 годы: исторический опыт социально-политической организации. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та. 2005. 295 с.

ГАЛОШЕВА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА – соискатель ученой степени кандидата исторических наук, кафедра Отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (olganikgal@mail.ru).

СОКОЛОВА ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА – доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (Sokolova-cheb@mail.ru).

O. GALOSHEVA, V. SOKOLOVA

REVISITING THE QUESTION OF FORMATION AND ACTIVITIES OF THE CHUVASH COMMITTEE OF MOPR (ISAFR) IN THE 1923–1929

Key words: *International Society for Aid to Revolutionary Fighters, MOPR (ISARF), Red aid, international education of the youth, aid to political prisoners and their families, patronage correspondence.*

On the basis of earlier unknown materials from the archives of State Archive of the Chuvash Republic and a number of other published sources the history of origin and activities of the International Society for Aid to Revolutionary Fighters in the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic in 1923 – 1928 is studied in the article. It is proved that the main directions of activities of MOPR in the USSR were material (mostly financial), legal and moral support for political prisoners, political emigrants and their families as well for families of perished revolutionaries. One of the main components in activities of MOPR of the USSR was internationalist education of citizens. With this aim, much attention was paid to patronage correspondence of MOPR members with revolutionary fighters, especially with detainees in foreign prisons. MOPR activists made a notable contribution to the development of relations between citizens of different countries and helped many needy political prisoners and their families in foreign countries. MOPR members actively participated in all socio-economic and socio-political campaigns in the country in the years of industrialization and collectivization. In the first years of Soviet power it was especially difficult to involve women and rural residents in public work. However, MOPR members made a significant contribution to the development of civil society in the Soviet Union.

References

1. Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond 2893/1256. Opis' 1. Document 5 [State Archives of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archive 2893/1256. Anagraph 1. Document 5].
2. Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond 2893/1256. Opis' 1. Document 32 [State Archives of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archive 2893/1256. Anagraph 1. Document 32].
3. Kasimov E. *Mezhdunarodnaya organizatsia pomoshchi bortsam revolyutsii* [International organization for aid to fighters of the revolution]. *Chuvashskaya entsiklopediya: v 4 t.* [Chuvash encyclopedia. 4 vols.]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2009, vol. 3, p. 72.
4. Sokolova V. *K voprosu o nachal'nom vseobshem voennom obuchenii grazhdan CHASSR v gody Velikoi Otechstvennoi voiny* [To the question about the elementary universal military training of citizens of CHASSR in the years of Great Patriotic war]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2006, no. 1. pp. 68–82.
5. Sokolova V. *Molodezh' Chuvashskoi ASSR v meropriyatiyakh po okazaniyu pomoshchi s'emym frontovikov v gody Velikoi Otechstvennoi voiny* [Youth of Chuvash ASSR in activities to assist the families of veterans in the years of Great Patriotic war]. *Vestnik Saratovskogo sotsialno-ekonomicheskogo universiteta*, 2009, no. 1 (25). pp. 151–152.
6. Sokolova V. *Molodezh' Chuvashii v 1917-1941 gody: istoricheskii opyt sotsial'no-politicheskoi organizatsii* [The youth of the Chuvash Republic in the years 1917–1941: the historical experience of socio-political organization]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2005.

GALOSHEVA OLGA – Aspirant Candidate of Historical Sciences, Russian History Department named after A.V. Arsenyeva, Chuvash State University, Cheboksary, Russia (olganikgal@mail.ru).

SOKOLOVA VALENTINA – Doctor of Historical Sciences, Professor of Russian History Department named after A.V. Arsenyeva, Chuvash State University, Cheboksary, Russia (Sokolova-cheb@mail.ru).

Ссылка на статью: Галошева О.Н., Соколова В.И. К вопросу о формировании и деятельности Чувашского комитета МОПРа в 1923–1928 годах // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 4. – С. 46–52.

УДК 392.8(=512.122)
ББК Т521(=632.4)-425

К.В. ДЖУМАГАЛИЕВА, М.Н. КРАСНОВА

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЛИ В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ КАЗАХСКОГО НАРОДА

Ключевые слова: казахи, меновая торговля, соль, рыболовство, товарооборот; ярмарка, продукты скотоводства, обработка шкур.

Целью статьи является изучение использования соли в повседневной жизни кочевого населения. В статье на основе архивных документов, исторических источников и литературы раскрывается значение соли в хозяйственной жизни казахов в XIX в. Определяются причины увеличения потребности данного продукта у казахского народа. Выявлено широкое использование минерала в скотоводстве, рыболовстве и кожевенном ремесле. Материал исследования может быть использован при изучении этнографии отдельных народов. В статье сделан вывод, что Казахстан в конце XIX в. стал основным поставщиком скотоводческого сырья на внутренние рынки империи, это определило его сырьевую направленность на длительное время.

Соль во все времена являлась важным продуктом для многих народов. Из истории известны факты, когда из-за нее вспыхивали войны, происходили бунты. При Петре I была установлена государственная монополия на данный продукт. Эта мера была вызвана, с одной стороны, стремлением обеспечить ею население страны, с другой – контролировать как добычу, так и продажу соли. Россия была богата соляными месторождениями. Особенно много было самосадочных озер на местах кочевий казахского народа. На землях только одной Букеевской орды было более 2 тыс. озер. Самыми известными являются Эльтон и Баскунчак. Во второй половине XIX в. добычей на данных источниках занимались только казахские рабочие.

Одним из первых о значимости продукта и соленых озер в жизни кочевых народов писал знаменитый путешественник и исследователь П.С. Паллас [22]. Он сравнивал процесс обработки сырых кож казахами и калмыками с применением соли, уделив внимание разнообразным способам выделки шкур. К. Дебу указывал на общие черты процесса обработки кожи казахскими и русскими мастерами [8]. Русский мастер, кожевник М. Рылов довольно подробно характеризовал применявшиеся всевозможные приспособления и устройства при обработке кожи [25]. В трудах Ф. Хельмерсена, Г.М. Броневского сообщается, что народы перенимали друг у друга наиболее интересные и полезные методы выделки кожевенного сырья [4, 27]. Среди казахстанских исследователей следует выделить работы Э.А. Масанова, У.С. Кыдралина, имеющие этнографический характер с подробным описанием процесса отделки кожи кочевниками различными способами [14–16].

В настоящее время растет интерес к отдельным аспектам национальной культуры. Объясняется это возрождением традиционных промыслов в разных частях мира, а также пониманием важности национальной идентичности [18]. Среди традиционных промыслов казахов важное место занимало кожевенное производство. Казахские исследователи, описывая способы выделки шкур, чаще писали об использовании кисломолочных продуктов. Для территории Западного Казахстана и Букеевской орды наиболее приемлемым стало применение соляного способа, что доказывают материалы исследования. Целью статьи является изучение использования соли в повседневной жизни кочевого населения.

Казахстан был богат соляными источниками, которые имели хозяйственно-экономическое значение в жизни народа. Так, казахи, чтобы увеличить тучность скота, для получения хороших удоев молока и жирности мяса подсыпали в корм соль, что способствовало также повышению вкусовых качеств мяса

животных [2. С. 9]. Особенно нуждались в ней слабые животные для поддержания пищеварения. В Букеевской орде, где было много солончаков, в основном разводили овец и верблюдов, и здесь, в отличие от других регионов, падеж живности был значительно меньше. Поваренная соль вместе с польюнью предохраняла животных от болезней [19. С. 49]. По исследованиям Бусенго, Либеха, де-Сэва, все эти меры также придавали шерсти мягкость, шелковистость, а также способствовали плодовитости животных [12. С. 228].

Для нужд скотоводства кочевникам разрешалось пользоваться соляными озерами, которые не находились в ведении казны. Рапа этих озер была очень низкого качества. Многие арендаторы выступали против свободной выдачи соли казахам. Но, как было сказано в одном из документов, «способ этот не может быть допущен без стеснения калмыков и киргизов (казахов. – *Авт.*), привыкших покупать соль на каждом шагу, которая не столько нужна им для собственного продовольствия, а сколько для скота, составляющего все их богатство» [5. Л. 16]. Вот почему управляющий Астраханской губернией предложил министру финансов в августе 1858 г. отвести скотоводам «им известные озера по местам их кочевок, где они могли бы производить добычу». Далее управляющий отмечает, что казна получала бы куда больше дохода от откупной системы, но «зато народ будет поставлен в ответственное положение от монополии откупа». Эта мера могла привести только к ухудшению положения местного населения, ведь «соль первая потребность и, кроме того, имеет особую важность из-за рыболовства» [5. Л. 17].

Астраханские солепромышленники неоднократно просили предоставить им озера в арендное содержание, а также запретить бесплатную выдачу соли. Правительство осознавало, что принятие данных мер может подорвать скотоводство, являвшееся главным занятием как казахов, так и калмыков. Налог, собираемый государством с поголовья скота местного населения, был весьма значителен, отказываться от такой прибыли оно, конечно, не желало [5. Л. 18].

С середины XIX в. начинается рост добычи рыбы на Волге и Урале. Соответственно, растет потребность и в соли. Для соления употреблялся мелкий астраханский сорт. На каждый пуд рыбы приходилось от 10 до 15 фунтов. Оставшийся от рыбы тузлук сливали, сушили и употребляли для соления мелких лещей [21. С. 18]. Гурьевские рыбопромышленники готовили красную рыбу и икру в море, а затем с моря отправляли в Астрахань. На один пуд икры использовали от 76 до 86 золотников. Спрос на икру год от года рос, особенно на зернистую. Потребность минерала на каждый вид рыбы отражена в таблице. В зависимости от сортности затрачивалось особое количество соли [11. С. 36].

**Количество соли, необходимое на посол разных видов рыбы
(в пудах и фунтах) [5. Л. 23; 21. С. 10; 18. С. 11]**

Виды рыб	1812 г.	1856 г.	1875 г.
Белуга	24 ф.	1 пуд	1 пуд
Осетр	16–18 пуд.	1 пуд	1 пуд
Севрюга	8-10 пуд.	8 пуд.	1 пуд
1000 шт. сельдей			7 пуд.
1000 шт. сазанов	65 пуд.		32 пуд.
1000 шт. лещей	2 пуд.	7-12 пуд.	5-8 пуд.
1000 шт. воблы	2 пуд.		1 пуд 30 ф.
1000 шт. щук			25 пуд.
1000 шт. судаков	85 пуд.	16-20 пуд.	14-20 пуд.
1 пуд сома	25 ф.		1 пуд
100 пудов икры	20 пуд.		18 ф.
1 пуд тюленей	4 ф.		

Для ежегодного соления рыбы, по донесению канцелярии Уральского казачьего войска, требовалось 275 000 пудов. На соление рыбы всех сортов требовалось примерно 8 фунтов соли, для зернистой икры 1 фунт, паюсной – 8 фунтов на 1 пуд. В том же донесении указывается, что в 1866 г. красной рыбы было выловлено – 184 250 пудов, черной в 1863 г. – 1 003 970 пудов, икры в 1862 г. – 20 060 пудов. На всю эту продукцию потребовалось 246 946 пудов [7. Л. 25–25об.]. Так, при посещении Астрахани императором Александром II на его вопрос о том, какое количество соли употребляется на посол рыбы, астраханский купец Сапожников ответил, «что требуется от 200 до 300 тыс. пуд.» [23. С. 20].

Соление рыбы происходило следующим образом: рыбу вылавливали из воды, клали на три дня в ларь, пересыпая солью от 10 и более фунтов на пуд. Затем рыбу перекаладывали в трюмы. На дно трюма клали рогожу, каждый слой рыбы пересыпали солью. И так несколько слоев. Сверху покрывали рогожей и лубками, на все уходило около 10 фунтов зимой, до 15 фунтов – летом [21. С. 25].

Применение соли нашло отражение в обработке сырых шкур и производстве кожевенной продукции. В деревенском обиходе употреблялись шкуры падшей или убитой скотины, но для специального производства кож и кожевенных изделий таких единичных случаев поступления материала для обработки не хватало. Сырьевой базой специализированного кожевенного производства могли быть только географически ограниченные районы торгового скотоводства [1. С. 147]. В сельской местности спрос на кожу был довольно ограниченным. Изделия из кожи (сапоги, полушубки и проч.) для основной массы населения были недоступны. Поэтому кожевенный товар прежде всего предназначался для зажиточных слоев населения и в значительных объемах для армии. Государство уделяло большое внимание приготовлению ее в весьма большом количестве для армии [28. Л. 4]. Из выделанной кожи изготавливали не только одежду или обувь, но все самое необходимое для нужд армии (потники, нагрудники, подпруги, подхвостники, уздечки, ремни). Значительное количество шкур шло на рынок Средней Азии и России [10. С. 30].

Из выделанной кожи и овчины казахи изготавливали одежду, обувь, головные уборы, посуду, шорные и многие другие изделия. Однако в технике кожевенного производства преобладали самые примитивные приемы работы. Для выделки шкур на большей части Казахстана применяли молочно-кислые и мучные растворы. В Западном Казахстане из-за наличия соляных озер население больше использовало соль. Несмотря на примитивность техники кожевенного производства, мастера достигли высокого совершенства в художественном оформлении изделий. Наибольшее распространение получило тиснение. Тисненый узор можно было встретить на кожаной посуде, шорных изделиях, поясах. Э.А. Масанов довольно подробно описывал способы тиснения и различного рода технические приемы [15. С. 13–14; 16. С. 99–101]. Н.Г. Апполова приводит пример дубления кожи с использованием кислого молока [1. С. 62]. Местное население отмачивало кожу посредством квасценосных глин и сильного механического перетирания. Однако качество выделки оставалось низким и кожевенный материал не отличался высокой прочностью [17. С. 227]. Низкий уровень производительности труда и качество продукции не позволили казахским кожевенникам и скорнякам выдержать конкуренцию с привозными товарами, и с 1880-х гг. они практически прекратили обработку сырья для продажи на рынок.

Портное, сапожное, шорное ремесла были распространены большей частью среди беднейших казахов. Этим ремеслом занимались исключительно женщины [13. С. 4]. В зависимости от назначения шкуры квасились и намазывались маслом, в результате чего получалась сыромять – кожа, шедшая на опойку и подошву. Кожу баранов и коз квасили и дубили. Замшу замачивали в

растворе соли, потом уже коптили. Одним из средств, использовавшихся при дублении кожи, была соль. Ею пересыпали сырую кожу, сворачивали, держали в теплом месте до тех пор, пока не появлялся неприятный запах, начинали вылезать волосяные корни. Кожу скоблили, сушили, а затем замачивали в кислом молоке четверо суток. Полученный материал окуривали и разминали до тех пор, пока он не становился мягким, а затем окрашивали. Для окрашивания использовали корень ревеня, который варили в воде с квасцами с добавлением бараньего сала. Сало придавало краске устойчивость, она не смывалась водой. В результате кожа приобретала желтый цвет.

Важно было аккуратно снять шкуру, не порезав и не повредив ее. На рынки в большом количестве попадала порезанная кожа, о чем писал министр внутренних дел, генерал-адъютант Закревский Оренбургскому губернатору. Он отметил, что кожи портят мясники, использующие ножи для скорости в работе, «от каковой поспешности кожи во многих местах прорезываются» [28. Л. 3–4]. В связи с этим министр потребовал кожи снимать не ножами, а «пестами» (т.е. пальцами. – *Авт.*). Предложенный способ снятия шкуры испокон веков использовали казахи. Министр предлагал метод, широко распространенный у казахов в быту.

Для того, чтобы шкура сохранилась и не испортилась, ее солили. Такие мокросоленые шкуры считались самыми дорогими. На большую бычью шкуру зимой брали от 14 до 16 фунтов, а летом от 20 до 25 фунтов соли. На коровью зимой затрачивалось 8–12 фунтов, летом 12–15 фунтов. Сырье расстилали на землю шерстью вниз, ровно обсыпали солью, терли рукой, чтобы она хорошо пристала. Если шкура правильно была посолена, то через три дня это уже было видно. На поверхность должны были выступить соляные кристаллы. Если же все пропитывалось, то снова засыпали солью, сворачивали в сверток, завязывали веревкой. Через пять дней снова солили и сворачивали. Если шкура плохо просаливалась, то она могла запреть. В случае, когда отсутствовали кристаллы, шкуры сушили в тени, в хорошо проветриваемом месте. [3. С. 14].

Известный кожевенный мастер конца XIX в. М. Рылов отмечал, что самыми лучшими видами являются соленые кожи. Солили шкуры двумя способами: соление под сушку – слабосоление (сухосоление) с расходом соли от 3 до 6 фунтов на кожу и соление в тузлуке (мокросоление) с употреблением соли от 6 до 12 фунтов, в зависимости от размеров и плотности кожи. Для соления кожи лучше использовать, по мнению М. Рылова, не хлористый натрий, т.е. поваренную соль, а сернокислый натрий (глауберову соль) [8. С. 87].

Из конских и воловьих шкур делали различные сосуды. Для этого сырые кожи варили до тех пор, пока шерсть не начинала облазить, скоблили с обеих сторон ножами до белизны и промывали водой. Потом в течение недели держали в подсоленном кислом молоке. Таким же образом выделяли кожу на сапоги. Из козлиных и бараньих шкур получали сафьян. Шкуры на 24 часа замачивали в воде, потом клали в известковую воду на 10 дней. Через 10 дней очищали кожу и снова замачивали в известковой воде на 4 недели. Затем замачивали последовательно в собачьем помете, пшеничных отрубях и медовом растворе. Когда кожи приобретали желтизну, их клали в кадку с чистой водой и разводили в ней полтора пуда соли и оставляли в рассоле на 5 дней. Через 5 дней готовили свежий раствор соленой воды, где на 6 ведер воды клали 2 пуда и оставляли в этом тузлуке кожи на 2 дня. Последним этапом было окрашивание готовой кожи. Сафьян промывали в чистой воде и вывешивали в тени, когда подсыхала, ее гладили деревянным валиком. Кожа становилась мягкой и приобретала лоск [24. С. 244, 251].

Учитывая то обстоятельство, что регион был богат сырьем, он имел, казалось бы, все данные для развития и расширения кожевенного промысла,

однако широкого распространения промысел не получил. Основными причинами были дороговизна дубильных веществ и высокая цена сырых кож, что не представляло выгоды для производителей. Мелкие производители в селах занимались выделкой кож как подспорьем к сельскому хозяйству [9. С. 18]. До 1897 г. выделка кож была сосредоточена в Оренбургской губернии. В связи с интенсивной колонизацией в конце XIX в. кожевенный промысел получил развитие в Уральской области [20. С. 71].

Таким образом, при наличии огромного потенциала для развития кожевенного производства в виде бесчисленных стад скота в регионе была слабо развита обработка скотоводческого сырья. Объяснялось это, с одной стороны, отсутствием хороших специалистов, с другой стороны, само государство не стремилось развивать Казахстан как промышленный центр производства. Отсюда, прежде всего, в большом количестве вывозилось сырье, поступавшее в центрально-промышленные районы империи, где после обработки уже готовые изделия поступали на рынки окраин Российской империи. Закупали сырье по низким ценам, готовая продукция продавалась уже по высокой цене. Такое положение вещей было выгодно как производителям, так и реализаторам. Порой разница между закупленным сырьем и готовой продукцией была выше в 20 раз. Казахстан в конце XIX в. стал основным поставщиком скотоводческого сырья на внутренние рынки империи, это определило его сырьевую направленность на длительное время.

Литература

1. *Апполова Н.Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 456 с.
2. *Бергштрессер К.О.* О соляных источниках в России // Астраханские губернские ведомости. 1855. № 48.
3. *Бродов В., Викторов В.* Скорняжное дело. Практическая книга для крестьян, фермеров, современных кустарей, охотников, заготовителей и всех, кто хочет знать это старинное и доходное ремесло. М.: Воскресенье, 1992. 253 с.
4. *Броневский Г.М.* Записки о киргиз-кайсаках Средней орды // Отечественные записки, 1830. Ч. 42, № 121. С. 47–61.
5. Государственный архив Астраханской области (далее ГА АО). Ф. 1. Оп. 8. Д. 130.
6. ГА АО. Ф. 378. Оп. 1. Д. 4.
7. ГА АО. Ф. 369. Оп. 1. Д. 149.
8. *Дебу К.* Выделка шкур. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1906. 136 с.
9. *Дебу К.* Курс сельскохозяйственной технологии. М.; Л.: Наука, 1927. 299 с.
10. *Жанбосинова А.С.* Домашние промыслы и кустарно-ремесленное производство в Казахстане во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1997. 176 с.
11. История Казахстана в источниках зарубежных архивов (по материалам Государственного архива Астраханской области РФ). Атырау, 2007. 115 с.
12. *Казанцев И.* Описание киргиз-кайсаков. СПб.: Тип. Товарищества Общественная польза, 1867. 231 с.
13. *Колмогоров Г.В.* О промыслах и торговле в Киргизской степи Сибирского ведомства. Оренбург: Тип. Б. Бреслина, 1850. 41 с.
14. *Кыдралин У.С.* Культура и быт казахов дореволюционного Мангышлака: автореф. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1975. 36 с.
15. *Масанов Э.А.* Домашние промыслы и ремесла казахского народа во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. ... канд. ист. наук. М., 1960. 19 с.
16. *Масанов Э.А.* Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата: Наука КазССР, 1966. 322 с.
17. *Мейер Л.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб.: Тип. Э.Веймара и Ф. Персона, 1865. Ч. 1. 288 с.
18. *Минеева Е.К.* Создание национально-территориальной автономии народов мари, мордвы и чувашей // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2007. Т. 9, № 2. С. 373–381.
19. *Островский Э.* Поездка во Внутреннюю киргиз-кайсацкую орду с ветеринарной целью // Букеевской орде 200 лет. Алматы: Элке, 2001. Кн. 3. 204 с.
20. *Обзоры Оренбургской губернии на 1895.* Оренбург, 1896. 62 с.

21. Овсянников А. Очерки рыболовства по реке Волге и берегам Каспийского моря // Журнал Министерства Внутренних Дел. 1856. Ч. XXI. Кн. 12. Отд. VI. С. 17–42.
22. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773. 857 с.
23. Посещение государем императором в 1872 г. Житного рыболовного промысла на Каспийском море, принадлежащем коммерции советникам Сапожниковым. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1872. 27 с.
24. Раввинский И.В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний по гражданскому и естественному их состоянию в отношении к земледелию, промышленности и домоводству. СПб.: Тип. Х. Генце, 1809. 527 с.
25. Рылов М. Кожевенное производство. Практическое руководство к выделке кожи. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1894. 170 с.
26. Труды Астраханского статистического комитета. Астрахань, 1875. Вып. 4. 89 с.
27. Хельмерсен Ф. Путешествие по Уралу и киргизской степи в 1833 и 1835 гг. // История Казахстана в западных источниках XII–XX вв. Алматы: Санат, 2006. Т. 5. 408 с.
28. Центральный Государственный архив Республики Казахстан (далее ЦГА РК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 291.
29. ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 4822.

ДЖУМАГАЛИЕВА КУЛЯШ ВАЛИТХАНОВНА – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Казахстана, Казахский агротехнический университет имени С. Сейфуллина, Казахстан, Астана (d_kylash@mail.ru).

КРАСНОВА МАРИНА НИКОЛАЕВНА – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и культуры зарубежных стран, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (makrasnova@mail.ru).

K. DZHUMAGALIYEVA, M. KRASNOVA

THE USE OF SALT IN ECONOMIC LIFE OF THE KAZAKH PEOPLE

Key words: the Kazakhs, exchange trade, salt, fishery, trade turnover, fair, cattle husbandry products, processing of skins.

The aim of the article is the study of salt use of in everyday life of nomadic population. In the article on the basis of archival documents, historical sources and literature the value of salt in economic life of the Kazakhs in the XIX century is revealed. Reasons for increase in this product's necessity among the Kazakh people are determined. Widespread use of the mineral is revealed in the cattle husbandry, fishery and leather craft. Research material can be used for the study of ethnography of specific peoples. The article concludes that Kazakhstan in the end XIX became a basic supplier of cattle husbandry raw material to internal markets of the empire, it defined its long-lasting raw material orientation.

References

1. Appolova N.G. *Ekonomicheskie i politicheskie svyazi Kazakhstana s Rossiei v XVIII – nachale XIX v.* [Economic and political connections of Kazakhstan with Russia in XVIII – beginning of XIX century]. Moscow, AN SSSR Publ., 1960, 456 p.
2. Bergstretser K.O. *O solyanykh istochnikakh v Rossii* [About the salt sources in Russia]. *Astrakhanskie gubernskie vedomosti* [Astrakhan provincial Gazette], 1855, no. 48.
3. Brodov V., Viktorov V. *Skomyazhnoe delo. Prakticheskaya kniga dlya krest'yan, fermerov, sovremennykh kustarei, okhotnikov, zagotovitelei i vsekh, kto khochet znat' eto starinnoe i dokhodnoe remeslo* [Skinner business. Practical book for peasants, farmers, modern handicraftsmen, hunters, government purveyors and all, who wants to know this ancient and profitable handicraft]. Moscow, Voskresen'e Publ., 1992, 253 p.
4. Bronevskii G.M. *Zapiski o kirgiz-kaisakakh Srednei ordy* [Notes about Kyrgyz-kaysak of the Middle Horde]. *Otechestvennye zapiski*, 1830, part 42, no. 121, pp. 47–61.
5. *Gosudarstvennyi arkhiv Astrakhanskoi oblasti. F. 1. Op. 8. D. 130* [State Archives of the Astrakhan region. Archive 1. Anagraph 8. Document 130].
6. *Gosudarstvennyi arkhiv Astrakhanskoi oblasti. F. 378. Op. 1. D. 4* [State Archive of the Astrakhan region. Archive 378. Anagraph 1. Document 4].
7. *Gosudarstvennyi arkhiv Astrakhanskoi oblasti. F. 369. Op. 1. D. 149* [State Archive of the Astrakhan region. Archive 369. Anagraph 1. Document 149].
8. Debu K. *Vydelka shkur* [Making of hides]. St. Petersburg, 1906, 136 p.
9. Debu K. *Kurs sel'skokhozyaistvennoi tekhnologii* [Course of agricultural technology]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1927, 299 p.
10. Zhanbosinova A.S. *Domashnie promysly i kustarno-remeslennoe proizvodstvo v Kazakhstane vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.: dis. ... kand. ist. nauk* [Domestic trades and handicraft-

handicraft production in Kazakhstan in the second half of XIX – beginning of XX centuries: Diss.]. Almaty, 1997, 176 p.

11. *Istoriya Kazakhstana v istochnikakh zarubezhnykh arkhivov (po materialam Gosudarstvennogo arkhiva Astrakhanskoi oblasti RF)* [History of Kazakhstan in the sources of foreign archives (on materials of the Russian State Archive of the Astrakhan region)]. Atyrau, 2007, 115 p.

12. Kazantsev I. *Opisanie kirgiz-kaisakov* [Description of the Kirghiz-kaysaks]. St. Petersburg, 1867, 231 p.

13. Kolmogorov G.V. *O promyslakh i torgovle v Kirgizskoi stepi Sibirskogo vedomstva* [About crafts and trade in Kirghiz steppe of the Siberian department]. Orenburg, 1850, 41 p.

14. Kydralin U.S. *Kultura i byt kazakhov dorevolutsionnogo Mangyshlaka: avtoref. ... kand. ist. nauk* [Culture and way of life of Kazakhs of pre-revolution Mangyshlak: Diss. Abstract]. Alma-Ata, 1975, 36 p.

15. Masanov E.A. *Domashnie promysla i remesla kazakhskogo naroda vo vtoroi polovine XIX – nachale KhKh v.: avtoref. ...kand. ist. nauk* [Domestic trade and handicraft of the Kazakh people in the second half of XIX – beginning of XX century: Diss. Abstract]. Moscow, 1960, 19 p.

16. Masanov E.A. *Ocherk istorii etnograficheskogo izucheniya kazakhskogo naroda v SSSR* [An essay of history of ethnographic study of the Kazakh people in the USSR]. Alma-Ata, Nauka KazSSR Publ., 1966, 322 p.

17. Meier L. *Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Kirgizskaya step' Orenburgskogo vedomstva* [Materials for geography and statisticians of Russia, collected by the officers of the General staff. Kirghiz steppe of the Orenburg department]. St. Petersburg, 1865, part 1, 288 p.

18. Mineeva E.K. *Sozdanie natsional'no-territorial'noi avtonomii narodov mari, mordvy i chuvashel* [Creation of a national-territorial autonomy of the peoples of the Mari, Mordovians and Chuvash]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [News of the Samara scientific center of the Russian academy of sciences], 2007, vol. 9, no. 2, pp. 373–381.

19. Ostrovskii E. *Poezdka vo Vnutrennyuyu kirgiz-kaisatskuyu ordu s veterinarnoi tsel'yu* [Journey to the Internal Kirghiz-Kaisak horde with a veterinary aim]. In: *Bukeevskoi orde 200 let* [Bukeyev horde 200 years]. Almaty, 2001, 204 p.

20. *Obzory Orenburgskoi gubernii na 1895* [Reviews of the Orenburg province on 1895]. Orenburg, 1896, 62 p.

21. Ovsyannikov A. *Ocherki rybolovstva po reke Volge i beregam Kaspiiskogo morya* [Fishing essays on the Volga River and the shores of the Caspian Sea]. *Zhurnal Ministerstva Vnutrennikh Del* [Magazine of Ministry of Internal Affairs], 1856, part XXI, book 12.

22. Pallas P.S. *Puteshestvie po raznym provintsiiam Rossiiskoi imperii* [Trip on the different provinces of the Russian empire]. St. Petersburg, 1773, 857 p.

23. *Poseshchenie gosudarem imperatorom v 1872 g. Zhitnago rybolovnago promysla na Kaspiiskom more, prinaldezhashchem kommersii sovetnikam Sapozhnikovym* [Visit by an emperor in 1872 Zhitnyaya fishing in the Caspian Sea belonging to commerce advisors Sapozhnikov]. St. Petersburg, 1872, 27 p.

24. Ravvinskii I.V. *Khozyaistvennoe opisanie Astrakhanskoi i Kavkazskoi gubernii po grazhdanskomu i estestvennomu ikh sostoyaniyu v otnoshenii k zemledeliyu, promyshlennosti i domovodstvu* [Economic description of the Astrakhan and Caucasian provinces on their civil and natural state in attitude toward agriculture, industry and housekeeping]. St. Petersburg, 1809, 527 p.

25. Rylov M. *Kozhevennoe proizvodstvo. Prakticheskoe rukovodstvo k vydelke kozhi* [Leather production. Practical guidance to making of skin]. St. Petersburg, 1894, 170 p.

26. *Trudy Astrakhanskogo statisticheskogo komiteta* [Labours of the Astrakhan statistical committee]. Astrakhan, 1875, iss. 4, 89 p.

27. Khel'mersen F. *Puteshestvie po Uralu i kirgizskoi stepi v 1833 i 1835 gg.* [Trip on Ural and Kirghiz steppe in 1833 and 1835]. In: *Istoriya Kazakhstana v zapadnykh istochnikakh XII–XX vv* [History of Kazakhstan in the western sources of XII–XX century]. Almaty, Sanat Publ., 2006, vol. 5, 408 p.

28. *Tsentr'al'nyi Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan. F. 4. Op. 1. D. 291* [Central State Archives of the Republic of Kazakhstan. Archive 4. Anagraph 1. Document 291].

29. *Tsentr'al'nyi Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan. F. 4. Op. 1. D. 291* [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan. Archive 25. Anagraph 1. Document 4822].

DZHUMAGALIYEVA KULYCH – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of History Kazakhstan Department, S. Seifullin Kazakh Agro Technical University, Kazakhstan, Astana (d_kylash@mail.ru).

KRASNOVA MARINA – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of History and Culture of Foreign Countries, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (makrasnova@mail.ru).

УДК 271.2-788(470.344) "1800/1850"

ББК Э372.240.91-64(2Рос.Чув)

А.Н. ЕВДОКИМОВА

СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МОНАШЕСТВУЮЩЕГО ДУХОВЕНСТВА ЧУВАШСКОГО КРАЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА*

Ключевые слова: монашество, монастыри, православие, социальный статус, благочинный, социокультурный облик.

Предложены результаты исследования основных направлений деятельности православных монастырей на территории Чувашского края в первой половине XIX в. В чувашских приходах Казанской губернии в рассматриваемое время функционировали три монастыря, которые изначально были основаны как центры миссионерства среди нерусского населения, однако к концу XVIII в. они утратили эту роль, став специфическими исправительными учреждениями для совершивших правонарушения приходских священно- и церковнослужителей и рядовых прихожан. Именно приходской клир и являлся основным источником пополнения обителей, которые, однако, были ограничены законодательно штатами в результате секуляризационной реформы 1764 г. В соответствии с принадлежностью к классу монастырей им полагалось определенное финансовое обеспечение. Изучаемые монастыри в составе Казанской епархии считались второстепенными, поэтому они получали крайне скудное содержание из казны, а монастырская братия была вынуждена большую часть времени тратить на поддержание определенного уровня жизни. Основными направлениями деятельности и применения своих усилий монахов можно считать: образовательную, исправительно-воспитательную, материально-бытовую, религиозную. Мало-заметно проявлялись миссионерская и культурно-просветительская сферы.

На территории Чувашии в разное время функционировало несколько православных монастырей. После 1764 г. в связи с секуляризационной реформой их осталось немного. В Чебоксарах – трехклассный Свято-Троицкий мужской монастырь, к которому были приписаны две пустыни: Сретенская, или Владимирская, вскоре превращенная в приходскую церковь, и Спасо-Геронтьева, упраздненная в 1838 г. ввиду того, что в ней «не предстояло никакой особенной нужды при достаточном количестве окрестных монастырей». В Цивильске Тихвинский монастырь был оставлен за штатом и некоторое время не получал никакого содержания из казны. Монастыри Казанской епархии, основанные здесь прежде всего как центры православия, деятельность которых должна была быть направлена по замыслу светских и церковных властей на распространение христианской религии, к концу XVIII в. постепенно утрачивают эту роль, превратившись в места заточения для новокрещеного населения и язычников. Монастырская жизнь также являлась средством исправления для провинившихся представителей приходского духовенства и как последнее пристанище для престарелых и одиноких заштатных священно- и церковнослужителей.

Основным источником пополнения монашествовавшего духовенства являлся приходской клир. Документальным доказательством принадлежности человека к сословию черного духовенства являлись особые «монастырские записные книги», имеющие табличную форму. В них фиксировались его настоящее звание, род деятельности или должность в обители, социальное происхождение и этническая принадлежность, возраст, образование, все ступени служебной карьеры в миру и после пострижения, заслуги, поощрения и наказания. В 1830 г. в Троицком монастыре служило 12 человек во главе с архимандритом (включая троих «бельцов» и троих учеников). По национальной принадлежности все они были русские, один имел светское происхождение.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФГНФ проекта № 15-11-21003.

ние. В графе о поведении в отношении 8 человек имелись замечания и наказания. Не имеющими духовного образования считались трое. В Тихвинском монастыре при необходимых 7 членах братии во главе со строителем только 5 человек являлись действительными его членами, послушников – 10 (из них 6 – учащиеся). Из 15 человек, проживавших в данном монастыре, трое – выходцы из светских слоев общества, о национальности и образовании которых сведения отсутствуют. Негативно характеризовались 7 послушников. Игумен монастыря иеромонах Серафим являлся вольноотпущенником. В Спасо-Геронтьевой пустыне при необходимых 7 членах братии проживало только трое: строитель и послушники. Глава пустыни иеромонах Иоасаф был выходцем из крестьян. Все три монаха – русские, отличающиеся хорошим поведением [6. Д. 15. Л. 11–16, 51–53, 61–63].

Состав членов монастыря, как правило, с течением времени не менялся, за исключением некоторого увеличения его численности за счет послушников. Менялись, но несущественно, некоторые личностные характеристики монастырских жителей. В 1815 г. в Троицком монастыре проживало 9 человек (включая 2 дьяконов). Светское происхождение имели 3 человека, по национальной принадлежности 1 – из немцев, все считались «исправного» поведения, не обучавшихся нигде было 7 служителей. В 1850 г. здесь находилось 14 человек, из них 9 – собственно братия, 5 – послушники для приобретения навыков причетнических обязанностей. Из 14 человек 5 происходили из крестьян и мещан. «Неисправных» в поведении зафиксировано 4, не имевших образование – 8. Несколько сократился срок испытания, необходимый для пострижения [2. Д. 3. Л. 45, 51; Д. 32].

Согласно российскому законодательству нижний порог возраста мужчин, желающих вступить в монашество, составлял 30 лет, женщины могли постричься после 40. Потенциальный монах должен был «уволиться от общества» (для государственных крестьян) или со службы; ограничениями считались наличие семьи, малолетних детей, а также финансово-долговых обязательств и нахождение под судом. Только губернатор мог вынести окончательное решение об увольнении в монашество лиц из податных состояний, и то после соответствующей резолюции со стороны палаты государственных имуществ. В зависимости от возможностей монастыря можно было принимать престарелых, беспомощных священно и церковнослужителей «для пропитания», детей неимущих церковников «для практического приготовления к служительской должности». Члены монастырской братии были ограничены в некоторых гражданских правах. И монах, и послушник полностью отказывались от прежней собственности, не могли приобретать «недвижимое имущество, крепостных», им законодательно запрещалось заниматься торговлей (кроме продажи церковных вещей), быть поверенными в светских делах, принимать на хранение деньги и вещи (кроме книг). Пострижение предвлялось трехлетним «послушническим искусом», в течение которого кандидаты в полноценные монахи выполняли самую тяжелую и грязную работу. В архивах сохранилось несколько сотен прошений крестьян и обычных священно- и церковнослужителей, которые выражали свое желание закончить свой жизненный путь в тишине от мирской жизни, возможно, их к этому влекло и освождение от ряда фискальных повинностей [7. Ст. 250–252, 259–266, 1658].

Следует учитывать, что в монашество посвящал настоятель обители только при наличии здесь вакантных должностей. Как правило, послушники из светских сословий были вынуждены ожидать своего часа более 10 лет: например, так и не стал полноправным членом братии спустя более 20 лет

«прирожденный чуваш» П. Яковлев, находящийся в Троицком монастыре с 1833 г. [2. Д. 17. Л. 113].

Представители приходского духовенства постригались в иночество обычно по истечении трех лет. Вдовый или окончивший курс богословия священнослужитель при наличии безупречной характеристики поведения в клировой ведомости (это документ, подтверждавший принадлежность к белому духовенству) мог вступить в монашество практически сразу при своем поступлении в монастырь и уже через несколько лет из рядового монаха стать иеромонахом и даже настоятелем: например, архимандрит Троицкого монастыря Самуил в мае 1812 г. был пострижен в Оренбургской епархии с получением должности иеродиакона, в августе 1812 г. был рукоположен в иеромонахи, с 1817 г. по 1820 г. – строитель Цивильского монастыря, в 1820–1830 гг. – игумен Седмиозерской пустыни, с 1830 г. – настоятель в Чебоксарах [2. Д. 17. Л. 112].

Также законы предусматривали и возможность снятия монашеского сана и возвращения в прежнее сословие с ограничениями в возвращении прежних привилегий, заслуг, чинов.

С 1832 г. православные обители стали практической школой подготовки для выпускников духовных училищ с целью овладения ими умениями «для практического приготвления их» к причетническим должностям. За несколько месяцев, а для неспособных – в течение 1 года – они должны были научиться понимать православную богословскую литературу, петь псалмы, выучить катехизис, обучиться навыкам церковного делопроизводства. В целях предупреждения конфликтных ситуаций в будущей приходской жизни нерусского края этим послушникам опытными и авторитетными монахами должны быть «привиты необходимые в будущем такие качества, как терпение, покорность, добродетельность». Число таких воспитанников в 30–50-е гг. XIX в. в Чебоксарском Троицком монастыре редко превышало 4, по документам Цивильского Тихвинского изредка доходило до 8 [2. Д. 30. Л. 104; Д. 32; Д. 25. Л. 88–89; 3. Д. 19. Л. 2–7].

Троицкому монастырю, в котором по штатам 1764 г. положено быть 12 членов (7 – монашествующие, 5 – послушники), выделялось из уездного казначейства содержание в размере 791 руб. 95 ½ коп., указом Павла I от 18 декабря 1797 г. увеличенное в два раза, т.е. до 1450 руб. 91 коп. Из этой суммы часть средств уходила на «церковные нужды», т.е. на ремонт монастырских зданий и хозяйственных построек, починку церковной утвари, топливо, «угощение приезжающих властей», обеспечение лошадей кормом. Почти половина средств, 787 руб. 60 коп., предназначалась на выплату жалования братии и монастырским служителям. Например, в 1839 г. архимандриту монастыря выплачивалось 200 руб. ежегодно, казначею – 35 руб., четверем иеромонахам и двум иеродиаконам – по 24 руб.; четыре рядовых члена братии (в том числе послушники) получали по 20 руб. При монастырях до 1861 г. проживали 9 штатных служителей из числа государственных крестьян различных селений Чебоксарского уезда, обязанных служить здесь 25 лет в качестве прислуги, на их плечи ложилась вся хозяйственная работа в монастырских владениях. Их труд оплачивался в размере 20 руб., за исключением пекаря, которому полагалось 26 руб.

Важным источником прибыли монастыря являлся доход от отдачи части собственности в арендное пользование. Например, в 1859 г. два каменных амбара были сданы в аренду Чебоксарской городской управе для хранения здесь продуктов, предназначенных военным служащим – за полгода было получено 25 руб. серебром. Сенокосные угодья общей площадью приблизительно в

22 десятины, расположенные за Волгой, обрабатывались монахами и служителями и практически полностью обеспечивали скот кормом. У Троицкого монастыря в совместном пользовании со Спасогеронтьевой и Мироносицкой пустыней (Царевококшайский уезд) в Козьмодемьянском уезде находились рыбные ловли, по контракту отдаваемые зачастую марийским крестьянам, за это в 1819–1820 гг. монахи ежегодно получали по 450 руб. прибыли [5. Д. 7].

В 1859 г. рыбные ловли принесли в 1859 г. 120 руб. дохода, а мельница, расположенная в с. Русская Сорма Ядринского уезда, – 80 руб. Всем штатным монастырям России, в том числе и Чебоксарскому, в 1848 г. графиней А.А. Орловой-Чесменской (дочерью знаменитого фаворита Екатерины II) было завещано по 5 тыс. руб. Монастырь получил проценты с этой суммы в 1859 г. в размере 74 руб. 25 коп. Существенную статью доходов составляли «свечные деньги» и различные сборы: например, в 1851 г. они принесли прибыль на общую сумму в 395 руб. 25 коп. [2. Д. 24. Л. 63–64; Д. 41. Л. 26, 155–156].

Цивильскому Тихвинскому монастырю известным указом Павла I в 1797 г. было также положено ежегодное содержание. 300 руб. казенных денег распределялись следующим образом: жалование строителю – 100 руб., казначею – 30 руб., двум иеромонахам и одному иеродиакону – по 24 руб., двум послушникам – по 20 руб., всего на 6 штатных единиц 242 руб., оставшиеся 58 руб. предназначались на «дрова и провизию для общей трапезы». Владениями монастыря являлись рыбные ловли, расположенные на Волге и в Чекурских выселках, мельница в Свяжском уезде, лесные угодья – в Чебоксарском, пашня располагалась около монастыря. Поскольку владения были разбросаны, их также приходилось сдавать в аренду. Но желающих взять монастырскую собственность в арендное пользование и выплачивать владельцу оброки было мало, так как во многом это обстоятельство зависело от неудобного расположения источников «оброчных статей» и обязанности выплачивать строго определенную в контракте сумму независимо от доходности за тот или иной год. В отчете за 1860 г. мы видим, что издавна монастырю принадлежали «рыбные ловли с дровяным лесом 11 десятин», расположенные на Волге, но «с давних пор лес почти весь вырублен, вероятно, соседними селянами, годных к употреблению деревьев нет», соответственно, это имущество не приносило никакого дохода в указанное время [4. Д. 5559. Л. 7–10].

Имея незначительный казенный доход, монастырь был вынужден активно контактировать с окружающим миром: продавать свечи, просить пожертвования, совершать молебны и крестные ходы со знаменитой иконой Тихвинской Божьей Матери. Монахи ожидали июньской ярмарки в Цивильске, так как выручка от продажи свеч, икон и книг, кружечного сбора «пред чудотворной иконой» возрастала в несколько раз: например, в марте 1837 г. всех доходов в монастыре было 105 руб. 58 коп., в июне – 440 руб. 49 коп. О широких связях монастыря с миром свидетельствуют приходно-расходные книги. Монастырь закупал и у казанских, и у цивильских купцов воск, ладан, масло, необходимые для богослужений и выполнения треб, продовольствие и ткани для шитья одежды монахам; из консистории и духовных академий выписывалась поучительная и богослужебная литература. Чувашские крестьяне и цивильские мещане обеспечивали монастырь углем, дровами на отопление зданий, строительным лесом для ремонта построек. Из собственных средств монастырь выплачивал жалование наемной просвирне, сторожу и пастуху стада; временная, разовая работа, выполненная наемными работниками, также вознаграждалась: плотнику за ремонт зданий и остекление окон, бочкарю за изготовление утвари, портным за одежду, кузнецу за починку сапог и подковку

коней и т.д. Дорожные расходы, связанные с поездками в Казанскую консисторию и Чебоксарское духовное правление, также возмещались за счет монастыря. Как видим, большинство всех хозяйственных работ выполнялось представителями светских сословий, а также послушниками, находившимися в монастырях «в надежде пострижения».

Известный исследователь монастырей первой половины XIX в. С. Шадков отмечал, что монахам и белому духовенству, проживающему в монастырях, необходимо самим заниматься хозяйством, не нанимать работников, за счет собственных средств и своими усилиями заниматься пчеловодством, огородничеством, птицеводством, разведением фруктовых деревьев. Всем этим благородным трудом могли бы заниматься послушники – бывшие ученики, заштатные священно- и церковнослужители. Физический труд привел бы «к пользе самого духовенства», повышению его нравственности, не было бы времени на пьянство и отлучки. Но к широкой хозяйственной деятельности обитатели монастырей пока не стремились [8. С. 6, 29–33].

Полученные доходы обеспечивали жизнеобеспечение монастырской братии, направлялись на реконструкцию или ремонт зданий. Например, согласно отчету настоятеля Троицкого собора за 1852 г., «монастырь пришел в крайнюю ветхость, колокольня наклонилась и угрожала падением», в монастырских стенах обнаружались серьезные трещины. Совсем недавно произошел пожар, что потребовало ремонта крыши, произведенного впоследствии на собственные средства обители [4. Д. 5238. Л. 24].

Главной обязанностью монахов являлось служение Богу, что означало постоянное нахождение на «пути к достижению нравственного совершенства» через ежедневное совершение богослужения, молитв, «чтение душеполезных книг», рукоделие, «монастырское послушание». Деятельность монастыря и повседневная жизнь монахов являлась объектом пристального внимания благочинного над монастырями, должность которого была введена в 1799 г. Если благочинный священник контролировал обычно десять-пятнадцать приходских селений, то благочинному над монастырями полагалось столько «монастырей, сколько он может с удобностию иметь их под своим надзором» [1. С. 162].

Длительное время должность благочинного над монастырями Чувашского края занимал архимандрит Троицкого монастыря Самуил. Под его управлением находилось 3 монастыря: Троицкий, Тихвинский и Мироносицкая пустынь, находящаяся от Чебоксар в 117 верстах. Инструкция благочинному монастырей 1828 г. устанавливала широкий круг обязанностей. Главной обязанностью являлось наблюдение за богослужением в монастырских храмах: оно должно было совершаться по монастырскому уставу, не быть поспешным, не так, как среди прихожан, где иерея могут «стеснять приходские дела». На богослужении должна была присутствовать вся братия, за исключением лиц, находящихся в отъезде по монастырским делам. Настоятелю, если он совмещал руководящую должность с другими полномочиями (преподавание в училище, миссионерство, членство в духовном правлении или консистории), также можно было не присутствовать в обители. В отсутствие настоятеля руководство поручалось казначею или авторитетному «старцу». Настоятель должен был быть примером для братии во внешнем облике, образцовом содержании своей кельи, приходить по мере возможности на общую монастырскую трапезу. «Впадающих в прегрешения и проступки» старцы обязаны были исправлять внушением, а поскольку это часто оказывалось бесполезным, разрешалось о проступках доносить епархиальному архиерею.

Материальные ценности, имущество и церковная документация также являлись объектом попечения благочинного. Благочинный объезжал окрестные подведомственные монастыри один или два раза в год, об увиденном докладывал в письменной форме архиерею, совместно с настоятелем мог наложить епитимью на провинившихся.

С 1830 г. благочинный трех монастырей одновременно являлся миссионером. Миссионерская деятельность среди языческого и новокрещеного чувашского и марийского народов требовала специального богословского образования, опыта борьбы с «суевериями», доверия со стороны церковных властей. Всем этим Самуил обладал в полной мере и на закате своей жизни имел несколько соответствующих наград и поощрений от властей [2. Д. 17. Л. 111–113]. Но если состояние религиозности местного населения в отчетах миссионера показано в целом объективно и достоверно, то высокая нравственность монахов, отмеченная им в отчетах и в ведомостях о монашествующих, другими источниками подвергается сомнению.

Рассматриваемые монастыри находились в уездных городах, поэтому связи со светским миром были достаточно заметными. Монахи часто отлучались по делам своего учреждения из обители, но еще чаще некоторые из них покидали ее стены самовольно, без разрешения руководства. Например, в 1834 г. 2 иеромонаха Тихвинского монастыря (при 8 членах братии) были перемещены в монастыри Казанской епархии со строгим уставом под жесткий надзор с запрещением служения и «неослабным наблюдением с испытанием образа мысли и нрава»: Аарон – за посещение им женского раскольнического скита в Нижегородской губернии, а Филарет – за пьянство, неоднократные отлучки и попытки «пробраться ночью в дома к одиноким крестьянкам». Иногда в келиях под видом прачек и родственниц оказывались «распутные девки», которые навлекали на монахов серьезные подозрения в одном из главных смертных грехов – любодеянии. О несправедливой жизни монахов надзорные органы знали, но, к сожалению, многие другие монастыри Казанской епархии не могли похвастаться благонравным поведением своих подопечных. Видимо, и монахи знали, что им все сойдет с рук, поэтому особо не стремились исправить свое поведение. Спустя более чем 20 лет тот же Тихвинский монастырь находился на особом контроле благочинного, знавшего, что монахи продолжают вести вольготную жизнь, а вдовый священник С. Гремячкин совершает «дерзости, побил послушника, ходит к зазорной девке» [4. Д. 5412].

Желавшие поступить в сословие черного духовенства послушники также не всегда оправдывали свое нахождение в святых, с точки зрения властей, местах; с высокой долей сомнения они могли получить постриг. Например, находящийся с 1848 г. в Троицком монастыре послушник, чебоксарский мещанин Н. Шатилин в 1855 г. был удален из монастыря, так как «нисколько не оправдывал образом жизни своего звания»: часто отлучался в город, «послушания по лености не исполнял», до сих пор не научился чтению и пению, неизвестно куда дел деньги, выданные казначеем на покупку одежды, «по внешнему виду похож на крестьян», в течение двух лет не исповедовался и не причащался. Духовные власти в конце XVIII в. наказывали послушников из белого духовенства содержанием их «в железах», в воскресные и праздничные дни «давали только хлеб и воду», за неявку на службу вычитали часть доходов, но в другие сословия их не включали, используя их в качестве рабочей силы.

Но можно ли говорить о высокой нравственности рядового монашества, когда их руководители нередко показывали себя не соответствующими требованиям, предъявляемым духовному лицу. В фонде Казанской духовной консистории сохранилось немало дел, из которых мы видим, что многие настоятели

лишались своих почетных должностей из-за аморального поведения. Назначенный в 1827 г. архимандритом Троицкого монастыря Амвросий поссорился с дворянским заседателем Коноплевым и неоднократно его оскорблял, спустя год был замечен в нетрезвом виде в д. Голодяиха, одного экономического крестьянина ударил, другого «таскал за бороду», требовал себе стакана для вишневки большего размера, чем ему предложили, затем, напившись, «имея на груди 2 креста, в рясе без клобука, сидя на лавке, свалившись на оной, спал, свеся ноги на пол». Доказательств, представленных по делу, оказалось недостаточно: как явствует из материалов дела, крестьяне испугались возможных последствий для себя и не стали давать достоверных свидетельских показаний, путаясь в деталях, явно что-то недоговаривая. Но церковные власти вспомнили другие его провинности, поэтому решением Синода этот служитель Церкви был «лишен навсегда от исправления настоятельской должности» и послан в Свяжский Богородицкий монастырь со строгими порядками. Не лучшим образом характеризовался тихвинский игумен Елевферий, «злоречивый, сварливый, неблагонадежный», в 1845 г. снятый с настоятельства [3. Д. 20].

Употребление алкогольных напитков являлось основным пороком монашества, и на борьбу с ним духовным властям приходилось отводить немало энергии, которую можно было направить в другое русло, в частности, на христианское просвещение нерусских народов. Провинившегося монаха отправляли на некоторое время в другой монастырь; навсегда стремились избавиться от неугодного и безнадёжного служителя, но в большинстве случаев надежд на исправление не было, а освободившееся место занимал либо вчерашний представитель приходского духовенства, либо светское лицо, не отмеченное особыми добродетельными качествами. Власти считали одной из причин пьянства близкое расположение около монастырей питейных заведений, в частности, около Троицкого находилось два кабака, которых, по плану застройки г. Чебоксары, здесь не должно было быть. Но перемещение их в 1819 г. на другое место не снизило уровня пьянства.

Традиционно в российские монастыри на различные сроки, в зависимости от характера проступков, направляли провинившихся священно- и церковнослужителей, но большинство из них не показывало себя здесь лучшим образом. Наоборот, они негативно влияли на братию, особенно на еще не сформировавшихся нравственно послушников: например, два священника, содержащиеся в Тихвинском монастыре, в 1859 г. были переведены в другое место за поощрение ими пьянства, отлучек из монастыря монахов и смех в трапезной [2. Д. 30. Л. 42–43]. Количество провинившихся светских лиц в монастырях было сообразно штатам: чем крупнее монастырь, тем больше арестантов здесь находилось. Крупный Раифский монастырь содержал в 1852 г. 10 человек, Цивильский Тихвинский – двоих [4. Д. 5117. Л. 16–17, 25–26].

Длительное время все монастыри епархии являлись местом заключения прихожан за неисполнение ими христианского долга и аморальную жизнь. Например, в 1848 г. мужчин за десятилетний отказ от причащения и исповеди направляли в Троицкий мужской монастырь, а женщин за прелюбодеяние и рождение незаконных детей – в Свяжский Иоанно-Предтеченский женский монастырь [2. Д. 30. Л. 148; Д. 41. Л. 147–148].

Для исправления провинившихся прихожан, по мнению властей, «многие монастырские уставы оказывались недостаточно» строгими. С 1860 г. только два монастыря Казанской епархии являлись местом сосредоточения «арестантов»: Раифский Богородицкий и Свяжский Иоанно-Предтеченский, имеющие специальные изолированные помещения, расположенные вдали от городов, торгов и ярмарок и не обладавшие особо чтимыми святынями и мощами, кото-

рые привлекали к себе богомольцев. Специальная инструкция подробно регламентировала методы обращения монахов с провинившимися, чтобы те окончательно не ожесточились, наоборот, почувствовали поддержку со стороны церкви, а такими качествами, вероятно, должны были обладать люди морально и религиозно подготовленные, имеющие богатый жизненный опыт и способные повлиять и на оступившихся единственный раз, и на совершивших многократные правонарушения [4. Д. 5117. Л. 10–11; Д. 5648. Л. 1–2].

Таким образом, в рассматриваемое время монашествующее духовенство Чувашского края происходило в основном из русского заштатного или отошедшего на покой приходского духовенства, изредка встречались представители светских сословий. Монастыри являлись преимущественно местом исправления провинившихся прихожан и нерадивых священно- и церковнослужителей. В изучаемое время они утратили присущие им изначально миссионерские и культурно-просветительские функции, занимаясь социальной и хозяйственной деятельностью. Религиозное оживление их произойдет в следующую эпоху, когда государство и церковь осознают необходимость изменения форм и методов распространения официальной православной религии.

Литература

1. Бердников И.С. Краткий курс церковного права. Казань, 1888.
2. Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее – ГИА ЧР). Ф. 298. Оп. 1.
3. ГИА ЧР. Ф. 290. Оп. 1.
4. Национальный архив Республика Татарстан (далее – НА РТ). Ф. 4. Оп. 1.
5. НА РТ. Ф. 4. Оп. 51.
6. НА РТ. Ф. 4. Оп. 62.
7. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая I составленный. Т. IX. Законы о состояниях. СПб., 1857.
8. Шадков С. Угодья при монастырях и земли при сельских церквях в Казанской губернии. Казань, 1857.

ЕВДОКИМОВА АНЖЕЛИКА НИКОЛАЕВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (savelika76@mail.ru).

A. EVDOKIMOVA

SOCIAL POSITION OF MONASTIC CLERGY OF THE CHUVASH REGION IN THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY

Key words: *monastic clergy, monasteries, Orthodoxy, social status, rural dean, socio-cultural image.*

The results of research of orthodox monasteries' main activities in the territory of the Chuvash region in the first half of the 19th century are offered. In Chuvash parishes of the Kazan province at the time considered there were three functioning monasteries which had originally been founded as missionary centers for the non-Russian population. However, by the end of the 18th century they had lost that role, becoming specific correctional facilities for parish priests, clergymen and ordinary parishioners who committed legal wrongs. It is the parochial clergy that was the main source of monasteries replenishment which, however, were limited by law in respect of their staff as the result of the secularizing reform of 1764. In accordance with their belonging to a class of monasteries they were supposed to have a certain financing. The monasteries being studied as a part of the Kazan diocese were considered to be minor, therefore they received extremely poor remuneration from the Treasury, and the monastic community had to spend most of their time to maintain a certain standard of living. Educational, correctional and educational, material and household, religious areas can be considered the main activity of the monks. Missionary, cultural and educational spheres were hardly manifested.

References

1. Berdnikov I.S. *Kratkii kurs tserkovnogo prava* [A short course in Canon law]. Kazan, 1888.
2. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. F. 298. Op. 1* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 298. Anagraph 1].
3. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. F. 290. Op. 1* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 290. Anagraph 1].
4. *Natsional'nyi arkhiv Respublika Tatarstan. F. 4. Op. 1* [National Archives of the Tatarstan Republic. Archive 4. Anagraph 1].
5. *Natsional'nyi arkhiv Respublika Tatarstan. F. 4. Op. 51* [National Archives of the Tatarstan Republic. Archive 4. Anagraph 51].
6. *Natsional'nyi arkhiv Respublika Tatarstan. F. 4. Op. 62* [National Archives of the Tatarstan Republic. Archive 4. Anagraph 62].
7. *Svod zakonov Rossiiskoi imperii, poveleniem gosudarya imperatora Nikolaya I sostavlennyy. T. IX. Zakony o sostoyaniyakh* [The code of laws of the Russian Empire by order of Emperor Nicholas I composed. T. IX. The laws of the States]. St. Petersburg, 1857.
8. Shadkov S. *Ugod'ya pri monastyryakh i zemli pri sel'skikh tserkvakh v Kazanskoj gubernii* [Land of monasteries and land at rural churches in the Kazan province]. Kazan, 1857.

EVDOKIMOVA ANZHELIKA – Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor of Russian History Department named after A.V. Arsentieva, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (savelika76@mail.ru).

Ссылка на статью: Евдокимова А.Н. Социальное положение монашествующего духовенства Чувашского края в первой половине XIX века // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 4. – С. 60–68.

УДК 392(479.2):331](470.344)
ББК Т529(531.7)-4(2Рос.Чув)

О.В. ЕГОРОВА, Н.А. КАЗАКОВ

УСЛОВИЯ ЖИЗНИ И ТРУДА КАК ФАКТОРЫ АДАПТАЦИИ НАРОДОВ ЗАКАВКАЗЬЯ В ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ*

Ключевые слова: адаптация, миграция, домохозяйство, диаспора.

Изучение условий жизни и трудовой деятельности в Чувашской Республике мигрантов из Закавказья показало, что в Чувашской Республике созданы все необходимые (равные для всех народов) условия для успешной адаптации. Армяне, азербайджанцы и грузины практически в равной степени успешно используют все имеющиеся возможности для выбора жилья, места работы, реализации предпринимательских качеств и социальные гарантии, установленные государством. Данное исследование поможет объективно оценить миграционную ситуацию, выработать меры по укреплению толерантности, улучшению этноконфессиональной ситуации в Чувашской Республике. Методы, применяемые в ходе исследования, можно использовать при аналогичных исследованиях в других субъектах Российской Федерации.

Проблеме адаптации мигрантов в новой этнокультурной среде ученые посвятили достаточно много исследований. Однако социокультурная адаптация закавказских народов (азербайджанцев, армян и грузин) не раскрыта. Периодически появляющаяся в федеральных СМИ и в сети Интернет информация о межнациональных конфликтах, столкновениях между местными жителями и мигрантами, попытках совершения террористических актов оказывает дополнительное негативное влияние на отношение местных жителей к мигрантам. В этой связи проблема адаптации народов Закавказья в Чувашской Республике требует пристального внимания со стороны органов государственной власти и научного сообщества. Цель статьи состоит в комплексном историко-этнологическом изучении условий жизни и труда в поликультурном пространстве Чувашской Республики на современном этапе. Научная новизна заключается в том, что впервые представлен опыт этнологического изучения факторов адаптации народов Закавказья (азербайджанцев, армян, грузин) на территории Чувашии.

Данная статья опирается на официальные статистические данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Чувашской Республике–Чувашии (Чувашстат), материалы периодической печати, а также на полевые этнографические материалы. При сборе информации были использованы нормы научной этики – предварительная устная договоренность с информаторами о цели, теме встреч. При их желании гарантирована анонимность. При анализе материалов использовались общенаучные приемы обработки интервью. В работе применены метод сравнительно-исторического анализа, методы интервью (глубинное, нарративное), дискурсивный анализ текстов в СМИ, математико-статистический, таблично-визуальный и графо-аналитические методы обработки и представления информации.

В работах последнего десятилетия значительное место было уделено проблеме социокультурной адаптации в иноэтничной среде. Эту проблему затрагивала группа ученых под руководством Л.И. Никоновой (Саранск), В.В. Амелина (Оренбург), И.И. Бойко (Чебоксары).

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-11-21602.

Адаптация – процесс приспособления каких-либо этнических групп (общностей) к изменившейся природной и социально-культурной среде. Основным способом адаптации является принятие норм и ценностей новой социально-этнической среды, сложившихся здесь форм межэтнического взаимодействия, а также форм предметной деятельности [4. С. 23]. Процесс адаптации проходит в несколько этапов и зависит прежде всего от степени сходства и различия между культурами, религиями, образом жизни и пр. Показателями успешной адаптации являются психологическая удовлетворенность, успехи в работе, удовлетворенность жилищными условиями, возможность общения с родственниками, проживающими в разных местах страны и мира. Показателями низкой адаптации являются совершение правонарушений, девиантное поведение, неудачи в самореализации и пр. Исследователь П.В. Кузнецов отмечает 7 комплексных факторов, облегчающих адаптацию (экономический, фактор безопасности, регулятивный, репродуктивный, коммуникативный, когнитивный, фактор реализации) [8. С. 32]. Приспособление новоселов к новой природно-географической среде (биологическая или экологическая адаптация) включает процессы акклиматизации, биохимического приспособления, естественной иммунизации и может занимать разное время в зависимости от индивидуальных особенностей и степени различий между районами исхода и прибытия [13. С. 63–64].

Чувашская Республика традиционно считается одним из самых многонациональных и благополучных регионов Российской Федерации с точки зрения этноконфессиональной ситуации. Регулярно проводимые опросы населения показывают очень высокую толерантность чувашского народа к иным народам. Поэтому в Чувашии чувствуют себя комфортно представители всех 128 национальностей. Вместе с тем мировые и общероссийские процессы отражаются на обстановке в Чувашии. Исследования ученых показывают, что за последние годы значительно увеличилось количество мигрантов, в том числе из стран Закавказья. Основа толерантности – в многовековых традициях добропорядочного соседства, дружбе представителей разных национальностей [1. С. 6].

Армянская диаспора – самая многочисленная на территории Чувашии. Это обусловлено давними историческими и культурными связями, религиозными убеждениями (христианство), а также наличием многочисленных устойчивых национальных диаспор на территории России. По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи (1897 г.), в Цивильском, Чебоксарском, Ядринском уездах проживало по одному представителю (мужчины), которые говорили на армянском языке [12. С. 102–103].

Хронологически можно выделить две группы переселенцев из республик Закавказья. Первая группа – мигранты «советского периода», приехавшие по распределению к знакомым, родственникам, сослуживцам, а также особая группа переселенцев из зоны Спитакского землетрясения 1988 г. в Армении. В 1988 г. в г. Чебоксары поселились семьи, прибывшие из Армении: Гавриловы из Кировокана, Чесноковы из Ленинакана, Никогосян из Спитакского района. Для них Чувашия не стала неизведанным местом, поскольку они имели чувашские корни и неоднократно приезжали в республику во время отпуска [3. С. 6].

Вторая группа – более весомая в количественном отношении и сложная по структуре группа постсоветских мигрантов, к которой относятся вынужденные переселенцы, побудительными причинами для которых стали распад СССР, межэтнические конфликты и последовавшие за ним кризисы. К примеру, армянские ученые отмечают, что неблагоприятная экономическая и социальная обстановка, отсутствие перспектив на будущее привели во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. к массовому оттоку населения, в основном трудоспособного и детородного возраста. Это отрицательно повлияло на нормальную

жизнедеятельность сотен тысяч семей, оказавшихся поделенными как бы на две части: выехавшую молодежь и оставшееся в Армении старшее поколение [2. С. 321–322]. По данным Всероссийской переписи населения, самая большая миграция в Чувашскую Республику приходилась на 1996–2000 гг.: армяне – 260, азербайджанцы – 135, грузины – 40. В республике не с рождения проживает 83,84% армян, азербайджанцев – 13,5%, грузин – 40%.

По информации органов государственной статистики, около 82% армян, азербайджанцев и грузин проживают в месте постоянного жительства не с рождения. С учетом того, что средняя продолжительность жизни в Чувашии составляет около 70 лет, можно сделать вывод о том, что подавляющее большинство мигрантов из республик Закавказья, проживающих в настоящее время в Чувашии, переехало после военных лет (с 1944–1945 гг.). Единое экономическое пространство СССР, открытие новых производств в Чувашской АССР и потребность в квалифицированных кадрах способствовали переезду на постоянное место жительства представителей Закавказья.

Таблица 1

**Население частных домохозяйств по продолжительности проживания
в месте постоянного жительства**

Этническая группа	Всего	В том числе проживающие в месте постоянного жительства		
		с рождения	не с рождения	не указавшие продолжительность проживания
Азербайджанцы	843	166	674	3
Армяне	1263	201	1059	3
Грузины	216	45	170	1

Важнейшими экономическими и социальными условиями успешной адаптации мигрантов в Чувашской Республике являются наличие места жительства и занятость. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в Чувашской Республике зарегистрировано всего 1778 домохозяйств армян, азербайджанцев и грузин. Из них 889 – частных домохозяйств, 738 – семейных, 151 – домохозяйство «одиночек». Ведение домашнего хозяйства включает в себя хозяйственную деятельность внутри дома силами членов домохозяйства. В случае, когда домохозяйство состоит из людей, не связанных родственными отношениями, его относят к частному домохозяйству. На практике при проведении переписи населения довольно сложно отнести домохозяйство к частному или семейному типу. В России почти не практикуется объединение в частное домохозяйство, состоящее из двух и более человек, лиц, которые не состоят в отношениях родства. Поэтому представляемые статистикой сведения о составе частных домохозяйств, состоящих из двух и более человек, с незначительным допущением можно считать относящимися к семейным домохозяйствам.

Таблица 2

Состав частных домохозяйств

Этническая группа	Всего частных домохозяйств	Число семейных домохозяйств	Число домохозяйств «одиночек»
Азербайджанцы	366	291	75
Армяне	432	369	63
Грузины	91	78	13

Итак, согласно последней переписи населения 2010 г., на территории Чувашской Республики проживало (проживает) 738 семейных домохозяйств, образованных представителями народов Закавказья. Из них на долю армян-

ских семейных домохозяйств приходится 50% (369), азербайджанских – 39,4% (291), грузинских – 10,6% (78) (табл. 2). В целом семейные домохозяйства, образованные представителями народов Закавказья, составляют лишь 0,2% от числа всех семейных домохозяйств Чувашии. Средний размер семейного домохозяйства представителей народов Закавказья 2,6 человека – азербайджанцы, грузины, 3,3 человека – армяне [7]. Для сравнения, средний размер семейного домохозяйства в Чувашии составляет 3,2 человека [7]. У армян данный показатель лишь незначительно выше, а у азербайджанцев и грузин существенно меньше, чем средний размер семейного домохозяйства других этнических групп республики. Соответственно домохозяйства армян более многочисленны, чем у азербайджанцев и грузин. Превалирующей формой среди армянских (75,5%), грузинских (80,8%) и азербайджанских (82,1%) семейных домохозяйств в Чувашии является малая (моногамная, нуклеарная) семья, состоящая из одной брачной пары с неженатыми детьми или без них. В среднем доля нуклеарных семей среди семейных домохозяйств республики несколько выше, чем среди народов Закавказья – 82,5%.

Домохозяйства «одиночек» среди азербайджанской диаспоры составляют 20,5%, армянской – 14,6%, грузинской – 14,3%. В среднем по Чувашии среди всех этнических групп домохозяйства «одиночек» составляют 26,5% от общего числа частных домохозяйств. Таким образом, доля частных домохозяйств, состоящих из одного человека, среди диаспор закавказских народов ниже, чем в среднем по республике, особенно в армянской и грузинской диаспорах.

Таким образом, официальные статистические данные дают основание предположить, что выходцы из Закавказья стремятся вести преимущественно семейные домохозяйства, т.е. для них семья является ядром домохозяйства. Это подтверждается также результатами глубинных интервью с представителями народов Закавказья, проживающими на территории Чувашской Республики, проведенных авторами статьи. Так, практически все достаточно обеспеченные семьи интервьюеров ведут большое семейное домохозяйство и имеют небольшой семейный бизнес. А в отдельных случаях ведение семейного домохозяйства является и бизнесом, приносит доход в семейный бюджет, позволяя им жить в достатке.

В среднем по Чувашии 46,2% семей имеют несовершеннолетних детей. Этот показатель среди армянских, азербайджанских и грузинских семей составляет 59,1%, 65% и 50%, соответственно. При этом преобладают семьи с 1-2 детьми. Удельный вес «многодетных» семей (с 3 и более детьми) среди изучаемых трех этносов не столь высок. В грузинской диаспоре он составляет 7,6%, армянской – 9,6%, азербайджанской – 11,6%. Однако сравнительный материал показывает, что данный показатель в этих этнических группах заметно выше, чем среди других этнических групп республики, у которых он составляет только 6,4%. Действительно, подавляющее большинство семей выходцев из Закавказья имеют более 2 детей. В то же время в наиболее обеспеченных семьях рождается больше детей. При этом необходимо отметить, что многодетные семьи мигрантов больше полагаются на себя, стараются вести собственный семейный бизнес, и в меньшей степени, чем коренные жители республики, изъявляют желание воспользоваться мерами государственной поддержки многодетных семей.

Уровень адаптации мигрантов в Чувашской Республике напрямую зависит от мотивов пребывания и их жизненных планов. Приезжающие на сезонные заработки не мотивированы на погружение в культуру и среду принимающего сообщества, их главный мотив – экономический. Для многих характерен интеграционный сценарий, который направлен на освоение культуры нового места

проживания с сохранением и поддержанием собственной. Миша Григорян прибыл из Армении в Чувашию более 40 лет назад. Художник по профессии, он отмечает, что с большим интересом изучает чувашскую историю и убеждается в близости культур. Например, однажды в чувашской деревне он увидел рядом с жилым домом небольшой старый дом. Хозяин объяснил, что это отцовский дом. Он сказал: «Пока я жив, этот дом будет стоять». Миша Григорян считает, что такое отношение к родителям, предкам характерно для армянского народа. Все хорошее, что идет от родителей, нельзя уничтожить. Он отмечает, что и армяне, и чуваша по своей природе – созидатели, не завоеватели». Чувашия стала для него второй родиной [10]. Руководитель Чувашского республиканского регионального объединения Общероссийской общественной организации «Всероссийский Азербайджанский Конгресс» Азиз Бадилов отмечает, что приехал в 1989 г. по делам в Строймонтажкомплект, «встретил девушку, влюбился...». Тогда же переехал в Чувашию, женился. Когда выезжает в Азербайджан, уже через три дня начинает скучать по Чувашии [5. С. 3]. Его земляк Исмаилов Адиль сообщает, что работал в Астрахани. Решил навестить друга из Алатыря. Город понравился, решил остаться. В Алатыре женился второй раз. Азербайджанцы работают во всех сферах экономики республики: в строительстве, промышленности (создали ЗАО «Чебоксарский зеркальный завод», Абасов Авес Гулам Оглы – генеральный директор), в медицине (две зубные поликлиники), в сельском хозяйстве, искусстве. В Канашском районе работает крупный СХПК, где выращивают примерно 600 коров, возделывают картофель, овощи.

Адаптация «советских» мигрантов проходила спокойно. Как отмечает Азиз Бадилов, проживший в Чувашии 26 лет, в советские времена прививалось уважение ко всем нациям и их обычаям. Во время учебы в институте каждый год студенты ездили в ССО, на всесоюзных стройках собирались представители всех народов страны, «работали, дружили и никогда не делили друг друга на национальности. Но когда приезжаешь в другую страну, волей-неволей начинаешь чувствовать себя частью группы людей, говорящих на другом языке, привыкших к другим традициям и обычаям» [5. С. 3]. По мнению Азиза Бадилова, привыкать к новому месту помогают друзья. Самым близким на первых порах был Виталий Александров – друг с периода работы в ССО. Работу начал с поставок хлопка, а потом организовал производственно-строительную фирму «ЭКОЛЕС» на станции Ишлеи, где производил оцилиндрованные бревна. Это предприятие первым в республике освоило строительство деревянных домов. Идею подал друг из Азербайджана, который нуждался в срубе. Позже выиграл тендер на поставку домиков в детский оздоровительный лагерь [5. С. 3]. В настоящее время возглавляет СХПК «Туруновский». В 2007 г. Бадилов взял банкротившийся СХПТ «Туруновский» (Чебоксарский район). По словам Азиза Магеррамовича, предприятие его крепко стоит на ногах [6. С. 3]. В настоящее время на полях СХПТ высеваются озимые и яровые культуры, весной 2016 г. посажена капуста. Планируется восстановить Туруновскую птицефабрику [5. С. 3]. В Чебоксарах Агиль Музаффар оглы живет с 1992 г. Приезжал ранее по делам на Чебоксарский пивоваренный завод. Город и люди ему понравились. И когда пришлось покинуть родные места, не задумываясь, выбрал Чебоксары. «Представители моего народа, – говорит он, – очень комфортно чувствуют себя в Чебоксарах и Чувашии. Я ни разу не слышал, чтобы у азербайджанцев здесь возникали какие-то проблемы на межнациональной почве. Наоборот, нам помогают и поддерживают. И это очень приятно».

Из армян, проживающих в Чувашской Республике, заняты в экономике 45,6% представителей этнической группы. У азербайджанцев этот показатель составляет 43,6%, у грузин – 47,5%. Данные значения близки долям занятых

в экономике, характерным для чувашского (46,5%) и русского (44,1%) населения республики. Наиболее высок средний возраст занятых в экономике в среде диаспор закавказских народов у грузин (40,5 года), самый низкий – у армян (39,8 года). Почти такой же, как и у армян, средний возраст занятых в экономике у чувашского населения (39,7 года), русские несколько моложе (38,9 года). Эти данные – дополнительное доказательство высокой толерантности населения Чувашии, в том числе работодателей, к мигрантам. Из общего числа занятых в экономике продолжают работать после наступления пенсионного возраста 3,6% армян, 1,8% азербайджанцев и 7,9% грузин. Среди чувашей доля продолжающих трудовую деятельность после выхода на пенсию из числа занятых в экономике составляет 5,6%, среди русских – 7,6%. Меньшая, в сравнении с чувашами и русскими, доля «пенсионеров», продолжающих трудовую деятельность, объясняется тем, что по достижении пенсионного возраста представители закавказских диаспор стараются вернуться на свою историческую родину.

40,0% армян, 43,8% азербайджанцев, 34,2% грузин, занятых в экономике, работают не по найму. При этом 22,3% армян, 18,6% азербайджанцев, 17,5% грузин, ведущих трудовую деятельность, создают дополнительные рабочие места в экономике, привлекая наёмных рабочих на свои предприятия. Таким образом, среди представителей диаспор народов Закавказья, проживающих в Чувашии, занимаясь предпринимательской деятельностью, создают наибольшее количество рабочих мест армяне и азербайджанцы, чуть меньше – грузины. Можно предположить, что грузины больше склонны к самозанятости.

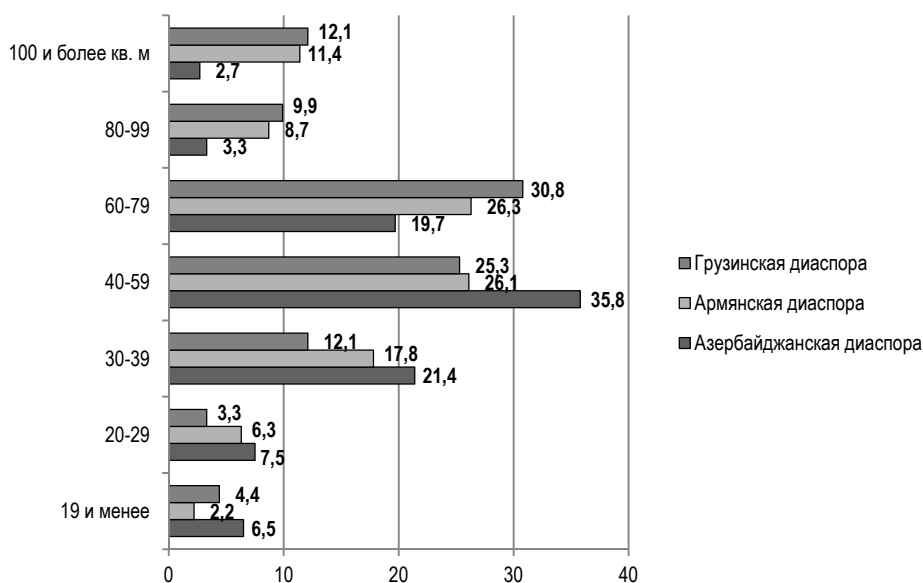
Одним из объективных факторов адаптации является жилищное обустройство мигрантов. В первые годы приезда кавказские мигранты арендуют жилье у частных лиц или живут у родственников. Отсутствие надежд кавказцев на улучшение жилищных условий может объясняться тем, что они меньше полагаются на помощь государства.

Не всем приезжим сразу удавалось приобрести жилье. Многие вначале селились в общежитии. Однако доля их невысока. Условия проживания в общежитии не всегда удовлетворяли мигрантов. Но они не теряли оптимизма. Так, Сархан Мамедов из Азербайджана ответил, что ему все нравится и живут они «как в одной семье» [9. С. 2].

Сегодня армянские семьи и одиноко живущие представители диаспоры в основном проживают в отдельных квартирах многоквартирных домов (78,2% частных домохозяйств) и в отдельных домах (14,5%), существенно реже в общежитиях (3,7%) и коммунальных квартирах (2,1%). Азербайджанцы проживают в отдельных квартирах многоквартирных домов (76,2%) и отдельных домах (12,6%), реже в общежитиях (6,3%) и коммунальных квартирах (3,8%). Грузины проживают в отдельных квартирах многоквартирных домов (80,2%) и отдельных домах (15,4%), лишь 1 семья (из двух человек) проживает в коммунальной квартире (1,1%). В общежитиях из представителей грузинской диаспоры никто не живёт. В общежитиях главным образом проживают «одиночки». К примеру, в армянской диаспоре из общего числа проживающих в общежитиях домохозяйств на долю домохозяйств «одиночек» приходится 75% (12 из 16), в азербайджанской диаспоре – 60,9% (14 из 23). Из домохозяйств, проживающих в коммунальных квартирах, преобладают семейные домохозяйства: 66,7% – у армян и 85,7% – у азербайджанцев (у грузин 100%, но, как было сказано выше, лишь одна грузинская семья проживает в коммунальной квартире). Как видим, в части выбора места проживания нет принципиальных различий в предпочтениях у представителей трех указанных народов. Указанное соотношение выбора мест проживания характерно и для всего насе-

ления республики в целом. Соответственно, и здесь мы наблюдаем равные возможности для представителей всех народов.

Основная доля азербайджанских домохозяйств проживает в квартирах и отдельных домах площадью 30–59 кв. м (57,2%), тогда как армянские и грузинские домохозяйства преимущественно проживают в квартирах и отдельных домах площадью 40–79 кв. м (52,4% и 56,1%, соответственно). В жилищах более 100 кв. м проживает 11,4% армянских семей, 12,1% грузинских семей, тогда как азербайджанских лишь 2,7% (рис. 1). Средний размер общей площади индивидуального (одноквартирного) дома или квартиры, приходящейся на одного человека, в грузинской диаспоре 29 кв. м, в армянской – 21, в азербайджанской – 20 кв. м [7]. Представители диаспор народов Закавказья предпочитают селиться в кирпичных домах в основном 1971–1995 гг. постройки.

Структура домохозяйств (%), сформированных представителями народов Закавказья, проживающими в Чувашской Республике, по площади занимаемых жилых помещений (кв. м)

Из рисунка мы видим, что представители азербайджанской диаспоры выбирают для проживания жилье меньшей площади, чем армяне и грузины. Большая их часть проживает в квартирах площадью от 19 до 59 кв. м. Это, как правило, 1-2-комнатные квартиры старой планировки, построенные в советское время. Причины такого различия будут предметом очередного исследования.

Исследование позволит по-новому взглянуть на проблему адаптации мигрантов в Чувашской Республике, объективно оценить миграционную ситуацию, выработать дополнительные меры по укреплению этноконфессиональной ситуации. Методология исследования может быть использована при проведении исследований по вопросам адаптации в республике мигрантов из других регионов, а также проводить аналогичные исследования в других субъектах Российской Федерации.

Данная статья является основой для проведения мобильного комплексного этнографического исследования процесса адаптации мигрантов в

Чувашской Республике. Практически апробированная методология исследования позволит проводить анализ причинно-следственных связей адаптационных процессов с постоянно изменяющимися факторами адаптации в оперативном режиме – одновременно используя официальные статистические сведения и методы этнографического исследования, что является перспективным форматом мониторинга миграционной и межэтнической ситуации в регионе.

В целом исследование условий жизни и трудовой деятельности в Чувашской Республике мигрантов из Закавказья убедительно показало, что, с одной стороны, в республике созданы все необходимые (равные для всех народов) условия для успешной адаптации, с другой – армяне, азербайджанцы и грузины практически в равной степени успешно используют все имеющиеся возможности для выбора жилья, места работы, реализации предпринимательских качеств и социальных гарантий, установленных государством. Отсутствие существенных различий в этих показателях между народами Закавказья и в сравнении с населением республики в целом, а также мнения представителей диаспор свидетельствуют о высокой толерантности и межнациональном согласии в республике, что выражается в успешной реализации прав народов Закавказья.

Литература

1. *Бойко И.И.* Этнокультурное развитие и межнациональные отношения в Чувашской Республике // Вестник Чувашского университета. 2013. № 4. С. 5–9.
2. *Варданян Л.М., Закарян Т.З., Закарян Б.Е.* Род, семья и система родства // Армяне. М.: Наука, 2012. С. 307–327.
3. *Вронская Г.* После страшной беды // Советская Чувашия. 1988. 24 дек. С. 6.
4. *Жуков В.И., Тавадов Г.Т.* Большой этнологический словарь. М.: Изд-во РГСУ; Изд-во «Омега-Л», 2011. С. 23.
5. *Зайцева Е.* Кто, если не я? // Советская Чувашия. 2016. 27 апр. С. 3.
6. *Зайцева Е.* Чтоб процветал Чувашский край // Советская Чувашия. 2013. 30 марта. С. 3.
7. Число и состав домохозяйств по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года: стат. сб. // Чувашстат: офиц. сайт. URL: http://chuvash.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/chuvash/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/
8. *Кузнецов П. В.* Адаптация как функция развития личности. Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 1991. 76 с.
9. *Лелехов И., Анисимов И.* Перегородка в общежитии // Советская Чувашия. 1988. 17 дек. С. 2.
10. Мишша Григорян: «Я чувашский художник, хотя по национальности армянин» // Центр поддержки русско-армянских стратегических и общественных инициатив: сайт. URL: <http://russia-armenia.info/node/19225> (дата обращения: 15.06.2016).
11. Национальный состав и владение языками, гражданство по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года: стат. сб. // Чувашстат: офиц. сайт. URL: http://chuvash.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/chuvash/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010.
12. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Казанская губерния. СПб.: Изд. Центр. стат. ком. МВД, 1904. 283 с.
13. *Рыбаковский Л.Л.* Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М.: Наука, 1987. С. 63–64.

ЕГОРОВА ОКСАНА ВЕНИАМИНОВНА – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, этнографии и региональной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (eoks71@rambler.ru).

КАЗАКОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – кандидат географических наук, заведующий кафедрой экономической и социальной географии, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (kzkv75@mail.ru).

O. EGOROVA, N. KAZAKOV

LIVING AND WORKING CONDITIONS AS ADAPTATION FACTORS OF PEOPLES OF TRANS-CAUCASIAN REGION IN THE CHUVASH REPUBLIC

Key words: adaptation, migration, household, diaspora.

Study of living and working conditions in the Chuvash Republic among migrants from the Trans-Caucasian region showed that in the Chuvash Republic all the necessary (equal for all peoples) conditions for successful adaptation are created. The Armenians, the Azerbaijanis and the Georgians are almost equally successfully use all the available opportunities for housing, jobs, entrepreneurial skills and social guarantees established by the state. The given study will help to evaluate objectively the migration situation and to develop measures to promote tolerance, to improve ethno-confessional situation in the Chuvash Republic. Methods used in the study can be used in similar studies in other regions of the Russian Federation.

References

1. Boiko I.I. *Etnokul'turnoerazvitieimezhnatsional'nyeotnosheniya v ChuvashskoiRespublike* [Ethno-cultural development and inter-ethnic relations in the Chuvash Republic]. *VestnikChuvashskogouniversiteta*, 2013, no. 4, pp. 5–9.
2. Vardanyan L.M., Zakaryan T.Z., Zakaryan B.E. *Rod, sem'yaisistemarodstva* [Gender, family and kinship system]. In: *Armyane* [Armenians]. Moscow, Nauka Publ, 2012, pp. 307–327.
3. Vronskaya G. *Poslestrashnoibedy* [After a terrible disaster]. *Sovetskaya Chuvashiya*, 1988, Dec. 24, p. 6.
4. Zhukov V.I., Tavador G.T. *Bol'shoietnologicheskii slovar'* [Ethnology a large dictionary]. Moscow, RGSU Publ., Omega-L Publ, 2011, p. 23.
5. Zaitseva E. *Kto, esli ne ya?* [Who, if not me?]. *Sovetskaya Chuvashiya*, 2016, Apr. 27, p. 3.
6. Zaitseva E. *Chitobprotsvetalchuvashskii krai* [That flourished Chuvash region]. *Sovetskaya Chuvashiya*, 2013, Mar. 30, p. 3.
7. *ChisloisostavdomokhozyaistvpoitogamVserossiiskoiperepisinaseleeniya 2010 goda: stat. sb.* [The number and composition of households by the end of 2010 population census of the year: statistical yearbook]. Available at: http://chuvash.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/chuvash/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010.
8. Kuznetsov P.V. *Adaptatsiya kak funktsiya razvitiya l'ichnosti*. Saratov, Saratov State University Publ., 1991, 76 c.
9. Lepekhov I., Anisimovidr I. *Peregorodka v obshchezhitii* [Partition in the dorm]. *Sovetskaya Chuvashiya*, 1988, Dec. 17, p. 2.
10. MishshaGrigoryan: «*Yachuvashskii khudozhnik, khotyaponatsional'nostiarmanin*» [I Chuvash painter, although nationality-Armenian]. Available at: <http://russia-armenia.info/node/19225> (Accessed 15 Jun. 2016).
11. *Natsional'nyisostavivladeniyazykami, grazhdanstvo po itogam Vserossii-skoi perepisi naseleeniya 2010 goda: stat. sb.* [Ethnic composition and Languages, citizenship on the basis of All-Russian population census-tion, 2010: a statistical yearbook]. Chuvashstat: ofits. sait. URL: http://chuvash.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/chuvash/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/
12. *Pervayavseobshchayaperepis' naseleeniyaRossiiskoimperii, 1897. Kazanskaya guberniya* [The first general census of the Russian Empire, 1897. Kazan province]. St. Petersburg, 1904, pp. 102–103.
13. Rybakovskii L.L. *Migratsiyanaseleeniya: prognozy, faktory, politika* [Population migration: projections, factors, policy]. Moscow, 1987, pp. 63–64.

EGOROVA OKSANA – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Archeology, Ethnography and Regional History, Chuvash State University, Cheboksary, Russia (eoks71@rambler.ru).

KAZAKOV NIKOLAI – Candidate of Geographical Sciences, Head of Economic and Social Geography Department, Chuvash State University, Cheboksary, Russia (kzkv75@mail.ru).

Ссылка на статью: Егорова О.В., Казаков Н.А. Условия жизни и труда как факторы адаптации народов Закавказья в Чувашской Республике // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 4. – С. 69–77.

УДК 343.97(09)(470.344) «196/197»
ББК Х515-1(2Рос.Чув.)

Н.В. ИВАНОВ
**ПРЕСТУПНОСТЬ В 60-х ГОДАХ XX ВЕКА,
УЧТЕННАЯ ПО ЛИНИИ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА
МВД ЧУВАШСКОЙ АССР**

Ключевые слова: преступность, борьба с преступностью, снижение и рост преступности, уголовные дела, раскрываемость.

В статье раскрыты особенности борьбы с преступностью в 60-е гг. XX столетия на территории Чувашской АССР. Приведены архивные данные, которые характеризуют динамику роста и спада преступности в Чувашии в указанный период по сравнению с предыдущим. На основе изучения отчетов МВД ЧАССР за 1960-е гг. подведены общие итоги работы сотрудников республиканской милиции.

В условиях развития современного демократического государства и права вопросы борьбы с преступностью находятся на одном из первых мест. Нужно заметить, что они связаны с изменениями структуры правоохранительных органов, в том числе и борьбой с преступностью, являются актуальными и заставляют обратиться к некоторым историческим этапам развития нашего государства.

Как ранее отмечено автором, «Главным направлением партийной номенклатуры была не борьба с преступностью, а дискредитация правоохранительных органов, уменьшение их влияния в государстве. Меры, которые принимала партийная верхушка по укреплению материально-технической базы милиции, росту заработной платы и т.д. были всего лишь временной уступкой перед новым давлением на МВД СССР в 1960-е гг. Постоянное пополнение штата комсомольскими и партийными кадрами, группами неквалифицированных работников привело к снижению профессионального уровня личного состава ОВД» [2. С. 37].

В начале 1960-х гг. были приняты новые кодексы РСФСР: уголовный (УК РСФСР) и уголовно-процессуальный (УПК РСФСР), в виде законов они были утверждены Верховным Советом и вступили в силу с 1 января 1961 г. В них предусматривалась возможность обвиняемому избежать уголовного наказания, которое заменялось передачей дела в общественные организации для применения к обвиняемому мер общественного воздействия (взятия на поруки, направления материалов дела в товарищеские суды или комиссии по делам несовершеннолетних). Более того, изменился порядок учета преступлений, учет велся по разным направлениям: прокуратура, суд, МВД и военные комиссариаты, т.е. общее количество совершенных преступлений на всей территории республики; отдельно – по линии милиции, куда входили уголовный розыск (УР), ОБХСС и другие службы. Кроме того, с 1960 г. помимо числа осужденных и количества совершенных преступлений стали учитывать возраст, социальное (семейное) положение лиц, их совершивших, в категорию которых входили и несовершеннолетние [1. С. 250]. За 1960 г. в республике следователями МВД было возбуждено 2034 уголовных дела, к уголовной ответственности привлечено 1433 человека (из них несовершеннолетних – 57, в возрасте от 18 до 25 – 496, женщин – 104, рабочих – 510, колхозников – 426, служащих – 73, учащихся – 25, лиц, не занимающихся общественно полезным трудом и временно не работающих – 348 и ранее имевших судимость – 424 человека). По линии уголовного розыска в 1960 г. всего зарегистрировано 1785 преступлений, из них раскрыто 1697, или 95,0%. Удельный вес на 10 тыс. населения составил 16,1 преступ-

ления против 15,0 в 1959 г. Выросло количество умышленных убийств: если в 1959 г. их было совершено 85, то в 1960 г. – 91 [3. Д. 103. С. 61]. Количество зарегистрированных наиболее опасных преступлений составило: 37 умышленных убийств, 83 разбоя и грабежа, 72 нанесения умышленных тяжких телесных повреждений, 9 изнасилований, 122 кражи государственного и общественного имущества (в том числе карманных) и 293 хулиганства [3. Д. 103. С. 1–4, 45].

Много сил, средств и времени было потрачено работниками милиции для сдерживания роста преступности в республике, но криминогенная обстановка в республике ухудшалась. Так, в 1961 г. на территории Чувашской АССР по линии милиции было зарегистрировано 3262 преступления, из них раскрыто 3113, или 95,4%, против 2295 преступлений (по 2034 фактам возбуждены уголовные дела, а по остальным в возбуждении уголовного дела отказано), 94,5% раскрываемости в 1960 г. В следующем году всего к уголовной ответственности привлечены 2908 человек, в том числе несовершеннолетних – 101, в возрасте от 18 до 25 лет – 604, женщин – 641, рабочих – 894, колхозников – 1139, служащих – 262, учащихся – 55, лиц, не занимающихся общественно полезным трудом и временно не работающих – 260 и ранее имевших судимость – 466 человек. Удельный вес в 1961 г. составил 17,0 преступления на 10 тыс. населения против 16,1 [5. Д. 14. С. 1] в предыдущем.

Увеличилось количество тяжких преступлений по сравнению с таковыми в 1960 г. (см. табл. 1): количество хулиганских действий возросло на 64,9%, мошенничеств – 25%; краж государственного и общественного имущества – 12,5%; разбоев и грабежей – 28,5%; изнасилований – на 80,6%.

Таблица 1

Количество тяжких преступлений, зарегистрированных по линии уголовного розыска за 1960 и 1961 гг. [5. Д. 14. С. 1]

Виды преступлений	1960 г.	1961 г.	
		всего	раскрыто, %
Изнасилования	31	56	98,2
Разбои и грабежи	98	125	97,6
Кражи государственного и общественного имущества	223	251	85,2
Мошенничества	12	16	100
Хулиганства	374	617	100

По некоторым видам преступлений произошёл рост, особенно по хулиганским действиям, которые в большинстве совершаются в общественных и людных местах. Это произошло в связи с тем, что некоторые виды преступлений, которые ранее не учитывались, после принятия новых законов о борьбе с преступностью, например, Указа Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями» (Ведомости ВС СССР. 1961. № 50. Ст. 511), стали отражать в отчетах (мелкие хищения и хулиганства – ранее их относили к правонарушениям и привлекали к ответственности в административном порядке).

Кроме общего количества преступлений в 1961 г. был отмечен рост по таким видам преступлений, как убийство по неосторожности – больше на 4 случая (раскрываемость составила 97,7%); нанесение умышленных тяжких телесных повреждений – на 13 случаев, или на 13,2%; кражи личного имущества – на 148, или на 35% (раскрываемость составила 93,8%); нанесение умышленных телесных повреждений (кроме тяжких) – на 22, или на 11,5% (раскрываемость составила 100%); мелкие кражи государственного и общественного имущества – на

53, или в 2,5 раза (раскрываемость составила 100%); карманные кражи – на 19 случаев, или на 113% (раскрываемость составила 96,6%) [5. Д. 14. С. 1].

Большинство районных отделений милиции республики успешно боролись с преступностью, но в некоторых из них в 1961 г. был зафиксирован рост уровня преступности. Так, в Канашском городском отделении милиции было зафиксировано 187 преступлений, что на 24 преступления (14,7%) больше, чем их было в 1960 г.; Аликовском – 32 преступления (рост составил 13 преступлений, или 68,4%); Батыревском – 43 (рост – 12, или 40%); Ибресинском – 40 (рост – 24, или 53,8%); Комсомольском – 36 (рост – 8, или 28,5%); Красноармейском – 28 (рост – 3, или 11,7%); Красночетайском – 57 (рост – 27, или 90,0%); Порецком – 44 (рост – 11, или 33,3%); Сундырском – 29 (рост – 1, или 3,5%); Цивильском – 50 (рост – 10, или 14,7%); Шемуршинском – 32 (рост – 3, или 10,3%); Шумерлинском – 112 (рост – 40, или 55,5%); Янтиковском – 17 (рост – 1, или 6,2%). Среди районов есть и такие, в которых работникам милиции удалось добиться снижения преступности. Это Алатырский и Чебоксарский ГОВД, Вурнарский, Козловский, Марпосадский, Урмарский, Ядринский и Яльчикский РОМ. В 1961 г. из 1808 раскрытых преступлений 46,5% (841 преступление) было совершено лицами в состоянии опьянения. Остались нераскрытыми 584 преступления, из них убийств – 35, разбойных нападений – 16, грабежей – 43, изнасилований – 4, краж государственного и общественного имущества – 247, краж личного имущества – 198, аварий и наездов – 7, других преступлений – 34 [5. Д. 14. С. 1].

В 1962 г. Министерство внутренних дел СССР было переименовано в Министерство охраны общественного порядка РСФСР (далее – МООП), в связи с чем все функции милиции были переданы в местные органы МООП. Это позволило районным отделениям милиции сократить количество отчетности по преступлениям перед вышестоящими органами, но сами они стали зависимыми от местных партийных органов, что «связывало руки» в работе против коррупции местных властей.

Однако преобразование структурного органа милиции не повлияло на общий рост преступности в республике, за 1962 г. по линии милиции было зарегистрировано 3590 преступлений, из них раскрыто 3472 (т.е. раскрываемость составила 96,7%), по ним к уголовной ответственности привлечено 3377 человек, среди них несовершеннолетних – 92 против 101 в 1961 г., в возрасте от 18 до 25 лет – 522 против 664, женщин – 830 против 641, рабочих 1174 против 894, колхозников – 1258 против 1139, служащих – 347 против 262, лиц, не занимающихся общественно полезным трудом и временно не работающих – 347 против 260, и ранее имевших судимость – 592 против 466 человек; членов ВЛКСМ – 97, учащихся школ министерства просвещения – 26, учащихся профтехучилищ – 31 [3. Д. 18. С. 169–177]. Необходимо также отметить, что в 1962 г. по линии УР произошло снижение преступности: с 1756 в 1961 г. до 1636 в 1962 г. [5. Д. 5. С. 1–5].

Если в 1962 г. по сравнению с 1961 г. общая преступность выросла, то по линии УР произошло незначительное снижение по некоторым ее видам (см. табл. 2) [5. Д. 14. С. 88].

Снижение уровня преступности в 1962 г. связано с тем, что в первые годы переименования МВД в МООП и передачи подчиненности местным районным и городским Советам народных депутатов они сами активно подключились к борьбе с преступностью, так как в основном за ее рост на территории отвечали именно партийные руководители на местах. Некоторые районные отделения милиции по итогам 1962 г. добились 100%-ной раскрываемости: Аликовский, Батыревский, Вурнарский, Козловский, Комсомольский, Красноармейский, Красночетайский, Порецкий, Сундырский, Цивильский,

Шемуршинский, Ядринский, Яльчикский РОМы. Хуже всех раскрываемость была в Янтиковском – 80%, Ибресинском – 83,3%, Урмарском – 89,4%, Мар-посадском – 92,3% РОМ и Алатырском ГОМ – 92,6% [5. Д. 14. С. 88].

Таблица 2

**Снижение некоторых видов преступлений,
зарегистрированных по линии УР в 1961–1962 гг. [5. Д. 14. С. 88]**

Виды преступлений	1961 г.	1962 г.	Снижение преступлений, совершенных в 1962 г., по сравнению с 1961 г.	
			абс.	%
Умышленные убийства	91	54	37	40%
Изнасилования	56	22	34	60%
Разбойные нападения	52	14	38	73,2%
Грабежи	72	27	45	62,2%
Кражи государственного и обще- ственного имущества	251	235	16	6,1%
Нанесение умышленных тяжких телесных повреждений	85	64	21	24%
Хулиганства	607	416	191	31%

Из данных УР МООП ЧАССР за 1963 г. по сравнению с 1962 г. по линии УР следует, что преступность уменьшилась на 120 случаев (с 1756 до 1636, или на 6,9%). Много времени уделялось профилактическим мероприятиям по предупреждению преступлений, что дало свои результаты. Если за 1962 г. было предупреждено 43 преступления, то за 1963 г. – 64. Заметно сократилось количество отдельных видов тяжких преступлений: убийств и покушений на убийство на 4 случая, или на 5,4%, нанесения телесных повреждений – на 25, или на 18,5%, краж государственного и общественного имущества – на 3, или на 1,2%, краж личного имущества – на 13, или на 3,3%, хулиганств – на 197 случаев, или на 35,7% [4. Д. 5. С. 1–5].

В 1963 г. на 0,6% снизилась раскрываемость по сравнению с таковой в 1962 г. и составила 96,9%. Наблюдался рост изнасилований и покушений на них – на 5 случаев, разбоев – на 14,3% (с 14 до 16 случаев). При общем снижении краж государственного и общественного имущества (на 3 случая) отмечался резкий рост краж из магазинов, баз и складов (129 против 26 в 1962 г., или на 34%). Ухудшился розыск уголовных преступников, скрывшихся от следствия и суда: 71,6% в 1962 г. против 62,2% в 1963 г. [4. Д. 5. С. 1–5].

В 1964 г. по сравнению с 1963 г. был допущен значительный рост преступности в Канашском районе республики – от зарегистрированных 170 преступлений до 327, или 91,2%; в Чебоксарском ГОВД – с 619 до 707, рост на 14,2%; Шумерлинском РОМ – с 125 до 209, на 67,2%, Чебоксарском – с 106 до 150, на 91,2%, Алатырском – с 131 до 171, на 30,7%, Батыревском – с 83 до 105, на 41,5%, Вурнарском – с 136 до 152, на 11,7%, Цивильском РОВД – с 74 до 92, на 24,3%; в целом по республике – с 1636 до 2138, на 30,6% [5. Д. 21. С. 9].

По линии УР в 1965 г. совершено 2757 преступлений, из них раскрыто 2582, или 93,6% [4. Д. 23. С. 20–24]. В то время как по всему Советскому Союзу в 1965 г. было зарегистрировано 331 859 преступлений, раскрываемость составила 96,1%, в 1966 г. – 424 145, раскрываемость 96,1%; в Чувашской АССР в 1965 г. – 2780 уголовных преступлений, раскрываемость 93,7%, в 1966 г. – 3418, раскрываемость, 96,0%. Сравнивая данные 1966 г. и 1965 г., мы видим, что в Марийской АССР было зарегистрировано 2051 уголовное преступление, или 95,9%, против 1729 и 92,3%; Мордовской – 2218 и 90,9% против 1328 и 95,9%;

Татарской – 7831 и 96,8% против 5901 и 95,3% [3. Д. 138. С. 6]. Преступность в целом в соседних республиках, кроме Татарской АССР, находилась приблизительно на одном уровне, однако количество преступлений повсеместно из года в год росло. Регулярно проводимые различные совещания, собрания резкого изменения в борьбе с преступностью не давали.

Следует отметить, что работники милиции приложили немало сил и времени по исправлению ситуации и в итоге в 1967 г. добились некоторого снижения преступности в республике: по всем линиям служб зарегистрировано 4602 преступления против 5082 в 1966 г. Уровень преступности на 10 тыс. населения составил 38,5 против 42,5; к ответственности было привлечено 933 человека, из них к уголовной – 586 человек, женщин – 416, несовершеннолетних – 176, в возрасте от 16 до 17 лет – 79, от 18 до 24 лет – 720, от 25 до 29 лет – 1038, рабочих – 223, служащих – 82, колхозников – 526 человек [3. Д. 138. С. 13]. В 1967 г. по линии УР было зарегистрировано 3081 преступление против 3438 в 1966 г., что меньше на 357 случаев, или на 10,4% [3. Д. 138. С. 15-43]; в 1968 г. – 3186 преступлений против 3081 в 1967 г.; в 1968 г. из 3186 зарегистрированных преступлений 3030 было раскрыто, что составляет 95,1% [3. Д. 144. С. 11]; в 1969 г. по линии ОУР было зарегистрировано 3717 преступлений, раскрываемость составила 95,2% против 3186 преступлений и раскрываемости – 95,1% 1968 г. [3. Д. 148. С. 108].

Общее количество зарегистрированных преступлений на территории республики за 1969 г. составило 5346 преступлений, или на 629 случаев (13,9%) больше, чем в 1968 г. Уровень преступности на 10 тыс. населения – 44,2 против 40,4, в том числе в городской местности, соответственно, 65,3 против 55,3, в сельской – 33,3 против 33,0. Самый высокий уровень преступности на 10 тыс. населения наблюдался в городах: Новочебоксарск – 100 преступлений, Чебоксары – 68,3, Канаш – 58,3 [4. Д. 1. С. 13].

Всего за 1969 г. в республике было выявлено 5302 преступника против 5079 человек в 1968 г., среди них подростков в возрасте от 14 до 17 лет 578, молодежи в возрасте с 18 до 24 лет – 1072, с 25 до 29 – 701, рабочих – 2611, служащих – 484, колхозников – 1126, учащихся – 248, не занимающихся общественно полезным трудом – 441, ранее судимых – 865 [4. Д. 1. С. 113]. Такая тенденция, несмотря на все усилия милиции, отмечалась и в дальнейшем.

Во второй половине 1960-х гг. в республике снова был отмечен рост преступности и за 1966 г. было зарегистрировано уже 5082 преступления. Начиная с 1961 г. ежегодно повышались показатели преступных деяний: в 1961 г. по линии милиции было зарегистрировано 3262 преступления, в последующие годы, соответственно, 3590, 3090, 3467, 4163 и 5082, рост составил 1820 случаев; уровень преступности на 10 тыс. населения в 1961 г. составил 13,6, далее, соответственно, 18,4, 23,3, 16,1, 35,2, 42,6; общая раскрываемость 96,4%, 97,5%, 96,8%, 90,3%, 93,6%, 93,7% [3. Д. 134. С. 71–80].

Следует надеяться, что данные, полученные из анализа динамики преступности в Чувашской АССР, будут востребованы для более глубокого и детального исследования криминальной обстановки и позволят выработать своевременные механизмы борьбы с преступными проявлениями.

Литература

1. Александрова Н.В., Рудык О.И. Этапы эволюции института брака в советском праве // Проблемы качества российского законодательства: сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф. / ред. коллегия: А.Ю. Александров, С.Б. Верещак (отв. ред.), Е.В. Иванова, О.А. Иванова, Ж.С. Васильева. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. С. 250.

2. Иванов Н.В., Петров А.Г. Деятельность органов МВД в 50-е годы XX в. (На примере Чувашской Республики) // Проблемы в российском законодательстве. 2015. № 3. С. 35–37.

3. Информационный центр Министерства внутренних дел по Чувашской Республике (далее – ИЦ МВД по ЧР). Ф. 102. Оп. 1.

4. ИЦ МВД по ЧР. Ф. 120. Оп. 1.

5. ИЦ МВД по ЧР. Ф. 121. Оп. 1.

ИВАНОВ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (Ivanov.N.V58@mail.ru).

N. IVANOV

**CRIMINALITY IN THE 60s OF 20th CENTURY,
DETECTED DELINQUENCY OF CRIMINAL INVESTIGATION DEPARTMENT
OF MIA OF THE CHUVASH ASSR**

Key words: *criminality, crime prevention, reduction and an increase in crimes, criminal cases, clearance rate.*

The article shows the fight against criminality in the 60-ies of the 20th century on the territory of the Chuvash ASSR. Archive data that characterize changes of criminality in Chuvashia during the period indicated comparing with the previous period are shown. Basing on the study of CHASSR MIA reports of the 60-ies, general results of track record of the Republican militia of-ficers are summed up.

References

1. Aleksandrova N.V., Rudyk O.I. *Etapy ehvolyutsii instituta braka v sovetskom prave* [The stages of evolution of the institution of marriage in the Soviet law]. *Problemy kachestva rossijskogo zakonodatel'stva: sb. nauch. tr. Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Proc. of Rus. Sci. Conf. «The quality problems of the Russian legislation»]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2016, pp. 249–252.

2. Ivanov N.V., Petrov A.G. *Deyatel'nost' organov MVD v 50-e gody XX v. (Na primere Chuvashskoi Respubliki)* [Activities of Ministry of Internal Affairs in the 50-ies of XX century (On an example of the Chuvash Republic)]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian legislation], 2015, no. 3. pp. 35–37.

3. *Informatsionnyi tsentr Ministerstva vnutrennikh delo Chuvashskoi Respublike. Fond 102. Opis' 1* [Information center Ministry of the Interior for the Chuvash Republic Archives 102. Anagraph 1].

4. *Informatsionnyi tsentr Ministerstva vnutrennikh delo Chuvashskoi Respublike. Fond 120. Opis' 1* [Information center Ministry of the Interior for the Chuvash Republic Archives 120. Anagraph 1].

5. *Informatsionnyi tsentr Ministerstva vnutrennikh delo Chuvashskoi Respublike. Fond 121. Opis' 1* [Information center Ministry of the Interior for the Chuvash Republic Archives 121. Anagraph 1].

IVANOV NIKOLAY – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Civil and Legal Disciplines, Chuvash State University, Cheboksary, Russia (Ivanov.N.V58@mail.ru).

Ссылка на статью: Иванов Н.В. Преступность в 60-х годах XX века, учтенная по линии уголовного розыска МВД Чувашской АССР // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 4. – С. 78–83.

УДК 343.97(09)(470.344) «196/197»
ББК Х401.133-1(2 Рос. Чув.)

Н.В. ИВАНОВ

БОРЬБА РАБОТНИКОВ ОБХСС С ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ В ЧУВАШСКОЙ АССР В 60–70-е ГОДЫ XX ВЕКА

Ключевые слова: ОБХСС, хищение государственного и общественного имущества, борьба с экономическими преступлениями, охрана социалистической собственности, взятка, самогоноварение, преступность.

В статье продемонстрировано состояние дел о хищениях собственности в Чувашии в 60–70-е гг. XX в., приведены количественные сведения о привлеченных к ответственности лицах, виновных в этих преступлениях. Проанализированы особенности общественно-политического и социально-экономического развития советского общества, задачи, стоявшие перед ОБХСС, в частности, по усилению борьбы с посягательствами на социалистическую собственность в области торговли, промышленности, сельского хозяйства и строительства, а также со спекуляцией. Дана оценка деятельности ОБХСС.

Одна из проблем современного общества во всем мире – рост преступности. Преодолевать эти негативные тенденции невозможно без изучения как современного, так и исторического опыта борьбы с ней [1. С. 180]. Изучение деятельности структурных органов и подразделений милиции в хрущевский период, в задачи которых входила борьба с преступностью в сфере экономики, на наш взгляд, поможет раскрыть и глубже понять все аспекты работы ОБХСС по выявлению и пресечению экономических преступлений в советскую эпоху. Цель данной статьи – исследование общих предпосылок создания и деятельности отдельных структур по борьбе с экономическими преступлениями в Чувашской АССР в 60–70-е гг. XX в.

Органы по борьбе с экономической преступностью на сегодняшний день являются одними из ведущих в системе внутренних дел. Пресечение нарушений закона в сфере экономики и борьба с коррупцией – это не только противодействие преступности, но и укрепление многих других задач государственной безопасности.

Данная служба была образована 16 марта 1937 г. секретным приказом НКВД в ГУРКМ СССР и названа «Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией (ОБХСС)» [8. С. 237–238], аналогичные службы появляются на местах. В УРКМ НКВД ЧАССР (на основании приказа НКВД Чувашской АССР № 50) 25 сентября 1937 г. была организована оперативная группа по борьбе с хищением социалистической собственности и спекуляцией со штатом: оперуполномоченный ОБХСС – 1 человек (К.Л. Багильдинский – руководитель, бывший оперуполномоченный ОУР УРКМ ЧАССР) и 2 уполномоченных (Я.Т. Кряжин и П.Е. Егоров) [7. С. 79].

Следует отметить, что в годы хрущевских преобразований особое значение придавалось борьбе с хищениями государственного и общественного имущества. На это ориентировалась вся система правоохранительных органов – прокуратура, суды и МВД (ОБХСС).

Резкий рост преступности экономической направленности в республике был отмечен в 1960–1965 гг.: правоохранительными органами на территории Чувашской АССР в 1961 г. было выявлено 990 преступлений, из них, соответственно, работниками ОБХСС – 332, 1962 г. – 1417 (399), 1963 г. – 2262 (532), 1964 г. – 1011 (695), 1965 г. – 1095 (300) [5. Д. 134. Л. 71–80, 122; Д. 128. Л. 68;

Д. 114. Л. 34; Д. 118. Л. 169–177; Д. 134. Л. 71–80; Д. 118. Л. 199; Д. 127. Л. 87; Д. 128. Л. 68].

Проанализировав статистику экономических преступлений, выявленных по линии ОБХСС в Чувашии в 1960-е гг., приходим к выводу, что пик роста преступности приходился на 1963 г. Конец 1950-х гг. характеризовался очередным этапом борьбы с самогонварением (эти противоправные действия включались в общий список выявленных преступлений), в 1958 г. при активной поддержке общественности были изъяты 4950 самогонных аппаратов, в 1959 г. – 8500 [2. Оп. 2. Д. 1060. Л. 10]. Борьба с пьянством и алкоголизмом была широкомасштабной, но наказания – лояльными и большого воздействия на нарушителей не оказывали, т.е. все ограничивалось передачей дел на рассмотрение общественности. Кроме того, в начале 1960-х гг. было принято большое количество нормативных актов, о чем свидетельствовали указы Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни»; от 5 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями»; от 8 мая 1961 г. «Об усилении ответственности за самогонварение и изготовление других спиртосодержащих напитков домашней выработки» [2. Оп. 28. Д. 221. Л. 38–42]; от 3 марта 1962 г. «Об ответственности за мелкое хулиганство». Эти правовые акты дали новый толчок для возобновления в ряде районов борьбы с самогонварением. Нужно отметить, что она, к сожалению, была недостаточно эффективной: в 1963 г. из 2863 преступлений 1013 были совершены лицами в состоянии алкогольного опьянения, в 1964 г. из 3138 – 1247 [5. Д. 127. Л. 112]. Следующий этап широкомасштабной борьбы с пьянством и алкоголизмом был начат в 1970-е гг., когда увеличилось подпольное производство товаров и услуг, связанных с самогонварением. Только в Батыревском районе в ходе выполнения постановления ЦК КПСС «Об усилении борьбы против пьянства и алкоголизма» в течение 1972 г. были выявлены 22 нарушения торговли спиртным, 21 случай распития спиртных напитков, 104 факта самогонварения, в том числе по 39 из них были возбуждены уголовные дела и виновные привлечены к уголовной ответственности по ст. 10 ч. 1. Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 июня 1972 г.; 65 материалов направлены на рассмотрение в товарищеские суды, изъяты 687 самогонных аппаратов, уничтожено 700 литров изготовленного самогона и около 2 тыс. литров закваски [2. Оп. 37. Д. 221. Л. 12–14].

В начале 1960-х гг. в республике наметился рост преступности среди несовершеннолетних, которые, собираясь в группы, совершали хищения с предприятий, организаций и учреждений. Следователями за 1960 г. к уголовной ответственности привлечены 57 несовершеннолетних, в 1961 г. – 101, 1962 г. – 102 [5. Д. 103. Л. 61; Д. 118. Л. 105, Л. 169–177]. Ранее нами отмечалось, что «... в 1963–1964 гг. в низовых органах милиции были выделены специальные оперативные работники по делам несовершеннолетних» [4. С. 58].

Следует отметить, что со второй половины 1960-х гг. вплоть до 1970-х гг. преступления, учитываемые по линии ОБХСС, заметно сократились, их число было стабильным. Если за 1965 г. всего по республике было выявлено 1095 преступлений, то уже в 1966 г. – 574, 1967 г. – 661, 1968 г. – 653, 1969 г. – 740 [5. Д. 134. Л. 71–80; Д. 138. Л. 15–43; Д. 148. Л. 41]. Правда, с 1967 г. заметен некоторый рост количества выявленных по линии ОБХСС преступлений, в связи с чем дополнительно были проведены мероприятия по недопущению краж и хищений. В 1965–1966 гг. сделано 26 и 28 представлений в различные организации, проведено по 12 выступлений в печати, рейдов – 11 и 14

[2. Д. 44. С. 78]. За 1969 г. работниками ОБХСС была проведена очередная большая работа с населением и работниками торговых организаций, учреждений и объектов Чувашпотребсоюза, а именно: выступления перед коллективами трудящихся – 322 раза, по радио районной и республиканской сети – 64, по телевидению – 22 раза [6. Д. 1. Л. 132], рейды по выявлению фактов хищений – 462, в том числе на объектах мясной и молочной промышленности – 128 раз, в строительстве – 104, сельском хозяйстве – 116 и других отраслях народного хозяйства – 113 раз [6. Д. 4. Л. 54].

Невзирая на предпринимавшиеся меры, в стране и республике ежегодно увеличивалось число экономических преступлений, выявляемых по линии ОБХСС, общество становилось более криминализированным.

Изучаемый период связан с принятием новых законов, целью которых стало ужесточение борьбы с экономическими преступлениями, где предусматривалась даже смертная казнь. Законом от 25 июля 1962 г. количество статей с санкциями в виде смертной казни повысилось с 24 до 31 (О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР: закон РСФСР от 25.07.1962 г.). Только в 1961 г. судами РСФСР по этим статьям было приговорено к высшей мере наказания 1890 человек, в 1962 г. – 2159 [9. С. 60]. Ужесточение уголовных наказаний за хозяйственные преступления свидетельствовало о том, что власть была не в состоянии справиться с неблагоприятной криминальной ситуацией в стране.

Следует отметить, что на рубеже 1970-х гг. в своих выступлениях руководители страны все чаще обращались с требованием ужесточения ответственности за спекуляцию, хищения государственного и общественного имущества и взяточничество, о чем свидетельствует Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями».

Как показывает история, все время продолжалась активная борьба с преступлениями экономической направленности, по линии ОБХСС в республике за 1970 г. было выявлено 721, 1971 г. – 740, 1972 г. – 752, 1973 г. – 750, 1974 г. – 715, за 1975 г. – 769, 1976 г. – 735, 1977 г. – 795, 1978 г. – 675, 1979 г. – 668, 1980 г. – 732 преступлений [5. Д. 152. Л. 51; Д. 158. Л. 107, Л. 297; Д. 171. Л. 68; Д. 176. Л. 2; Д. 179. Л. 22; Д. 181. Л. 2; Д. 182. Л. 3; Д. 186. Л. 73; Д. 187. Л. 6].

Изучая данные, можно прийти к выводу, что в 1970-е гг. преступность экономической направленности находилась приблизительно на одинаковом уровне, но стали меняться ее формы: если ранее большинство зарегистрированных экономических правонарушений составляли хищения социалистической собственности (например, в 1970 г. – 278, 1971 г. – 284, 1972 г. – 321, 1973 г. – 331 [5. Д. 163. Л. 3; Д. 158. Л. 297; Д. 176. Л. 2], 1974 г. – 348, 1975 – 360, 1976 – 367 [6. Д. 45а. Л. 128, 151; Д. 50а. Л. 24; Д. 57а. Л. 147], 1977 – 347, 1978 – 402 [5. Д. 181. Л. 2; Д. 182. Л. 10]), то позже стали появляться ее новые виды. Например, «приписки» (в отчетах о деятельности предприятий искажение данных, чтобы они соответствовали плановым нормам). Так, директор Заволжской торговой конторы Афанасьев и заведующий столовой Гибадуллин в апреле 1974 г. оформили фиктивное трудовое соглашение на текущий ремонт столовой и присвоили 750 руб., оба привлечены к уголовной ответственности [2. Оп. 37. Д. 221. Л. 37]. Кроме того, выявлены такие виды преступления, как спекуляция, взяточничество. В 1964 г. отмечалось 49, 1965 г. – 63, 1968 г. – 67, 1969 г. – 61, 1972 г. – 66, 1973 г. – 64 факта спекуляции [6. Д. 128. С. 67; Д. 5. Л. 7–14; Д. 38. Л. 96], т.е. спекуляция в 1960-е и 1970-е гг. находилась почти на одинаковом уровне.

На борьбу с хищениями и спекуляцией были подняты все общественные силы, на 1 января 1978 г. функционировало 957 специализированных дружин

и групп дружинников, из них 177 – по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией [6. Д. 77. Л. 45].

По-другому обстояло дело со взяточничеством. Если в 1960-е гг. случаи взяточничества были редки, например, в 1964 г. – 8, 1965 г. – 6 [6. Д. 128. Л. 67], 1968 г. – 9, 1969 г. – 7 [3. Д. 50. С. 45], то в 1970-е гг. эти показатели заметно выросли. Только за 1972 г. в республике было выявлено 14, 1973 г. – 15, 1975 г. – 16, 1976 г. – 12 фактов [6. Д. 38. Л. 96; Д. 57а. Л. 147].

С 1971 г. в практику службы ОБХСС было внедрено долгосрочное планирование, учитывающее перспективы развития экономики и прогнозируемых социально-экономических изменений в стране. Основанная на перспективных планах работа по совершенствованию деятельности стала более целенаправленной, в результате чего только работниками данной службы МВД республики в течение года было привлечено к уголовной ответственности 783 человека, в возрасте от 16 до 17 – 7, от 18 до 24 – 116, от 25 до 29 – 77, от 30 до 49 – 503, 50 лет и старше – 80, женщин – 242, рабочих – 388, колхозников – 116, служащих – 250 [5. Д. 158. С. 111], а в 1978 г. привлечено 738 человек, в возрасте от 16 до 17 – 1, от 18 до 24 – 93, от 25 до 29 – 160, от 30 до 49 – 386, 50 лет и выше – 98, женщин – 303, членов и кандидатов в члены КПСС – 68, членов ВЛКСМ – 282 человека [5. Д. 182. Л. 40].

Из приведенных данных видно, что общая картина выявления преступности по линии ОБХСС в 1970-е гг. практически не изменилась.

Подводя итог, нужно отметить, что преступность экономической направленности из года в год росла и преступники пользовались несовершенством законодательства и малограмотностью сотрудников, находили все новые и новые «лазейки». Много сил и средств приложено в подготовке специалистов для борьбы в этой сфере, в конечном счете это дало свои результаты, и в основном экономическая преступность в 1970-е гг. была стабилизирована.

В исследуемый период сотрудники службы по борьбе с экономической преступностью занимали активную жизненную позицию в защите интересов государства и личности от преступных посягательств. В настоящее время обеспечение экономической безопасности нашей страны является одной из основных задач этой службы.

Литература

1. *Александрова Н.В.* Проблемы управления государственной собственностью // Проблемы в российском законодательстве: сб. материалов VIII Междунар. науч.-практ. конф., посв. памяти академика В.Н. Кудрявцева. Чебоксары: ЧКИ, РУК. 2015. С. 179–182.
2. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (далее – ГАСИ ЧР). Ф. П-1.
3. ГАСИ ЧР. Ф. П-623. Оп. 1.
4. *Иванов Н.В., Михайлова С.Ю.* Ход и результаты борьбы органов милиции с преступностью несовершеннолетних в Чувашии во второй половине 50-х – первой половине 60-х годов XX века // Вестник Чувашского университета. 2015. № 2. С. 55–59.
5. Информационный центр Министерства внутренних дел по Чувашской Республике (далее – ИЦ МВД по ЧР). Ф. 102. Оп. 1.
6. ИЦ МВД по ЧР. Ф. 120. Оп. 1.
7. ИЦ МВД по ЧР. Ф. 134. Оп. 2. Д. 9.
8. Министерство внутренних дел. 1802-2002: исторический очерк. М.: Объед. ред. МВД РФ, 2004. 648 с.
9. *Михлин А.С.* Смертная казнь: вчера, сегодня, завтра. М., 1997. 168 с.

ИВАНОВ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (Ivanov.N.V58@mail.ru).

N. IVANOV

**FIGHT OBKHSS WORKERS AGAINST ECONOMIC CRIMES
IN THE CHUVASH ASSR IN THE 60-70s OF 20th CENTURY**

Key words: OBKHSS (Department Against Misappropriation of Socialist Property), theft of state and social property, fight against economic crimes, protection of the socialist property, bribe, bootlegging, criminality.

The article demonstrates the state of affairs of property theft in Chuvashia in the 60-70-ies of the 20th century; it presents quantitative information on prosecuted persons, guilty of these legal wrongs (crimes). The features of socio-political and socio-economic development of the Soviet society, the tasks facing the Department Against Misappropriation of Socialist Property, in particular, to enhance the fight against attacks on the socialist property in the field of trade, industry, agriculture and construction as well as blackmarketeering are analyzed. The activity of the OBKHSS is evaluated.

Reference

1. Aleksandrova N.V. *Problemy upravleniya gosudarstvennoj sobstvennost'yu* [Problems of public property management]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve: sb. materialov VIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posv. pamyati akademika V.N. Kudryavtseva* [Proc. of Int. Sci. Conf. «The gaps in the Russian legislation»]. Cheboksary, 2015, pp. 179–182.
2. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoistorii Chuvashskoi Respubliki. Fond 1* [State Archives of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archive 1].
3. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoistorii Chuvashskoi Respubliki. Fond U-623. Opis' 1* [State Archives of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archive U-623. Anagraph 1].
4. Ivanov N.V., Mikhailova S.Yu. *Khod i rezul'taty bor'by organov militsii s prestupnost'yu nesovershennoletnikh v Chuvashii vo vtoroi polovine 50-kh – pervoi polovine 60-kh godov XX veka* [Course and results of police fighting juvenile delinquency in Chuvashia in years including second half of 1950s – first half of 1960s]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2015, no. 2, pp. 55–59.
5. *Informatsionnyi tsentr Ministerstva vnutrennikh del po Chuvashskoi Respublike. Fond 102. Opis' 1* [Information center Ministry of the Interior for the Chuvash Republic. Archive 102. Anagraph 1].
6. *Informatsionnyi tsentr Ministerstva vnutrennikh del po Chuvashskoi Respublike. Fond 120. Opis' 1* [Information center Ministry of the Interior for the Chuvash Republic Archive 120. Anagraph 1].
7. *Informatsionnyi tsentr Ministerstva vnutrennikh del po Chuvashskoi Respublike. Fond 134. Opis' 2 Delo 9* [Information center Ministry of the Interior for the Chuvash Republic Archive 134. Anagraph 2. Document 9].
8. *Ministerstvo vnutrennikh del. 1802-2002: istoricheskii ocherk* [Ministry of Internal Affairs. 1802–2002: a historical sketch]. Moscow, 2004, 648 p.
9. Mikhlin A.S. *Smertnaya kazn'. Vchera, segodnya, zavtra* [The death penalty. Yesterday Today Tomorrow]. Moscow, 1997, 168 p.

IVANOV NIKOLAY – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Civil and Legal Disciplines, Chuvash State University, Cheboksary, Russia (Ivanov.N.V58@mail.ru).

Ссылка на статью: Иванов Н.В. Борьба работников ОБХСС с экономическими преступлениями в Чувашской АССР в 60–70-е годы XX века // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 4. – С. 84–88.

УДК 94(470.344):378.4
ББК Ч448.47(2Рос.Чув)ю14

Т.Н. ИВАНОВА, О.Г. ВЯЗОВА, И.А. ЛИПАТОВА

ПАМЯТЬ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ КОРПОРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И АНАЛИЗА

Ключевые слова: историческая память, устная история, методы интервью и анкетирования, воспоминания, история Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова.

В статье рассматривается значение «мемориального поворота» для исследования исторической памяти университетской корпорации. Освещается опыт применения методов устной истории для изучения памяти отдельных сообществ в отечественной исторической науке. Рассматриваются особенности конкретных методов устной истории и их применимость при создании комплекса воспоминаний о Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова. Выделяются основные этапы его создания (интервьюирование, анкетирование, иницирование индивидуальных мемуаров). На основе практического опыта оценивается эффективность устной истории, анализируются конкретные материалы по истории Чувашского государственного университета, полученные с помощью этих методов.

«Мемориальный поворот», плодотворность которого отмечают современные ученые, позволяет по-новому осветить узловые моменты развития общества, дополнить, а иногда и существенно уточнить данные традиционных источников; создать новые источники, используя методы устной истории; преодолеть тот скепсис относительно объективности в познании прошлого, который появился после «вызова постмодерна».

Проблемы соотношения исторической, культурной, коллективной, индивидуальной и коммуникативной памяти активно обсуждаются в современной историографии [см.: 1, 9, 17, 19, 20 и др.]. Носителем исторической памяти, её «субъектом», по мнению О.Б. Леонтьевой, могут выступать как крупные социальные группы (например, память такого профессионального сообщества, как университетская корпорация); так и «память людей, которых объединил общий опыт» [10. С. 65; 12–14].

Источниками, на основании которых реконструируется и анализируется историческая память, выступают как традиционные исторические источники (дневники, мемуары, письма, материалы периодической печати и другие делопроизводственные документы в виде сводок, отчетов, жалоб и обращений населения и др.), так и материалы социологических опросов [10. С. 66–68].

Наиболее продуктивными, на наш взгляд, являются материалы устной истории. А.И. Филюшкин определяет устную историю как «научную дисциплину, обладающую собственным методом исследования – интервью, с помощью которого осуществляется фиксирование субъективного знания отдельной человеческой личности об эпохе, в которой жил человек» [22]. Интервьюирование свидетелей значимых событий известно давно. Так, в 1920-е гг. в СССР записывались воспоминания участников революционного движения, однако «официальная» историография ограничивала применение этих источников. Методология «устной истории» была разработана в США в Центре устной истории при Колумбийском университете в конце 1940-х гг. В эпоху гласности и перестройки интерес к «устной истории» в нашей стране возрос. С 1996 г. действует Международная Ассоциация устной истории. Классиками этого направления считают П. Томпсона (Британия), Р. Грилла, А. Невинса, М. Фриша (США), А. Портелли (Италия), Я. Венсину (Бельгия), Г. Розенталя, Л. Нитхаммера (Германия). В России известны исследования профессора МГУ В.Д. Дувакина, который сделал более 800 записей-бесед в жанре устной истории [22. С. 503–504].

Сейчас в нашей стране функционирует несколько центров устной истории. Наиболее востребованными в последние годы были записи воспоминаний участников Великой Отечественной войны, военнопленных, узников концлагерей, людей, переживших войну в детском возрасте [см.: 16, 18]. Осуществляются проекты создания комплексов интервью ветеранов локальных конфликтов в России [15. С. 239–250].

В отечественной науке присутствуют исследования, непосредственно связанные с изучением социальной памяти университетских корпораций. Одним из первых удачных опытов подобного исследования университетских традиций, корпоративной преемственности, студенческих мифов, преданий, фольклора и суеверий, передающихся как по официальным, так и по неофициальным каналам связи, стала книга казанских исследователей Е.А. Вышленковой, С.Ю. Малышевой и А.А. Сальниковой [2]. Методы устной истории в реконструкции университетской памяти успешно реализованы в монографии омских ученых, изданной к 40-летию *alma mater* [6, 24]. Данное издание особо выделяется на фоне ряда «официально-глянцевых» историй университетов, юбилеи которых торжественно отмечаются в последние годы.

Т.Н. Иванова отмечает: «В научном исследовании университетов необходима интеграция макро- и микроисторических подходов». Важность фиксации свидетельств ветеранов связана и с тем, что «вместе с уходящим поколением современников событий уходят и важные свидетельства, которые не могут быть восполнены из других источников» [4. С. 212]. Этот фактор, а также приближающийся 50-летний юбилей Чувашского государственного университета активизировали в нашем вузе усилия по созданию комплекса воспоминаний университетов. На данном этапе были использованы методы устной истории и методика, описанная в книгах представителей этого направления [см.: 8, 23, 26]. Важное значение для нас имело изучение опыта создания «Архива университетской идентичности», осуществленного в рамках проекта «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014 г. Научно-учебная группа по изучению истории постсоветских университетов под руководством Е.А. Вышленковой собрала персональные тексты (в виде интервью или письменного вопросника) у более ста профессоров и доцентов высших учебных заведений России [см.: 3. С. 261–286].

В 2014 г. был создан авторский коллектив, конечной целью деятельности которого является издание монографии по истории ЧГУ. В рамках расширения источниковой базы университетской истории был определен круг ветеранов, у которых специально подготовленная группа студентов взяла серию интервью.

Всего было собрано 98 интервью. Среди информантов, в большинстве, – бывшие и нынешние проректора, деканы, заведующие кафедрами, известные ученые ЧГУ.

Интервьюирование обладает рядом как положительных, так и отрицательных черт по сравнению с социологическими опросами и анкетированием. В проведении интервью выделяются несколько этапов: определение темы и примерных вопросов; согласование времени и места встречи; интервьюирование с помощью аудиозаписывающих устройств; транскрибирование записи и согласование письменного текста интервью с информантом. При этом, как указывает П. Томпсон, необходимо учитывать ряд субъективных моментов: избирательность памяти, процессы забвения (сознательного и неосознанного): «Что прошло незамеченным, вдруг всплывает в памяти и предстает значительным в свете последующих событий. Это свойство памяти – менять значение событий – делает возможным выстраивание событий, лиц, слов и жестов в ряды исследовательские, причинно-следственные, т.е. делает возможной историю как форму жизни» [23. С. 134]. Метод интервью имеет ряд особенностей, которые стоит учитывать при их анализе. С. Квале отмечает прежде всего вы-

сокую степень субъективности. При интервьюировании рассказчик может что-то забыть, опустить какие-либо факты, потому что респондент как бы переживает все заново. Некоторые факты же, наоборот, рассказчик может поставить в центр, хотя объективная значимость данной информации может быть небольшой. Несомненно, стоит учитывать и то, что отношение рассказчика к тем или иным событиям может меняться в силу возраста [8. С. 87].

П. Томпсон отмечает, что при подготовке к интервью следует учитывать характер и темперамент человека. Человек, в чем-то прежде разочарованный, не станет приукрашивать фактами события или свою биографию и не будет выделять положительные моменты своей истории. Другие же, наоборот, дополняют свой рассказ неправдоподобными деталями. Все это можно отнести к своеволию рассказчика [23. С. 127].

Интервьюер может регулировать ход беседы на свое усмотрение и задать определенный эмоциональный тон. Рассказчик либо ориентируется на интервьюера, либо опровергает его и следует по своему усмотрению. Конечно же, это может нарушить объективность всего рассказа. «Устная история обязательно становится в какой-то мере продуктом совместной деятельности рассказывающего и того, кому рассказывают» [25].

При транскрибировании записи могут также происходить некоторые искажения. Исследователь может подправить текст на свое усмотрение, сделать его более «правильным» в логическом и грамматическом отношении. В методе интервью есть еще одна особенность. Несомненно, следует учитывать этнический, гендерный и политический факторы. Это особенно касается людей старшего поколения. Бывает, что рассказчик сводит свой рассказ к тому, чтобы дать наставление младшему поколению, высказать мысли о наболевших ситуациях в стране, выставить свое поколение в позитивном свете по сравнению с современным. Еще одна особенность интервью – это транскрибирование текста. Здесь на интервьюера ложится важная задача передать информацию объективно, чтобы паузы, смысловые фрагменты совпадали с тем, что действительно было проявлено респондентом. Следует отметить, что метод устного интервью требует много времени: составление вопросов, определение времени встречи с респондентами (которые часто переносятся по разным причинам), расшифровка интервью и т.д.

При проведении интервью в Чувашском госуниверситете выявились все указанные выше особенности. «Статусность» информантов приводила к сложностям, возникшим у подготовленной группы студентов, когда назначенные встречи переносились и даже отменялись. Сложной является и проблема субъективизма, самопрезентации, искренности информантов, методов стимулирования памяти и мобилизации воспоминаний у опрашиваемых. По мнению ряда исследователей, интервьюирование университетского преподавателя сложнее, чем людей с невысоким уровнем образования. Кроме того, существует опасность, что информант в интервью будет «транслировать не свои воспоминания, а воспоминания, навязанные обществом, скажем, официальную или литературную версию прошлого» [3. С. 267].

Поэтому после интервью, проведенных студентами, в ряде случаев стали необходимы повторные встречи с информантами для уточнения ряда моментов. Так, после интервью студентки с доцентом Е.Г. Беляевым понадобилась новая устная беседа в неформальной обстановке, без диктофона, в которой ветеран наконец-то поделился уникальными сведениями, не отраженными в источниках. Отказавшись от предложения зафиксировать беседу в письменной форме, Е.Г. Беляев решил сам написать воспоминания «Как создавалась кафедра всеобщей истории» и позже передал их авторскому коллективу. Аналогичным образом появились и воспоминания бывшего ректора ЧГУ В.Г. Агакова, профессора ЧГПУ Т.С. Сергеева и др.

После получения вопросов информанты высказали желание сообщить нужные сведения в свободной форме. Такие источники можно назвать иницированными воспоминаниями, которые, с одной стороны, раскрывают сведения об интересующих исследователя фактах, с другой – имеют более объемную и продуманную структуру. Однако именно эта продуманность лишает данные воспоминания непосредственности интервью. П. Томпсон безапелляционно считает, что «письменные мемуары – это форма устной истории, созданные, чтобы вводить в заблуждение историков», как источник они «бесплезны, за исключением атмосферы» [23. С. 126]. Мы не согласны с этими категоричными оценками. Можно отметить, что именно эти «иницированные» воспоминания охватывают, с одной стороны, достаточно широкий круг вопросов, с другой стороны, дают более глубокий анализ фактов.

Таких воспоминаний в нашем архиве оказалось семь. Воспоминания, составленные в свободной форме, носят различный характер: некоторые охватывают большое количество вопросов – от истории создания университета до культурно-массовой работы в настоящее время, включая вопросы научной и общественной жизни вуза. Особую группу составляют «узкие» воспоминания, посвященные конкретному вопросу, например, воспоминания о кандидате философских наук, преподавателе историко-филологического факультета ЧГУ имени И.Н. Ульянова в 1967–1974 гг. Семенове Николае Ивановиче, воспоминания о первом ректоре ЧГУ имени И.Н. Ульянова Сайкине Семене Федоровиче. Воспоминания в свободной форме предоставили: В.Г. Агаков, профессор, 2010–2013 гг. – четвертый ректор ЧГУ имени И.Н. Ульянова, А.П. Данилова, заведующая кафедрой всеобщей истории ЧГУ имени И.Н. Ульянова в 1988–2002 гг., Т.Н. Иванова, профессор заведующая кафедрой истории и культуры зарубежных стран историко-географического факультета ЧГУ имени И.Н. Ульянова, Д.Н. Качевский, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры высшей математики факультета прикладной математики, физики и информационных технологий ЧГУ имени И.Н. Ульянова, И.В. Львов, профессор, 2002–2007 гг. – заведующий кафедрой мировой экономики и декан экономического факультета ЧГУ имени И.Н. Ульянова, В.С. Пряников, профессор, 2000–2013 гг. – декан факультета радиотехники и электроники ЧГУ имени И.Н. Ульянова, Т.С. Сергеев, профессор, 1991–2004 гг. – профессор кафедры средневековой и новой истории Отечества ЧГУ имени И.Н. Ульянова. Эти иницированные воспоминания являются законченным источником, относящимся к источникам мемуарного типа. Ему свойственны, с одной стороны, глубокая продуманность, структурированность, подробное изложение событий, но этому источнику свойственны определенный субъективизм и личностный подход к описанию событий. При использовании данного метода следует помнить, что важнее то, как автор воспоминаний определяет события, чем то, какими события являются сами по себе, ведь это личная трактовка автора.

Кроме того, ряд ветеранов по собственной инициативе передали авторам свои неопубликованные мемуары (например, бывший проректор ЧГУ И.А. Чучалов).

В устной истории можно выделить еще один метод – анкетирование, которое некоторые ученые считают достаточно спорным источником. По сути этот метод близок к социологическому опросу. Использование этого метода заключается в том, что респонденту передается анкета с вопросами, на которые он должен дать письменные ответы. Но зачастую анкета «навязывает» респонденту определенные вопросы, вследствие чего опрашиваемый не дает полный, развернутый ответ в отношении тех или иных событий. Какие-то сюжеты, не упомянутые в вопроснике, информант не освещает, хотя может иметь по этой теме уникальные сведения. Положительные черты метода анкетирования состоят в

том, что здесь не требуется транскрибирования аудиозаписи, а значит, на систематизацию информации уходит намного меньше времени по сравнению с интервью. Недостаток анкеты состоит не только в определенном «навязывании» хода воспоминаний, но и в том, что письменные ответы, как правило, более тщательно редактируются респондентом, они не обладают той непосредственностью, как ответы на устное интервью. Письменное анкетирование, по сравнению с устным интервью, позволяет получить информацию от большего количества респондентов. Кроме того, анкета может уточнить материалы интервью. Для получения более качественных материалов посредством анкеты можно предварительно письменно или устно разъяснить респонденту цель опроса. При таком условии возможно получение наиболее качественной анкеты, пригодной для исследователя устной истории. Кроме того, желательно одновременно проводить анкетирование и интервьюирование респондента по одной теме. При этом возможны два способа: сначала анкетирование, а затем интервьюирование по темам, оставшимся не полностью раскрытыми в анкете; если же интервьюирование проходит первым, в анкете можно подробнее сформулировать вопросы, по которым желательно получить более подробные ответы.

Поэтому наряду с интервьюированием нами также было проведено письменное анкетирование, которое по сути близко к социологическому опросу. Проведение письменного анкетирования определялось прежде всего стремлением расширить число респондентов из разных социальных групп. Разработанная нами анкета включала 30 вопросов и начиналась с побудительного призыва «Давайте напишем историю родного университета вместе!». Вопросы касались как учебного процесса, так и оценки материальной базы университета, работы общественных организаций, университетских традиций разных лет, особенностей организации быта, культурных и спортивных мероприятий и т.д. Анкета распространялась как по официальным каналам (через деканаты всех факультетов), так и по неформальным связям (через социальные сети, студентов, их родственников и знакомых). Много заполненных анкет удалось получить через студентов, проходивших педагогическую практику в школах Чувашии. На родительских собраниях тексты анкет были розданы родителям – бывшим выпускникам ЧГУ. Кроме того, анкета рассылалась по электронной почте людям, с которыми не удалось встретиться лично (среди информантов были и выпускники ЧГУ, ныне проживающие за границей).

Однако среди полученных более чем 50 анкет информативную ценность представляли не более 50% из них. Основной недостаток анкетирования – в отсутствии реального диалога между исследователем и информантом, иногда в формальном и односложном ответе на многие вопросы. В то же время анкетирование позволило охватить широкий круг информантов, в том числе отделившихся от университета выпускников разных лет, в том числе, ныне проживающих за рубежом. При этом следует отметить, что в подобных анкетах встречаются оценки жизни университета разных лет более разносторонние, неформальные, чем как бы «связанные» официальной историей анкеты и интервью сотрудников и преподавателей, продолжающих работать в ЧГУ.

Анализ содержания созданных источников устной истории позволяет существенно дополнить те стороны истории ЧГУ, которые не освещены в официальных документах. Так, интервью с В.А. Щедриным, В.А. Васильевым, Н.И. Павловым, Т.С. Сергеевым, Ю.М. Мироновым, А.П. Даниловой позволили более полно проанализировать непростую историю создания университета. Были выявлены роль отдельных личностей в этом процессе (С.Ф. Ислюкова, И.П. Прокопьева, А.А. Федорова), разные настроения среди студентов бывшего Волжского филиала МЭИ, историко-филологического факультета, переведенного из Чу-

вашского педагогического института, и вновь созданных факультетов [5. С. 83–94; 11. С. 460–464].

В ходе интервьюирования и анкетирования были собраны свидетельства о ходе учебного процесса, организации производственных практик, развитии научно-исследовательской работы ЧГУ в разные годы. Однако эти свидетельства содержат в целом оценочные характеристики, воспоминания об интересных и курьезных случаях и для воссоздания полной картины нуждаются в уточнении и дополнении фактами делопроизводственных документов.

История общественных организаций ЧГУ, изложенная информантами, представляет сложности в интерпретации. Так, обращает на себя внимание тот факт, что деятельность организации КПСС, которая имела большое влияние в жизни ЧГУ, в воспоминаниях представляет собой некую «фигуру умолчания». Лишь один информант (Т.С. Сергеев) отметил, что партийная организация способствовала существованию университетской корпорации как сообщества единомышленников.

Больше свидетельств о деятельности комитета ВЛКСМ, но и здесь обнаружены противоречия в воспоминаниях и данных официальных документов. Так, реконструируемый нами список секретарей и заместителей комитета ВЛКСМ ЧГУ по официальным документам не совпадал со сведениями, представленными информантами. Один из ветеранов пояснил, что это связано с тем, что зачастую работу выполняли студенты очного отделения, которые официально не могли быть оформлены на освобожденную должность заместителя и секретаря комитета ВЛКСМ. Поэтому по документам могли быть оформлены одни люди, а фактически все обязанности выполняли другие лица.

Важные свидетельства содержатся в воспоминаниях о кризисе в комсомольской организации в конце 1980-х гг., о том, как постепенно в начале 1990-х гг. ряд функций ВЛКСМ стала выполнять студенческая профсоюзная организация ЧГУ, престиж которой последовательно возрастал в эти годы [7. С. 347–357]. Вероятно, это определялось тем, что в сравнении с образовавшимся в 1991 г. студенческим советом ЧГУ, который должен был унаследовать многие функции комитета ВЛКСМ, студенческий профком обладал более развитыми традициями, определенными материальными ресурсами и сумел быстрее адаптироваться к реалиям постсоветской рыночной ситуации.

Наиболее подробные сведения в воспоминаниях касаются внеучебной деятельности: участия информантов в культурно-массовых и спортивных мероприятиях, работе в студенческих строительных отрядах и студенческом научном обществе. Уникальны свидетельства о повседневной жизни и быте, реалиях студенческих общежитий, неформальных отношениях в преподавательском и студенческом коллективах. Воспоминания содержат и курьезные случаи. Например, как в голодные 1990-е гг. юноши утащили из кухни в общежитии кастрюльку, как им показалось, с пельменями, в которой в реальности кипели термобигуди. Случай, вроде бы, анекдотичный, но характеризующий атмосферу тех непростых лет. В эти же годы среди преподавателей по жребью распределялись выделенные шефскими организациями дефицитные товары. А.В. Еремкин пишет об этом времени: «Стипендии аспиранта хватало на оплату одного письма в издательство для опубликования статьи в зарубежном журнале». В то же время информанты вспоминают о студенческом братстве, взаимопомощи, активном участии в политических дискуссиях 1980–1990-х гг.

Однако необходимо отметить определенную фрагментарность, субъективность, а, в некоторых случаях, формализованность собранных свидетельств. В этом отношении можно согласиться с мнением З.С. Гатиной и Д.М. Гребенкиной, что для информантов «сдерживающим фактором для откровенности служит стремление сохранить престиж» [3. С. 267]. Можно отметить в интервью

воспроизведение неких коллективных мифов, общепринятых клише, официальной версии событий. В этих случаях важно суметь запустить работу «эпизодической памяти». Именно в воспоминаниях о конкретных фактах, курьезных случаях, отдельных личностях информанты более откровенны, что дает возможность получить уникальные свидетельства.

Авторский коллектив готовит к публикации тексты наиболее информативных и интересных интервью, анкет, воспоминаний, что позволит сохранить эти источники устной истории для последующих поколений.

Литература

1. *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 386 с.
2. *Вышленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А.* Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005. 500 с.
3. *Гатина З.С., Гребенкина Д.М.* Личные воспоминания о постсоветских университетах и архив профессорской идентичности // Диалог со временем. 2015. Вып. 51. С. 261–286.
4. *Иванова Т.Н.* Проблемы изучения истории национальных университетов республик субъектов РФ // V Арсентьевские чтения. Российская интеллигенция в условиях цивилизационных вызовов. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2014. С. 210–218.
5. *Иванова Т.Н., Липатова И.А.* «Как это начиналось»: создание Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова в свидетельствах современников // Вестник Чувашского университета. 2015. № 4. С. 83–94.
6. *Иванова Т.Н., Мясков Г.П.* Юбилейные даты как стимул развития «университетологии»: об одном издании к 40-летию Омского университета // Диалог со временем. 2015. Вып. 52. С. 384–390.
7. *Иванова Т.Н., Никитина А.С.* Острые грани перестройки: история профсоюзной организации студентов ЧГУ им. И.Н. Ульянова во второй половине 80-х – начале 90-х гг. XX в. // Университетское образование в полиэтничных регионах Поволжья (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова): сб. ст. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. С. 347–357.
8. *Квалле С.* Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2009. 301 с.
9. *Леонтьева О.Б.* «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // Диалог со временем. 2015. Вып. 50. С. 59–96.
10. *Леонтьева О.Б.* Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара: Книга, 2011. 448 с.
11. *Липатова И.А., Самонова А.И.* Открытие Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова в воспоминаниях студентов и преподавателей // Университетское образование в полиэтничных регионах Поволжья (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова): сб. ст. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. С. 460–464.
12. *Минеева Е.К.* И мечта становится явью // Арчиков Емельян Иванович: учёный – географ, полевой исследователь. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1998. С. 24–26.
13. *Минеева Е.К.* О моем учителе // Димитриев Василий Димитриевич: ученый, педагог, общественный деятель, гражданин: сб. ст. / сост. Г.А. Николаев; отв. ред. И.И. Бойко / ЧГИГН. Чебоксары, 2013. С. 185–187.
14. *Минеева Е.К.* Учебник В.Ф. Каховского «Родной край» в повышении самосознания народа // Научно-педагогическое наследие В. Ф. Каховского и проблемы истории и археологии: материалы науч.-практ. конф. / ЧГИГН. Чебоксары, 2007. Кн. 1. С. 254–266.
15. *Николаи Ф.В.* Память, нарратив и тактики самоидентификации ветеранов локальных конфликтов в России // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 239–250.
16. Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / ред.-сост. М. Габович. М.: НЛО, 2005. 784 с.
17. *Поршнева О.С.* Методология и методы изучения культурной памяти // Век памяти, память века: Опыт общения с прошлым в XX столетии: сб. ст. Челябинск: Каменный пояс, 2004. С. 22–37.
18. Региональный центр устной истории в г. Воронеж [Электронный ресурс]. URL: www.historyvoice.ru.
19. *Релина Л.П.* Историческая память и национальная идентичность: подходы и методы исследования // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 9–15.
20. *Релина Л.П.* Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии // Феномен прошлого. М.: ГУ-ВШЭ, 2005. С. 122–169.
21. *Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А.* Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. Сер. 2. Вып. 2. С. 106–126.
22. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквион, 2014. 576 с.
23. *Томпсон П.* Голос прошлого. Устная история. М.: Весь мир, 2003. 303 с.
24. Университет в истории и история университета: к 40-летию Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского: очерки / отв. ред. В.П. Корзун. Омск: Наука, 2014. 380 с.

25. Филюшкин А.И. Методические указания по проведению исследований по устной истории [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nashpolytech.ru>.

26. Щеглова Т.К. Устная история. Барнаул: АлтГПА, 2010. 364 с.

ИВАНОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – доктор исторических наук, заведующая кафедрой истории и культуры зарубежных стран, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (tivanovan@mail.ru).

ВЯЗОВА ОЛЬГА ГЕОРГИЕВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и региональной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (o-vyazova2008@mail.ru).

ЛИПАТОВА ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культуры зарубежных стран, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (lipirin@mail.ru).

**T. IVANOVA, O. VYAZOVA, I. LIPATOVA
MEMORY UNIVERSITY CORPORATION:
PROBLEMS OF PRESERVATION AND ANALYSIS**

Key words: *historical memory, oral history; methods of interviews and questionnaires, memories, the history of the Chuvash State University named after I.N. Ulianov.*

The article is devoted to the importance of the «memorial turn» for the study of the historical memory of the university corporation. The article highlights the experience of using methods of oral history in the study memory of individual communities in the Russian historical science. It draws attention to features of techniques specific for oral history and their applicability when creating complex memories about the Chuvash State University named after I.N. Ulianov. The article gives valuable information on main stages of its creating (interviews, questionnaires, initiation of individual memoirs). Based on practical experience the authors evaluate effectiveness of oral history, specific materials concerning the history of the Chuvash State University obtained by these methods are analyzed.

References

1. Assman Ya. *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory: writing, memory and political identity in the high cultures of antiquity]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2004, 386 p.
2. Vyshlenkova E.A., Malysheva P.Yu., Sal'nikova A.A. *Terra Universitatis: Dva veka universitetskoi kul'tury v Kazani* [Terra Universitatis: Two century of University culture in Kazan]. Kazan, Kazan State University Publ., 2005, 500 p.
3. Gatina Z.P. *Grebenkina D.M. Lichnye vospominaniya o postsovetsskikh universitetakh i arkhiv professorskoj identichnosti* [Personal reminiscences about post-Soviet universities and the archive professorial identity]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with time], 2015, iss. 51, pp. 261–286.
4. Ivanova T.N. *Problemy izucheniya istorii natsional'nykh universitetov respublik-sub"ektov RF* [Problems of studying the history of the national universities of republics-subjects of the Russian Federation]. *V Arsent'evskie chteniya. Rossiiskaya intelligentsiya v usloviyakh tsivilizatsionnykh vyzovov* [The Russian intelligentsia in the conditions of civilizational challenges]. Cheboksary, Interaktiv plyus Publ., 2014, pp. 210–218.
5. Ivanova T.N., Lipatova I.A. *«Kak eto nachinalos'»: sozдание Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I.N. Ul'yanova v svidetel'stvakh sovremennikov* [«How it began»: the creation of the Chuvash state University named I.N. Ulyanov in the testimonies of contemporaries]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2015, no. 4, pp. 83–94.
6. Ivanova T.N., Myagkov G.P. *Yubileinye daty kak stimul razvitiya «universitetologii»: ob odnom izdanii k 40-letiyu Omskogo universiteta* [Anniversary date as the stimulus for the development of universitycollege": a single edition for the 40th anniversary of Omsk University]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with time], 2015, iss. 52, pp. 384–390.
7. Ivanova T.N., Nikitina A.P. *Ostrye grani perestroiki: istoriya profsoyuznoi organizatsii studentov ChGU imoscow I.N. Ul'yanova vo vtoroi polovine 80-kh – nachale 90-kh gg. KhKh v.* [Sharp edges of perestroika: the history of trade Union organization of students of chgu I. N. Ulyanov in the second half of the 80's – early 90-ies of the XX century]. *Universitetskoe obrazovanie v polietnichnykh regionakh Povolzh'ya (k 50-letiyu Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I.N. Ul'yanova): sb. st.* [Collected Papers «University education in the multiethnic regions of the Volga region (the 50th anniversary of the Chuvash State University named I. N. Ulyanov)»]. Cheboksary, Interaktiv plyus Publ., 2015, pp. 347–357.
8. Kvale P. *Issledovatel'skoe interv'yuu* [Interviews]. Moscow, Smysl Publ., 2009, 301 p.
9. Leont'eva O.B. *Istoricheskaya pamyat' i obrazy proshlogo v rossiiskoi kul'ture XIX – nachala KhKh vv* [Historical memory and images of the past in Russian culture XIX – early XX centuries]. Samara, Kniga Publ., 2011, 448 p.

10. Leont'eva O.B. «Memorial'nyi povorot» v sovremennoi rossiiskoi istoricheskoi nauke ["Memorial turn" in contemporary Russian historical science]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with time], 2015, iss. 50, pp. 59–96.

11. Lipatova I.A., Samonova A.I. *Otkrytie Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I.N. Ulyanova v vospominaniyakh studentov i prepodavatelei* [The opening of the Chuvash state University. I. N. Ulyanov in the memories of students and teachers]. *Universitetskoe obrazovanie v polietnichnykh regionakh Povolzh'ya (k 50-letiyu Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I.N. Ulyanova): sb. st.* [Collected Papers «University education in the multiethnic regions of the Volga region (the 50th anniversary of the Chuvash State University named I. N. Ulyanov)»]. Cheboksary, Interaktiv plus Publ., 2015, pp. 460–464.

12. Mineeva E.K. *I mechta stanovitsya yav'yu* [And the dream becomes a reality]. In: *Archikov Emel'yan Ivanovich: uchenyi – geograf, polevoi issledovatel'* [Archikov Yemelyan Ivanovich: the scientist – geographer, researcher of the field]. Cheboksary, Chuvash State University, 1998, pp. 24–26.

13. Mineeva E.K. *O moem uchitele* [About my teacher]. In: Boiko I.I., ed. *Dimitriev Vasilii Dimitrievich: uchenyi, pedagog, obshchestvennyi deyatel', grazhdanin: sb. st.* [Articles Collection «Dimitriev Vasily Dimitriyevich: scientist, teacher, social activist, citizen»]. Cheboksary, 2013, pp. 185–187.

14. Mineeva E.K. *Uchebnik V.F. Kakhovskogo «Rodnoi krai» v povyshenii samosoznaniya naroda* [Textbook of V. F. Kahovsky «Native land» in raising the consciousness of the people]. *Nauchno-pedagogicheskoe nasledie V. F. Kakhovskogo i problemy istorii i arkheologii: materialy nauch.-prakt. konf.* [Proc. of Sci. Conf. «Scientific and pedagogical heritage of V. F. Kahovsky and problems of history and archaeology»]. Cheboksary, 2007, book 1, pp. 254–266.

15. Nikolai F.V. *Pamyat', narrativ i taktiki samoidentifikatsii veteranov lokal'nykh konfliktov v Rossii* [Memory, narrative and tactics of self-identification of veterans of local conflicts in Russia]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with time], 2016, iss. 54, pp. 239–250.

16. Gabovich M., ed. *Pamyat' o voine 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa* [The memory of the war 60 years later: Russia, Germany, Europe]. Moscow, NLO Publ., 2005, 784 p.

17. Porshneva O.P. *Metodologiya i metody izucheniya kul'turnoi pamyati* [Methodology and methods of study of cultural memory]. *Vek pamyati, pamyat' veka: Opyt obshcheniya s proshlym v KhKh stoletii* [The Age of memory, the memory of the century: Experience of dealing with the past in the twentieth century]. Chelyabinsk, Kamennyi poyap Publ., 2004, pp. 22–37.

18. *Regional'nyi tsentr ustnoi istorii v g. Voronezh* [Regional the oral history center in Voronezh]. Available at: www.historyvoice.ru.

19. Repina L.P. *Istoricheskaya pamyat' i natsional'naya identichnost': podkhody i metody issledovaniya* [Historical memory and national identity: approaches and methods]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with time], 2016, iss. 54, pp. 9–15.

20. Repina L.P. *Kontseptsii sotsial'noi i kul'turnoi pamyati v sovremennoi istoriografii* [The concepts of social and cultural memory in contemporary historiography]. *Fenomen proshlogo* [Fenomen proshlogo]. Moscow, 2005, pp. 122–169.

21. Rostovtsev E.A., Sosnitskii D.A. *Napravleniya issledovaniy istoricheskoi pamyati v Rossii* [Areas of research of the historical memory in Russia]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Vestnik of Saint Petersburg University], 2014, series 2, iss. 2, pp. 106–126.

22. Chubar'yan A.O., ed. *Teoriya i metodologiya istoricheskoi nauki. Terminologicheskii slovar'* [Theory and methodology of historical science. A dictionary of terms]. Moscow, Akvilon Publ., 2014, 576 p.

23. Tompson P. *Golos proshlogo. Ustnaya istoriya* [Voice of the past. The oral history]. Moscow, Ves' mir Publ., 2003, 303 p.

24. Korzun V.P., ed. *Universitet v istorii i istoriya universiteta: k 40-letiyu Omskogo gosudarstvennogo universiteta imeni F.M. Dostoevskogo: ocherki* [University history and the history of the University: to celebrate the 40th anniversary of the Omsk state University named after F.M. Dostoevsky: essays]. Omsk, Nauka Publ., 2014, 380 p.

25. Filyushkin A.I. *Metodicheskie ukazaniya po provedeniyu issledovaniy po ustnoi istorii* [Methodological guidance for research on oral history]. Available at: <http://www.nashpolytech.ru>.

26. Shcheglova T.K. *Ustnaya istoriya: ucheb. posobie* [Oral history: textbook. allowance]. Barnaul, AltGPA Publ., 2010, 364 p.

IVANOVA TATYANA – Doctor of Historical Sciences, Head of History and Culture of Foreign Countries Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (tivanovan@mail.ru).

VYAZOVA OIGA – Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor of Archaeology, Ethnography and Regional History Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (o-vyazova2008@mail.ru).

LIPATOVA IRINA – Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor of History and Culture of Foreign Countries Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (lipirin@mail.ru).

Ссылка на статью: Иванова Т.Н., Вязова О.Г., Липатова И.А. Память университетской корпорации: проблемы сохранения и анализа // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 4. – С. 89–97.

УДК 94(470.344)“1914”:355.27

ББК ТЗ(2)534-68(2Рос.Чув)

И.М. КАШАЕВ, П.Н. МАТЮШИН, О.Н. ШИРОКОВ

**ОРГАНИЗАЦИЯ МОБИЛИЗАЦИИ ЛЮДСКИХ РЕСУРСОВ
В УЕЗДАХ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ
В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

(на материалах фонда Чебоксарского уездного воинского начальника)

Ключевые слова: Первая мировая война, Чебоксарский уезд, военная мобилизация, уездный воинский начальник.

Статья посвящена рассмотрению организационных вопросов осуществления военно-мобилизационных мероприятий в начальный период Первой мировой войны в границах Чебоксарского уезда. В статье выявлены главные механизмы военной мобилизации, основные успехи и сложности в ее организации и проведении. Деятельность Чебоксарского уездного воинского начальника в первые месяцы 1914 г. носила отпечаток военно-стратегических просчетов подготовки крупномасштабных военных операций, однако использование организационных умений и навыков в подготовке и реализации военной мобилизации способствовало безупречному ее выполнению в полном объеме, тем самым были исключены паникерство и неразбериха в процессе формирования воинских соединений и их наполнения призывниками.

Изучение проведения мобилизационных этапов в регионах позволяет сформировать новые тенденции изучения не только начального этапа Первой мировой войны, но и определить векторы дальнейшего развития российской историографии в изучении этого вопроса. Дело в том, что в предшествующей (советской) историографии события, связанные с проведением мобилизации, объявлением войны, народными манифестациями патриотического характера рассматривались по одной схеме: мобилизованные не желали участвовать в несправедливой войне, они выходили на протестные демонстрации, а патриотические манифестации были поддержаны исключительно буржуазией и националистическими организациями, рабочие же ответили на начавшуюся войну забастовками [6. С. 54]. С несколько иных позиций рассмотрен процесс мобилизации в первый период войны в работах А.Е. Казакова, С.Н. Михалева [3–5], в которых на основании архивного материала авторами проанализировано осуществление мероприятий по мобилизации государственными учреждениями, в том числе и с учетом общественного мнения.

Общая мобилизация в начале Первой мировой войны на территории Российской империи была объявлена 17 июля 1914 г. В телеграмме за подписью военного, морского министров и министра внутренних дел, направленной Генштабу 17 июля 1914 г., говорилось: «Высочайше повелено привести армию и флот на военное положение и для сего призвать чинов запаса и поставить лошадей согласно мобилизационному расписанию 1910 г. Первым днем мобилизации следует считать 18 сего июля 1914 г.» [1]. Уже 20 июля в секретной телеграмме от Казанского губернатора в адрес Чебоксарского уездного воинского начальника было обозначено, что «вскоре после особых распоряжений о призыве ратников I разряда в потребном расписании 1910 г. к исполнению сего необходимо заблаговременно подготовиться» [2. Д. 175. Л. 1]. 21 июля 1914 г. был издан указ Николая II «О призыве на действительную службу ратников ополчения I разряда в некоторых местностях Империи».

На основании изданных документов центральные органы решали общие вопросы по организации мобилизации. В соответствии с Уставом о воинской

повинности схема учреждений Министерства внутренних дел Российской империи имела следующий вид: управлению воинской повинности подчинялись губернские (областные) по воинской повинности присутствия, далее следовали уездные (окружные и городские) по воинской повинности присутствия, на нижней ступени находились собственно призывные участки (приемные комиссии) и военно-конские участки [3. С. 86]. Для военного ведомства: мобилизационный отдел Главного управления Генерального штаба (далее – ГУГШ) – штабы военных округов – начальники местных бригад – уездные воинские начальники [1]. Практическая часть по реализации принимаемых решений возлагалась на губернский и уездный уровни. На территории Чувашского края данные вопросы решались в Ядринском, Цивильском и Чебоксарском уездах, входящих в состав Казанской губернии, а также в Алатырском уезде, входящем в состав Симбирской губернии. Объединены они были в Казанский военный округ (10 губерний).

При этом стоит отметить сложности, заложенные в сам план мобилизации. Они тщательно проанализированы в работе С.Н. Михалева, посвященной подготовке и ведению войн в новое и новейшее время. Он отметил недоработку мобилизационного плана относительно так называемой «частичной мобилизации», так как в предстоящей войне мобилизация была ограничена рамками четырех военных округов (Киевского, Одесского, Московского и Казанского), т.е. их действия были направлены только против Австро-Венгрии. Автор указывает, что «невозможность проведения частичной мобилизации аргументировалась тем, что, во-первых, мобилизационным расписанием был предусмотрен “подъем” не отдельных корпусов, а военных округов в целом, причем пополнение для ряда корпусов, несмотря на установленную в 1912 году территориальную систему комплектования войск, черпалось из соседних округов» [5. С. 591–592].

Еще одной сложностью проводимой мобилизации, по мнению С.Н. Михалева, было то, что она осуществлялась по предпоследнему мобилизационному расписанию № 19, введенному в 1910 г. Новейшее расписание № 20 было разработано, доведено до военных округов, но срок введения его в действие был назначен на сентябрь 1914 г., а планы стратегического развертывания войск уже были на него переориентированы [5. С. 592].

Полученные сведения не позволяли определять всю полноту действий уездных воинских начальников на местах, однако следует отметить, что мобилизационный план 1910 г. был введен в действие немедленно. Уже 22 июля 1914 г. в адрес Чебоксарского начальника МВД была получена телеграмма от Чебоксарского уездного воинского начальника Слюсаренко Георгия Петровича с просьбой передать предназначенные для сборного пункта помещения – городской дом на базарной площади и старый Рождественский дом [2. Д. 182. Л. 8]. При этом были даны весьма вразумительные указания о том, чтобы «в доме – проверить запоры, повесить замки, открыть дверь-люк из помещения клуба в трактир и отремонтировать лестницу... В Рождественском доме – устроить 6 больших лотков для хранения хлеба. Также прошу разместить шесть столов канцелярских, 6 стульев и 6-12 табуретов. Требуется сбить столы и стулья для столовой сборного пункта, а к утру второго дня мобилизации подготовить кадки и бочки с водой» [2. Д. 182. Л. 8].

Регламент действий Чебоксарского уездного по воинской повинности присутствия был оговорен в специально присланной в адрес уездного воинского начальника инструкции от ГУГШ, в которой, в частности, оговаривались весьма серьезные моменты организационного порядка. За основу был взят опыт управления Саранского уездного воинского начальника. Важное значе-

ние в этой инструкции уделяется делопроизводственной работе при оформлении документов. В частности, рекомендовалось сделать «надписи масляными красками на столах, на коих будут работать во время мобилизации при явке призываемых, а именно: стол дубликатный, стол явочный, стол фельдшерский, стол врачей и т.д., к столам приделаны лист с аншлагом, на коем изложены обязанности лица, работающего на соответствующем столе.

Необходимо на столе иметь особые ящики, в коих вложить принадлежности для работы каждого стола (штемпеля, бланки, письменную принадлежность). В особо запертых ящиках по дням явки хранятся кокарды, следовательно, при аккуратной выдаче кокард можно вычислить, сколько прошло запасных через сборный пункт в данный день» [2. Д. 182. Л. 56].

Вниманию начальства уделялись даже такие детали, как процесс использования нумератора при организации приема на пункт нижних чинов, а также процедура использования канцелярских принадлежностей: в одном из пунктов указывалось, что «для резки 31 страницы имеются или железные резки, или острые железные линейки». Оговаривались и условия рабочего места сотрудников уездного воинского присутствия: в документе мы находим упоминание, что «у Симбирского уездного воинского начальника имеется особая запирающаяся бомбочка с отверстиями, в которую высыпается чай и на шнуре опускается в кипяток» [2. Д. 182. Л. 56].

При этом под жесткий контроль были поставлены все сферы общественной жизни, в том числе и повседневный быт. Жесткая цензура на переписку офицеров, солдат со своими родственниками была представлена в одной из телеграмм из Казанского военного округа, в которой говорилось: «Ввиду бывшего в одном округе случая благоволите принять самые решительные меры к тому, чтобы от военных властей под угрозой карательных мер не исходили никакие данные о ходе мобилизации и действий войск. Необходимо строго руководствоваться перечнем опубликованных собраний узаконений от 12 июля. Необходимо срочно распорядиться, чтобы офицеры в обществе, семьях, письмах, телеграммах не вели бесед, не писали об армии, о военных действиях, помня о чрезвычайной нравственной ответственности перед родиной. Виновных должны привлечать к самой строгой ответственности до отречения от должности включительно» [2. Д. 182. Л. 430].

С началом Первой мировой войны высочайшими указами Сената от 18 и 21 июля 1914 г. было объявлено о призыве на действительную службу ратников ополчения 1-го разряда. В 1914–1915 гг. ополченские части формировались в соответствии с мобилизационным расписанием 1910 г. Согласно Уставу о воинской повинности ополчение состоит из «всего мужского населения, способного носить оружие и не числящегося в постоянных войсках, от призывного возраста 20 лет до 43-летнего включительно» [2. Д. 182. Л. 325]. Числящиеся в ополчении, кроме офицеров, именуются ратниками и делятся на два разряда: 1-й разряд – ратники, служившие в войсках и перечисленные в ополчение из запаса; из зачисленных в ополчение при призыве на службу – лица, физически вполне годные к службе, кроме пользующихся льготами по семейному положению; 2-й разряд – физически негодные к службе в постоянных войсках, но способные носить оружие, и льготные 1-го разряда. Следует обратить внимание, что во избежание ошибок в призыве сотрудниками уездного по воинской повинности присутствия в мирное время составляли выписки из метрических книг по возрастам для выявления лиц призывного возраста.

Интересны документы, которые говорят о некоторых проблемах в ходе мобилизации. Так, уже в первые дни мобилизации выяснилось, что многие

уездные округа не получили от ГУГШ «наряда офицеров и плана перевозки на людей, следующих в ополченские части, формируемые в других городах» [2. Д. 175. Л. 23]. Вследствие чего работы по ратническому расписанию, как-то: составление маршрутов, ведомостей сдачи на местах, распределительных ведомостей и прочие – пришлось приостановить.

Весьма примечательно, что особое внимание как казанские власти, так и сам Чебоксарский уездный воинский начальник уделял вопросам поддержания морального духа солдат. Как и по всей стране, в регионе были приняты жесткие меры к возможным «провокациям» и «растлениям» солдат через пьянство, дебоширство и т.д. Уже 7 августа в циркуляре на имя всех уездных воинских начальников казанского военного округа было указано, что «в случае возникновения беспорядков необходимо принять самые энергичные меры для подавления и действовать решительно, без колебания».

Применительно к местным условиям составу гарнизонов приказываю с получением сего составить соображения по соглашению с гражданскими властями, имея целью охранить: 1) отделение Государственного банка и казначейство; 2) тюрьму и военнопленных, где будут; 3) водокачки и электростанции; 4) станции ж/д, ж/д депо и склады; 5) казенные заводы и склады артиллерийские интендантские; 6) мосты и другие искусственные сооружения; 7) телеграфы; 8) склады водки, спирта» [2. Д. 182. Л. 343].

Однако более надежными методами власти считали привлечение духовенства. Уже 23 июля 1914 г. в адрес уездного воинского начальника г. Чебоксары приходит телеграмма от руководства Казанского военного округа с просьбой привлечь на призывные пункты местное духовенство, дабы «отслужить молебен, сказать речь, объяснить призываемым тяжелую ответственность за беспорядки. Используйте время пребывания на сборном пункте с пользой, чтобы не было праздного времени, ознакомьте с текущими событиями» [2. Д. 175. Л. 36].

Об особой роли военного духовенства и Русской Православной Церкви написано немало самостоятельных исторических исследований. Необходимо отметить весьма значимый фактор – благотворное влияние церкви на формирование 308-го Чебоксарского пехотного полка. Среди проанализированных документов нам попались два, характеризующих отношение солдат к духовной составляющей военной службы. В переписке уездного воинского начальника подполковника Слюсаренко есть телеграмма на имя Казанского губернатора следующего содержания: «Жители г. Чебоксар приобрели для поднесения 308 пехотного Чебоксарского полка икону Божией Матери – благословение на великую службу царю и родине. Икона очень ценная (165 рублей), поэтому я затрудняюсь, как по возможности скорее доставить ее в действующую армию» [2. Д. 182. Л. 536].

Спустя почти два месяца икона была получена командованием полка, и уже в начале сентября в адрес солдат была направлена телеграмма следующего содержания (приводим текст полностью):

«Наш дорогой Чебоксарский полк!

В грозный час народного испытания вышел ты на бранное поле. Великая честь выпала на твою долю – постоять за правду. Дерзкий враг, ненавистник всего русского, стародавний угнетатель славян – родных нам по крови братьев, вероломная Австрия – занесла свой меч над геройской Сербией и вызвала на бой нашу славную Родину – могучую Россию.

Твердо и спокойно потекли на бой русские рати на защиту правого дела, смело встретили своей грудью яростный натиск врага и уже ослаблена его

сила. Но не совсем еще сломлена сила врага и есть у него союзник в неправде – надменная Германия. Еще предстоит тяжкая и упорная борьба, еще предстоят тяжелые испытания, но и несомненная победа.

В этот час вышел и Ты на поле брани, родной нашему сердцу Чебоксарский полк, и мы, граждане города Чебоксары, чье имя ты носишь, шлем тебе наше благословение – святую, чтимую у нас икону Владимирской Божьей матери. Мы твердо верим, что ты своей доблестной отвагой поддержишь славное имя героических сынов России, что ты с честью сразишься с врагом Твоей Родины и победишь его, а если Господу будет угодно, то сумеешь со славой умереть.

Иди же бесстрашно на великое служение ЦАРЮ, РОДИНЕ и правому делу. Мы не одни в этой борьбе за правду: за нас наши храбрые союзники – благородная Франция, неустрашимая Англия, за нас святая правда, за нас Бог» [2. Д. 190. Л. 1–1об.].

Уже в начале сентября уездное воинское присутствие столкнулось с проблемой переизбытка призванных, о чем зафиксировано в телеграмме: «Начальник штаба округа от 1 августа 1914 г. сообщил, что ввиду громадного избытка заурядных чиновников и невозможности использовать их необходимо сделать распоряжение о роспуске их по домам с принятием на особый учет, дабы возможно было по требованию округов призвать их вновь на службу с назначением в различные тыловые учреждения» [2. Д. 182. Л. 255–256].

Результатом мобилизационных мероприятий в Чебоксарском уезде за первый военный 1914 год стала отправка в различные воинские формирования и подразделения свыше 3500 человек. По отчету о реализации мобилизационного плана, датированного 30 декабря 1914 г., указаны следующие соединения:

В 308-й Чебоксарский полк было отправлено 842 человека; в 97-й пехотный запасной батальон – 770 человек; запасной батальон лейб-гвардии Павловский полк – 39 человек; запасной воздухоплавательный батальон – 1 человек; 1-й Балтийский флотский экипаж – 30; 1-й запасной кавалерийский полк – отправлено 152 человека и 63 лошади; в депо железнодорожников – 4; 41-ю парковую артиллерийскую бригаду назначено 100; в управление 77-й пехотной дивизии – 116 человек; 77-ю артиллерийскую бригаду назначено 179 человек при 261 лошади; 14-й полевой и 40-й запасной госпитали – 6 человек. Всего по плану было мобилизовано 2560 человек и 324 лошади [2. Д. 175. Л. 377–378об.; Д. 180. Л. 1–180 об.; Д. 182. Л. 417–417об.].

Помимо ратников были сформированы команды из ополченцев, чье местоположение на момент мобилизации не было установлено либо они не попали в маршевые команды. Так называемые «излишки» (всего 50 человек) ратников были перераспределены в следующие воинские формирования: в запасной лейб-гвардии Московский полк 32 человека; в 95 пехотный запасной батальон – 445 человек; 1-й запасной кавалерийский полк – 14 человек; 4-й запасной саперный батальон – 7 человек; депо железнодорожников – 3 человека; 2-ю артиллерийскую запасную бригаду – 3 человека; в распоряжение окружного военного ветеринарного инспектора – 2 человека; в распоряжение окружного военного санитарного инспектора – 2 человека [2. Д. 182. Л. 417 об.]. Общее количество мобилизованных в рамках одного Чебоксарского уезда к 30 декабря 1914 г. составило 3068 человек при 324 лошадях.

Анализ фактического материала свидетельствует об успешности военно-мобилизационной работы на территории Чебоксарского уезда в 1914 г. В ходе призывной кампании широкое распространение получили записи добровольцев в воинские соединения и вспомогательный штат обслуживания фронта (медслужба, носильщики, волонтеры). Основные мероприятия по организации и

осуществлению приема, размещения, освидетельствования и отправки нижних чинов на фронт легли на уездные воинские присутствия. Организация военной мобилизации в первые месяцы с начала военных действий стала серьезной проверкой как для военных, так и для гражданских учреждений.

Литература

1. Военное законодательство Российской империи [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rp-net.ru/pdf/rvs/VZRI.pdf> (дата обращения: 10.04.2016).
2. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 306. Оп. 1.
3. Казаков А.Е. Особенности организации военной мобилизации в России в 1914 году // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4-5. С. 86–89.
4. Казаков А.Е. Организация и проведение военной мобилизации в Российской империи в 1914 году (на примере Казанского военного округа) // Вестник Самарского государственного университета. 2007. № 5-3. С. 187–193.
5. Михалев С.Н. Военная стратегия: подготовка и ведение войн нового и новейшего времени. М.: Кучково поле, 2003. 952 с.
6. Рахимов Р.М. Современная российская историография Первой мировой войны // Первая мировая война: историографические мифы и историческая память: в 3 кн. / под ред. О.В. Петровской. Кн. 1. Народы Российской империи. М.: Российский институт стратегических исследований, 2014. 250 с.

КАШАЕВ ИГОРЬ МИХАЙЛОВИЧ – соискатель ученой степени кандидата исторических наук кафедры истории и культуры зарубежных стран, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (igor345pdp@yandex.ru).

МАТЮШИН ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (peb316@yandex.ru).

ШИРОКОВ ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культуры зарубежных стран, декан историко-географического факультета, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (425954@rambler.ru).

I. KASHAEV, P. MATYUSHIN, O. SHIROKOV

THE ORGANIZATION OF HUMAN RESOURCES MOBILIZATION IN KAZAN PROVINCE DISTRICTS AT THE BEGINNING OF THE FIRST WORLD WAR (ON MATERIALS OF THE FUND OF CHEBOKSARY COUNTY MILITARY CHIEF)

Key words: *the First World War, Cheboksary district, military mobilization, district military chief.*

The article is devoted to organizational issues of military mobilization activities in the early period of the First World War within the borders of Cheboksary district. The article reveals basic mechanisms of military mobilization, main successes and difficulties in its organization and conducting. Activities of Cheboksary district military commander in the early months of 1914 bore the imprint of military-strategic miscalculations in preparation of large-scale military operations. However, the use of organizational skills in preparation and implementation of military mobilization contributed to its impeccable execution in its entirety, thus eliminating panic and confusion in the process of formation of military force modules and their reinforcement with recruits.

References

1. *Voennoe zakonodatel'stvo Rossiiskoi imperii* [Military Legislation of the Russian Empire]. Available at: <http://www.rp-net.ru/pdf/rvs/VZRI.pdf> (Accessed 10 Sept. 2014).
2. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki Fond. 306. Opis' 1* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives 306. Anagraph 1].
3. Kazakov A.E. *Osobennosti organizatsii voennoi mobilizatsii v Rossii v 1914 godu* [Specifics of military mobilization in Russia in 1914]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [The News of Altai State University], 2008, no. 4-5, pp. 86–89.
4. Kazakov A.E. *Organizatsiya i provedenie voennoi mobilizatsii v Rossiiskoi imperii v 1914 godu (na primere Kazanskogo voennogo okruga)* [Organizing and conducting military mobilization in the Rus-

sian Empire in 1914 (for example of the Kazan Military District)]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvenno-go universiteta* [Journal of the Samara State University], 2007, no. 5-3, pp. 187–193.

5. Mikhalev S.N. *Voennaya strategiya: Podgotovka i vedenie vojn novogo i noveishego vremeni* [Military Strategy: Preparing and conducting wars of modern and contemporary]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2003, 952 p.

6. Rakhimov R.M. *Sovremennaya rossiiskaya istoriografiya Pervoi mirovoi voiny* [Modern Russian historiography of the First World War]. In: Petrovskaya O.V., ed. *Pervaya mirovaya voina: istoriograficheskie mify i istoricheskaya pamyat: v 3 kn. Kn. 1.: Narody rossiiskoi imperii* [The First World War: historiographical myths and historical memories. 3 books. Book 1: The peoples of the Russian Empire]. Moscow, 2014. 250 p.

KASHAEV IGOR – Aspirant Candidate of Historical Sciences, Foreign Countries History and Culture Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (igor345pdp@yandex.ru).

MATYUSHIN PETR – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Documentation, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (peb316@yandex.ru).

SHIROKOV OLEG – Doctor of Historical Sciences, Professor of Foreign Countries History and Culture Department, Dean of History and Geography Faculty, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (425954@rambler.ru).

Ссылка на статью: Кашаев И.М., Матюшин П.Н., Широков О.Н. Организация мобилизации людских ресурсов в уездах Казанской губернии в начале Первой мировой войны (на материалах фонда Чебоксарского уездного воинского начальника) // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 4. – С. 98–104.

УДК 94:[378.4:338.45(470.344)"196"]

ББК Ч448.542(2Рос.Чув)

С.Ю. МИХАЙЛОВА, А.Л. МУЗЯКОВА, О.В. ШУМИЛОВА

**ЗАРОЖДЕНИЕ УНИВЕРСИТЕТСКО-ПРОМЫШЛЕННЫХ СВЯЗЕЙ
В ЧУВАШИИ***

Ключевые слова: университетское образование, Чувашская АССР, индустриальное развитие, университетско-промышленные связи, зарождение.

Статья нацелена на изучение научной проблемы, связанной с историко-региональным аспектом развития университетско-промышленных связей в России и впервые обозначенной в региональной историографии. Осуществлен исторический анализ многочисленных фактов, выявленных в документах из фондов Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива современной истории Чувашской Республики. Обобщена государственная политика в сфере университетского образования во второй половине 1950-х – 1960-е гг., рассмотрены основные направления индустриального развития Чувашской АССР в 1960-е гг., проанализирована деятельность руководящих органов на местах по повышению эффективности подготовки кадров специалистов для промышленных предприятий, выявлены особенности зарождения университетско-промышленных связей в Чувашии. Обоснован вывод о роли университетского образования в решении региональных задач индустриального развития.

В нынешних условиях, когда лозунгом дня провозглашены создание инновационной экономики, переход к знаниевой экономике, российские ученые и специалисты в дискуссиях о современном университете значительное место отводят вопросу о состоянии и перспективах университетско-промышленных связей. Как правило, он рассматривается сквозь призму создания и трансфера инноваций и технологий, инновационного развития территориальных образований. И это далеко не случайно: «Безусловно, трансформации современного университета являются ответом на новые социальные требования информационной постсовременной эпохи (о чем говорят многие исследователи – М. Барбер, К. Донелли, М. Ризни, Б. Ридингс, А.М. Бейзмэйкер, Ф. Вебстер и др.), и потому они необходимы. Их результатом предполагается создание университета, релевантного современности. В отличие от его классической модели он становится неклассическим. Возникновение новых университетских форм и моделей (исследовательский, корпоративный, предпринимательский, профессиональный, университет-технополис и пр.) свидетельствует о происходящих трансформационных процессах. При всем различии новых форм университета в них есть общее – они хотят вписаться в новую рыночную ситуацию ...» [9. С. 32].

Вместе с тем нам представляется крайне важным учитывать и то, что развитие университетско-промышленных связей – это сложный исторический процесс, характеризующийся, наряду с прочим, многообразием форм реализации. Одна из них сложилась в Чувашии, и изучению ее характеристик на начальном этапе посвящено данное исследование.

Во второй половине 1950-х гг. были созданы необходимые условия для осуществления в автономных республиках РСФСР масштабной программы организации университетов как наиболее эффективного типа вузов для целей регионального и национального развития. В Чувашской АССР она была реализована в 1967 г. и увенчалась созданием Чувашского государственного университета, что дало мощный импульс индустрии республики. Данный тренд вполне совпадал с выводами зарубежных исследователей в области

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-11-21006.

высшего образования. Как показали исследования Г. Монхейма, проведенные в 1970-е гг., в регионе локализации вуза оставалось до 90% средств, которые тратили студенты. 40-50% затрат на строительство оседало в местных строительных фирмах. В регионе оставалось от 10 до 50% средств на оборудование. Один студент создавал 0,35 рабочих места. Вуз автоматически привлекал в город наукоемкие производства, научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы [8. С. 98].

Одним из важнейших последствий образования Чувашского государственного университета стало формирование университетско-промышленных связей – принципиально нового явления в региональной истории. Процесс зарождения его был обусловлен рядом факторов, среди которых прежде всего необходимо выделить целеполагание государственной образовательной политики.

В начале 1970-х гг. министр высшего и среднего специального образования СССР В.П. Елютин отмечал следующее: «До сих пор основной задачей университетов была подготовка специалистов для научных учреждений (преимущественно в области фундаментальных наук) и для преподавательской деятельности. Сегодня специалисты университетского профиля нужны и на производстве. Все более широкое использование здесь достижений науки требует соответствующих изменений и в университетском образовании. В то же время повышается роль университетов в подготовке квалифицированных преподавателей для вузов. Словом, возникает целый комплекс проблем, связанных с дальнейшим развитием университетского образования» [7. С. 5]. В общей сложности с 1955 г. по 1980 г. в силу специфических потребностей конкретных экономических районов во многих университетах были организованы строительный, сельскохозяйственный и медицинский факультеты. Количество нетрадиционных для университетов специальностей выросло примерно в 8 раз [10. С. 13]. Обобщение практики развития университетского образования позволило А.И. Сухареву говорить о существовании двух типов «университетов автономных республик» – классическом и политехническом. К первому из них он относил Казанский и Башкирский университеты, действовавшие в окружении множества отраслевых институтов и готовивших кадры только по гуманитарным и естественнонаучным специальностям. Университеты второго типа готовили кадры для промышленности, аграрно-промышленного комплекса, народного образования, управления. В основе их деятельности лежал принцип полного обеспечения народного хозяйства республик кадрами [11. С. 38–40]. Именно такой университет был создан в Чувашии.

Значимым фактором зарождения университетско-промышленных связей было становление мощного промышленного комплекса в Чувашской АССР. В 1959–1965 гг. ее основные производственные мощности выросли в 3 раза (по стране – в 1,9 раза), объем промышленного производства увеличился в 2,2 раза. Было введено в действие 16 новых предприятий и более 100 цехов на действовавших заводах и фабриках. Электровооруженность труда в промышленности Чувашии выросла в 1,6 раза [4. Л. 109].

Продукция машиностроения в годы семилетки (1959–1965) увеличилась в 4 раза, ее удельный вес в промышленности составил 20%. С вводом первого блока Новочебоксарской ТЭЦ в конце 1965 г. мощность электростанций республики почти удвоилась. В 1963–1964 гг. были введены первые мощности Новочебоксарского химического комбината. В Чувашии были созданы мощности металлургического производства. В 1965 г. было выплавлено стали 45,7 тыс. т, чугуна – 40,4 тыс. т. По сравнению с 1960 г. выросло производство низковольтной аппаратуры в 2,3 раза, приборов и средств автоматиза-

ции в 5 раз, запасных частей к тракторам в 5,7 раза, чугунного литья в 7 раз, железобетонных изделий в 5 раз [4. Л. 109–110].

При этом значительное внимание уделялось развитию науки. За годы семилетки были созданы научно-исследовательский институт электротехнической промышленности (ЧЭТНИИ), проектно-конструкторское бюро (ПКБ), специальное конструкторское бюро ЭАУС и др., в которых по состоянию на 1965 г. работало более 1000 инженеров и техников [4. Л. 109]. Данные организации довольно успешно справлялись с планом научно-исследовательских работ. Коллектив ЧЭТНИИ разрабатывал релейное оборудование для Асуанской ГЭС и ЛЭП Объединенной Арабской Республики, техническую документацию на ряд электрических приборов для Чебоксарского электроаппаратного завода и других предприятий страны [5. Л. 74–75]. ПКБ проводило работы по изысканию способов и средств повышения производительности чистовой обработки твердосплавного инструмента электрофизическими методами, разрабатывало и изготовляло высокоскоростные шелкообмоточные машины на заводе «Чувашкабель». Его экономическая лаборатория оказывала существенную помощь предприятиям по внедрению оперативно-производственного планирования и организации нормативного метода учета затрат на производство.

В планах экономического развития республики на 1966–1970 гг. значилось увеличение выпуска продукции химической промышленности в 14 раз, электротехнической – в 2,3 раза, машиностроения – в 1,8 раза, стали – в 6 раз, средств автоматизации и приборов – в 3,4 раза, инструмента для металлообрабатывающей промышленности – в 3 раза [4. Л. 105–106]. Предусматривалось завершение строительства крупнейших предприятий республики – Чебоксарского хлопчатобумажного комбината, Чебоксарского химического комбината. Решался вопрос о строительстве тракторного завода, завода тормозных узлов и деталей, Цивильской ткацкой фабрики, завода электро-сварочного оборудования, Канашского арматурного завода.

В 1966 г. был поднят вопрос о перебазировании некоторых предприятий и производств из Москвы, Ленинграда и Горького в Чувашскую АССР, в том числе Московского завода «Котлоагрегат» Министерства тяжелого, энергетического и транспортного машиностроения СССР, завода пищевых концентратов Министерства пищевой промышленности РСФСР [4. Л. 164].

К числу факторов, оказавших существенное влияние на зарождение университетско-промышленных связей в Чувашии, относится деятельность Совета Министров Чувашской АССР и Чувашского ОК КПСС по обеспечению фабрик и заводов высококвалифицированными кадрами.

К началу 1960-х гг. в регионе сложилось две формы высшего технического образования; заочная – через Чебоксарский учебно-консультационный пункт Всесоюзного заочного политехнического института (530 студентов I–VI курсов) и вечерняя – через филиал вечернего факультета Горьковского политехнического института в г. Чебоксарах (170 студентов I–II курсов) [3. Л. 13].

В Чебоксарском филиале Горьковского политехнического института были открыты специальности «Технология машиностроения» и «Электрические машины и аппараты». Однако, как было отмечено в «Справке о работе Чебоксарского филиала Горьковского политехнического института за 1960/61 учебный год», «Горьковский политехнический институт не заинтересован в Чебоксарском филиале. Достаточно указать, что за три года почти ни одного прибора не выделил Чебоксарскому филиалу. Необходимо ставить вопрос об открытии самостоятельного филиала» [3. Л. 43].

Данный процесс в значительной степени базировался на результатах деятельности Чебоксарского учебно-консультационного пункта Всесоюзного

заочного политехнического института. В его составе функционировали энергетический, машиностроительный, инженерно-экономический и химико-технологический факультеты. «Студенты на У КП занимаются по специальностям института, но на У КП занятия проводятся по наиболее массовым специальностям: «Электрические машины и аппараты», «Промышленное и гражданское строительство», «Технология машиностроения», «Металлорежущие станки и инструменты» [3. Л. 45].

В 1960/61 учебном году состоялся первый выпуск инженеров: «Всего закончили ВЗПИ 15 инженеров, обучающихся ранее на У КП. Большинство заканчивающих ВЗПИ наших студентов получают отличные и хорошие оценки при защите дипломов. Получил диплом с отличием инженер В.С. Никитин, защитили дипломы на «отлично» В.А. Ржавин, Е.И. Драницын, Л.Ф. Башкиров, М.Х. Мухаметов, А.Г. Маринов, Г.В. Васильев и др. В настоящее время наши выпускники работают на ответственных участках промышленности и в руководящих органах» [3. Л. 59].

Однако его директор А. Бурашников отмечал в 1961 г., что: «... в работе У КП встречаются серьезные трудности, мешающие успешному решению задачи по подготовке кадров инженеров в Чувашии. К ним относятся: недостаток штатных преподавателей; отсутствие своей учебно-лабораторной базы; трудности в обеспечении студентов аудиториями; имеющаяся на У КП библиотека не имеет своего помещения, что мешает развернуть ей нужную работу по пропаганде технических знаний» [3. Л. 59].

В 1961 г. на базе филиала Горьковского политехнического института, студентов-заочников энергетического факультета У КП ВЗПИ в г. Чебоксары был открыт филиал Московского энергетического института. В письме секретаря Чувашского ОК КПСС А.И. Иванова министру высшего и среднего специального образования РСФСР В.Н. Столетову от 18 сентября 1961 г. было отмечено следующее:

«В МЭИ зачислены все студенты филиала Горьковского политехнического института, обучающиеся по специальности «Электрические машины и аппараты», а также большая часть студентов по специальности «Технология машиностроения». Однако 38 студентов IV курса по специальности «Технология машиностроения» изъявляют желание продолжать учебу по избранной специальности и отказываются перейти на специальности 0303, 0627, 0601, 0611. Их производственная деятельность связана с технологией машиностроения.

В связи с этим Чувашский обком КПСС просит дать указание ректору ВЗПИ о зачислении их в вечернее отделение У КП ВЗПИ в г. Чебоксарах» [3. Л. 24].

Руководство Чувашской АССР понимало, что сложившиеся формы подготовки кадров для промышленности были далеки от идеала. В 1960 г. оно разработало проект создания Чувашского государственного университета для Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета Министров РСФСР: «Чувашский обком КПСС, Совет Министров Чувашской АССР и Министерство высшего и среднего специального образования вносят предложения об организации в г. Чебоксарах Чувашского государственного университета» [3. Л. 1]. В документе было отмечено, что за последние годы в республике широкое развитие получили отрасли металлообрабатывающей, машиностроительной, электротехнической, текстильной промышленности и строительное дело. Однако развитие народного хозяйства и культуры испытывает серьезные трудности в связи с нехваткой квалифицированных кадров и отсутствием соответствующего научно-исследовательского центра.

«В 1958 году в народном хозяйстве Чувашской АССР работало всего около 800 инженеров, при наличии более чем 3 тыс. инженерных должностей. Заявки совнархоза на специалистов систематически не удовлетворяются. В 1958 году при заявке на 227 человек Госпланом было выделено всего 145 специалистов. При персональном распределении вузами выделено 97 человек, фактически прибыло 82 чел.; в 1959 году при заявке на 331 чел. выделено было 222 специалиста, фактически прибыло 155 человек. Между тем по семилетнему плану валовая продукция промышленности Чувашской АССР увеличится по сравнению с 1958 годом в 3 раза, объем капитального строительства возрастет в 6 раз. В республике будет создан ряд крупных предприятий электротехнической и химической промышленности союзного значения, научно-исследовательский институт электротехнической промышленности, где будет около 1200 инженерно-технических работников и другие научно-технические учреждения. При Чебоксарском хлопчатобумажном комбинате Постановлением Совета Министров СССР от 28 ноября 1959 года предусмотрена организация научно-исследовательской лаборатории; при анилино-красочном заводе – строительство крупной опытно-экспериментальной базы по получению красителей для химического волокна, кислотных красителей, текстильно-вспомогательных препаратов и других продуктов с вводом в 1962 году. На ряде заводов будут созданы специальные конструкторские бюро. Тем самым потребность в инженерных кадрах еще более возрастет» [3. Л. 1–2].

Разработчики проекта указывали, что: «В настоящее время в гор. Чебоксарах имеются педагогический и сельскохозяйственный институты, а также филиал вечернего факультета Горьковского политехнического института и У КП Всесоюзного заочного политехнического института. Однако эти высшие учебные заведения не удовлетворяют потребности республики, ибо они готовят специалистов по ограниченному кругу специальностей, а их малочисленные преподавательские коллективы не могут развернуть научную работу в соответствующих масштабах» [3. Л. 3–4].

В проекте был сделан следующий вывод: «Чувашский обком КПСС, Совет Министров Чувашской АССР, Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР считают, что на базе имеющихся в республике вузов следует создать Чувашский государственный университет как крупный учебный и научный центр. В университете предлагается наряду с продолжением подготовки учителей, агрономов и зоотехников организовать подготовку инженерных и врачебных кадров, специалистов физико-математических и химических наук для промышленности, биологов и механизаторов для сельского хозяйства, работников печати и культурно-просветительных учреждений» [3. Л. 4].

Документ предусматривал открытие в Чувашском государственном университете следующих факультетов и специальностей: физико-математический факультет – «Физика», «Математика» (план приема на 1960 г. – 100 человек), химико-биологический – «Биология», «Химия» (план приема на 1960 г. – 50 человек), историко-филологический – «История», «Русский язык и литература», «Чувашский язык и литература», «Английский язык и литература», «Немецкий язык и литература» (план приема на 1960 г. – 1250 человек), инженерно-технический – «Электрические аппараты и машины», «Технология машиностроения», «Промышленное и гражданское строительство» ((план приема на 1960 г. – 125 человек), сельскохозяйственный – «Агрономия», «Зоотехния и ветеринария», «Механизация процессов сельскохозяйственного производства» (план приема на 1960 г. – 75 человек), медицинский факультет – «Лечебное дело», «Педиатрия» (план приема на 1960 г. – 100 человек) [3. Л. 6].

Проект был реализован лишь спустя несколько лет. В 1967 г. потребность в специалистах высшей квалификации по металлургии, машиностроению и приборостроению составляла около 250 чел. [2. Л. 98]. В письме первого секретаря Чувашского обкома КПСС С.М. Ислюкова и председателя Совета Министров Чувашской АССР М.В. Зайцева на имя министра высшего и среднего специального образования РСФСР В.Н. Столетова от 2 декабря 1967 г. были приведены следующие цифры (см. табл.) [1. Л. 104].

**Расчет дополнительной потребности специалистов
с высшим образованием на 1968–1975 гг. по Чувашской АССР**

Отрасль	1968	1969	1970	1971	1972	1973	1974	1975	1968-1975
Энергетика	39	30	41	29	37	37	37	44	294
Металлургия	43	32	39	34	41	22	19	16	246
Машиностроение и приборостроение	193	293	225	269	240	237	204	234	1841
Электронная техника, электроприборостроение и автоматика	204	195	196	204	207	215	225	253	1638
Радиотехника и связь	19	19	22	16	21	18	25	23	163
Химическая технология	44	49	46	57	46	47	48	47	384

В 1967 г. руководство Чувашской АССР ходатайствовало перед профильным ведомством об установлении следующих цифр приема в Чувашский государственный университет на 1968 г.: физико-математический факультет – 100 человек, в том числе по специальностям «Математика» – 50 человек, «Физика» – 50 человек; машиностроительный факультет – 100 человек, в том числе по специальностям «Технология машиностроения, металлорежущие станки и инструменты» – 50 человек, «Машины и технология литейного производства» – 50 человек; экономический факультет – 150 человек, в том числе по специальности «Планирование промышленности» – 50 человек; химический факультет – 100 человек, в том числе по специальностям «Химическая технология органических красителей» – 50 человек, «Химия» – 50 человек; электротехнический факультет – 150 человек, в том числе по специальностям «Электрические машины и аппараты» – 50 человек, «Автоматика и телемеханика» – 70 человек, «Кабельная техника» – 25 человек; факультет электрификации промышленности – 175 человек, в том числе по специальностям «Электроснабжение промышленных предприятий» – 50 человек, «Инженерная электрофизика» – 50 человек, «Электротермические установки» – 25 человек, «Электропривод и автоматизация промышленных установок» – 50 человек [1. Л. 102].

Еще на стадии проектирования университета для создания учебно-материальной базы машиностроительного и инженерно-строительного факультетов предполагалось использовать средства министерств, подведомственные предприятия которых испытывали особо острую нужду в инженерных кадрах, среди них Шумерлинский мебельный комбинат Министерства лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР, где из 343 инженерных должностей было занято только 49 специалистами с соответствующим образованием; Чебоксарский завод тракторных запасных частей Министерства тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР, где вместо 520 инженеров было 149, при этом по предполагаемым расчетам в 1968–1975 гг. заводу потребовалось бы дополнительно более 400 инженеров. Кроме того, большое количество инженеров требовалось будущему Чебоксарскому тракторному заводу, строительство которого предусматривалось постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от

16 июня 1966 г. № 465. Строительным организациям Министерства строительства СССР в 1968–1975 гг. дополнительно требовалось более 400 инженеров [6. Л. 165].

В этих условиях республиканское руководство действовало на опережение. Чтобы не терять время и к началу работы Чебоксарского тракторного завода иметь выпуск инженеров в создаваемом учебном заведении, 13 августа 1966 г. С.М. Искоков и М.В. Зайцев обратились в Министерство тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР с просьбой «... выделить на строительство учебного корпуса по типовому проекту ЦНИИЭП шифр 1285 со сметной стоимостью 1700 тыс. рублей и лабораторного корпуса по типовому проекту шифр 1291 со сметной стоимостью 850 тыс. рублей необходимые средства в 1967–1968 гг.» [6. Л. 198]. В ответ министерство дало указание институту «Гипротракторосельхозмаш» при разработке проектного задания по Чебоксарскому заводу промышленных тракторов предусмотреть затраты на строительство упомянутых объектов [6. Л. 199].

Таким образом, способность вновь созданного Чувашского государственного университета осуществлять подготовку кадров по ряду направлений научной и прикладной областей стала важным преимуществом, позволявшим опираться на университетское образование в ходе решения региональных задач индустриального развития. Во многом благодаря открытию вуза Чувашия смогла успешно решить кадровые проблемы, неизбежно возникавшие при создании Чебоксарской ГЭС и Чебоксарского завода промышленных тракторов, Новочебоксарского химического комбината, расширении масштабов промышленного строительства.

Литература и источники

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. А-605. Оп. 1. Д. 3453.
2. ГА РФ. Ф. А-605. Оп. 1. Д. 3454.
3. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (далее – ГАСИ ЧР). Ф. П-1. Оп. 28. Д. 167.
4. ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 30. Д. 200.
5. ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 30. Д. 201.
6. ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 31. Д. 5.
7. *Елютин В.П.* Успешно выполнить предначертания партии // Вестник высшей школы. 1971. № 7. С. 3–12.
8. *Катровский А.П.* Развитие территориальной структуры высшей школы России: дис. ... докт. геогр. наук. М., 2003. 395 с.
9. *Петрова Г.И.* Современный университет: сохранение классического наследия и возможность трансформаций // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2015. № 2(18). С. 30–36.
10. Повышать роль университетов (с заседания в Минвузе России) // Вестник высшей школы. 1981. № 9. С. 13–18.
11. *Сухарев А.И.* Подготовка кадров для народного хозяйства в Мордовском университете // Пути повышения роли университетов в развитии народного хозяйства автономных республик: межвуз. сб. ст. / Морд. гос. ун-т. Саранск, 1984. С. 37–43.

МИХАЙЛОВА СВЕТАНА ЮРЬЕВНА – доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (svemikh1@rambler.ru).

МУЗЯКОВА АЛИНА ЛЕОНИДОВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (alinasmirnova@list.ru).

ШУМИЛОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (shumilovaolga@bk.ru).

S. MIKHAILOVA, A. MUZYAKOVA, O. SHUMILOVA

GENESIS OF UNIVERSITY-INDUSTRIAL RELATIONS IN CHUVASHIA

Key words: university education, the Chuvash ASSR, industrial development, university-industrial relations, genesis.

The article aims to study the scientific problem related to the historical and regional aspect in the development of university-industry relations in Russia which was for the first time marked in regional historiography. Historical analysis of numerous facts revealed in documents from the funds of the State archive of the Russian Federation, the State archive of contemporary history of the Chuvash Republic is performed. The state policy in the sphere of university education in the second half of the 1950s and 1960s, main directions of industrial development of the Chuvash ASSR in the 1960 are summarized, activities of governing bodies aimed at improving effectiveness of specialists training are analyzed, peculiarities of the university-industrial relations genesis in the Chuvash Republic are revealed. The conclusion on the role of university education in solving regional problems of industrial development is substantiated.

References

1. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond A-605. Opis' 1. Dokument 3453 [State Archives of the Russian Federation. Archive A-605. Anagraph 1. Dokument 3453].
2. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond A-605. Opis' 1. Dokument 3454 [State Archives of the Russian Federation. Archive A-605. Anagraph 1. Dokument 3454].
3. Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond P-1. Opis' 28. Dokument 167 [State Archives of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archive P-1. Anagraph 28. Dokument 167].
4. Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond P-1. Opis' 30. Dokument 200 [State Archives of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archive P-1. Anagraph 30. Dokument 200].
5. Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond P-1. Opis' 30. Dokument 201 [State Archives of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archive P-1. Anagraph 30. Dokument 201].
6. Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond P-1. Opis' 31. Dokument 5 [State Archives of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archive P-1. Anagraph 31. Dokument 5].
7. Elyutin V.P. *Uspeshno vypolnit' prednachertaniya partii* [To fulfill successfully the destiny of the party]. *Vestnik vysshei shkoly* [Bulletin of higher school], 1971, no. 7, p. 3–12.
8. Katrovskii A.P. *Razvitie territorial'noi struktury vysshei shkoly Rossii: dis. ... dokt. geogr. nauk.* [Development of the territorial structure of the Russian higher education. Doct. Diss.]. Moscow, 2003. 395 p.
9. Petrova G.I. *Sovremenniy universitet: sokhraneniye klassicheskogo naslediya i vozmozhnost' transformatsii* [The modern University: the preservation of the classical heritage and the possibility of transformation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye* [Bulletin of Tomsk state University. Cultural studies and art history]. 2015, no. 2 (18), pp. 30–36.
10. *Povyshat' rol' universitetov (s zasedaniya v Minvuze Rossii)* [To enhance the role of universities (meetings at the Ministry of higher education of Russia)]. *Vestnik vysshei shkoly* [Bulletin of higher school]. 1981, no. 9, pp. 13–18.
11. Sukharev A.I. *Podgotovka kadrov dlya narodnogo khozyaistva v Mordovskom universitete* [Personnel training for national economy of Mordovia University]. *Puti povysheniya roli universitetov v razvitiy narodnogo khozyaistva avtonomnykh respublik* [Ways to improve the role of universities in the development of the national economy of the Autonomous republics]. Saransk, 1984, pp. 37–43.

MIKHAILOVA SVETLANA – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Cheboksary, Russia (svemikh1@rambler.ru).

MUZYAKOVA ALINA – Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor, Department of Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Cheboksary, Russia (alinasmirnova@list.ru).

SHUMILOVA OLGA – Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor, Department of Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Cheboksary, Russia (shumilovaolga@bk.ru).

Ссылка на статью: Михайлова С.Ю., Музякова А.Л., Шумилова О.В. Зарождение университетско-промышленных связей в Чувашии // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 4. – С. 105–112.

УДК 378.4(470.344):62
ББК Ч448ю47(2Рос.Чув)

С.Ю. МИХАЙЛОВА, А.Л. МУЗЯКОВА, О.В. ШУМИЛОВА

**УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ПОДГОТОВКА КАДРОВ
ДЛЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ЧУВАШИИ:
НАПРАВЛЕНИЯ, ФОРМЫ, ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ
В 70–80-е ГОДЫ XX ВЕКА**

Ключевые слова: университетское образование, подготовка специалистов, специальность, промышленные кадры, Чувашская АССР, индустриальное развитие, университетско-промышленные связи.

В статье рассмотрены основные направления и формы подготовки кадров по инженерно-техническим, химическим, экономическим специальностям для промышленных предприятий республики в Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова с момента его открытия до конца 1980-х гг. На основе выявленных фактов в документах из фондов Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива современной истории Чувашской Республики, а также в других источниках и литературе прослежена динамика направлений подготовки вузом квалифицированных специалистов для региона. Показано, что развитие университетских направлений и форм подготовки кадров для промышленности в целом соответствовало потребностям народного хозяйства и отвечало требованиям новейших направлений науки и техники.

Значительное внимание в научной литературе уделено вопросам развития системы образования в Чувашии в целом и высшей школы в частности. В работах исследователей проанализирован процесс возникновения вузов, создания их материальной базы, формирования научно-педагогического состава, затронуты вопросы регулирования подготовки специалистов для народного хозяйства и т.д. [1, 18, 20–22 и др.]. При этом заметно отсутствие работ, посвященных подготовке кадров высококвалифицированных специалистов для промышленных предприятий Чувашии.

Задача данной статьи – рассмотреть направления и формы подготовки специалистов для промышленности Чувашским государственным университетом имени И.Н. Ульянова, а также проследить динамику их изменений на протяжении 1970–1980-х гг.

Оформление ряда направлений и форм подготовки кадров для промышленности произошло в рамках деятельности Волжского филиала Московского энергетического института, «вручившего уже осенью 1963 года дипломы инженеров своим первым выпускникам – вечерникам» [19. С. 1]. Важным представляется то обстоятельство, что данный вуз уже имел «свои традиции, развивающиеся в направлении укрепления связи обучения с производством». Об этом ярко свидетельствовал ежегодный прием студентов на вечернюю и заочную формы обучения, достигавший более 70% от общего числа поступавших, что сыграло немаловажную роль в первые годы организации и развития филиала. В дальнейшем соотношение менялось в сторону увеличения дневного обучения как дающего более полное использование аудиторных площадей и лабораторий [19. С. 3].

К 1967 г. Волжский филиал МЭИ вырос до масштабов самостоятельного вуза. На двух его стационарных факультетах (электротехническом и электрификации промышленности) обучалось более 1300 студентов, а на вечерних и заочных факультетах, включая общетехнический факультет, – 3800 студентов [2. С. 4]. В Чувашии почти не было предприятий и учреждений, «где бы ни было студентов Волжского филиала МЭИ» [19. С. 3].

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФНФ научного проекта № 16-11-21006.

Накануне открытия Чувашского государственного университета в Волжском филиале Московского энергетического института существовали следующие специальности и формы обучения будущих промышленных работников (см. табл. 1) [19. С. 4–6].

Таблица 1

**Формы обучения и специальности в Волжском филиале
Московского энергетического института в 1966/67 учебном году**

Дневная форма обучения	Вечерняя форма обучения	Заочная форма обучения
1. Электроснабжение промышленных предприятий и городов 2. Электропривод и автоматизация промышленных установок 3. Электрические машины и аппараты 4. Электроизоляционная и кабельная техника	1. Электроснабжение промышленных предприятий и городов 2. Электропривод и автоматизация промышленных установок 3. Электрические машины и аппараты 4. Электроизоляционная и кабельная техника 5. Автоматика и телемеханика	1. Электроснабжение промышленных предприятий и городов 2. Электропривод и автоматизация промышленных установок 3. Электрические машины и аппараты 4. Автоматика и телемеханика 5. Электрические станции. 6. Электрические сети и системы 7. Электрическая тяга и автоматизация тяговых устройств 8. Информационно-измерительная техника 9. Автоматизация и комплексная механизация машиностроения 10. Автоматизация теплоэнергетических и электроэнергетических установок 11. Автоматизация и комплексная механизация химико-технологических процессов 11. Технология машиностроения, металлорежущие станки и инструменты 12. Подъемно-транспортные машины и оборудование 13. Вагоностроение и вагонное хозяйство 14. Автомобили и тракторы 15. Машины и аппараты химических производств 16. Машины и аппараты производств легкой и текстильной промышленности 17. Приборы тонкой механики. 18. Автомобильный транспорт. 19. Промышленное и гражданское строительство 20. Гидротехническое строительство речных сооружений и гидроэлектростанций 21. Производство строительных изделий и конструкций 22. Химическая технология переработки нефти и газа 23. Технология неорганических веществ и химических удобрений 24. Технология электрохимических производств 25. Технология основного органического и нефтехимического синтеза 27. Химическая технология органических красителей и промежуточных продуктов 28. Химическая технология пластических масс и промежуточных продуктов 29. Химическая технология лаков, красок и лакокрасочных покрытий 30. Технология резины 31. Технология переработки пластических масс

С 1967 г. подготовка кадров по указанным в табл. 1 специальностям с некоторыми изменениями была продолжена в Чувашском государственном университете. Из табл. 2. [2. С. 74–76; 3. С. 39, 83–84] видно, что по сравнению с 1966/67 учебным годом произошло сокращение количества специальностей по заочной форме обучения при их увеличении по дневной и вечерней формам обучения.

Организация государственного университета в Чебоксарах создавала благоприятные возможности для комплексного решения задач, выдвигаемых научно-техническим прогрессом перед высшим образованием. 19 августа 1969 г. Бюро обкома КПСС и Совет Министров Чувашской АССР приняли постановление «О состоянии и мерах по дальнейшему развитию Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова». В нем предусматривалось расширение подготовки специалистов с университетским образованием, в том числе кадров по новейшим направлениям науки и техники. Контингент студентов дневного обучения должен был составить более 5 тыс. человек. Выпуск молодых специалистов за пятилетие планировалось увеличить в 4 раза [1. С. 274].

Таблица 2

Формы обучения и специальности в Чувашском государственном университете в 1969/70 учебном году

Дневная форма обучения	Вечерняя форма обучения	Заочная форма обучения
1. Электрические машины и аппараты 2. Автоматика и телемеханика 3. Электроснабжение промышленных предприятий и городов 4. Электропривод и автоматизация промышленных установок 5. Электроизоляционная и кабельная техника 6. Электротермические установки 7. Химическая технология органических красителей и промежуточных продуктов <i>(была до 1973 г.)</i> 8. Химия 9. Планирование промышленности 10. Бухгалтерский учет	1. Электрические машины и аппараты 2. Автоматика и телемеханика 3. Электроснабжение промышленных предприятий и городов 4. Электропривод и автоматизация промышленных установок 5. Электроизоляционная и кабельная техника 6. Электротермические установки 7. Химическая технология органических красителей и промежуточных продуктов <i>(была до 1973 г.)</i> 8. Химия <i>(введена с 1973 г.)</i> 9. Планирование промышленности <i>(введена с 1970 г.)</i> 10. Бухгалтерский учет <i>(введена с 1970 г.)</i> 11. Технология машиностроения, металлорежущие станки и инструменты	1. Электрические машины и аппараты 2. Автоматика и телемеханика 3. Электроснабжение промышленных предприятий и городов <i>(была до 1973 г.)</i> 4. Электропривод и автоматизация промышленных установок <i>(была до 1973 г.)</i> 5. Технология машиностроения, металлорежущие станки и инструменты 6. Подъемно-транспортные машины и оборудование 7. Вагоностроение и вагонное хозяйство 8. Автомобили и тракторы 9. Машины и аппараты химических производств 10. Машины и аппараты производств легкой и текстильной промышленности 11. Приборы тонкой механики 12. Автомобильный транспорт 13. Промышленное и гражданское строительство 14. Гидротехническое строительство речных сооружений и гидроэлектростанций 15. Производство строительных изделий и конструкций 16. Планирование промышленности <i>(введена к 1975 г.)</i> 17. Бухгалтерский учет и аудит <i>(введена к 1975 г.)</i>

В 1973 г. специальность «Электрические машины и аппараты» была разделена на две: «Электрические машины» и «Электрические аппараты» [3. С. 83]. По последней выпуск специалистов осуществлялся с 1974 г. При этом Министерство электротехнической промышленности СССР просило университет довести прием студентов по этой специальности «с 1976 г. с отрывом от производства до 100 человек» [7. Л. 10]. Выпуск инженеров-электромехаников по специальности «Электрические машины» велся до 1986 г. Данная специальность была восстановлена под названием «Электромеханика» в 1997/98 учебном году [22. С. 228–229].

В 1988–1992 г. количество студентов по электротехническим специальностям ежегодно находилось в пределах 900–1000 человек (на 1 мая 1992 г. – 940 человек). Всего с 1967 г. по 1991 г. кафедрами электротехнического факультета было подготовлено более 4 тыс. инженеров [17].

Инженеров по дневной, вечерней и заочной формам обучения по специальностям «Электроснабжение промышленных предприятий и городов» (в последующем «Электроснабжение промышленных предприятий»), «Электроизоляционная и кабельная техника», «Электропривод и автоматизация промышленных установок», по дневной и вечерней формам обучения по специальности «Электротермические установки» готовил факультет электрификации промышленности [2. С. 30–31]. На данном факультете в 1967/68 учебном году количество студентов по отделениям было следующим: 567 человек – на дневном, 710 – на вечернем и 504 – на заочном [5]. С начала 1970-х гг. открылась новая специальность «Техника высоких напряжений» [3. С. 39]. Факультет электрификации промышленности по численности студентов, преподавателей, научно-технических работников считался самым большим факультетом университета в начале его существования [4].

Еще в 1966 г. все энергетические специальности были выделены из общетехнического факультета в отдельный факультет. В составе общетехнического остались два потока специальностей – машиностроительный и строительный. В 1971 г. энергетические специальности заочного обучения вновь были включены в состав общетехнического факультета. Таким образом, в 1972/73 учебном году на нем обучались студенты заочного отделения машиностроительного потока – 547 человек, строительного – 144 и энергетического – 276 [11].

На момент открытия университета общетехнический факультет можно назвать кузницей квалифицированных специалистов, выпускавшей инженеров-машиностроителей для Чувашской Республики. Так, в 1969/70 учебном году из 650 студентов факультета 526 человек являлись студентами машиностроительного потока [13]. Необходимо отметить, что до организации университета на общетехническом факультете обучение велось только до IV курса, т.е. до окончания первого этапа заочного обучения. После открытия университета был организован второй этап обучения по специальности «Технология машиностроения, металлорежущие станки и инструменты». В 1971 г. состоялся первый выпуск 64 инженеров-механиков [11]. По данным 1969 г., основные кадры машиностроителей таких заводов, как Чебоксарский электроаппаратный завод, завод «Химтекстильмаш», Чебоксарский завод тракторных запасных частей, были укомплектованы выпускниками общетехнического факультета [13]. Однако этого было недостаточно.

Еще в феврале 1973 г. руководство республики обратилось в Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР «с предложением организовать в Чувашском университете машиностроительный факультет по специальностям 0501 – Технология машиностроения, металлорежущие станки и инструменты, 0502 – Машиностроение и технология литейного производства и 0503 – Машиностроение и обработка металлов давлением на

основе общетехнического факультета». Указанное предложение обосновывалось тем, что из «16 тыс. человек, занимавших должности руководителей и специалистов, лишь 3,3 тыс. человека, или 20%, имеют высшее образование, а 4,8 тыс. человека, или 30%, работают без соответствующего образования» [6. Л. 163а]. В результате в 1973 г. на базе общетехнического факультета был создан машиностроительный факультет с дневной, вечерней и заочной формами обучения, но только по одной специальности – «Технология машиностроения, металлорежущие станки и инструменты».

В 1982 г. открылась подготовка студентов по второй специальности – «Машины и технология литейного производства» [9. Л. 43] с дневной и вечерней формами обучения. В 1988 г. начата подготовка инженеров-механиков по третьей специальности – «Металлорежущие станки и инструменты» со специализацией «Инструментальные системы и технологическая оснастка» по дневной и вечерней формам обучения. Ежегодно свыше 300 абитуриентов становились студентами по машиностроительным специальностям. Подготовка и распределение молодых специалистов осуществлялись в основном по прямым договорам с предприятиями и организациями. За период 1973–1992 гг. на факультете выпустили свыше 2700 квалифицированных инженеров-механиков [14].

Если в первые годы на химическом факультете по дневной и вечерней формам обучения готовили инженеров-химиков (химиков-технологов) по специальности «Химическая технология органических красителей и промежуточных продуктов» и по дневной форме обучения – химиков широкого профиля по специальности «Химия» [2. С. 40], то в последующем выпускали химиков только широкого профиля. В 1968/69 учебном году на химическом факультете занималось 50 студентов дневного отделения. К 1972 г. их число достигло 400 человек, а на вечернем отделении было около 200 студентов [16].

Первый выпуск химиков по дневной форме обучения состоялся в 1972 г., по вечерней – в 1974 г. За время существования химический факультет превратился в мощный центр Чувашской Республики по подготовке кадров высококвалифицированных специалистов. К 1992 г. всего было подготовлено свыше 1000 специалистов, из них более 50% работали на предприятиях республики [15].

Существенный вклад в подготовку кадров для промышленности внес экономический факультет. Здесь первоначально была только дневная форма обучения по специальностям «Планирование промышленности» и «Бухгалтерский учет». К 1975 г. открылось заочное отделение по указанным специальностям. На всех отделениях в то время принималось на обучение 150 студентов. Позже, к 1980-м гг., прием увеличился до 200 человек. Таким образом, в начале 1980-х гг. по экономическим специальностям в университете обучалось свыше 1000 человек [22. С. 139].

Необходимо отметить, что руководители университета и республики находились в постоянном поиске, заботясь об открытии и развитии новых специальностей, периодически обращались для решения этой задачи в центральные органы управления. Однако не всегда эти предложения находили отклик, либо их реализация откладывалась в силу тех или иных причин.

Так, в 1976 г. руководство Чувашского обкома КПСС и Совета Министров Чувашской АССР обратилось в Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР с предложением открыть в университете с 1976/77 учебном году специальность «Экономика труда» с ежегодным приемом 50 человек. Обоснованием служило то, что «народное хозяйство Чувашской АССР испытывает большую потребность в высококвалифицированных специалистах по экономике труда, которыми промышленные предприятия и строительные организации обеспечены только на 15-20 процентов» [7. Л. 5]. В открытии новой специальности на экономическом факультете университета было отказано по

следующей причине: «установленный на 1976 год лимит приема по этой специальности полностью распределен по вузам» [7. Л. 6].

В 1988 г. университет и Чебоксарское производственное объединение «Химпром» при поддержке Научного Совета по элементоорганической химии АН СССР, НИИ химии и технологии элементоорганических соединений (ГНИИХЭ-ТОС), научно-производственного объединения «Молния», Всесоюзного научно-исследовательского института авиационных материалов (ВИАМ) и других организаций обратились «в Минвуз СССР, Госплан РСФСР и Минвуз РСФСР с ходатайством о замене в университете специальности “2018 – Химия” на специальность “25.01 – Химическая технология органических веществ” со специализацией по химической технологии элементоорганических соединений с установлением приема на дневное и вечернее отделения по 50 человек» [9. Л. 20–21]. Однако Гособразование СССР не смогло поддержать предложение университета, пояснив отказ тем, что «подготовка специалистов по указанной специальности осуществляется в соответствии с заявленной потребностью в них отраслей народного хозяйства до 1995 года, поэтому химические предприятия Чувашской АССР на договорной основе могут быть обеспечены за счет целевой подготовки специалистов в Казанском химико-технологическом институте и Горьковском политехническом институте» [9. Л. 27].

Приведенные примеры можно назвать единичными. В целом университет не стоял на месте, в силу общественного и научно-технического прогресса в нем создавались новые специальности и специализации. К середине 1980-х гг. ЧГУ готовил инженеров по 11 специальностям [10. Л. 6]. В 1984 г. была введена специализация «Технология роботизированного производства», в дальнейшем – «Технология автоматизированного производства» [22. С. 272]. С 1986/87 учебного года начата подготовка инженеров по специальности «Промышленная электроника» [8. Л. 5]. С 1989 г. открыта специальность «Организация производства», где по вечерней форме обучения проходили подготовку специалисты предприятий различных отраслей промышленности г. Чебоксары. В июне 1993 г. планировался выпуск первых 50 специалистов по квалификации «Инженер-организатор производства» [12].

В заключение отметим, что ведущим вузом республики обеспечивалось более половины прироста специалистов Чувашии [21. С. 115]. Развитие университетских направлений и форм подготовки кадров для промышленности в целом соответствовало потребностям народного хозяйства, находилось в тесной связи с другими звеньями народного образования и культуры. Росло число специалистов, подготовленных без отрыва от производства, вечерняя и заочная формы обучения занимали важное место в системе высшего образования. Расширялась подготовка специалистов, в том числе кадров по новейшим направлениям науки и техники. Вуз решались задачи обеспечения промышленных предприятий республики квалифицированными специалистами по автоматике, машиностроению, приборостроению, робототехнике, экономике, электронике.

Литература и источники

1. Андреев Л.А. Некоторые вопросы регулирования подготовки специалистов для народного хозяйства // История и культура Чувашской АССР: сб. ст. / Науч.-исслед. ин-т при Совете Министров Чуваш. АССР. Чебоксары, 1971. Вып. 1. С. 270–279.
2. Аракелян А.К., Покровский С.В. Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова: проспект / Чуваш. гос. ун-т. Чебоксары, 1969. 86 с.
3. Аракелян А.К., Покровский С.В. Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова: проспект / Чуваш. гос. ун-т. Чебоксары, 1973. 160 с.
4. Бондалетов В. Энергетики нужны везде // Ульяновец. 1970. 1 апр.
5. Быстрицкий Г., Иванов Е. Плюс электрификация... // Ульяновец. 1968. 22 мая.

6. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-605. Оп. 1. Д. 5801.
7. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (далее – ГАСИ ЧР). Ф. П-1. Оп. 40. Д. 130.
8. ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 60. Д. 235.
9. ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 63. Д. 118.
10. ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 63. Д. 119.
11. Знакомьтесь: общетехнический // Ульяновец. 1972. 3 нояб.
12. Кафедра отраслевой экономики и организации производства // Ульяновец. 1992. 25 сент.
13. Козлов Н. Кузница кадров машиностроения // Ульяновец. 1969. 24 сент.
14. Машиностроительный факультет // Ульяновец. 1992. 31 авг.
15. Насакин О. Химический факультет за 25 лет // Ульяновец. 1992. 9 июня.
16. Николаев В.Н. Химический // Ульяновец. 1972. 18 окт.
17. Павлов Л.А. Электротехнический факультет // Ульяновец. 1992. 26 июня.
18. Плечов Г.Н., Димитриев В.Д. Развитие высшего образования и науки // Чувашской АССР – 60 лет: сб. ст. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1980. С. 235–254.
19. Покровский С.В. Волжский филиал МЭИ: проспект / Моск. гос. энерг. ин-т. Чебоксары, 1966. 30 с.
20. Сергеев Т.С. Подготовка специалистов средней и высшей квалификации в Чувашской АССР в 1961–1980 гг. // Культурное строительство в Чувашской АССР на этапе развитого социализма: сб. ст. / НИИ яз., лит., истории и экономики при Совете Министров Чуваш. АССР. Чебоксары, 1985. С. 77–92.
21. Страницы истории высшей школы Чувашии. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1992. 192 с.
22. Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова. 1967–1997 гг. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1997. 324 с.

МИХАЙЛОВА СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА – доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (svemikh1@rambler.ru).

МУЗЯКОВА АЛИНА ЛЕОНИДОВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (alinasmirnova@list.ru).

ШУМИЛОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (shumilovaolga@bk.ru).

S. MIKHAILOVA, A. MUZYAKOVA, O. SHUMILOVA

UNIVERSITY STAFF TRAINING FOR INDUSTRY IN THE CHUVASH REPUBLIC:
DIRECTIONS, FORMS AND DYNAMICS OF CHANGES
IN 70-80s OF 20th CENTURY

Key words: university education, staff training, specialty, industrial staff, the Chuvash ASSR, industrial development, university-industrial relations.

The article describes main directions and forms of staff training in engineering, chemical, economic fields for industrial enterprises of the Republic at the Chuvash State University named after I.N. Ulianov since its opening to the end of the 1980s On the basis of facts revealed in the documents from funds of the State archive of the Russian Federation, the State archive of contemporary history of the Chuvash Republic as well as in other sources and literature the dynamics of University's majors for training qualified specialists for the region is traced. It is shown that development of the University's majors and forms of staff training for industry, in general, was consistent with the needs of the economy and met the demands of new areas of science and technology.

References

1. Andreev L.A. *Nekotorye voprosy regulirovaniya podgotovki spetsialistov dlya narodnogo khozyaistva* [Some of the regulatory issues of training specialists for the national economy]. *Istoriya i kul'tura Chuvashskoi ASSR: sbornik statei* [The history and culture of the Chuvash ASSR: collection of articles.]. Cheboksary, issue 1, pp. 270–279.
2. Arakelyan A.K., Pokrovskii S.V. *Chuvashskii gosudarstvennyi universitet im. I.N. Ul'yanova: prospect* [Chuvash state University named I. N. Ulyanov: avenue]. Cheboksary, 1969, 86 p.
3. Arakelyan A.K., Pokrovskii S.V. *Chuvashskii gosudarstvennyi universitet im. I.N. Ul'yanova: prospect* [Chuvash state University named I. N. Ulyanov: avenue]. Cheboksary, 1973, 160 p.

4. Bondaletov V. *Energetiki nuzhny vezde* [Energy specialists are needed everywhere]. *Ul'yanovets* [Ulyanovets], 1970, Apr. 1.
5. Bystritskii G., Ivanov E. *Plyus elektrifikatsiya...* [Plus electrification of the...]. *Ul'yanovets* [Ulyanovets], 1968, May 22.
6. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond A-605. Opis' 1. Dokument 5801* [State archive of the Russian Federation. Archive A-605. Anagraph 1. Dokument 5801].
7. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond P-1. Opis' 40. Dokument 130* [State Archives of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archive P-1. Anagraph 40. Dokument 130].
8. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond P-1. Opis' 60. Dokument 235* [State Archives of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archive P-1. Anagraph 60. Dokument 235].
9. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond P-1. Opis' 63. Dokument 118* [State Archives of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archive P-1. Anagraph 63. Dokument 118].
10. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond P-1. Opis' 63. Dokument 119* [State Archives of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archive P-1. Anagraph 63. Dokument 119].
11. *Znakom'tes': Obshchetekhnicheskii Ul'yanovets* [Meet technical]. [Ulyanovets], 1972, Nov. 3.
12. *Kafedra otraslevoi ekonomiki i organizatsii proizvodstva* [Department of industrial Economics and organization of production]. *Ul'yanovets* [Ulyanovets], 1992, Sept. 25.
13. Kozlov N. *Kuznitsa kadrov mashinostroeniya* [Forge of the staff of the mechanical engineering]. *Ul'yanovets* [Ulyanovets], 1969, Sept. 24.
14. *Mashinostroitel'nyi fakul'tet* [Faculty of mechanical engineering]. *Ul'yanovets* [Ulyanovets], 1992, Aug. 31.
15. Nasakin O. *Khimicheskii fakul'tet za 25 let* [Chemistry Department for 25 years]. *Ul'yanovets* [Ulyanovets], 1992, June 9.
16. Nikolaev V.N. *Khimicheskii* [Chemical]. *Ul'yanovets* [Ulyanovets], 1972, Oct. 18.
17. Pavlov L.A. *Elektrotekhnicheskii fakul'tet Ul'yanovets* [Electrical engineering faculty]. *Ulyanovets*, 1992, June 26.
18. Plechov G.N., Dimitriev V.D. *Razvitie vysshego obrazovaniya i nauki* [The development of higher education and science]. *Chuvashskoi ASSR – 60 let: sbornik statei* [Chuvash Autonomous Republic – 60 years: collection of articles]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1980, pp. 235–254.
19. Pokrovskii S.V. *Volzhskii filial MEI: prospekt* [Volzhsky branch of Moscow power engineering Institute: avenue]. Cheboksary, 1966, 30 p.
20. Sergeev T.S. *Podgotovka spetsialistov srednei i vysshei kvalifikatsii v Chuvashskoi ASSR v 1961–1980 gg.* [Training of specialists of middle and higher education in the Chuvash ASSR in 1961–1980]. *Kul'turnoe stroitel'stvo v Chuvashskoi ASSR na etape razvitiya sotsializma* [Cultural construction in the Chuvash ASSR at the stage of developed socialism]. Cheboksary, 1985, pp. 77–92.
21. *Stranitsy istorii vysshei shkoly Chuvashii: ucheb. posobie*. [Pages of history of the higher school of Chuvashia: a training manual]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 1992. 192 p.
22. *Chuvashskii gosudarstvennyi universitet im. I.N. Ul'yanova. 1967–1997 gg.* [Chuvash state University named I. N. Ulyanov. 1967–1997]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 1997. 324 p.

MIKHAILOVA SVETLANA – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Cheboksary, Russia (svemikh1@rambler.ru).

MUZYAKOVA ALINA – Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor, Department of Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Cheboksary, Russia (alinasmirnova@list.ru).

SHUMILOVA OLGA – Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor, Department of Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Cheboksary, Russia (shumilovaolga@bk.ru).

Ссылка на статью: Михайлова С.Ю., Музякова А.Л., Шумилова О.В. Университетская подготовка кадров для промышленности в Чувашии: направления, формы, динамика изменений в 70–80-е годы XX века // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 4. – С. 113–120.

УДК 39
ББК 63.5 (2)

А.К. САЛМИН

ИЗ ЭТНОГРАФИИ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ БУЛГАР

Ключевые слова: булгары, савиры, гунны, утигуры, сакалибы, кыпчаки, татары, чувашы, этнография, древние и средние века.

Прослеживаются и анализируются основные блоки этнографии древних и средневековых булгар: первоисточники, основная литература, этнонимия, земледелие, строительство, межплеменные отношения. Детальное ознакомление с этнографическими источниками позволяет утвердить тезис о том, что чувашы не смогли происходить от булгарского племени. Даже ретроспективный, чистой воды теоретический взгляд не позволяет вывести такую схему. Савиры/сувары на Кавказе и на Волге вместе с булгарами изредка входили в единый политический или военный конгломерат. Но никогда эти племена не смешивались до неузнаваемости. Хотя в процессе формирования булгаро-татарской народности, несомненно, были ассимилированы и сувары. В книге Ибн Фадлана есть строки, свидетельствующие о недружелюбных отношениях между суварами и булгарами. Рукопись *Hudūd al-'ālem*, составленная в конце X в. и повествующая о начале этого же века, подтверждает не только наличие враждебных отношений между булгарами и суварами, но и нахождение в состоянии войны булгар с племенами барсула и исиль. Об этом же пишут в своих трудах другие исследователи. Автор этой статьи также вступает в полемику с бытующим мнением о принадлежности развалин каменных строений суварам. Все источники говорят о деревянных строениях. В X – начале XIII вв. в Волжской Булгарии кирпичных строений были единицы. Они начинают появляться во второй половине XIII в. Савиры покинули южные районы Булгарии в 922 г. Следовательно, сохранившиеся до нашего времени фундаменты некоторых зданий (бань, жилых домов состоятельных хозяев и культовых сооружений) относятся к послесуварскому периоду, а строили их армяне-колонисты.

Булгар Влндур (в другом прочтении – вэл'эндур булхары) М. Хоренаци находит подтверждение в других вариантах данного этнонима: в греческих – *Unogundurs*, в армянских – *Vh'ndur/Olhontor*, в староеврейских – *v-n-nt-r*, арабских – *venender/nender*. Армянский Геродот сообщает еще одну деталь: уголок, где обосновались колонисты-булгары, был назван по имени их лидера Вананда, а поселения стали называться именами его братьев и отпрысков («а впоследствии из-за колонистов булгара Влндур Вунда, поселившихся там, были названы по его имени Ванандом» [35. С. 61]). В известном письме царя Хазарии Иосифа, в частности, читаем: «В стране, в которой я живу, жили прежде В-н-н-тр'ы. Наши предки, хазары, воевали с ними, В-н-н-тр'ы были более многочисленны, так многочисленны, как песок у моря, но не могли устоять перед хазарами» [15]. Об области венендеров говорится и в «Худуд ал-Алам». По этому поводу справедливо пишут: «Еще исследователи XIX в. отождествляли *в.н.н.т.р* письма Иосифа с оногурами (унногундурами), что и ныне является бесспорным. Но оногуры были лишь одним из племенных союзов, вошедших в Великую Булгарию... Булгары сумели подчинить кочевавших в северо-восточном Причерноморье оногуров и кутригуров, вместе с которыми и образовали Великую Булгарию... Эти осколки оногуров откочевали к Волге» [5. С. 10, 12]. Об оногурах писал Константин Багрянородный. Есть и другие источники, дающие важную информацию. Среди них – источники из Хазарии и арабской традиции. Они оба, как видим, используют формы *v-n-ntr/v.n.n.d.r*. Так устанавливается связь между раннесредневековой письменной традицией и булгарами Кубрата и Аспаруха, объединяющая их именем *оногундоуры*. Таким образом, в лице волжских булгар мы имеем и отпрысков оногуров.

После смерти Аттилы (453 г.) входившие в гуннскую конфедерацию булгары начинают появляться в источниках под своим этнонимом чаще. Тем не ме-

нее, рассказывая о событиях второй половины V – первой половины VI вв., связанных с гуннами, Иордан называл их то булгарами, то антами, то склаве-нами. В числе событий 539/540 гг. Феофан рассказал о выступлении множества булгар в Иллирикии (Западные Балканы). Однако гепиды, которые были союзниками Византии, истребили почти всех восставших булгар. Предводителя и нескольких воинов отправили в Константинополь, на триумфальном шествии их провели по ипподрому. А плененных булгар переправили в Армению и Лазик-ку. Феофан констатирует: «Во Фракии наступил прочный мир, так как гунны не осмеливались более переправляться через Дунай» [30. С. 28, 52]. Таким образом, Феофан называл булгар гуннами. Действительно, булгары (т.е. «смешавшиеся») на то время – это большой конгломерат огуров, гуннов и других племен. Однако Б. Мункачи справедливо считал, что военно-политическая связь между булгарами и гуннами не дает оснований отождествлять их на этническом уровне. По его мнению, булгары ни по своему происхождению, ни по языку не были гуннами, а вместе с другими кочевыми племенами Причерноморья оказались в подчинении гуннов и под воздействием их культуры.

Некоторые из исследователей не без основания считают одним из ранних групп булгарского союза племен утигуров, т.е. утигуры стали одним из государствообразующих племен Великой Булгарии в Фанагории.

Основная часть оногуров образовала ядро протобулгар. Никифор называет Куврата «государем гунно-гундуrow» (около 635 г.). В оригинале – Οὐνογοῦρουβοῦρων, т.е. не гунно-гундуrow, а *овноговндоврон*, упрощенно – *уногундуры*. Название *уногундуры* является вариантом наименования оногуры (*он ог – чуваш. *вун(ă) йăх* «десять племен»). Например, источники и этнографы булгар упоминают рядом с котрагами и считают эти племена одного происхождения.

И.Г. Семенов выдвинул гипотезу о протославянской этнической принадлежности булгар [25. С. 12, 22, 25]. Как пишет этот исследователь, начиная с V в. этническая история булгар протекала в тесном политическом взаимодействии с тюркоязычными, точнее – огуриязычными племенами, мигрировавшими из Центральной Азии. К концу VI – началу VII вв. относится образование в Северном Причерноморье огуриязычного уногундуrowского объединения. После 640 г. к нему присоединились булгары. Союз булгар с уногундурами мог диктоваться как необходимость борьбы с аварами. С этого времени созданное уногундурами государство ввиду численного преобладания в нем булгар приобретает булгарский характер. Тогда же началась славянизация уногундуrow. Поэтому И.Г. Семенов предлагает считать древних булгар и огурияские племена Восточной Европы изначально разными народами, у которых отсутствуют общие этногенетические корни и общая прародина.

Когда булгары в Северном Причерноморье вошли в состав Тюркского каганата, их стали называть тюрками, хотя они сохранили свой язык и племенное название.

В VIII–IX вв. часть булгар составляла один из этнических компонентов Алании. В целом, говорить о синкретизме булгар есть полное основание. Этот синкретизм в них самих, а также в подавляющем влиянии иранских и сасанидских традиций на искусство и архитектуру булгар. Кроме того, следует принимать во внимание этнокультурный симбиоз булгар с понтийскими сармато-аланскими племенами, чьи убеждения определенно содержат некоторые черты зороастризма, следы которого остались даже после миграции булгаро-алан на земли вдоль среднего течения Волги.

В X в. в греческих и славянских источниках упоминаются черные булгары. Исследователи (П. Голден, А. Рона-Таш, И. Зимони) идентифицируют их

с остатками болгар в Припонтийских степях и волжскими булгарами. Также имеются сторонники идентификации карачаевцев и балкарцев с булгарами.

Анализ керамики домонгольского периода Волжской Булгарии позволил Т.А. Хлебниковой утверждать, что горшки с цилиндрическим горлом, с горлом в виде раструба наружу, а также высокие тулова горшков восходят к формам горшков местного населения. Биконические и цилиндрические пряслица болгар также издавна бытовали у носителей культуры Именьковского городища. Более того, лепная посуда, игравшая большую роль в сельской местности Булгарии, продолжала традиции керамического производства племен, обитавших в Среднем Поволжье к моменту появления здесь болгар [34. С. 139–142]. Выходит, потомки именьковского населения к началу XII в. окончательно влились в болгарский этнос. «Таким образом, изложенное позволяет утверждать, что в этногенезе волжских болгар участвовало довольно многочисленное местное земледельческое население, представленное именьковской культурой, т.е. славяне. Последние, очевидно, и придали болгарской культуре земледельческий облик с самого начала ее развития. Это население импульсировало постепенную смену кочевого образа жизни пришлых болгар на оседлый, участвовало в становлении городской жизни» [24. С. 10].

Примечательно и то, что Ибн Фадлан называет Алмуша царем не болгар, а сакалибов. Аналогично Ал-Бируни (начало XI в.) Волгу именовал «Нахр ас-Сакалиба», т.е. «Славянской рекой». Все названные факты свидетельствуют, что в первой половине X в. в Волжской Булгарии было довольно много населения, называемого *сакалибы*. Восточные историки и географы раннего средневековья этим этнонимом называли славян. Арабы познакомились со славянами в VII в., когда они были расселены в малоазийских провинциях Византии. Термин *ас-сакалиба* восходит к греческому названию славян. Известно также, что в VIII–X вв. в Халифате было много славян-невольников. Для исламского мира сакалибы – это воины славянских контингентов византийской армии, перешедшие в ходе боев в Малой Азии на сторону мусульман, а также невольники славянского происхождения, привезенные на Восток из славяно-германского региона, Чехии, русских земель, с Балкан [16. С. 2002]. Ибн Фадлан всю эту ситуацию знал хорошо и не мог вложить в термин *саклибы* иное, чем *славяне* понятие. У Ибн Фадлана этнонимы «сакалибы» и «славяне» вполне идентичны. Читаем известные строки: «До царя хазар дошла [весть] о красоте дочери царя «славян», так что он послал сватать ее. А он высказался против него и отказал ему. Тогда тот отправил [экспедицию] и взял ее силой... Итак, она умерла, [находясь] у него. Тогда он послал, требуя вторую его дочь. Как только это [известие] дошло до царя «славян», он упредил [это] и выдал ее замуж за царя [князя] [племени] эскэл, который находится под его властью, боясь, что он отнимет ее у него силой, как он это сделал с ее сестрой» [11. С. 141].

Конечно, автору этой статьи хорошо известны другие толкования этнонима *сакалибы*. Историки и этнографы (особенно казанские) подразумевают под этим термином все северные племена (тюрки, финны, угры и т.д.), обитающие к северу от Кавказа. В.В. Седов, Т. Левицкий, А.П. Новосельцев, Д.Е. Мишин однозначно идентифицируют сакалибов и славян. Смешение их с другими этносами наблюдается в XII–XVII вв. До этого сакалибы во всех источниках – это славяне или, в крайнем случае, массив с преобладанием славян.

«Проживание славянского этноса в Среднем Поволжье с IV в. н.э. вплоть до конца I тыс., устанавливаемое по данным археологии, снимает все сомнения в достоверности сведений Ибн Фадлана. Во время его пребывания на средней Волге славяне действительно составляли массив земледельческого населения, поэтому наименование этого края «страной славян», а хана Волжской Болгарии «царем славян» представляется вполне оправданным» [24. С. 12].

Список известных по рукописи Ахмеда Ибн Фадлана племен в Волжской Булгарии невелик. Это – булгары, сувары, эскэл, башгард (башкиры), русийа (русы), вису (весь) и баранджары как домочадцы одного дома (видимо, речь идет о большом патриархальном роде).

Кыпчакские (кимакские, йемекские) племена, жившие на южных и юго-восточных границах Булгарии, были союзниками и вассалами. Наемные отряды кыпчаков неоднократно использовались в междоусобных и внешних войнах [12. С. 104]. Лаврентьевская летопись под 1229 г. гласит, что «половци взбегоша из низу к болгаром перед татары» [18. С. 314], т.е. половцы спасались от монголо-татар, убежав к булгарам. Совершенно верно комментируют данный эпизод казанские этнографы: «Вряд ли кыпчаки пришли бы к булгарам, если не надеялись на какую-то поддержку... Уже в домонгольское время началось этническое взаимодействие кыпчаков с волжскими булгарами. Об этом говорят и отдельные топонимические данные» [14. С. 50]. В числе таких топонимов называются Тухчин, Собекуль, Кайбыч, Читай, Шырдан, Тарлау. На основе смешения с монголо-татарами и влияния кыпчакских племен в корне меняется традиционная культура булгар, главным образом за счет интерференций из Средней Азии, в основном, из Хорезма [8. С. 155]. Поскольку монголо-татары господствовали над сильнейшими племенами и странами, то пользовались совершенным почетом. Ради чрезвычайного величания стали называть их и подчиненные им народы татарами.

Как известно, в 1395 г. русские воеводы взяли города Булгар, Жюкотин, Казань и Кеременчюк. Притом все названные земли летописи называют «татарскими». Иначе говоря, к этому времени понятие «булгары» уже заменяется на «татары».

Булгары, без сомнения, смешались с монголо-татарами. С перенесением центра Булгарского государства в Казань это положение утвердилось. «С этого времени за населением Среднего Поволжья окончательно упрочилось наименование татар» [26. С. 16], т.е. монголо-татар. Однако это была только смена экзоэтнонима, ибо булгары продолжали сами себя называть булгарами же. Русские летописи XIV–XVI вв. продолжают называть булгар их собственным именем. Так, «Казанский летописец» под 1445 г. еще упоминает худых болгар. Называя имена царей российских, официальные документы включают и название страны Булгария. Например, «Василий III – Государь всея Руси и великий князь Владимирский и Московский, Ноугордский, Псковский, Тверский, Югорский, Пермский, Болгарский, Вяцкий и иных...». А также «Иван Васильевич – великий князь Владимирский, Московский, Новгородский, Псковский, Тверской, Югорский, Пермский, Болгарский, Смоленский и иных земель многих, царь и государь всея Руси». Во второй половине XVII в. двойственное название (казанцы – болгары) еще сохраняется. Например, митрополит Иоасаф официально назывался митрополитом Казанским и Болгарским. «Булгар» присутствовал и в титулатуре Петра I: «Царь Московский, Киевский, ... Казанский, ... Булгарский». «Местное население, теперь называющее себя татарами, до XIX века включительно, да и не только до XIX века, а вплоть до Октябрьской революции, называло себя булгарами. Именно простой народ претендовал на это наименование» [22. С. 145]. Эта тенденция сохраняется по сегодняшний день среди определенного слоя населения.

Как видим, вопрос о булгарской преемственности у татар имеет отчетливо положительный ответ. На совещании о происхождении казанских татар в 1946 г. А.Ю. Якубовский дал совершенно определенную формулировку: «Этническую основу казанских татар... составляют древние булгары, включившие в себя еще новые элементы, пока еще плохо обследованные и только впоследствии получившие имя татар» [37. С. 133]. Тогда же А.П. Смирнов высказал почти анало-

гичную мысль. Он считал, что болгарская культура была фундаментом для создания более поздней татарской культуры [26. С. 150]. Аналогичное мнение высказывалось и позже. Например, А.Х. Халиков рассматривал общеполитическую народность, сформировавшуюся в домонгольское время, как этническую основу татар Среднего Поволжья и Приуралья [31. С. 117]. Хотя, несомненно, следует учесть, что к XVI–XIX вв. в общинном самосознании народов Среднего Поволжья исторические связи с Волжской Булгарией почти угасли. А желание некоторых современных казанских татар вернуть себе имя *булгары* справедливо называют «изобретением традиций» [36. С. 280]. Слишком большие перемены произошли в истории народов, когда-то населявших Волжскую Булгарию. Время ушло. Желание вернуть казанским татарам этноним *булгары* – теперь всего лишь академическое упражнение и бюрократическая процедура [28. С. XLV].

Булгары еще в Приазовье сложились в союз племен. Но савиры в этот союз не входили и обитали в степях Западного Прикаспия. На Кавказе у савиров было свое объединение. Также известно, что хазары, освободившись от власти Западно-Тюркского каганата, включили в свою конфедерацию и савиров. Затем хазары развернули наступление против булгар. «Во времена Булгарского государства волжские булгары и предки чувашей, хотя генетически и были сравнительно близки друг к другу, представляли собой разные народы» [32. С. 93]. Детальное ознакомление с этнографическими источниками позволяет утвердить тезис о том, что чуваша не смогли произойти от болгарского племени. Даже ретроспективный, чистой воды теоретический взгляд не позволяет вывести такую схему. Кроме того, строки из книги Ибн Фадлана подтверждают недружелюбные отношения между суварями и булгарами. Рукопись *Hudūd al-'alem*, составленная в конце X в. и повествующая о начале этого же века, свидетельствует не только о наличии враждебных отношений между булгарами и суварями, но и о нахождении в состоянии войны булгар с племенами барсула и иргиль. Об этом же пишет в своих трудах П. Голден [41. Р. 236]. Впрочем, говоря об этнических составляющих булгар и государства Булгария, первоисточники (Ибн Русте, Гардизи и *Hudūd al-'alem*) один в один утверждают: один разряд из них называется *б.р.сулā* (*Barchūla*), другой разряд – *ас.к.л* (*Ishkile, Asgil*), третий – *булгары* (*B.lkār*). Как видим, источники суваров в подразделение булгар не включают. Это – еще один довод в пользу того, что булгары и савиры (сабиры, сувары) никогда не состояли в единой коалиции. Поэтому писать «булгары-сувары», как делают многие исследователи – в корне неверно. Они – два разных народа на всем протяжении истории. Б. Мункачи по вопросу «Являются ли булгары предками чувашей?» высказался весьма резонно. В этническом вопросе чувашей главное обстоятельство то, что они не называют себя булгарами, писал венгерский исследователь [42; 7. С. 24]. Действительно, нет данных, чтобы чуваша когда-либо называли себя булгарами [40. Р. 397]. Несомненно, этноним *šuvaš* не свидетельствует об исторической тождественности с булгарами. Однако, учитывая все остальные обстоятельства, следует признать, что *šuvaš* – это название народа, стоявшего с булгарами в исторической связи. Как говорится, ни убавить, ни прибавить. Тем не менее Б. Мункачи совершил явную историческую ошибку. Он заявил, что предки чувашей находились, по всей вероятности, в подчинении у булгар, и в таком качестве поменяли свой язык на болгарский. Получается курьезная неувязка. Конечно, в истории происходило не так. Хотя Б. Мункачи и не оговаривает, какой период истории предков чувашей он имеет в виду, в любом хронологическом разрезе его взгляд о перерождении племени *šuvaš* в булгар – это неправда. Да, савиры/сувары на Кавказе и на Волге вместе с булгарами изредка входили в единый политический или военный конгломерат. Но никогда эти племена не смешивались до неузнаваемости. Хотя в процессе формирования болгаро-татарской народности, несомненно, были ассимилированы и сувары.

В Волжской Булгарии активно занимались животноводством и интенсивно возделывали зерновые культуры: пшеницу, ячмень и просо. «Они встретили нас, неся с собой хлеб, мячи, просо», – констатировал арабский писарь [11. С. 131]. Гардизи говорил о наличии в Булгарии хлеба, мяса, тыквы, чечевицы и бобов. В 1024 г. в Суждали (Суздали) поднялся великий мятеж и разразился голод. Аналогично голодали многие области Верхнего Поволжья. Тогда «идоше по Волзе вси людье в Болгары и привезоша жито и тако ожиша», – гласит Лаврентьевская летопись. То же повторяют Новгородская и Софийская летописи. Только вместо «жито» в них говорится более конкретно – «пшеницу и жито». При раскопках Биляра были найдены зерна проса, а в Суваре было открыто большое число зерновых ям. Получается, что горожане в известной степени также занимались земледелием. Как видим, у булгар земледелие занимало основную отрасль хозяйства. Тем не менее скотоводство также играло значительную роль в жизни населения. Например, у них были выючные животные. Из мясного булгары ели конину [9. С. 31, 32], что, несомненно, связывает их с казанскими татарами.

В деревнях основу социальных отношений составляло общинное земледелие, участки пашен и угодий находились в пользовании отдельных семей. Если судить по размерам жилищ, семьи состояли из 5-9 человек. С учетом родственников, селившихся поблизости, общее число составлявших родственный коллектив достигало 20 человек [23. С. 28].

Однако следует заметить, что южные (нынешние черноземные) районы Чувашии занимали сувары. В эту зону входят Батыревский, Комсомольский, Шемуршинский и Яльчикский районы. Именно эти земли до сих пор дают высокий урожай зерновых. Булгары же занимали левобережные территории Волжской Булгарии. Поэтому следует уточнить, что зерновые культуры Волжской Булгарии в основном поставляли сувары.

В 1172 г. была основана Казань. Для нового города было выбрано удобное место не только с географической точки зрения, но и экономики. «Место пренарочито, и красно велми, и скотопажно, и пчелисто, и всяцами семяны родимо, и овощми преизобилно, и зверисто, и рыбно, и всякого много угодья», – подчеркивал летописец [19. С. 10].

Вопреки пониманию многими арабскими источниками и исследователями понятия Булгар как город, во время Ибн Фадлана слово означало «страну». В энциклопедии Наджиба Хамадани «Диковинки творений» Булгар описывается как «большая область». Исследователи справедливо переводят его как Land. Есть сомнения в том, был ли город Булгар в собственном смысле к приезду Ибн Фадлана. В источнике от 895 г. Булгар представлен как состоящий из деревянных и тростниковых построек [3. С. 289]. По данным на XII в. в г. Сувар постройки были деревянные, в них укрывались жители зимой, а летом – в шатрах [2. С. 120]. Иначе говоря, только через более чем два века после Ибн Фадлана в Суваре появились деревянные дома и шатры. О кирпичных строениях нет и речи. «Все постройки и надписи, сохранившиеся в нем (Булгаре. – А.С.) теперь, относятся к эпохе монгольского владычества» [4. С. 136]. Поэтому исследователям наследия Волжской Булгарии следует помнить такой факт, а не переносить данные XIII–XV вв. на IX–XII вв. Так, в первой половине XII в. Ал-Гарнати увидел полностью деревянный город Булгар. Он писал: «А Булгар тоже огромный город, весь построенный из сосны, а городская стена – из дуба... А холода зимой бывают очень сильные, настолько, что раскалывается дерево от жестокости мороза» [1. С. 30]. Аналогичное свидетельство оставил автор XIII в. Якут: «Булгары строят свои дома только из дерева, одно бревно кладут на другое и соединяют их крепкими, тоже деревянными гвоздями» [38. С. 565]. Поэтому надо иметь в виду, что нынешние сохранившиеся каменные развалины города Булгар – это уже остатки построек, возникших после 1236 г. и более позднего периода. По крайней мере,

существующий исторический памятник «Булгарский заповедник» – это не суварское наследие. Археологические раскопки полностью подтверждают свидетельства средневековых историков. Так, согласно А.П. Смирнову, в X–XIII вв. у булгар были простые деревянные срубы или каркасные постройки, оштукатуренные глиной снаружи и изнутри. Крыша таких домов была плоской. Такой тип дома, видимо, сложился одновременно с появлением здесь булгар, пришедших сюда с юга, где он был широко распространен у хазар и антов. Кроме того, большинство населения еще продолжало жить в землянках [27. С. 139].

Экспедиции А.П. Смирнова накопили материал, позволяющий представить оборону Суvara, ставшего сугубо булгарским городом после ухода суваров на правобережье Волги в 922 г. Это – земляные валы с дубовыми стенами в два ряда шириной 3,5–4 м, утрамбованные внутри землей, и сторожевые башни. Снаружи – ров, наполненный водой и напичканный острыми бревнами. Крепость охраняли воины с копьями, дальнобойными луками и стрелами. «Эти укрепления явились первой серьезной преградой на пути следования монгольского войска в Европу в 1236 г. Сувар, расположенный южнее остальных крупных городов Волжской Булгарии, бесспорно, одним из первых принял на себя удар неприятельской армии» [29. С. 102].

Ссылаясь на выводы А.П. Смирнова и А.М. Ефимова, В.Д. Димитриев также полагал, что каменное строительство в Волжской Булгарии освоили лишь в конце XIII в. [6. С. 101, 121]. На конец XIII – начало XIV вв. в городе Булгър имелись три бани. В первой половине XIV в. город представлял собой дома, выстроенные из соснового дерева, а стены крепости – из дубового [33. С. 87]. По состоянию на 1220 г. г. Ошель также был полностью деревянным. Летописный свод свидетельствует, что в этот год войска князя Юрия Всеволодовича окружили г. Ошель. «Около града острог бе, тын дубов», «посекоше тын», «посекоша тын и оплоты», «зажгоша его», «град зажгоша», – отмечает летописец. «А Святослав стоя ту, дондеже згоре град, и взяша Ошель» [20. С. 48, 205–206; 21. С. 61–62]. Для сравнения: в 1437 г. города Рязань и Коломна были укреплены не камнем, а деревянными тынами, ибо в тех местах камня было мало. Иначе говоря, по крайней мере, до XV в. в городах региона в целом преобладали деревянные строения.

Кирпичных строений в X–XII вв. в г. Сувар было чрезвычайно мало. На территории Волжской Булгарии X–XIII вв. известно всего семь кирпичных зданий. Скорее всего, все они – общественные бани, восходящие к традициям Востока [13. С. 41]. Археологи обнаружили богатый жилой дом-дворец пока в единственном числе. По характеру (устройство фундамента, квадратный кирпич, система кладки, связывающий материал, система отопления, обломки водопроводных труб) этот дом напоминает среднеазиатское сооружение эпохи Исламского возрождения. Все это, а также технические приемы строительства показывают участие в постройке кирпичных строений среднеазиатских мастеров. По состоянию на 985 г. здесь фиксируются также палатки.

Несмотря на оседлость и возделывание богатого урожая зерновых, булгары по-прежнему продолжали жить в традиционных кочевых юртах. Кочевой образ жизни и оседлая жизнь в Волжской Булгарии существовали бок о бок [39. Р. 88, 47].

В монгольский и золотоордынский периоды в Булгаре имелись деревянные наземные дома с подпольями. В это время здесь появляется новый тип жилищ – сырцовые дома с подпольной системой отопления. На раскопках чаще всего встречаются печи с каналами канов, по которым проходил горячий дым. Если судить по размерам и составу находок, они принадлежали состоятельным жителям [17. С. 436–437]. Наличие отопительных систем в виде канов, скорее всего, говорит об элементах восточноазиатской строительной традиции [10. С. 24].

Наряду с деревянными строениями в Волжской Булгарии имелись постройки из камня. Известно, что в те времена камень в качестве строительного материала использовался в Закавказье, Крыму и Хорезме. Поэтому о бане из камня в Булгаре можно утверждать, что способ постройки пришел к булгарам из Закавказья и Крыма. На это указывает и применение некоторых архитектурных форм и строительных приемов, обычных для тех мест. Скорее всего, первыми строителями таких бань явились армяне, у которых в Булгаре была своя колония.

Литература

1. *Ал-Гарнати А.Х.* Путешествие в Восточную и Центральную Европу (1131-1153 гг.). М.: Наука, 1971. 136 с.
2. *Ал-Идриси.* Отрада страстно желающего пересечь мир // Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: текст, перевод, комментарий. М.: Восточ. лит., 2006. С. 108–275.
3. *Ал-Мукаддаси.* Лучшее разделение для познания климатов / пер. с араб., введ., коммент., указ., карта, таблица Н.И. Серикова // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. М.: Наука, 1994. Вып. 2. С. 268–334.
4. *Бартольд В.В.* Сочинения. М.: Наука, 1968. Т. V. 757 с.
5. *Галкина Е.С.* К вопросу о роли Великой Булгарии в этнополитической истории Восточной Европы // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2011. № 1. С. 5–32.
6. *Димитриев В.Д.* Чувашский народ в составе Казанского ханства: предыстория и история. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. 190 с.
7. *Дмитриева Ю., Адягаши К.* Hungaro-Tschuvaschica: Аннотированный библиографический указатель исследований венгерских ученых XIX–XX вв. / ЧГИГН. Чебоксары, 2001. 239 с.
8. *Егоров Н.И.* Узловые проблемы ранних этапов огуро-булгаро-чувашского этноплоттогенеза и современные проблемы алтаистики // Чувашский язык и современные проблемы алтаистики. Чебоксары, 2009. Ч. 1. С. 29–33.
9. *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II: Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М.: Наука, 1967. 212 с.
10. *Зеленева Ю.А.* Этнокультурная история Поволжья в XII–XV вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2013. 58 с.
11. *Ибн Фадлан.* Книга // Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Ст., пер. и коммент. Харьков: Харьков. ун-т, 1956. С. 119–148.
12. *Измайлов И.* Защитники «Стены Искандера»: Вооружение, военное искусство и военная история Волжской Булгарии X–XIII вв. Казань: Тат. кн. изд-во, 2008. 206 с.
13. *Измайлов И.Л.* Волжская Булгария в IX – первой трети XIII века: становление социальной, религиозной и этнополитической структуры общества: дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2013. 68 с.
14. *Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Этнополитическая история татар в VI – первой четверти XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2000. 136 с.
15. *Кокорцев П.К.* Ответное письмо хазарского царя Иосифа (продолжение). Пространная редакция. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/Rest/rest0504.htm>.
16. *Мишин Д.Е.* Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннем средневековье. М.: ИВ РАН, 2002. 368 с.
17. *Полубояринова М.Д.* Дома монгольского типа в Болгаре // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Азов: АИАПМЗ, 2009. С. 436–437.
18. *Лаврентьевская летопись // ПСРЛ (Полное собрание русских летописей): в 43 т. М.: Языки славянской культуры, 2001. Т. 1. VIII, 733 с.*
19. *История о Казанском царстве // ПСРЛ (Полное собрание русских летописей): в 43 т. М.: Языки славянской культуры, 2000. Т. 19. 368 с.*
20. *Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись) // ПСРЛ (Полное собрание русских летописей): в 43 т. Т. 28. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 413 с.*
21. *Холмогорская летопись. Двинский летописец // ПСРЛ (Полное собрание русских летописей): в 43 т. Л.: Наука, 1977. Т. 33. 251 с.*
22. *Раимов Р.М.* Выступление // Происхождение казанских татар. Казань: Татгосиздат, 1948. С. 143–145.
23. *Руденко К.А.* История Волжской Булгарии в свете археологических исследований // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 19–41.
24. *Седов В.В.* К этногенезу волжских болгар // Российская археология. 2001. № 2. С. 5–15.
25. *Семенов И.Г.* Основные аспекты концепции протославянской этнической принадлежности древних болгар // Восток. 2015. № 6. С. 12–27.
26. *Смирнов А.П.* К вопросу о происхождении татар. Ответы на вопросы // Происхождение казанских татар. Казань: Татгосиздат, 1948. С. 5–26, 148–151.

27. Смирнов А.П. Волжские болгары. М.: ГИМ, 1951. 375 с.
28. Тишков В.А. Российская полиэтничность в мировом контексте // X Конгресс этнографов и антропологов России. М.: ИЭА РАН, 2013. С. XLII–LII.
29. Фахрутдинов Р. Мелодия камней. Казань: Тат. кн. изд-во, 1986. 224 с.
30. Феофан Исповедник. Хронография. Текст на др.-греч. и рус. яз. / пер. и коммент. И.С. Чичурова // Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. М.: Наука, 1980. С. 24–144.
31. Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. Казань: Тат. кн. изд-во, 1989. 222 с.
32. Хаттори С. О формировании татарского и чувашского языков // Вопросы языкознания. 1980. № 3. С. 86–94.
33. Ибн-Даста Абу-Али Ахмед Бен Омар. Известия о хозарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя X века, по рукописи Британского музея в первый раз издал, перевел и объяснил Д.А. Хвольсон, профессор С.-Петербургского университета. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1869. XIV, 199 с.
34. Хлебникова Т.А. Гончарное производство волжских болгар X – начала XIII вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 111. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 93–152.
35. Хоренацци М. История Армении / пер. с древнеармян. яз., введ. и примеч. Гагика Саркисяна. Ереван: Айастан, 1990. L, 291 с.
36. Шамильоглу Ю. «Джагфар Тарихы»: как изобреталось болгарское самосознание // Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. М.: ИА РАН, 2011. С. 275–287.
37. Якубовский А.Ю. Выступление // Происхождение казанских татар. Казань: Татгосиздат, 1948. С. 130–133.
38. Frähn M. Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgaren aus Ibn-Foszlans Reiseberichten. In: Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg. VI série. T. I. S.-P., 1832. S. 527–577.
39. Golden P.B. Khazar studies: An Historico-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars. Vol. 1. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1980, 291 p.
40. Golden P.B. An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992. XIV, 483 p.
41. Golden P.B. The peoples of the Russian forest belt. In: The Cambridge History of Early Inner Asia. Cambridge Univ. Press, 2008, pp. 229–255.
42. Munkácsi B. A volgai bolgárokról. In: Ethnographia. XIV. Budapest, 1903, pp. 66–76, 147–152, 261–265.

САЛМИН АНТОН КИРИЛЛОВИЧ – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Россия, Санкт-Петербург (antsalmin@mail.ru).

A. SALMIN

GLIMPSES OF ETHNOGRAPHY OF ANCIENT AND MEDIEVAL BULGARS

Key words: *the Bulgars, the Savirs, the Huns, the Utigurs, the Sakalibs, the Cumans, the Tatars, the Chuvash, ethnography, ancient and middle ages.*

The main blocks of ethnography of ancient and medieval Bulgars are traced and analyzed: primary sources, basic literature, ethnonymics, agriculture, construction, intertribal relations. Detailed acquaintance with ethnographic sources makes it possible to confirm the idea that the Chuvashs could not take origin from the Bulgar tribe. Even a retrospective look and a purely theoretical analysis does not allow to derive such a scheme. Savirs/Suvars in the Caucasus and near the Volga together with the Bulgars occasionally formed a joint political or military conglomerate. However those tribes never mixed beyond recognition, though the Suvars undoubtedly became assimilated in the course of development of the Bulgar-Tatar nation. There are some lines in the book by Ibn Fadlan which evidence unfriendly relations between the Suvars and the Bulgars. The manuscript Hudūd al-alem issued in the end of the 10th century telling about the beginning of the same century confirms not only hostile relations between the Bulgars and the Suvars but the state of war between the Bulgars and the Barsula and Isgil tribes as well. The same is confirmed by other researchers in their papers. The writer of these words engages in controversy with a widely accepted opinion that the vestiges of stone structures belonged to the Suvars. All sources tell about wooden structures. There were very few brick-built structures in the Volga Bulgaria in the 10th – early 13th centuries. They started to emerge in the second half of the 13th century. The Savirs left southern regions of Bulgaria in 922. Consequently, foundations of certain buildings (baths, residential houses of well-to-do owners, and houses of worship) date back to post-Suvar period, and they were built by Armenian colonists.

References

1. Al-Garnati A.Kh. *Puteshestviye v Vostochnuyu i Tsentral'nuyu Yevropu (1131–1153 gg.)* [Travel to Eastern and Central Europe (1131–1153)]. Moscow, Nauka Publ., 1971, 136 p.
2. Al-Idrisi. *Otrada strastno zhelayushchego peresech' mir* [Joy passionately wants to cross the world]. In: Konovalova I.G. *Al-Idrisi o stranakh i narodakh Vostochnoi Yevropy: tekst, perevod, kommentarii* [Al-Idrisi on countries and peoples of Eastern Europe: text, translation, commentary]. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 2006, pp. 108–275.
3. Al-Mukaddasi. *Luchsheye razdeleniye dlya poznaniya klimatov* [The best Division for learning climates]. In: *Vostochnoye istoricheskoye istochnikovedeniye i spetsial'nyye istoricheskiye distsipliny* [Eastern historical source studies and special historical disciplines]. Moscow, Nauka Publ., 1994, iss. 2, pp. 268–334.
4. Bartol'd V.V. *Sochineniya* [Compositions]. Moscow, Nauka Publ., 1968, vol. V, 757 p.
5. Galkina Ye.S. *K voprosu o roli Velikoi Bulgarii v etnopoliticheskoi istorii Vostochnoi Yevropy* [The role of the great Bulgaria in the ethnopolitical history of Eastern Europe]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2011, no. 1, pp. 5–32.
6. Dimitriyev V.D. *Chuvashskii narod v sostave Kazanskogo khanstva: Predystoriya i istoriya* [Chuvash people consisting of Kazan Khanate: background and history]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2014, 190 p.
7. Dmitriyeva Yu., Adyagashy K. *Hungaro-Tschuvaschica: Annotirovanniy bibliograficheskii ukazatel' issledovaniy vengerskikh uchenykh XIX–XX vv.* [Annotated bibliography of studies of Hungarian scientists of XIX–XX centuries]. Cheboksary, 2001, 239 p.
8. Yegorov N.I. *Uzlovyye problemy rannikh etapov oguro-bulgaro-chuvashskogo etnoglottogenez i sovremennyye problemy altaistiki* [The key problem of the early stages of Oguro-Bulgaro-Slavic etnoglottogenez and modern Altaic problem]. In: *Chuvashskii yazyk i sovremennyye problemy altaistiki* [Chuvash language and modern Altaic problem]. Cheboksary, 2009, part 1, pp. 29–33.
9. Zakhoder B.N. *Kaspiiskii svod svedenii o Vostochnoi Yevrope. T. II. Bulgary, mad'yary, narody Severa, pecheneghi, rusy, slavyane* [Caspian set information about Eastern Europe. Vol. II: The Bulgars, Magyars, Pechenegs, peoples of the North, Russ, Slavs]. Moscow, Nauka Publ., 1967, 212 p.
10. Zeleneyev Yu.A. *Etnokul'turnaya istoriya Povolzh'ya v XII–XV vv.* [Ethno-cultural history of the Volga region in the XII–XV centuries. The dissertation on competition of a scientific degree of the doctor of historical sciences]. Kazan, 2013, 58 p.
11. Ibn Fadlan. *Kniga* [Book]. In: Kovalevskii A.P. *Kniga Akhmeda Ibn Fadlana o yego puteshestvii na Volgu v 921–922 gg.* [Book Ahmed Ibn-Fadlana on his journey along the Volga in 921–922]. Kharkov, Kharkov Univesity Publ., 1956, pp. 119–148.
12. Izmailov I. *Zashchitniki «Steny Iskandera»: Vooruzheniye, voyennoye iskusstvo i voyennaya istoriya Volzhskoi Bulgarii X–XIII vv.* [Advocates of the «Wall of Iskander»: Armament, military art and military history of Volga Bulgaria X–XIII centuries]. Kazan, Tatar Publishing House, 2008, 206 p.
13. Izmailov I.L. *Volzhskaya Bulgariya v IX – pervoi treti XIII veka: stanovleniye sotsial'noi, religioznoi i etnopoliticheskoi struktury obshchestva: dis. ... d-ra ist. nauk* [Volga Bulgaria in the IX – the first third of the XIII century: the emergence of social, religious and ethnopolitical structures of society. The dissertation on competition of a scientific degree of the doctor of historical sciences. Dissertation Abstract]. Kazan, 2013, 68 p.
14. Iskhakov D.M., Izmailov I.L. *Etnopoliticheskaya istoriya tatar v VI – pervoi chetverti XV v.* [Ethnopolitical history of Tatars in VI – the first quarter of the XV century]. Kazan, 2000, 136 p.
15. Kokovtsev P.K. *Otvetnoye pis'mo khazarskogo tsarya Iosifa (prodoizheniye). Prostrannaya redaktsiya* [A letter of reply, the Khazar King Joseph (continued). Extensive revision]. Available at: <http://gumilevica.kulichki.net/Rest/rest0504.htm>.
16. Mishyn D.Ye. *Sakaliba (slavyane) v islamskom mire v rannem srednevekov'ye* [Saqaaliba (Slavs) in the Islamic world in the early middle ages]. Moscow, 2002, 368 p.
17. Poluboyarinova M.D. *Doma mongol'skogo tipa v Bolgare* [Home of the Mongolian type in the Bulgarians]. In: *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na yevraziiskom prostranstve* [Urban dialogue and steppe cultures in Eurasia]. Azov, AIAPMZ Publ., 2009, pp. 436–437.
18. *Lavrent'evskaya letopis'* [The Lavrent'evskaia Chronicle's]. In: *PSRL (Polnoye sobraniye russkikh letopisei: v 43 t.* [Complete collection of Russian Chronicles. 43 vols.]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2001, vol. 1, VIII, 733 p.
19. *Istoriya o Kazanskom tsarstve* [History of the Kazan Kingdom]. In: *PSRL (Polnoye sobraniye russkikh letopisei: v 43 t.* [Complete collection of Russian Chronicles. 43 vols.]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2001, vol. 19, 368 p.
20. *Letopisnyi svod 1497 g. Letopisnyi svod 1518 g. (Uvarovskaya letopis')* [Annalistic set 1497. Annalistic Redd 1518 (Uvarov Chronicle)]. In: *PSRL (Polnoye sobraniye russkikh letopisei: v 43 t.* [Complete collection of Russian Chronicles. 43 vols.]. Moscow, Leningrad, AN USSR Publ., 1963, vol. 28, 413 p.
21. *Kholmogorskaya letopis'*. *Dvinskii letopisets* [Holmogorskaia Chronicle. Dwinsk chronicle]. In: *PSRL (Polnoye sobraniye russkikh letopisei: v 43 t.* [Complete collection of Russian Chronicles. 43 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1977, vol. 33, 251 p.
22. Raimov R.M. *Vystupleniye* [Statement]. In: *Proiskhozhdeniye kazanskikh tatar* [The origin of the Kazan Tatars]. Kazan, Tatgosizdat Publ., 1948, pp. 143–145.

23. Rudenko K.A. *Istoriya Volzhskoi Bulgarii v svete arkheologicheskikh issledovanii* [History of Volga Bulgaria in the light of archaeological research]. In: *Zolotoordynskoye obozreniye* [Golden Horde review], 2013, no. 2, pp. 19–41.
24. Sedov V.V. *K etnogenezu volzhskikh bolgar* [The ethnogenesis of the Volga Bulgarians]. *Rossiiskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 2001, no. 2, pp. 5–15.
25. Semenov I.G. *Osnovnyye aspekty kontseptsii protoslavianskoi etnicheskoi prinadlezhnosti drevnikh bolgar* [The main aspects of the concept of protoslavianskoj ethnicity of ancient Bulgarians]. *Vostok* [Oriens], 2015, no. 6, pp. 12–27.
26. Smirnov A.P. *K voprosu o proiskhozhdenii tatar. Otvety na voprosy* [To the question about the origin of the Tatars. Responses to questions]. *Proiskhozhdeniye kazanskikh tatar* [The origin of the Kazan Tatars]. Kazan, Tatgosizdat Publ., 1948, pp. 5–26, 148–151.
27. Smirnov A.P. *Volzhskiy bulgary* [Volga Bulgars]. Moscow, 1951, 375 p.
28. Tishkov V.A. *Rossiiskaya polietnichnost' v mirovom kontekste* [Russian poliethnicity in the global context]. *X Kongress etnografov i antropologov Rossii* [Proc. of X Congress of ethnographers and anthropologists of Russia]. Moscow, RAN Publ., 2013, pp. XLII–LII.
29. Fakhrutdinov R. *Melodiya kamnei* [Melody of the stone]. Kazan, Tatar Publishing House, 1986, 224 p.
30. Feofan Ispovednik. *Khronografiya* [The Chronicling]. In: Chichurov I.S. *Vizantiiskiy istoricheskiye sochineniya* [Byzantine historical writings]. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 24–144.
31. Khalikov A.Kh. *Tatarskii narod i yego predki* [Tatar people and their ancestors]. Kazan, Tatar Publishing House, 1989, 222 p.
32. Khattoni S. *O formirovani tatarskogo i chuvashskogo yazykov* [On the formation of the Tatar and Chuvash languages]. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of Linguistics], 1980, no. 3, pp. 86–94.
33. Ibn-Dasta Abu-Ali Akhmed Ben Omar. *Izvestiya o khazarakh, burtasakh, bolgarakh, mad'yarakh, slavyanakh i russakh Abu-Ali Akhmeda ben Omar Ibn-Dasta, neizvestnogo dosele arabskogo pisatelya X veka, po rukopisi Britanskogo muzeya v pervyi raz izdal, perevel i ob'yasnii D.A. Khvol'son, professor S.-Peterburgskogo universiteta* [News about Hozars, Burtas, Bulgars, Mad'ars, Slavs and Russ of Abu-Ali Akhmed ben Omar Ibn-Dasta]. St. Petersburg, 1869, XIII, 199 p.
34. Khlebnikova T.A. *Goncharnoye proizvodstvo volzhskikh bolgar X – nachala XIII vv.* [Pottery of the Volga Bulgarians X-early XIII centuries]. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and research on the archaeology of the USSR]. Moscow, AN USSR Publ., 1962, no. 111, pp. 93–152.
35. Khorenatsi M. *Istoriya Armenii* [History of the Armenia]. Yerevan, Aiastan Publ., 1990, L, 291 p.
36. Shamilo'glu Yu. «*Dzhagfar Tarikhy*»: *kak izobretalos' bulgarskoye samosoznaniye* [«*Dzhagfar Tarixi*»: how to invent Bulgar self-consciousness]. In: *Fal'sifikatsiya istoricheskikh istochnikov i konstruirovaniye etnokraticeskikh mifov* [Falsification of historical sources and construction of the etnokratic myths]. Moscow, RAN Publ., 2011, pp. 275–287.
37. Yakubovskii A.Yu. *Vystupleniye* [Statement]. *Proiskhozhdeniye kazanskikh tatar* [The origin of the Kazan Tatars]. Kazan, Tatgosizdat Publ., 1948, pp. 130–133.
38. Frähn M. Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgaren aus Ibn-Foszlans Reiseberichten. In: *Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg*. VI série. T. I. S.-P., 1832. S. 527-577.
39. Golden P.B. *Khazar studies: An Historico-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars*. Vol. 1. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1980, 291 p.
40. Golden P.B. *An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992, XIV, 483 p.
41. Golden P.B. The peoples of the Russian forest belt. In: *The Cambridge History of Early Inner Asia*. Cambridge Univ. Press, 2008, pp. 229–255.
42. Munkácsi B. A volgai bolgárokról. In: *Ethnographia*. XIV. Budapest, 1903, pp. 66–76, 147–152, 261–265.

SALMIN ANTON – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences, Russia, St. Petersburg (antsalmin@mail.ru).

Ссылка на статью: Салмин А.К. Из этнографии древних и средневековых булгар // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 4. – С. 121–131.

УДК 343.851.5 (470.344)
ББК 63.3 (2) 631

Д.В. СЕДОВА

**СИСТЕМА ЛИКВИДАЦИИ
ДЕТСКОЙ БЕЗНАДЗОРНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ
В ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛИТИЕ
(на примере Ульяновской области и Татарской АССР)**

Ключевые слова: детская безнадзорность, правонарушения, подростковая преступность, опека, дети-сироты.

Статья посвящена изучению системы ликвидации детской безнадзорности и правонарушений, сформированной в 1945–1955 гг., анализу опыта, накопленного советским государством по преодолению указанных проблем. Материал изложен на основании ряда традиционных общенаучных и специально-научных методов: сравнение изучаемых явлений, описание, а также элементы биографического анализа. Впервые предпринята попытка обобщить опыт становления системы ликвидации детских негативных явлений на основании изучения неопубликованных архивных источников по материалам Ульяновской области и Татарской АССР. Отмечен положительный опыт борьбы с изучаемыми явлениями на примере Чувашской АССР. Анализ проведён на основании опубликованных и архивных источников. Сделан основной вывод о том, что проблемы детской безнадзорности, беспризорности и правонарушений среди несовершеннолетних были успешно решены на уровне советской власти в послевоенное десятилетие: государством в послевоенный период была предложена система ликвидации детской беспризорности и безнадзорности, направленная на предупреждение и контроль за безнадзорными детьми и неблагополучными семьями, обеспечение охраны прав ребёнка, а также социальную помощь и профилактику. В статье изложены основные мероприятия сформировавшейся системы, накопленные в ходе положительного опыта создания данной системы. При этом особое внимание уделено также недостаткам в работе с безнадзорными детьми и подростками, склонными к совершению правонарушений.

Общеизвестно, что будущее любого государства определяется заботой о подрастающем поколении. На данный момент созданы специальные государственные структуры, которые занимаются опекой несовершеннолетних, в первую очередь из неблагополучных семей, обеспечивают получение качественного образования и досуга. Большого внимания в связи с этим требует на сегодняшний день научное осмысление исторического опыта, накопленного в сфере ликвидации проблем детства.

Для получения объективной картины происходивших социальных процессов, положительных и отрицательных моментов в формировании государственной политики в отношении несовершеннолетних были проанализированы научные работы историков, социологов, педагогов-новаторов начиная с 1945 г. и по настоящее время. Особое внимание уделено нормативно-правовым документам из первоисточников, а также региональным архивным документам.

В рассматриваемый нами послевоенный период 1945–1955 гг. проблемы детской безнадзорности, беспризорности и правонарушений среди несовершеннолетних были успешно решены на уровне советской власти: государством в послевоенный период была предложена система ликвидации детской беспризорности и безнадзорности, направленная на предупреждение и контроль за безнадзорными детьми и неблагополучными семьями, обеспечение охраны прав ребёнка, а также социальную помощь и профилактику.

Политика государства в отношении детей-детдомовцев была направлена в первую очередь на социальное воспитание и социальную опеку, в связи с чем борьба из социального явления переросла в комплекс политических мер,

реализуемых государственными органами власти, носила преемственный характер и определялась нормативными документами как довоенного, так и военного времени. В послевоенный период в связи с изменившимися задачами политика государства по отношению к социальному призрению несовершеннолетних была скорректирована в сторону внедрения специализированной системы по оказанию социальной помощи детям-сиротам, создания развернутой системы приёмников-распределителей и детских домов, активизации процесса подготовки высококвалифицированных педагогических кадров, а также совершенствования системы устройства детей в приёмные семьи.

Важнейшей особенностью в организации социальной работы с подростками в послевоенное время стало расширение полномочий в работе комиссий по работе с безнадзорными, на которые были возложены функции предупредительной работы по отношению к беспризорности, организации самой этой работы, согласования этой деятельности с другими заинтересованными структурами, организации массовой разъяснительной работы среди общественности, организации самой социальной работы специализированными детскими учреждениями. Например, в Кировском районе г. Казань в целях улучшения работы по контролю за жизнью детей, находящихся на воспитании в семьях трудящихся, комиссия решила разбить всех подопечных и патронируемых по избирательным округам и к каждому депутату прикрепить подопечных и патронируемых в целях более оперативного наблюдения за условиями их жизни [11. Л. 111–112]. В свою очередь, по г. Ульяновск в 1954 г. утверждается план лекториев и бесед, проводимых органами образования, с родителями, взявшими на воспитание детей, оставшихся без родителей. Темами бесед и лекций стали: «Усыновленные дети», «Классик марксизма о коммунистическом воспитании», «Выдающиеся советские педагоги о коммунистическом воспитании», «Отчим», «Приёмные дети», «Воспитание детей в советской семье» [5. Л. 1].

Среди членов комиссий обязанности распределялись следующим образом:

- прокурор проверял организацию работы детской комнаты и состояние имущественных прав детей;
- начальник милиции был ответствен за соблюдение порядка в организации работы детской комнаты и осуществлял контроль за поведением детей на улицах и в общественных местах с привлечением комсомольцев;
- заведующий отделом здравоохранения организовывал периодическую проверку здоровья детей, не имеющих родителей;
- учёт детей, не имеющих родителей, и учёт по устройству детей на опеку, усыновление или удочерение, патронирование обеспечивались отделом народного образования, который проводил значительную работу по выявлению детей, не имеющих родителей, организации создания фонда всеобуча и проведению других мероприятий по охране прав детства [5. Л. 1].

Из этого следует, что у каждого члена комиссии по устройству детей была своя определённая функция, что ещё раз подчёркивает необходимость именно коллегиального решения проблемы устройства детей.

Важной заботой государства в послевоенное время стало устройство детей на семейные формы воспитания, и ответственными за это были органы опеки и попечительства. Реализация такой политики происходила на уровне органов исполнительной власти, центральных и местных партийных органов и непосредственно учреждений профилактики в соответствии с Постановлением СНК СССР от 08.04.1943 г. № 325 «Об утверждении Инструкции Наркомпроса РСФСР, Наркомздрава РСФСР, Наркомюста РСФСР о патронировании, опеке и усыновлении детей, оставшихся без родителей». При этом вопросы опеки, попечительства и

патронирования находились под воздействием классовых подходов, которые означали, что предпочтение в опеке, попечительстве и патронировании, а также усыновлении отдавалось семьям рабочих и колхозников¹.

По данным А.М. Нечаевой, устройство детей в приёмные семьи на началах патроната, опеки и усыновления было приоритетным для советского государства в послевоенный период по сравнению с помещением детей в детские специализированные учреждения. Так, если в 1945 г. на семейных формах воспитания находились 53,1% несовершеннолетних, то к 1953 г. их количество повысилось до 71,6% [13, 14]. При этом приоритетными формами семейного воспитания на протяжении всего изучаемого периода являлись опека и патронат. Институт усыновления в послевоенное десятилетие применялся довольно ограниченно [9]. Вероятно, это было связано в первую очередь с тем фактом, что установить гибель родителей детей, которых лишь в этом случае можно было передать на усыновление, не представлялось возможным, так как долгое время люди числились пропавшими без вести. Данная ситуация характерна и для регионов Поволжья (см. таблицу).

Численность детей-сирот, оставшихся без родителей и подлежащих устройству (на примере Ульяновской области и Татарской АССР)
[5. Л. 9; 2. Л. 34а; 12. Д. 38а. Л. 23; 12. Д. 75. Л. 4]

Показатель	1945–1946 гг.		1954–1955 гг.	
	Ульяновская область	Татарская АССР	Ульяновская область	Татарская АССР
На патронате	1251	3073	1008	2900
Под опекой	483	2351	2672	3603
Усыновлено	213	212	238	2190
Итого на семейных формах устройства	1947	5636	3918	8693
Направлено в детские дома	914	977	83	114

Так, на территории Ульяновской области и Татарской АССР к 1955 г. показатели семейных форм устройства детей выросли в 1,5 раза по сравнению с аналогичным показателем в 1945 г.

В ходе организации воспитательной работы в детских домах формировались достаточно эффективные методические приёмы и технологии, которые затем были положены в основу организации воспитательной работы.

Во-первых, вошло в практику создание кустовых методических объединений, интегрировавших педагогов нескольких детских учреждений, работа которых была направлена на решение вопросов совместной работы школы и детского дома по повышению успеваемости воспитанников и качества их знаний, улучшению постановки трудового воспитания и обучения детей. Так, приказом № 4-д от 13.01.1954 г. по Ульяновскому областному отделу народного образования были созданы 5 кустовых методических объединений с включением в них 28 детских домов: Ульяновское, Карсунское, Кузоватовское, Мелекесское и Дмитриевское. Сектору детских домов областного отдела народного образования, методкабинету детских домов института усовершенствования учителей было поручено улучшить работу кустовых методических объединений, направить внимание работников детских домов на решение вопросов совместной работы детского дома и школы по обеспечению повышения успеваемости вос-

¹ Постановление СНК СССР от 08.04.1943 г. № 325 «Об утверждении Инструкции Наркомпроса РСФСР, Наркомздрава РСФСР, Наркомюста РСФСР о патронировании, опеке и усыновлении детей, оставшихся без родителей» // Собрание постановлений и распоряжений Правительства РСФСР. 1943. № 3. Ст. 24.

питанников и качества их знаний, по улучшению постановки трудового воспитания и обучения детей в свете решений XIX съезда КПСС о политехническом обучении и постановления сентябрьского пленума ЦК КПСС «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства» [4. Л. 8].

Во-вторых, в послевоенный период широко входило в педагогическую практику работы с детьми использование возможностей обучения воспитанников на базе подсобных хозяйств и учебно-опытных участков, работы швейных, столярных, сапожных, слесарных и трикотажных мастерских, где воспитанники получали не только практические навыки по труду, но и вырабатывали у себя внутренний организационный порядок, который формировался в условиях строго контролируемого распорядка, учёта успеваемости, качественно приобретаемых знаний и навыков. Так, например, в Ульяновской трудовой колонии для девочек кружками художественной самодеятельности было охвачено до 150 воспитанниц из 532 человек. Для обучения и привития трудовых навыков воспитанницам на территории колонии было организовано швейное производство – 83 швейные машины, на первом этаже – закрытый цех и настольные столы. Производство выполняло заказы НКВД СССР по пошиву вещевого довольствия для детских колоний и заказ НКО из давальческого сырья по пошиву шинелей, гимнастеров и брюк. Кроме швейного производства при колонии были организованы мастерские: сапожная, швейная, механическая, столярная и кузница. На производстве заняты 440 воспитанниц [1. Л. 36].

Однако развитие трудового воспитания в детских учреждениях не являлось ноу-хау послевоенного времени. Например, большой опыт в качественной организации внутреннего распорядка, сбалансированном характере трудового воспитания, обучения, развития воспитанников был накоплен в Чувашской АССР Цивильским детгородком, принимавшим воспитанников в 1920–1930-е гг. Его воспитанники трудились в жестяно-посудной, кузнечно-слесарной, сапожной, столярной, швейно-чулочной мастерских [8]. Исследователи Е.К. Минеевой, В.А. Морозова и А.С. Янцевой приводят авторов к выводу, что уже во второй половине 1920-х гг. в стране принцип трудового воспитания беспризорников стал приоритетным направлением в воспитательном процессе несовершеннолетних [10].

В-третьих, в рассматриваемый период значительное внимание уделялось детским общественным объединениям – детским советам, комсомолу, пионерской организации. Во многих школах Татарской республики в 1950/51 учебном году пионерские и комсомольские организации улучшили свою работу. Они выросли и в количественном отношении [12. Д. 172. Л. 217]. В целом в период с 1947 г. по 1951 г. численность пионеров увеличилась на 36% [12. Д. 64. Л. 104; Д. 135. Л. 224; Д. 172. Л. 217–218]. В Ульяновской области в период с 1947 г. по 1953 г. численность участников пионерского движения выросла на 56%, комсомольцев стало больше в 5,5 раза [2. Л. 34а; 3. Л. 28; 7. Л. 45]. Опыт, накопленный Цивильским детским городком в 1920–1930-е гг. в области самоорганизации, также незаменим: воспитанники самостоятельно проводили организацию кинопоказов в открытом киноклубе и этим значительно помогали как пополнению бюджета детдома, так и собственному развитию и воспитанию духа коллективизма. В работе А.Е. Дмитриева, Е.К. Минеевой даётся достаточно высокая оценка организации работы Цивильского детгородка, который исследователи называют «неформальным центром среди прочих детдомов республики» [8].

В-четвёртых, одной из форм борьбы за всеобуч стало применение мер административного воздействия к родителям несовершеннолетних и опекунам, которые не обеспечивали посещение школьных занятий детьми. Реше-

ния об административной ответственности принимались местными исполкомами советов депутатов трудящихся во исполнение постановления СНК РСФСР «Об утверждении инструкции об организации учёта детей и подростков в возрасте от 8 до 15 лет и о порядке контроля за выполнением закона о всеобщем обязательном обучении: семилетнем – в городах и начальном – в сельской местности» [6. Л. 10–11]. В архивных источниках упоминается, что плановая работа для родителей или лиц, их заменяющих, проводилась в Ульяновске, Мелекессе и ряде других районов [5. Л. 1].

Улучшению общей постановки дела по борьбе с детскими правонарушениями во многом способствовала активизация работы детских комнат милиции, заключавшаяся в дознавательной деятельности с малолетними правонарушителями, проведении их сотрудниками широкой профилактической и разъяснительной работы с детьми и населением, включающей выступления и беседы в коллективах трудящихся и по месту жительства, в школах, детдомах, выявление причин и условий, которые привели к правонарушениям, беспризорности и безнадзорности, внесение в связи с этим предложений в соответствующие профилактические организации и учреждения.

Именно детские приёмники-распределители стали главной силой по борьбе с детской беспризорностью и правонарушительством, чему в немалой степени способствовала в целом продуманная регламентация их работы, направленная на наблюдение и анализ за поведением несовершеннолетних в целях их дальнейшего правильного устройства; организацию и проведение воспитательной работы с детьми и подростками и привитие им культурно-бытовых и санитарно-гигиенических навыков; организацию розыска родственников и лиц, их заменяющих, восстановление и развитие связи детей с их родителями и родственниками и их возвращение в семью; выявление лиц, подтолкнувших несовершеннолетних к противоправному проведению, и привлечение их к ответственности через органы прокуратуры и милиции; учёт проходящего контингента детей, а также выявление причин детской беспризорности и безнадзорности и принятие мер к их устранению.

При этом, несмотря на ряд положительных моментов, работа с несовершеннолетними в первые послевоенные годы была отмечена рядом серьёзных недостатков.

Во-первых, в 1950-е гг., когда социальная работа с детьми, лишившимися попечения родителей, носила массовый характер, государство ослабило свою контролирующую функцию за семьями, воспитывающими приёмных детей, сведя её в основном к пресечению злоупотреблений со стороны приёмных родителей. Например, в 1952 г. в Ульяновской области взял из детского дома девочку отец, вернувшийся из мест заключения. Содержание этой семьи не проверялось местными государственными органами, и лишь когда в 1953 г. девочка сбежала из дома и сама пришла в горком ВЛКСМ просить помощи, стало известно о фактах нарушения прав ребёнка. Так, она питалась дома только чёрным хлебом и супом, который не разрешалось разогревать, чтобы не закоптить отремонтированную квартиру, спала в холодном коридоре. Побег из дома был вызван страхом быть удушенной отцом. Отец девочки Иванов не был обеспокоен побегом дочери из дома, и когда к нему пришёл сотрудник городского отдела народного образования (общественный инспектор), он категорически отдался от дальнейшего воспитания дочери [5. Л. 9].

Во-вторых, не везде качественно и эффективно работали местные комиссии по устройству детей, лишившихся попечения родителей. Так, например, в отчёте Ульяновской области о работе по охране прав детства и устройству де-

тей за 1952 г. отмечается, что комиссия в течение 1952 г. на свои заседания собиралась только 4 раза. Но председатель и секретарь комиссии повседневно связывались с членами комиссии по тем или иным вопросам, касающимся устройства детей [5. Л. 1]. Аналогичная ситуация была характерна и для Татарской АССР. В результате принятых мер только в немногих районах республики Татарстан в 1953 г. работали созданные комиссии, например, в г. Казань, г. Зеленодольск, Лаишевском районе. Не работали комиссии в Бугульминском, Буденовском, Юдинском, Корноуховском, Буинском, Арском районах, г. Бугульма. Комиссия при Совете Министров ТАССР также не работала, не требовала работы от районных комиссий, не заслушивала отчёты председателей комиссий о состоянии устройства детей, лишившихся родителей. Республиканская комиссия не контролировала работу всех общественных организаций. Не интересовалась работой детской комнаты милиции, куда много поступало детей – учащихся, особенно в городах [12. Д. 291. Л. 62]. Безусловно, негативные примеры отсутствия работы комиссий по устройству детей в 1950-х гг. связаны со смягчением государственной политики в стране в целом.

Необходимо подчеркнуть, что со стороны директоров предприятий не уделялось должного внимания трудоустройству бывших беспризорников и сирот: их не размещали в общежитиях, не оказывали им необходимой материальной помощи. Как показала проверка бытовых условий бывших воспитанников детского дома № 39 г. Елабуги Шишкановой Анны, Сорокиной Валентины, Тареевой Надежды и других, трудоустроенных в колхоз имени Гасара Мортовского района Татарской АССР, проведённая в 1953 г., подростки в течение двух месяцев не посещали баню, в питании у них был только сильно засорённый горох, по 250 г молока на день и по 10 кг картофеля на месяц. Подростки не были закреплены ни за одной из бригад, использовались на разных, часто непосильных, работах [12. Д. 289. Л. 23–24].

Выявленные как положительные нововведения, так и проблемы в системе ликвидации детской безнадзорности и правонарушений требуют продолжения научного осмысления исторического опыта социальной защиты детства, накопленного в послевоенное время, для определения и развития действенной и результативной политики социального взаимодействия государственных и негосударственных институтов и структур в области оказания социальной помощи и поддержки нуждающихся.

Анализ положительного и отрицательного опыта, накопленного советским государством при ликвидации подростковой беспризорности, безнадзорности, преступности в послевоенный период, имеет определяющее значение при выработке правильной стратегии и тактики по их предупреждению на современном этапе развития российского общества.

Литература

1. Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (далее – ГАНИ УО). Ф. 8. Оп. 1. Д. 318.
2. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 4. Д. 395.
3. Государственный архив Ульяновской области (далее – ГА УО). Ф. Р-634. Оп. 1. Д. 2129.
4. ГА УО. Ф. Р-2326. Оп. 2. Д. 98.
5. ГА УО. Ф. Р-2326. Оп. 3. Д. 1.
6. ГА УО. Ф. Р-3038. Оп. 4. Д. 88.
7. ГА УО. Ф. Р-3054. Оп. 1. Д. 33.
8. *Дмитриев А.Е., Минеева Е.К.* Цивильский детский городок имени В.И. Ленина как неформальный центр системы детских учреждений опеки в Чувашской АССР // Вестник Чувашского университета. 2014. № 1. С. 9–13.
9. *Меркурьева В.С.* Социальная защита детей-сирот в Сталинградской области в середине 1940–1950-х годах // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2008. № 5. С. 137–139.

10. Минеева Е.К., Морозов В.А., Янцева А.С. Пути преодоления детской беспризорности в Советской России в 1920–1930-е годы // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2012. № 2-2. С. 97–101.

11. Национальный архив Республики Татарстан (далее – НА РТ). Ф. Р-992. Оп. 1. Д. 346.

12. НА РТ. Ф. Р-3682. Оп. 2.

13. Нечаева А.М. Детская беспризорность – опасное социальное явление // Государство и право. 2001. № 6. С. 57–65.

14. Нечаева А.М. Правовая охрана детства в СССР. М.: Наука, 1987. С. 11, 35–36.

СЕДОВА ДАРЬЯ ВИКТОРОВНА – аспирантка кафедры истории, Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова, Россия, Ульяновск (sdv221187@mail.ru).

D. SEDOVA

SYSTEM OF ELIMINATION OF CHILDREN'S HOMELESSNESS AND WRONG-DOING IN POST-WAR DECADE

(ON THE EXAMPLE OF THE ULYANOVSK REGION AND THE TATAR ASSR)

Key words: children's homelessness, wrong-doing, juvenile delinquency, guardianship, orphanages.

The article is devoted to studying the system of elimination of the children's homelessness and wrong-doing created in 1945–1955, to analysis of the experience accumulated by the Soviet state on overcoming the specified problems. Material is written on the basis of a number of traditional general scientific and special-scientific methods: comparison of phenomena studied, description as well as elements of biographic analysis. An attempt to generalize experience in formation of the system for elimination of the children's negative phenomena on the basis of studying unpublished archival sources on materials of the Ulyanovsk region and the Tatar ASSR is made for the first time. Positive experience in the fight against phenomena studied on the example of the Chuvash ASSR is noted. The analysis is based on archival and already published materials. The author concludes that problems of children's neglect, homelessness and wrong-doing among minors were successfully resolved at the level of the Soviet power in post-war decade: the state in post war period offered the system of children's homelessness and neglect liquidation directed at prevention and control of neglected children and dysfunctional families, ensuring protection of children's rights and social assistance and prevention. In the article main actions of the created system which are accumulated up during positive experience in creation of this system are stated. At the same time special attention to shortcomings in work with neglected children and teenagers inclined to making offense is paid as well.

References

1. Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii Ul'yanovskoi oblasti. Fond 8. Opis' 1. Dokument 318 [State Archives of the New History of the Ulyanovsk region]. Archives 8. Anagraph 1. Document 318].
2. Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii Ul'yanovskoi oblasti. Fond. 8. Opis' 4. Dokument 395 [State Archives of the new history of the Ulyanovsk region. Archives 8. Anagraph 4. Document 395].
3. Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanovskoi oblasti. Fond R-634. Opis' 1. Dokument 2129 [State Archives of the Ulyanovsk region. Archives R-634. Anagraph 1. Document 2129].
4. Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanovskoi oblasti. Fond R-2326. Opis' 2. Dokument 98 [State Archives of the Ulyanovsk region. Archives R-2326. Anagraph 2. Document 98].
5. Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanovskoi oblasti. Fond R-2326. Opis' 3. Dokument 1 [State Archives of the Ulyanovsk region. Archives R-2326. Anagraph 3. Document 1].
6. Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii Ul'yanovskoi oblasti. Fond R-3038. Opis' 4. Dokument 88 [State Archives of the Ulyanovsk region. Archives R-3038. Anagraph 4. Document 88].
7. Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii Ul'yanovskoi oblasti. Fond. R-3054. Opis' 1. Dokument. 33 [State Archives of the Ulyanovsk region. Archives R-3054. Anagraph 1. Document 33].
8. Dmitriev A.E., Mineeva E.K. *Tsivil'skii detskii gorodok imeni V.I. Lenina kak neformal'nyi tsentr sistemy detskikh uchrezhdenii opeki v Chuvashskoi ASSR* [The Tsivilsky children's town of V. I. Lenin as the informal center of system of child care facilities of guardianship in Chuvash the ASSR]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2014, no. 1, pp. 9–13.

9. Merkur'eva V.S. *Sotsial'naya zashchita detei-sirot v Stalingradskoi oblasti v seredine 1940–1950-kh godakh* [Social protection of orphan children in the Stalingrad region in the middle the 1940–1950th years]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of the Saratov state social and economic university], 2008, no. 5, pp. 137–139.

10. Mineeva E.K., Morozov V.A., Yantseva A.S. *Puti preodoleniya detskoj besprizornosti v Sovetskoj Rossii v 1920-1930-e gody* [Ways of overcoming children's homelessness in the Soviet Russia in the 1920-1930th years]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya. Yakovleva* [Bulletin of the Chuvash state pedagogical university of I. Ya. Yakovlev], 2012, no. 2-2, pp. 97–101.

11. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan. Fond R-992. Opis' 1. Dokument 346* [The National Archives of the Tatar Republic. Archives R-992. Anagraph 1. Document 346].

12. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan. Fond R-3682. Opis' 2* [The National Archives of the Tatar Republic. Archives R-3682. Anagraph 2].

13. Nechaeva A.M. *Detskaya besprizornost' – opasnoe sotsial'noe yavlenie* [Children's homelessness – the dangerous social phenomenon]. *Gosudarstvo i pravo* [State and the right], 2001, no. 6, pp. 57–65.

14. Nechaeva A.M. *Pravovaya okhrana detstva v SSSR* [Legal protection of the childhood in the USSR]. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 11, 35–36.

SEDOVA DARYA – Post-Graduate Student of History Department, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov, Russia, Ulyanovsk (sdv221187@mail.ru).

Ссылка на статью: Седова Д.В. Система ликвидации детской безнадзорности и правонарушений в послевоенное десятилетие (на примере Ульяновской области и Татарской АССР) // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 4. – С. 132–139.

УДК 378.037
ББК Ч448.005.54

О.Г. СОРОКИНА

РОЛЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗОВ В СТАНОВЛЕНИИ СТУДЕНЧЕСКОГО СПОРТА В ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Ключевые слова: физическая культура, институты, преподаватели физического воспитания, студенческий спорт, спортивное общество «Буревестник».

Целью статьи является изучение роли преподавателей физического воспитания ведущих вузов республики в становлении студенческого спорта и спортивного общества «Буревестник» в 1950–1960-е гг. Исследование основано на принципе историзма, методе системного анализа, сравнительно-историческом и хронологическом методах. Дана оценка основных направлений деятельности преподавателей вузов, трудностей становления движения. На основе анализа архивных и публицистических материалов автор приходит к выводу, что именно преподаватели физического воспитания вузов стояли у истоков зарождения студенческого спорта в республике. Анализ и оценка их опыта работы будут способствовать активизации деятельности студенческих спортивных организаций на современном этапе, изучению истории студенческого спорта, созданию музеев спортивной славы в вузах.

После победоносного завершения Великой Отечественной войны происходило активное восстановление всех сфер жизни советского государства. Изменения коснулись также физкультурного и спортивного движения. Правительство приняло ряд постановлений, приведших к оживлению деятельности физкультурных организаций. Они стали проводить больше соревнований и физкультурно-оздоровительных мероприятий, строить спортивные площадки, создавать секции и кружки. Молодежь с энтузиазмом занималась спортом, выступала в соревнованиях. Такими же интересами жили и студенты вузов Чувашии – Чувашского государственного педагогического института имени И.Я. Яковлева (ЧГПИ), Чувашского сельскохозяйственного института (ЧСХИ) и Волжского филиала Московского энергетического института (ВФ МЭИ). Их наставниками были интереснейшие и образованнейшие люди республики того времени. Первые специалисты были приезжими. Они заканчивали физкультурные вузы в Москве, в Ленинграде и направлялись в Чувашию для развития физической культуры и спорта.

Так, после окончания института физической культуры имени П.Ф. Лесгафта в Ленинграде приехал в Чувашию Е.И. Гордеев, который возглавил кафедру гражданской обороны и военной подготовки в ЧГПИ [3. С. 92]. Позже в ЧГПИ образовалась кафедра физического воспитания и спорта, которой руководил В.Ф. Филиппов. Преподавателями этой кафедры были Е.И. Гордеев и А.С. Иванов, выпускник Ленинградского института физкультуры, уроженец Чувашии. А.С. Иванов вначале работал в спортивном комитете республики, затем – в ЧГПИ, позже – ЧСХИ.

Первым в Чувашии специалистом с высшим физкультурным образованием стал Виктор Федорович Филиппов (1910–1982 гг.), окончивший в 1932 г. Московский институт физической культуры (ГЦИФК). Вначале он был направлен в Чебоксары как стажер, а затем – на работу в физкультурно-спортивное общество (ФСО) «Динамо». Позже работал в спортивном комитете, затем преподавателем физвоспитания в ЧГПИ. Участник Великой Отечественной войны. Был награжден многими медалями и орденами. Являлся первым тренером и организатором в республике таких видов спорта, как фигурное катание на коньках, гимнастика, альпинизм и туризм. Выступал как организатор

массовых спортивных праздников на площадях и стадионах города в дни празднования знаменательных дат страны. Футболист, хоккеист и гимнаст 1930–1940-х гг. [3. С. 32].

В.Ф. Филиппов долгие годы руководил кафедрой физвоспитания педагогического института. В 1958 г., когда образовалось студенческое добровольное спортивное общество «Буревестник», В.Ф. Филиппов стал его первым председателем. Вел он эту работу на общественных началах, оставаясь на должности заведующего кафедрой. Им было много сделано для становления и развития студенческого спортивного общества. В 1970 г. ветерану спорта было присвоено звание «Заслуженный работник культуры Чувашской АССР». Он был награжден значком «Отличник физической культуры и спорта» и занесен в Книгу трудовой славы города.

В 1950-е гг. на кафедре вместе с В.Ф. Филипповым работали Л.В. Панова, Н. Хлобыстова, З.З. Клочкова, И.И. Кирюшкина (Богданова), М.Н. Степанова (Харитоновна). Легкая атлетика на кафедре являлась одной из основных дисциплин. Ведущим преподавателем была Л.В. Панова. Именно она готовила сборную команду пединститута – многократную победительницу в легкоатлетических эстафетах на призы вначале газеты «Красная Чувашия», затем – «Советская Чувашия».

Совсем недавно ушла из жизни Искра Ильинична Кирюшкина, которая долгие годы трудилась преподавателем плавания в ЧГПИ. Она родилась в 1932 г. в Чебоксарах. Занималась лыжным спортом, баскетболом и плаванием. После окончания Минского государственного института физической культуры с 1956 г. работала преподавателем на кафедре физвоспитания ЧГПИ, а с открытием в 1969 г. факультета физического воспитания – на кафедре спортивных дисциплин этого факультета. Обучала студентов теории и практике плавания [3. С. 93].

И.И. Кирюшкина выступала в соревнованиях по плаванию, неоднократно становилась чемпионом Чувашии. Под ее руководством пловцы института в разные годы добивались призовых мест в первенствах и чемпионатах республики. Принимала активное участие в организации и проведении спортивных соревнований в институте и Чувашском областном совете СДСО «Буревестник». Например, ее часто можно было видеть на соревнованиях по легкой атлетике, лыжным гонкам, плаванию как судьей и главного секретаря. Она также многие годы исполняла обязанности секретаря в областном совете студенческого общества. Являлась участником всех конференций Чувашского областного совета СДСО «Буревестник».

Неоднократной чемпионкой Чувашии по спортивной гимнастике становилась Маргарита Николаевна Степанова, окончившая Ленинградский институт физической культуры имени П.Ф. Лесгафта. Она с 1953 г. по 1984 г. трудилась старшим преподавателем в пединституте, тренером по гимнастике в ДЮСШ [3. С. 94]. Когда в 1974 г. Верховный Совет республики утвердил почетное звание «Заслуженный работник физической культуры и спорта Чувашской АССР», в числе первых получила это звание преподаватель физвоспитания ЧГПИ, председатель республиканской федерации гимнастики М.Н. Харитоновна (Степанова).

С приходом на кафедру физвоспитания Д.И. Мирошниченко в значительной степени повысился интерес к игровым видам спорта, особенно к баскетболу. Дмитрий Иванович Мирошниченко родился в 1922 г. в Луганской области. С 1930 г. учился в Чебоксарах. Окончил школу тренеров в Киеве в 1954 г., а в 1959 г. – Московский институт физической культуры (заочно). Участник Великой Отечественной войны. Имеет награды. 37 лет трудился в сфере фи-

зической культуры и спорта. Вначале – инспектор республиканского комитета по физической культуре и спорту, затем – инструктор на электроаппаратном заводе. С 1952 по 1956 г. являлся заведующим учебно-спортивным отделом ДСО «Искра». С 1957 г. работал преподавателем кафедры физвоспитания ЧГПИ. Много сделал для развития баскетбола в институте и республике. Женская сборная команда пединститута по баскетболу становилась многократной чемпионкой республики в споре сначала с баскетболистками «Динамо», а затем – с командой спортивного общества «Труд». Особенно удачно выступала команда под руководством тренера Д.И. Мирошниченко в конце 1950-х начале 1960-х годов.

Д.И. Мирошниченко большое внимание уделял строительству спортивных площадок. Во многом благодаря энергии и настойчивости Д. Мирошниченко были построены баскетбольные площадки на стадионе «Энергия» – с деревянным настилом, металлическими стойками (щитами). Он и другой любитель баскетбола – В.И. Греков воспитали много талантливых спортсменов, таких как И. Дмитриева, В. Яковлева, А. Семенов, В. Забродин, А. Макаров, А. Шелобанов, В. Соколов и многих других известных в Чувашии баскетболистов [3. С. 94]. Также Д.И. Мирошниченко на общественных началах тренировал юных баскетболистов из разных школ города.

С 1965 г. по 1969 г. Д.И. Мирошниченко руководил студенческим спортивным обществом «Буревестник». Когда был открыт факультет физического воспитания в ЧГПИ, стал трудиться на кафедре спортивных дисциплин. Долгие годы являлся председателем федерации баскетбола республики.

Физическая культура и спорт получили развитие и в другом высшем учебном заведении – ЧСХИ. Здесь в разные годы учились такие известные спортсмены, как чемпион и рекордсмен республики по толканию ядра, второй призер летней спартакиады профсоюзов РСФСР 1958 г. Г. Мирошин, бегуны В. Чернышев и Р. Давлетшин, борец В. Белов, боксеры В. Львов и В. Лаптев, чемпион по поднятию гири Б. Глинкин и другие. В институте работали такие умелые организаторы физической культуры и спорта, как А.С. Иванов, Р.П. Сретенский, И.И. Шмельков, К.С. Назаров.

Уроженец г. Чебоксары Ростислав Павлович Сретенский окончил в 1947 г. военный факультет Центрального института физкультуры и до 1953 г. служил в Приволжском военном округе преподавателем физической подготовки. Он являлся неоднократным победителем республиканских соревнований по гимнастике и прыжкам в высоту. С 1953 г. по 1957 г. входил в состав сборной команды Чувашии по волейболу. В течение 25 лет работал старшим преподавателем, заведующим кафедрой физвоспитания в сельскохозяйственном институте. В 1982 г. вышел на пенсию [3. С. 95].

Одним из первых исследователей в области физической культуры и спорта в республике стал Иван Иванович Шмельков. Он родился в 1922 г. в Ядрине, там же окончил школу и педучилище по отделению физического воспитания. С 1941 г. по 1945 г. сражался на фронтах Великой Отечественной войны. После возвращения с фронта работал в Ядринском педучилище. Когда училище закрыли, переехал в Чебоксары и с 1956 г. по 1970 г. трудился на кафедре физвоспитания Чувашского сельхозинститута. Заочно окончил Ленинградский институт физкультуры. С 1970 г. работал доцентом и заведующим кафедрой теории и методики физического воспитания ЧГПИ. Кандидат педагогических наук И.И. Шмельков в молодости занимался многими видами спорта: легкой атлетикой, баскетболом, волейболом, гимнастикой. С 1948 г. по 1956 г. являлся рекордсменом и чемпионом республики по метанию копья [3. С. 96].

Как уже отмечалось, многие преподаватели тренировались и сами выступали в соревнованиях по разным видам спорта. Так, чемпионом Чувашии по лыжным гонкам неоднократно становился Казимир Сергеевич Назаров, начавший трудовую деятельность в ЧСХИ в 1953 г. после окончания Центрального института физической культуры. Позже он тренировал студентов. Его ученики не раз отличались на лыжне республики в 1960-е гг. К.С. Назаров принимал активное участие в организации и проведении соревнований по лыжным гонкам, эстафетам и зимним многоборьям в сельскохозяйственном институте и областном совете. Судил городские и республиканские соревнования. Стал судьей Всесоюзной категории. Долгие годы руководил федерацией лыжного спорта республики. С открытием в ЧГПИ факультета физического воспитания стал трудиться на кафедре спортивных дисциплин. Передавал свой богатый опыт студентам, будущим учителям физического воспитания, тренировал лыжников и биатлонистов [4. С. 9].

На третьей конференции областного совета в 1962 г. была отмечена хорошая работа общественных физкультурных кадров из числа студентов и преподавателей вузов [2. Д. 12. Л. 17]. Не имея штатных работников, областной совет студенческого общества полностью опирался на общественный актив. Работу студентов-активистов направляли преподаватели кафедр физвоспитания институтов. В 1962 г. в ЧГПИ работали 6 преподавателей физического воспитания с высшим физкультурным образованием [2. Д. 17. Л. 3]. Это – заведующий кафедрой физвоспитания, он же председатель областного совета СДСО «Буревестник», В.Ф. Филиппов, преподаватели Д.И. Мирошниченко, И.И. Кирюшкина, Л.В. Панова, М.Н. Степанова. В ЧСХИ трудились 4 преподавателя с высшим физкультурным образованием [2. Д. 17. Л. 2]. Это были И.И. Шмельков (заведующий кафедрой физвоспитания в 1960–1962 гг.), преподаватели Р.П. Сретенский, К.С. Назаров, А.С. Иванов.

В новом вузе Чувашии – ВФ МЭИ – активную спортивно-массовую работу вела первый преподаватель по физическому воспитанию Л.А. Щедрина. Она приехала в Чебоксары в 1962 г. после окончания ГЦОЛИФК. Лидия Афанасьевна проводила учебные занятия, организовывала соревнования в вузе, готовила сборные команды по разным видам спорта для участия в первенствах Чувашского областного совета «Буревестник», города и республики. Она же стала первой заведующей кафедрой физического воспитания и спорта филиала.

Преподаватели физической культуры проводили огромную работу по развитию физической культуры и спорта в республике. Кроме учебных занятий они на общественных началах вели спортивные секции, организовывали учебно-тренировочные сборы и семинары по подготовке общественных физкультурных кадров, проводили соревнования в вузах, областном совете и республике. Они же организовывали строительство зимних и летних спортивных площадок при институтах и в спортивно-оздоровительных лагерях, вели учебно-тренировочные занятия с детскими группами. Так, преподаватель и тренер по баскетболу Д.И. Мирошниченко тренировал студентов пединститута. Кроме того, работал с детскими группами. С 1959 г. он вел учебно-тренировочные занятия с группой девочек из средних школ № 9 и 12 г. Чебоксары. В юношеском первенстве республики 1962 г. эти девочки заняли третье место. Преподаватель пединститута Л.В. Панова с 1960 г. проводила тренировки с легкоатлетами средней школы № 12. Преподаватель этого же вуза М.Н. Степанова тренировала группу юных гимнастов из учащихся средней школы № 6. Были также организованы детские группы по бегу на коньках и плаванию [2. Д. 12. Л. 16].

Преподаватели многое делали и в области пропаганды физкультуры и спорта, здорового образа жизни. Например, преподавателями ЧСХИ в 1962–

1963 г. были прочитаны лекции населению на физкультурную тематику: «Физкультура и спорт в СССР», «Новые программы по физическому воспитанию в вузах», «Студенту о гигиене физкультурника» (А.С. Иванов), «Советские легкоатлеты на Олимпийских играх» (И.И. Шмельков), «Лыжный спорт в СССР» (К.С. Назаров), «Спортивные игры в системе физического воспитания» (Р.П. Сретенский) [2. Д. 20. Л. 33].

Преподаватели вузов являлись постоянными участниками проводившихся через каждые два года конференций областного совета общества «Буревестник». Они принимали участие и в работе пленумов. Так, на пленуме, состоявшемся 26 ноября 1963 г., от ЧГПИ присутствовали В.Ф. Филиппов, Л.В. Панова, Д.И. Мирошниченко, А.Г. Улангин, М.Н. Степанова, В.В. Данилов, Н. Рукавишникова, от ЧСХИ – К.С. Назаров, А.С. Иванов, Р.П. Сретенский, Т.Я. Овчаренко, Н. Яшмолкин, от Волжского филиала МЭИ – Л.А. Щедрина, О.А. Маркиянов, Г.Ф. Степанов [2. Д. 20. Л. 35].

В 1963 г. в трех вузах республики работали 14 преподавателей физического воспитания с высшим образованием. Орест Александрович Маркиянов, уроженец Ибресинского района ЧАССР, окончил факультет физического воспитания Казанского государственного педагогического института. Вернувшись в Чебоксары, работал учителем физической культуры в средней школе № 23, в 1962 г. – тренером в спортивной школе молодежи Чебоксар. В 1963 г. он начал работать на кафедре физвоспитания ВФ МЭИ. Мастер спорта по вольной борьбе О.А. Маркиянов преподавал, тренировал, являлся председателем спортклуба филиала. В 1972–1975 гг. учился в очной аспирантуре ВНИИФК. В 1977 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Экспериментальные исследования соревновательной деятельности юных борцов 11-13 лет». В 1978 г. О.А. Маркиянов стал заведующим кафедрой физвоспитания и спорта университета. В 1995 г. ему было присвоено звание «Заслуженный работник физической культуры ЧАССР». В 1997 г. в том же ВНИИФК он успешно защитил докторскую диссертацию на тему: «Соревновательный метод совершенствования технического мастерства юных борцов». Под руководством профессора О.А. Маркиянова защитили диссертации на соискание степени кандидата наук преподаватели В.Н. Краснов, Г.Ф. Киселев, В.В. Кожанов, А.И. Орлов и др. [1. С. 11].

При Чувашском совете СДСО «Буревестник» постепенно создавался постоянный актив из преподавателей и студентов вузов по различным видам спорта [2. Д. 28. Л. 14]. Активными организаторами спортивных мероприятий по лыжам стали К.С. Назаров (ЧСХИ), И.И. Кирюшкина (ЧГПИ), А.А. Стеценко (ВФ МЭИ), по тяжелой атлетике – В.В. Данилов (ЧГПИ), А. Суркин (ЧСХИ), В. Власов (ВФ МЭИ), по настольному теннису – Н. Рукавишникова и М. Степанова (ЧГПИ), В. Свешников и С. Баканов (ВФ МЭИ), по туризму – В. Кутузов (ЧГПИ), А. Емельянов (ВФ МЭИ), по баскетболу – Д.И. Мирошниченко (ЧГПИ), Ю. Семенов (ВФ МЭИ), по волейболу – В.Я. Гладких и В. Буторов (ЧГПИ), Р.П. Сретенский (ЧСХИ), В. Матижев (ВФ МЭИ), по классической борьбе – О.А. Маркиянов (ВФ МЭИ), В. Ефремов (ВФ МЭИ), А. Петров (ЧСХИ), по велоспорту – Г.Г. Илларионов (ЧГПИ), по легкой атлетике – А.Г. Улангин, Н. Филинов, В. Никифоров (ЧГПИ), Л.А. Щедрина (ВФ МЭИ), по плаванию – И.И. Кирюшкина (ЧГПИ), по шахматам – А. Белков (ЧСХИ), по гимнастике М.Н. Степанова (ЧГПИ).

Таким образом, заслуга преподавателей по физическому воспитанию вузов республики в зарождении студенческого спорта и становлении спортивного общества «Буревестник» огромна. Они неумолимо развивали в республике

многие виды спорта, проводили огромную работу по физическому воспитанию студенческой молодежи. Многие из них являлись лучшими спортсменами своего времени и передавали свой опыт ученикам. Из рядов «Буревестника» вышли многие известные спортсмены – лыжники, легкоатлеты, конькобежцы, баскетболисты, волейболисты, велосипедисты.

Литература

1. Герасимов Н.Г., Степанов И.С. Наши мастера спорта. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. 78 с.
2. Государственный архив современной истории Чувашской Республики. Ф. 2773/2325. Оп. 1.
3. Никишев К.Н., Никишев В.К. Начало: воспоминания о годах становления и развития физической культуры и спорта в Чувашии (спортсмены, организаторы, события и результаты). Чебоксары: [Б.и.], 1997. 176 с.
4. Плотников Ю. Лыжня – для всех: события и факты, люди в истории лыжных гонок в Чувашии. Цивильск: Цивильский изд. дом, 2003. 32 с.

СОРОКИНА ОЛЬГА ГЕОРГИЕВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры физической культуры и спорта, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (663893@mail.ru).

O. SOROKINA

THE ROLE OF UNIVERSITY TEACHERS IN THE DEVELOPMENT OF UNIVERSITY SPORTS IN THE CHUVASH REPUBLIC

Key words: *physical culture, institutions, teachers of physical education, students sports, sports society «Burevestnik».*

The purpose of this article is to study the role of physical education teachers of leading universities of the Chuvash Republic in the development of students' sports and the sports society «Burevestnik» in the 1950–1960-ies. The study is based on the principle of historicism, method of system analysis, comparative-historical and chronological methods. Estimation of basic directions of University professors' activity, difficulties of movement genesis is given. Basing on analysis of archival and published materials the author comes to the conclusion that physical education teachers of universities were the originators of students' sports in the Republic. Analysis and evaluation of their work will contribute to revitalization of students' sports organisation at current stage, to studying student sports history, to creation of sports fame museums at universities.

References

1. Gerasimov N.G., Stepanov I.S. *Nashi mastera sporta* [Our master of sports]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1965, 78 p.
2. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. F. 2773/2325. Op. 1* [State Archives of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archive 2773/2325. Anagraph 1].
3. Nikishev K.N., Nikishev V.K. *Nachalo: vospominaniya o godakh stanovleniya i razvitiya fizicheskoi kul'tury i sporta v Chuvashii (sportsmeny, organizatory, sobytiya i rezul'taty)* [Start: memories of the years of formation and development of physical culture and sports in the Chuvash Republic (athletes, organisers, events and results)]. Cheboksary, 1997, 176 p.
4. Plotnikov Yu. *Lyzhnyya – dlya vsekh: sobytiya i fakty, lyudi v istorii lyzhnykh gonok v Chuvashii* [Trails – for all: events and facts, people in the history of ski racing in Chuvash Republic]. Tsvil'sk, Tsvil'sk Publishing House, 2003, 32 p.

SOROKINA OLGA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Physical Culture and Sports, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (663893@mail.ru).

Ссылка на статью: Сорокина О.Г. Роль преподавателей вузов в становлении студенческого спорта в Чувашской Республике // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 4. – С. 140–145.

УДК 314.8:39(=512.111)(47+57) "1926/2010"
ББК Т589(=635.1)

З.А. ТРИФОНОВА, О.А. ЛОБАСТОВА,
М.М. РОСТОВЦЕВА, О.Н. ВИКТОРОВ

ДИНАМИКА РАССЕЛЕНИЯ ЧУВАШЕЙ В РОССИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВАХ С 1926 ГОДА ПО 2010 ГОД*

Ключевые слова: этническая группа, расселение, динамика, статистический анализ, половозрастная структура, прирост населения.

В статье впервые рассматривается изменение численности чувашей, проживающих в регионах России и союзных республиках бывшего СССР в период с 1926 г. по 2010 г. Цель исследования – анализ динамики и характера расселения чувашей в России и некоторых странах ближнего зарубежья с 1926 г. по 2010 г. В связи с приближением юбилейной даты основания Чебоксар и создания Чувашской автономии становится актуальным вопрос изучения этногеографии чувашей. Предложенный авторами коэффициент концентрации этноса был рассчитан для всех регионов России и некоторых республик бывшего СССР. На основании его изменения в 1926 г. и 2010 г. выявлено два типа регионов: с убывающим и увеличивающимся уровнями концентрации чувашей. Впервые дана уточненная численность чувашей, проживающих на постсоветском пространстве.

Вот уже более 25 лет как исчезло с карты самое крупное государство мира – СССР. На его месте возникли 15 суверенных государств, сохранивших между собой в большей или меньшей степени экономические, социальные, культурные и политические взаимоотношения и связи. Одним из культурных аспектов подобных взаимоотношений являются многочисленные этнические диаспоры, возникшие в разных уголках СССР, а после его распада сохранившие тесные связи с территориями локального проживания этносов.

Обращение к тематике расселения чувашей обусловлено рядом нерешенных исследовательских задач. Во-первых, отсутствием единой информационной базы о численности чувашского этноса, демографическими и социальными характеристиками проживающих в России и в странах ближнего зарубежья чувашей. После распада СССР сравнительно точной оценки численности чувашей не проводилось. В 1989 г. в СССР насчитывалось 1843,2 тыс. чувашей. Известно, что чувашаи по численности занимают 225-е место в мире, а в Чувашской Республике проживает лишь 42% всего этноса. Во-вторых, отсутствием современных сравнительных исследований характера и динамики расселения чувашей на территории бывшего СССР. Еще не проводился сравнительный анализ изменений демографической и социальной структуры чувашей, проживающих в регионах России. А в силу затруднительного доступа к статистическим данным переписей населения, проводимых в странах ближнего зарубежья, нет возможности провести сравнение изменений в расселении чувашей на территории бывшего СССР, произошедших на рубеже XX–XXI вв.

Все вышеперечисленные нерешенные задачи являются актуальными для проведения качественных этногеографических исследований чувашей, которые имеют прикладное значение, связанное не только с деятельностью Чувашского национального конгресса, но и с применением сложившихся практик межкультурного взаимодействия.

Цель исследования – анализ динамики и характера расселения чувашей в России и некоторых странах ближнего зарубежья с 1926 г. по 2010 г.

В настоящее время этнографические работы вышли на качественно новый уровень, связанный с теоретическим осмыслением разнообразия типов

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-03-12023.

межкультурного взаимодействия и причин их формирования. Однако мало примеров исследований, связанных с анализом типичных для определенного народа практик межкультурного взаимодействия. Укажем, что одним из первых, кто начал проводить подобные исследования в Канаде, был Дж. Берри [3, 18]. Позднее им в соавторстве с А.Х. Пуртингом, М.Х. Сигаллом и П.Р. Дасеном была издана фундаментальная работа по кросс-культурной психологии, с примерами применения практик межкультурного взаимодействия в отдельных народах [3, 18]. В России и странах ближнего зарубежья имеются последователи идей Дж. Берри. Так, на материалах Казахстана проводит социодиагностику этносов А.К. Бейсенбаев [2]. Вопросы, связанные с понятием и факторами межэтнического взаимодействия, межкультурной компетентностью и ее ролью в контактах людей разных национальностей, исследуют сибирские психологи и социологи А.Д. Карнышев и соавт. [10].

Отечественная природа подобных исследований, на наш взгляд, сложнее, обусловлена спецификой длительного формирования многослойного этнокультурного ландшафта России. В связи с этим довольно мало работ по выявлению механизмов и типов этнокультурного взаимодействия в регионах России. В то же время имеется немало этнографических работ, выполненных с применением методик качественного анализа структурных изменений крупных народов (татар, башкир, бурят, коми, народов Северного Кавказа). Отметим работы Ю.В. Арутюняна, Л.М. Дробижевой, В.А. Тишкова, Д.М. Исакова и др. [1, 7, 8, 14]. Одним из авторитетных центров подобных исследований стала Казань. В Татарстане на материалах многолетних полевых обследований ведут мониторинг межэтнического взаимодействия [17].

Проблема в том, что социологическая база этнографических данных имеется лишь по нескольким этносам. В условиях многонациональной России, по видимому, сложно получить единую информацию по всем этносам, опираясь на материалы социологических обследований. Отчасти решить эту задачу позволяют результаты переписей населения, потенциал которых еще не до конца использован этнографами и этногеографами. Ведь перепись населения позволяет получить результат по всей стране, а не по ареалу, в пределах которого проводился опрос.

Опыт применения подобных практик сложился в американской этногеографии – школа профессора В. Зелински [20]. Под его руководством во второй половине XX в. был создан уникальный «Атлас североамериканского общества и его культурного многообразия». Аналогичный атлас «Культура Германии», посвященный культуре немецкого общества, в начале 2000-х гг. был выпущен под редакцией профессора П. Мойсбургера [19]. В России работ обобщающего характера о культуре различных народов России пока нет. Но в СССР проводились комплексные этногеографические исследования белорусов, прибалтийских народов. Заслуживает внимания работа по этнической картографии в России в XVII–XIX вв., проведенная А.В. Псянчиным [13], а также этнографические исследования, проводимые в регионах исследовательскими группами.

Многолетние этнографические исследования чувашского этноса проводят специалисты Чувашского государственного института гуманитарных наук. Этногеографический анализ особенностей расселения чувашей сделал В.П. Иванов. Он обобщил результаты предыдущих исследований и дал сравнительную оценку численности чувашей, проживающих в различных регионах России, опираясь на данные переписей населения 1989 и 2002 гг. [6]. На наш взгляд, при всей фундаментальности этой работы, выполненной в русле примордиализма, в ней слабо представлен анализ изменений, связанных с демографической структурой и характером расселения чувашей, произошедших в XX и XXI вв.

Возможно, это связано с тем, что автор не учел широких возможностей анализа статистических данных переписей населения. Следует отметить работу В.В. Николаева, в который представлен картографический материал, отражающий историю расселения чувашей с древних времен [12].

В работе мы опирались на данные переписей населения 1926, 1989 и 2010 гг. Обращение к трем переписям позволяет провести анализ динамики полового состава чувашей, проживающих в регионах России и некоторых странах ближнего зарубежья. Заметим, что сравнение затруднено несовпадением административных границ территорий страны первой (1926 г.) и последующих переписей. Тем не менее методика экстраполяции позволяет выявить основные закономерности.

Для анализа были использованы как абсолютные значения (численность чувашей, численность мужчин и женщин чувашской национальности, численность городских и сельских жителей чувашской национальности), так и относительные показатели. Так, для выявления уровня концентрации чувашей в отдельных регионах страны рассчитывался коэффициент этнической концентрации (K) по формуле:

$$K = N_i / N \cdot 100,$$

где N_i – численность чувашей в одном из регионов страны; N – общая численность чувашей.

Результаты расчета коэффициента этнической концентрации на 1926, 1989 и 2010 гг. были сведены в табл. 1.

Таблица 1

**Уровень концентрации чувашей
в отдельных регионах РСФСР и союзных республиках СССР**

Отдельные регионы РСФСР и союзные республики СССР	Годы		
	1926	1989	2010*
РСФСР	99,6	97,3	100%, или 1 435 872 человек
Чувашская АССР	59,5	49,8	56,7
Ульяновская область	4,1	6,4	6,6
Куйбышевская (Самарская) область (губерния в 1926 г.)	9,5	6,5	5,9
Татарская АССР	11,4	7,4	8,1
Башкирская АССР	7,8	6,5	7,5
Тюменская область		1,7	1,8
Красноярский край	4,3	1,5	0,8
Кемеровская область		1,3	0,5
Оренбургская область (губерния 1926 г.)	0,3	1,2	0,9
Саратовская область (губерния в 1926 г.)	1,5	1,1	0,9
Москва		1	1
Казахская ССР (АССР в 1926 г.)	0,2	1,2%, или 22 305 человек	7301** человек
Белорусская ССР	0,1	0,2%, или 3 323 человек	...

Примечание. Рассчитано авторами по [4, 11]; * – пересчитано только для России, т.е. доля чувашей в РФ соответствует 100%; ** – рассчитано авторами по всем регионам Казахстана [9].

Отметим, что по уровню концентрации этносов, исторически проживающих на территории России, чувашаи показали сравнительно невысокую величину концентрации этноса в Чувашской АССР как в 1926 г., так и позднее. Самые низкие уровни концентрации титульного этноса имеют татары и евреи (в Еврейской автономной области), а самые высокие – даргинцы, балкарцы, лакцы,

якуты, тувинцы. Ранее мы проводили сравнительную оценку уровня концентрации титульных народов российских республик [15]. Сравнительно низкой концентрации чувашей в Чувашской АССР способствовала история расселения этноса на обширной территории Урало-Поволжья, а также сложившиеся еще до революции 1917 г. локальные поселения чувашей в Сибири. Именно поэтому к 1926 г. лишь чуть более половины численности чувашей проживало в Чувашской АССР (табл. 1). Почти треть чувашей проживала в соседних регионах Урало-Поволжья (в Татарской и Башкирской АССР, а также в Самарской губернии, Ульяновской области, Саратовской и Оренбургской губерниях). В Сибирском крае, объединившем все территории Восточной и часть территорий Западной Сибири, в 1926 г. проживало 4,3% чувашей. К 1926 г. отмечался довольно высокий уровень концентрации чувашей в России, лишь 0,4% этноса проживало за ее пределами, в основном в Казахстане и Белоруссии. В советский период произошло некоторое снижение уровня концентрации чувашей в республике как за счет регионов России, так за счет некоторых союзных республик, куда активно мигрировало чувашское население.

Сравнительный анализ динамики уровня концентрации чувашей в отдельных регионах России и союзных республиках СССР за 1926–1989 гг. позволил выявить два разных по величине процесса. С одной стороны, мы наблюдаем снижение величины концентрации чувашей в российских республиках (Чувашии, Башкирии, Татарии) и некоторых областях и губерниях Поволжья. С другой стороны, к 1989 г. отмечалось увеличение концентрации чувашей в союзных республиках СССР, а также в областях и краях Центральной России, Европейского Севера и Сибири (табл. 1). Объяснить эти различия можно, зная демографические показатели рождаемости, смертности и миграций чувашей в каждом регионе. К сожалению, мы не располагаем такими статистическими данными. Однако мы имеем данные о численности мужчин и женщин чувашской национальности в каждом регионе России и в республиках СССР в 1926 г. Сравнение численности мужчин и женщин чувашской национальности во всех регионах позволило выделить два типа регионов. В большинстве регионов России и республик СССР наблюдалось явное превосходство мужчин чувашской национальности. И лишь в регионах Урало-Поволжья и в отдельных областях Сибирского края в соотношении мужчин и женщин наблюдалось небольшое преимущество женщин чувашской национальности (табл. 2).

Сопоставив данные обеих таблиц, мы увидим хорошую корреляцию между величинами концентрации этноса и соотношением мужчин и женщин чувашской национальности в регионах Урало-Поволжья и некоторых регионах Сибири. Иными словами в регионах, показавших снижение уровня этнической концентрации чувашей (Чувашия, Татария, Башкирия, Куйбышевская губерния и др.), в 1926 г. наблюдалось сравнительно равное соотношение мужчин и женщин чувашской национальности. И наоборот, регионы, показавшие увеличение уровня концентрации чувашей с 1926 г. по 1989 г., в 1926 г. имели повышенный удельный вес мужчин чувашской национальности (табл. 1 и 2).

Кстати, уточняя тип сельско-городского расселения, мы обнаружили явное доминирование городских чувашей в регионах с повышенной долей мужчин чувашской национальности (табл. 2, Уральская область, Ленинградская губерния, Московская губерния, Белорусская ССР). Факт, который связан с учетом хозяйственной специализации вышеуказанных регионов. Все вышеперечисленные регионы отличались в 1926 г. высоким уровнем индустриализации, которая привела к резкому увеличению городских жителей. Не стали исключением и мигранты-чуваше, массово приезжавшие в эти регионы на индустриальные стройки, среди которых в основном преобладали мужчины.

Таблица 2

Половая и сельско-городская структура чувашей в 1926 г., человек*

Отдельные регионы РСФСР и союзные республики СССР	Мужчины	Женщины	Город	Село
РСФСР	536 538	578 275	15 941	1 098 872
Чувашская АССР	318 950	348 745	4 972	662 723
Ульяновская область	22 029	23 445	805	44 669
Куйбышевская (Самарская) область (губерния в 1926 г.)	51 433	55 424	69	17 084
Татарская АССР	60 370	66 960	1 507	125 823
Башкирская АССР	40 307	44 579	911	83 975
Сибирский край	24 413	23 598	1 778	46 233
Уральская область	4 143	1 089	3 663	1 571
Ленинградская губерния	1 656	70	1 712	14
Нижегородская губерния	719	457	396	780
Владимирская губерния	213	68	136	145
Саратовская область (губерния в 1926 г.)	8 350	8 803	69	17 084
Московская губерния	997	342	1 043	296
Казахская ССР (АССР в 1926 г.)	1 194	1 082	152	2 124
Белорусская ССР	718	21	695	44
Всего проживало в СССР	538 925	578 494	17 847	10 999 572

Примечание. * Рассчитано авторами по [4].

Возвращаясь к табл. 1, обратим внимание на постсоветский период. В настоящее время считается, что в мире проживает около 1,5 млн чувашей [16]. Из них 1 435 872 человек проживает в Чувашии, согласно переписи 2010 г. Перед распадом СССР Казахстан был республикой с наиболее многочисленным составом чувашей (табл. 1). По данным Казахстанского госкомитета по статистике, в Казахстане в 2009 г. проживал всего 7301 чуваш. По сравнению с 1989 г. произошло резкое снижение численности чувашей – почти в 3 раза. Из 16 регионов Казахстана численностью чувашей выделяются Карагандинская и Костанайская области.

Второй республикой бывшего СССР, имеющей значительное количество чувашей, была Белорусская ССР. К сожалению, открытого доступа к данным переписи населения 2009 г. мы не имеем. Даже при условии, что численность чувашей и в этой республике осталась на уровне 1989 г., т.е. около 3 тыс. человек, суммарно на эти две республики приходится не более 10 тыс. чувашей. Таким образом, цифра в 1,5 млн чувашей немного завышена, по всей видимости, на постсоветском пространстве проживает около 1,4 млн чувашей.

Таким образом, сравнительный территориальный анализ расселения чувашей с 1926 г. по 2010 г. позволил выявить следующие закономерности.

1. Обнаружилось два типа регионов, имеющие противоположные тренды в концентрации чувашей в период с 1926 г. по 1989 г. В регионах Урало-Поволжья, включая Чувашию, и ряде регионов Сибири наблюдалось снижение уровня концентрации чувашей. Анализ полового состава и сельско-городского состава чувашей этих регионов на 1926 г. показал, что в них соотношение мужчин и женщин примерно равно, сельское население несколько выше или равно городскому. Второй тип – это регионы Центральной России, нового освоения Европейского Севера, Сибири и дальнего Востока, а также союзные республики. В 1926 г. в них наблюдалось преобладание среди чувашей мужчин, а также явное доминирование городских жителей чувашской национальности.

2. В постсоветское время обнаружилась картина «сжимания» территории расселения чувашей. Речь идет о существенном сокращении численности чувашей в союзных республиках, а также в северных и дальневосточных регионах России.

Литература

1. Арутюнян Ю.В., Дробижеева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М.: Аспект-Пресс, 1998. 271 с.
2. Бейсенбаев А.К. Социодиагностика межэтнического и межкультурного взаимодействия (на примере Казахстана) // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2011. № 1. С. 57–60.
3. Берри Дж., Пуртинга А.Х., Сигалл М.Х., Дасен П.Р. Кросс-культурная психология. Исследования и применение. Харьков: Гуманитарный центр, 2007. 522 с.
4. Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928–1929.
5. Дробижеева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации. М.: Мысль, 1996. 317 с.
6. Иванов В.П. Этническая география чувашского народа: динамика численности и региональные особенности расселения. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005. 380 с.
7. Исламов Ф.Ф. Роль Казани и Елабуги в развитии культуры, просвещения братских народов Поволжья и Приуралья // Аргмак. 1998. № 9-10. С. 158–164.
8. Исхаков Д.М. Проблемы становления и трансформации татарской нации. Казань: Мастер лайн, 1997. 143 с.
9. Итоги национальной переписи населения 2009 года по регионам // Министерство национальной экономики Республики Казахстан. Комитет по статистике: сайт. URL: http://www.stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/p_perepisReg?_afLoop=6444260416720899#%40%3F_afLoop%3D6444260416720899%26_adf.ctrl-state%3Dpjn7sqgzv_63.
10. Межкультурная компетентность в реалиях жизни азиатских народов / А.Д. Карнышев, Т.А. Терехова, Е.Л. Трофимова и др. Иркутск: Репроцентр А1, 2013, 502 с.
11. Национальный состав населения СССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). М.: Финансы и статистика, 1991. 118 с.
12. Николаев В.В. История чувашей. Древняя эпоха. Атлас. Чебоксары: Фонд историко-культурологических исследований им. К.В. Иванова. 2007. 80 с.
13. Псянчин А.В. Очерки истории этнической картографии в России XVIII–XIX вв. М.: ЦИМО, 2004. 196 с.
14. Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. 649 с.
15. Трифонова З.А. Расселение этнических групп в России (1926–2002) // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2008. № 2. С. 62–67.
16. Чуваша // Википедия: сайт. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A7%D1%83%D0%B2%D0%B0%D1%88%D0%B8>.
17. Этносоциология в Татарстане: опыт полевых исследований: сб. ст. к юбилею Л.М. Дробижеевой / под ред. Р.Н. Мусиной, Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, Л.В. Сагитовой. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. 316 с.
18. Berry J.W., Annis R.C. Acculturative stress: The role of ecology, culture and differentiation. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 1974, vol. 5, pp. 328–406.
19. Mayr A. von, Nutz M. Nationalatlas Bundesrepublik Deutschland. Bildung und Kultur. Heidelberg-Berlin, Spektrum, 2001, 182 p.
20. Rooney J.F., Louder D., Vitek J.D. This Remarkable Continent: An Atlas of North American Society and Cultures. College Station, Texas A&M University Press, 1982.

ТРИФОНОВА ЗОЯ АЛЕКСЕЕВНА – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (zoayatrifonova@mail.ru).

ЛОБАСТОВА ОЛЬГА АЛЕКСЕЕВНА – старший преподаватель кафедры вычислительной техники, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (helga781@mail.ru).

РОСТОВЦЕВА МАРИЯ МИХАЙЛОВНА – старший преподаватель кафедры экономической и социальной географии, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (mariyatrifonova@list.ru).

ВИКТОРОВ ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ – кандидат экономических наук, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (viktorovon@mail.ru).

Z. TRIFONOVA, O. LOBASTOVA, M. ROSTOVTSEVA, O. VIKTOROV
 THE DYNAMICS OF THE CHUVASHS MIGRATION
 IN RUSSIA AND NEIGHBORING STATES BETWEEN 1926 AND 2010

Key words: ethnic group, migration, dynamics, statistical analysis, gender and age structure, population growth

This article is the first to explain changes in the number of the Chuvashs residing in Russia's regions and union republics of the former USSR in the period from 1926 to 2010. The purpose of research is analysis of the dynamics and the nature of the Chuvashs distribution in Russia and some CIS countries from 1926 to 2010. In connection with the approach of the anniversary of Cheboksary foundation and Chuvash autonomy creation the question of studying the Chuvashs' ethnogeography becomes relevant. The authors offered to use an ethnic concentration ratio which was calculated for all regions of Russia and some republics of the former USSR. On the basis of its change in the period between 1926 and 2010 two types of regions were revealed: those with decreasing and the ones with increasing levels of the Chuvashs concentration. For the first time a revised number of the Chuvashs living within the former Soviet Union is given.

References

1. Arutyunyan Yu.V., Drobizheva L.M., Susokolov A.A. *Ehtnosotsiologiya* [Ethnosociology]. Moscow, Aspekt-Press Publ., 1998, 271 p.
2. Beisenbaev A.K. *Sotsiodiagnostika mezhehtnicheskogo i mezkul'turnogo vzaimodeistviya (na primere Kazakhstana)* [Sotsiodiagnostika interethnic and intercultural communication (for example, Kazakhstan)]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika* [Proceedings of the higher educational institutions. Sociology. Economy. Policy], 2011, no. 1, pp. 57–60.
3. Berri Dzh., Purtinga A.Kh., Sigall M.Kh., Dasen P.R. *Kross-kul'turnaya psikhologiya. Issledovaniya i primeneniye* [Cross-cultural psychology. Research and Application]. Khar'kov, 2007, 522 p.
4. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda* [The census of 1926], Moscow, 1928–1929.
5. Drobizheva L.M., Aklaev A.R., Koroteeva V.V. *Demokratizatsiya i obrazy natsionalizma v Rossiiskoi Federatsii* [Democratization and images of nationalism in the Russian Federation]. Moscow, Mysl' Publ., 1996, 317 p.
6. Ivanov V.P. *Ehtnicheskaya geografiya chuvashskogo naroda: dinamika chislennosti i regional'nye osobennosti rasseleniya* [Ethnic Geography of the Chuvash people: population dynamics and regional features of settlement]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2005, 380 p.
7. Islamov F.F. *Rol' Kazani i Elabugi v razvitii kul'tury, prosveshheniya bratskikh narodov Povolzh'ya i Priural'ya* [The role of Elabuga Kazan in the development of culture, education of the fraternal peoples of the Volga and Ural]. *Argamak*, 1998, no. 9-10, pp. 158–164.
8. Iskhakov D.M. *Problemy stanovleniya i transformatsii tatarskoi natsii* [Problems of formation and transformation of the Tatar nation]. Kazan, Master lain Publ., 1997, 143 p.
9. *Itogi natsional'noi perepisi naseleniya 2009 goda po regionam* [The results of the national census of 2009 by regions]. Available at: http://www.stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/p_perepisReg?_afzLoop=6444260416720899#%40%3F_afzLoop%3D6444260416720899%26_adf.ctrl-state%3Dpj-n7sqgzv_63.
10. Karnyshev A.D., Terekhova T.A., Trofimova E.L. et al. *Mezhkul'turnaya kompetentnost' v realiyakh zhizni aziatskikh narodov* [Intercultural Competence in the realities of life of Asian people]. Irkutsk, 2013, 502 p.
11. *Natsional'nyi sostav naseleniya SSSR (po dannym Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1989 g.)*. [National composition of population of the USSR (Union of the population according to the 1989 census)]. Moscow, Finansy i statistika Publ., 1991, 118 p.
12. Nikolaev V.V. *Istoriya chuvashei. Drevnyaya ehpokha. Atlas* [History Chuvash. The ancient era. Atlas]. Cheboksary, 2007, 80 p.
13. Psyanchin A.V. *Ocherki istorii ehtnicheskoi kartografii v Rossii XVIII–XIX vv.* [Essays on the history of ethnic cartography in Russia XVIII–XIX centuries]. Moscow, TSIMO Publ., 2004, 196 p.
14. Tishkov V.A. *Rossiiskii narod: istoriya i smysl natsional'nogo samosoznaniya* [The Russian people: history and sense of national identity]. Moscow, Nauka Publ., 2013, 649 p.
15. Trifonova Z.A. *Rasselenie ehtnicheskikh grupp v Rossii (1926–2002)* [The settlement of ethnic groups in Russia (1926–2002)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 5. Geografiya* [Bulletin of Moscow University. Ser. 5. Geography], 2008, no. 2, pp. 62–67.
16. *Chuvashi* [Chuvash] Available at: URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A7%D1%83%D0%B2%D0%B0%D1%88%D0%B8>.
17. *Ehtnosotsiologiya v Tatarstane: opyt polevykh issledovaniy: sb. st. k yubileyu L.M. Drobizhevoy* [Ethnosociology in Tatarstan experience in field studies: collected papers]. Kazan, 2013, 316 p.

18. *Berry J.W., Annis R.C.* Acculturative stress: The role of ecology, culture and differentiation. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 1974, vol. 5, pp. 328–406.

19. *Mayr A. von, Nutz M.* Nationalatlas Bundesrepublik Deutschland. Bildung und Kultur. Heidelberg-Berlin, Spektrum, 2001, 182 p.

20. *Rooney J.F., Louder D., Vitek J.D.* This Remarkable Continent: An Atlas of North American Society and Cultures. College Station, Texas A&M University Press, 1982.

TRIFONOVA ZOYA – Candidate of Geographical Sciences, Assistant Professor, Department of Economical and Social Geography, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (zoyatrifonova@mail.ru).

LOBASTOVA OLGA – Senior Lecturer of Computer Science Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (helga781@mail.ru).

ROSTOVCEVA MARIYA – Senior Lecturer, Department of Economical and Social Geography, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (mariyatrifonova@list.ru).

VIKTOROV OLEG – Candidate of Economical Sciences, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (viktorovon@mail.ru).

Ссылка на статью: Трифонова З.А., Лобастова О.А., Ростовцева М.М., Викторов О.Н. Динамика расселения чувашей в России и сопредельных государствах с 1926 года по 2010 год // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 4. – С. 146–153.

УДК 94(470.344)"1917/1934"
ББК ТЗ(2Рос.Чув)612-33

М.Ю. ХАРИТОНОВ, С.Б. ХАРИТОНОВА

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННО-ПАРТИЙНОГО КОНТРОЛЯ В ЧУВАШИИ

Ключевые слова: государственно-партийный контроль, рабоче-крестьянская инспекция, история Чувашии.

В статье проводится анализ процесса становления и функционирования органов государственно-партийного контроля на территории Чувашской Республики в 1917–1934 гг. Основой исследования стал обширный массив ранее не публиковавшихся источников и документов архивов. Особое внимание отводится законодательно-нормативному и организационному оформлению государственно-партийного контроля на территории Чувашской Республики. Освещаются вопросы истории создания уездных отделений государственного контроля, их дальнейшей реорганизации в рабоче-крестьянскую инспекцию. Рассмотрен также вопрос образования областного отдела рабоче-крестьянской инспекции Чувашской автономной области. Показана его роль как единого органа социального контроля, осуществлявшего всестороннее обследование деятельности всех органов государственного управления, хозяйственных и общественных организаций. Проанализирован начальный этап деятельности Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции Чувашской АССР.

Проблема реализации органами власти функций контроля в государстве, особенно деятельность специализированных органов в этой сфере, является очень актуальной для современной политической практики и позволяет решить важнейшие вопросы истории государства и общества в предыдущие годы. Процесс становления и развития государственного контроля в условиях советской действительности заслуживает особого внимания. Историография выбранной темы исследования достаточно обширна, так как она формировалась в течение более чем восьми десятилетий. История органов государственного и партийного контроля в РСФСР и СССР становилась объектом интереса многих исследователей [3, 12, 13, 16, 18, 20–24]. В разработке проблем контроля большое значение имеют также исследования, посвященные деятельности контрольных органов административных образований Среднего Поволжья [1, 2, 14, 15, 17, 19, 20]. Анализ историографии проблемы показывает, что из национальных республик Среднего Поволжья только деятельность контрольных органов Чувашии осталась малоизученной, а между тем исследование данной темы представляет определенный интерес.

Цель данной научной статьи состоит в том, чтобы на основе обширного опубликованного материала источников и ранее не публиковавшихся документов архивов проанализировать процесс становления и функционирования органов государственно-партийного контроля на территории Чувашской Республики в 1917–1934 г. Следует отметить, что эта важнейшая исследовательская задача до настоящего времени остается нерешенной.

В период бурных политических событий октября 1917 г. прежние органы государственного контроля были полностью преобразованы. Многие местные органы стали формироваться как органы рабочего контроля при советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, руководство которыми осуществлял Всероссийский совет рабочего контроля. В его составе по определенным отраслям производства были созданы комиссии специалистов-ревизоров. С начала 1918 г. в соответствии с Декретом СНК «О центральной контрольной коллегии и местных учетно-контрольных коллегиях и комиссиях» от 23 января 1918 г. государственный контроль был возложен на Центральную контрольную коллегию, учётно-контрольные коллегии и контрольные комиссии на местах.

Центральная контрольная коллегия в июле 1918 г. была преобразована в Народный комиссариат государственного контроля РСФСР.

VIII съезд РКП(б), состоявшийся в марте 1919 г., принял постановление о реорганизации государственного контроля. В апреле 1919 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли декрет «О государственном контроле». Стали преобразоваться уездные отделения (отделы) государственного контроля. Постановлением Казанского губисполкома от 6 сентября 1919 г. было образовано Цивильское и Ядринское уездные отделения государственного контроля [7. Д. 1. Л. 48]. При Чебоксарском уездном исполнительном комитете Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 24 июня 1919 г. было также организовано отделение государственного контроля [5. Д. 193. Л. 18].

Декретом ВЦИК от 8 февраля 1920 г. органы государственного контроля как в центре, так и на местах стали преобразоваться в рабоче-крестьянскую инспекцию (далее – РКИ) [25. С. 123–125]. Рабоче-крестьянской инспекции, согласно данному декрету, присваивались все права и обязанности народного комиссариата. На основании Положения о РКИ, утвержденного ВЦИК 7 февраля 1920 г., рабоче-крестьянские инспекции, как и их предшественники, входили в состав исполкомов местных советов на правах их отделов.

С целью выполнения декрета ВЦИК Казанский губисполком издал постановление от 20 февраля 1920 г., на основании которого постановлением Президиума Ядринского уисполкома от 15 марта 1920 г. Ядринское уездное отделение государственного контроля было реорганизовано в Ядринское уездное отделение РКИ; постановлением Президиумом Цивильского уисполкома от 8 марта 1920 г. Цивильское уездное отделение государственного контроля было реорганизовано в Цивильское уездное отделение РКИ [6. Д. 10]; на заседании Чебоксарского уисполкома 8 марта 1920 г. Чебоксарское уездное отделение госконтроля было преобразовано в Чебоксарское уездное отделение РКИ [8. Д. 11. Л. 4]. Уездное отделение РКИ Батыревского уездного исполкома было образовано 22 июня 1921 г. на основании приказа наркома РКИ РСФСР от 21 марта 1921 г. [9. Д. 6. Л. 3]. Отделение РКИ Алатырского уездного исполкома Симбирской губернии было образовано 16 марта 1920 г. из бывшего Алатырского уездного отделения госконтроля [10. Д. 74. Л. 26]. Цивильское, Ядринское и Чебоксарское уездные отделения РКИ находились в подчинении Казанского губернского отделения РКИ, а после образования областного отдела РКИ облисполкома Чувашской автономной области перешли в его непосредственное подчинение.

С образованием Чувашской автономной области постановлением Ревкома Чувашской автономной области от 6 июля 1920 г. на основе Чебоксарского уездного отделения РКИ образован областной отдел рабоче-крестьянской инспекции Чувашской автономной области [4. Д. 29а. Л. 1]. С 7 июля 1920 г. отдел приступил к деятельности в областном масштабе, выполняя в то же время и уездную работу. В августе деятельность областного отдела и уездного отделения была разграничена. С этого времени Чебоксарское уездное отделение РКИ стало функционировать в непосредственном подчинении областного отдела РКИ Чувашской автономной области.

11 ноября 1920 г. на I съезде Советов Чувашской автономной области исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Чувашской автономной области ревком, как временный орган власти, был ликвидирован. Отдел рабоче-крестьянской инспекции стал именоваться отделом рабоче-крестьянской инспекции исполкома Чувашской автономной области. Это был единый в области орган социального контроля, осуществлявший всестороннее обследование деятельности всех органов государственного управления, хозяйства и общественных организаций и контрольно-реви-

зионную работу. Облотдел РКИ в своей деятельности непосредственно подчинялся Наркомату РКИ РСФСР, руководствовался Положением о рабоче-крестьянской инспекции, постановлениями и указаниями НК РКИ РСФСР.

Положение о Наркомате РКИ давало возможность привлечь к делу управления государством широкие массы трудящихся. Членов инспекции избирали на общих собраниях фабрик и заводов, на волостных и сельских собраниях. Уездные отделения выполняли функцию всестороннего контроля над деятельностью всех государственных учреждений, предприятий и общественных организаций, расположенных на территории уезда. На органы РКИ была возложена функция непосредственного фактического контроля над исполнением декретов и постановлений Советской власти во всех областях народного хозяйства и государственного управления, а также проверки деятельности всех учреждений и предприятий и целесообразности расходования государственных средств, что реализовывалось посредством решения таких задач, как: 1) привлечение широких масс трудящихся к осуществлению контроля над всеми органами государственного управления, хозяйства и общественными организациями; 2) борьба с бюрократизмом и волокитой в учреждениях, усиление фактического контроля путем летучих ревизий, обследование всех органов советской власти как в области управления, так и в области хозяйственной, наблюдение за проведением в жизнь постановлений и декретов советской власти [5. Д. 193. Л. 18]. Инспекция имела право привлекать к суду должностных лиц, вносить конкретные предложения об упрощении государственных аппаратов, устранении параллелизма в работе, бесхозяйственности и волокиты.

Члены РКИ разделялись по степени участия: а) постоянные члены (штатные контролеры-инспекторы); б) временные члены, направленные с мест на некий срок (практиканты), в) члены ячеек содействия [10. Д. 137. Л. 309–310]. Последние набирались в целях широкого привлечения рабочих и крестьян на фабриках и заводах, мастерских, при волостных и сельских Советах и организовывались в группы и ячейки содействия РКИ. В круг обязанностей членов ячеек и групп входили функции наблюдения за работой как своего, так и соседнего предприятия, за порядком, охраной здания, складов, элеваторов и сыпных пунктов и содействия членам РКИ при всех ревизионных обследованиях.

Облотдел РКИ был образован на основе Чебоксарского уездного отделения РКИ и на первых порах выполнял работу в областном и уездном масштабе. Были образованы отделения (подотделы): общее отделение (секретариат), организационно-инструкторское, отделение документально-финансовой ревизии, отделение факультетской ревизии, военное отделение, бюро жалоб [5. Д. 17. Л. 13–36]. Планировалось создание промышленно-технической и продовольственно-сельскохозяйственной инспекции. В целом сохранились отрывочные сведения о структуре и штатах облотдела РКИ. В 1921 г. структура отдела РКИ была не очень устойчива, почти ежемесячно проводились реорганизации. Например, из отчета за июнь – ноябрь 1921 г. можно сделать вывод, что существовали следующие подотделы: общий, организационно-инструкторский, бюро жалоб и инспекции: административно-общественная, промышленно-техническая, просвещения и пропаганды, продовольственно-сельскохозяйственная, здравоохранения, труда и социального обеспечения, военная.

В структуре уездных отделений РКИ также не было единообразия. Так, Алатырское уездное отделение РКИ имело следующую структуру: общий отдел, отдел фактического контроля, экономический отдел и военно-административный. Общий отдел подразделялся на 3 подотдела: организационно-инструкторский, подотдел делопроизводства и бюро жалоб. В круг обязанностей организационно-конструкторского подотдела входило: связь с губернской и участковыми инспекциями, инструктирование участковых инспекций, состав-

ление отчетов. Подотдел делопроизводства занимался ведением материального и денежного учета, представлением общего денежного отчета в губинспекцию, перепиской общего характера. Функции отдела фактического контроля заключались главным образом в теоретических и практических занятиях с временными членами-практикантами и членами ячеек содействия РКИ, в учете их практических работ по фактическим ревизиям и обследованиям, в организации и проведении конференции членов ячеек содействия и членов-практикантов. Функции экономического отдела – постоянный надзор за основной деятельностью подчиненных ему экономических органов (уездного совнархоза, продовольственного комитета, единого потребительского общества и др.), производство ревизий и обследований в этих органах при деятельном участии временных членов-практикантов и членов ячеек содействия РКИ. Военно-административный отдел занимался надзором за деятельностью подчиненных ему военных и административных органов, кроме того, при этом отделе под руководством заведующего отделом производились предварительные и последующие ревизии всех подчиненных уездной инспекции учреждений.

В Батыревском уездном отделении РКИ были образованы общая канцелярия, организационно-инструкторский подотдел, подотдел фактической ревизии, бюро жалоб, а с 1 августа 1921 г., согласно предписанию областного отдела РКИ, был организован военный подотдел. В составе Цивильского уездного отделения РКИ были образованы управление делами, ревизионный подотдел и бюро жалоб. В составе Ядринского отделения РКИ были образованы подотделы летучих ревизий, общий, информационно-инструкторский, бюро жалоб.

Деятельность уездных отделений РКИ Чувашской автономной области продолжалась до 1922 г. На основании постановления IX Всероссийского съезда Советов в январе 1922 г. Батыревское, Чебоксарское, Цивильское и Ядринское уездные отделения РКИ были ликвидированы [8. Д. 20. Л. 78; 5. Д. 62. Л. 2; 9. Д. 26. Л. 3]. Также в это время было ликвидировано Алатырское уездное отделение РКИ [5. Д. 62. Л. 2].

С 1922 г. начинается упрощение структуры облотдела РКИ. В документах встречаются названия трех подотделов: общий, административно-общественный и экономический [5. Д. 99. Л. 399]. В 1924–1925 гг. структура облотдела РКИ состояла из 2 частей: секретариат и оперативная часть, а бюро жалоб являлось самостоятельным органом [5. Д. 135. Л. 13].

Создание Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции Чувашской АССР связано с преобразованием в 1925 г. Чувашской автономной области в Чувашскую АССР, в результате которого вместо областного отдела РКИ был создан народный комиссариат. Датой образования наркомата является 15 июня 1925 г., когда ВЦИК и СНК РСФСР утвердили Постановление «О государственном устройстве Чувашской АССР». Однако сам наркомат начал действовать лишь с августа 1925 г. [11. Д. 1. Л. 137].

Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции возглавлял нарком, являвшийся одновременно председателем областной контрольной комиссии РКП(б). Была создана коллегия при наркоме РКИ в составе: нарком П.В. Литвинов, его заместитель И.Н. Яштайкин и ответственный секретарь партколлегии В.И. Захаров. Нарком имел заместителя, вместе с которым он руководил деятельностью инспекторов (оперативная часть), секретариата, бюро жалоб и штатной комиссии [11. Д. 24. Л. 12]. Все вопросы деятельности наркомата рассматривались и утверждались на коллегии НК РКИ.

На секретариат НК РКИ возлагались делопроизводственные функции: прием и отправка корреспонденции, оформление служебных документов. Оперативная часть занималась организацией обследований и ревизий учреждений и предприятий, разработкой рациональных приемов труда и произ-

водства, рациональных приемов работы административных органов, хозяйственных и общественных учреждений. В марте 1926 г. были внесены изменения в организацию оперативной части, которая была разделена на секции рационализации и проверки и контроля. Бюро жалоб просуществовало до конца 1925 г. Функции по работе с письмами, заявлениями и жалобами исполнялись секретариатом и руководством наркомата. Однако это отрицательно сказалось на оперативности работы на таком важном участке. Поэтому в мае 1926 г. было решено вновь выделить бюро жалоб в самостоятельное подразделение [11. Д. 152. Л. 11].

В функции штатной комиссии входили рассмотрение и установление структуры и штатной численности работников учреждений и организаций Чувашской АССР на предстоящий год. До мая 1926 г. работа по рассмотрению структуры и штатов носила эпизодический характер. Циркуляром НК РК РСФСР от 29 мая 1926 г. «О штатной работе местных РК» права штатных комиссий были расширены, и работа стала вестись регулярно [11. Д. 1362. Л. 163]. Учреждения и организации республики обязаны были ежегодно представлять на рассмотрение штатной комиссии наркомата свои штатные расписания. Окончательное утверждение штатных расписаний учреждений, состоящих на местном бюджете, осуществлял СНК ЧАССР, а учреждений, состоящих на госбюджете, – СНК РСФСР. Работа штатной комиссии строилась в соответствии с инструкциями и заданиями НК РК РСФСР. Для осуществления мероприятий по упрощению отчетности, рационализации делопроизводства, борьбе с бюрократизмом, организации труда инспекторов и работы подразделений наркомата в 1926 г. создано планово-методическое бюро [11. Д. 19. Л. 2].

В целях специализации работы инспекторов по отдельным отраслям народного хозяйства 17 апреля 1926 г. коллегией наркомата было принято решение разделить секцию контроля и проверки на группы по сельскому хозяйству, по торговле и промышленности, по финансам [11. Д. 13. Л. 10].

В апреле 1927 г. согласно постановлению СНК ЧАССР при НК РК было создано бюро государственных бухгалтеров-экспертов. Целью создания бюро явилось оказание содействия в правильной постановке счетоводства и отчетности в учреждениях и предприятиях, даче заключений по вопросам счетоводства, производстве экспертиз и т.д. [11. Д. 306. Л. 6]. В состав бюро кроме НК РК вошли представители Чувашского союза и Центрального совета народного хозяйства ЧАССР.

В тесном взаимодействии с бюро жалоб НК РК действовала созданная при наркомате в мае 1926 г. комиссия по работе с рабселькоровскими заметками. В состав комиссии входили заведующий бюро жалоб НК РК, представители Народного комиссариата юстиции ЧАССР и редакции газет «Канаш». Комиссия вела переписку с редакциями центральных и республиканских газет, сюда поступали сведения о мероприятиях, проводимых в наркоматах, райисполкомах и других учреждениях и организациях по заметкам рабселькоров [11. Д. 224. Л. 163].

Сложившаяся в 1926 г. структура наркомата РК Чувашской АССР была утверждена постановлением ЦИК и СНК ЧАССР от 5 апреля 1929 г. В положении об НК РК перед органами инспекции ставилась задача «по разработке и проведению в жизнь мероприятий, направленных к усовершенствованию государственного аппарата, а также по наблюдению за работой всех государственных и общественных органов в соответствии с задачами социалистического строительства и оказания этим органам содействия в их работе». Исходя из поставленных перед ними задач, наркомат проводил обследование отраслей народного хозяйства, социально-культурного строительства и государственного строительства Чувашской АССР, а также контроль за выполнением планов,

обследование финансовой и производственной дисциплины учреждениями, организациями и предприятиями, осуществлял разработку и проведение в жизнь мероприятий по организации и рационализации работы учреждений и предприятий, сокращению административно-хозяйственных расходов, вовлечению широких масс трудящихся в дело улучшения государственного и хозяйственного аппарата и борьбы с бюрократическими извращениями.

В 1929 г. для осуществления руководства работой вновь организованных районных секций в НК РКИ был создан оргинструкторский отдел, а функции секретариата в 1931 г. были возложены на управление делами [11. Д. 166. Л. 203]. В 1931 г. в состав оперативной части вошли группы: совет строительного и финансового контроля, торгово-снабженческая и общественная комиссия, промышленно-строительная и секторы по социально-культурному строительству, транспорту и связи [11. Д. 764. Л. 20]. К 1932 г. были созданы также группы лесного хозяйства и лесной промышленности, сельского хозяйства и колхозного строительства и инспекция цен [11. Д. 971. Л. 1], спецбюро [11. Д. 936. Л. 3].

В 1934 г. XVII съезд ВКП(б) принял решение об организационных мероприятиях в области усиления партийно-советского контроля. На основании этого решения и последовавшего за ним постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 10 марта 1934 г. вся система органов РКИ была упразднена.

Литература

1. Бурганова Ф.А., Гатауллин Р.В., Саркин В.Г. Органы контроля Татарии в борьбе за социализм (1920–1934). Казань, 1975. 225 с.
2. Гиматдинова В.М., Чуканов И.А. Создание системы «рабочего» и государственного контроля в начальный период советской власти // Поволжский педагогический поиск. 2013. № 1(3). С. 46–52.
3. Голотов Д.Г. Правовой статус рабоче-крестьянской инспекции в системе органов государственного контроля в 1918–1922 гг. // Теория и практика общественного развития. 2005. № 1. С. 95–98.
4. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-3. Оп. 1.
5. ГИА ЧР. Ф. Р-12. Оп. 1.
6. ГИА ЧР. Ф. Р-13. Оп. 1.
7. ГИА ЧР. Ф. Р-21. Оп. 1.
8. ГИА ЧР. Ф. Р-43. Оп. 1.
9. ГИА ЧР. Ф. Р-57. Оп. 1.
10. ГИА ЧР. Ф. Р-344. Оп. 1.
11. ГИА ЧР. Ф. Р-354. Оп. 1.
12. Дианов А.Г. Возникновение советских контрольных органов в Сибири // European Social Science Journal. 2013. № 4(32). С. 333–341.
13. Дорохова Г.А. Рабоче-крестьянская инспекция в 1920–1923 гг. М.: Госюриздат, 1959. 182 с.
14. Ерофеев С.А. Деятельность органов государственного контроля в губерниях Среднего Поволжья в период становления и упрочнения Советской власти (1917–1928 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ульяновск, 2004.
15. Иванов А.А. Материалы инспекции советского строительства наркомата рабоче-крестьянской инспекции РСФСР как источник по истории советской доколхозной деревни: к постановке проблемы // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 1(67). С. 77–82.
16. Иконников С.Н. Создание и деятельность объединенных органов ЦКК-РКИ в 1923–1934 гг. М.: Наука, 1971.
17. Касимов С.Ф. Из истории создания и деятельности организаций партийно-государственного контроля в Башкирии (1917–1922 гг.) // Ученые записки Башкирского государственного университета / Башк. гос. ун-т. Уфа, 1966.
18. Краснов А.В. Социалистический контроль: исторический опыт КПСС. М.: Мысль, 1987. 253 с.
19. Макаров Г.С. Ленинский план реорганизации государственного контроля в советский партийно-государственный контроль и его осуществление на территории Мордовии 1923–1934 гг. // Ученые записки Мордовского государственного университета / Морд. гос. ун-т. Саранск, 1966. № 52.
20. Минеева Е.К. Влияние РКИ на обеспечение правопорядка в первые годы Чувашской автономии (к постановке вопроса) // Актуальные проблемы безопасности и их отражение в процессе преподавания социально-гуманитарных дисциплин / отв. ред. Н.В. Михайлов, В.М. Мельцов / Чебоксарский филиал Нижегородской академии МВД России. Чебоксары, 2010. С. 109–115.

21. Минеева Е.К. Органы управления в условиях формирования автономии народов Среднего Поволжья в 1917–1936 гг. // Вестник Чувашского университета. 2007. № 1. С. 27–40.
22. Морозов Л.Ф., Портнов В.П. Органы ЦКК-НК РКИ в борьбе за совершенствование советского государственного аппарата (1923–1934 гг.). М.: Юрид. лит., 1960. 220 с.
23. Москаленко И.М. Органы партийного контроля в период строительства социализма. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 169 с.
24. Никонорова Т.Н. Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) (1934–1952 гг.) // Российская история. 2015. № 6. С. 26–40.
25. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. / Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943.
26. Чуунов А.И. Органы социалистического контроля РСФСР 1923–1934 гг. М.: Наука, 1972. 472 с.

ХАРИТОНОВ МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (muha21@rambler.ru).

ХАРИТОНОВА СВЕТЛАНА БРОНИСЛАВОВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (ssbron@mail.ru).

M. KHARITONOV, S. KHARITONOVA

HISTORY OF CREATING STATE-PARTY CONTROL BODIES IN CHUVASHIA

Key words: *state-party control, Workers' and Peasants' Inspectorate, history of Chuvashia*

The article analyzes the process of formation and functioning of state-party control bodies in the territory of the Chuvash Republic in 1917–1934. The basis of the study was an extensive array of previously unpublished sources and archive documents. Particular attention is paid to law-making and regulatory and institutional design of state-party control in the territory of the Chuvash Republic. It covers the history of creating county offices of state control and their subsequent reorganization in Workers' and Peasants' Inspectorate. The question of formation of Workers' and Peasants' Inspectorate regional department of the Chuvash Autonomous Region is examined. Its role as a single body of social control executing a comprehensive inspection of functioning of all state bodies, public and economic organizations is shown. The initial period in activities of the People's Commissariat of Workers' and Peasants' Inspection of the Chuvash ASSR is analyzed.

References

1. Burganova F.A., Gataullin R.V., Sarkin V.G. *Organy kontrolya Tatarii v borbe za socializm (1920–1934)* [Agencies Tatarstan control in the struggle for socialism (1920–1934)]. Kazan, 1975, 225 p.
2. Gimatdinova V.M., Chukanov I.A. *Sozdanie sistemy «rabochego» i gosudarstvennogo kontrolya v nachalnyi period sovetskoi vlasti* [Creating a "working" system of state control in the initial period of Soviet rule]. *Povolzhskii pedagogicheskii poisk* [Volga Teachers search], 2013, no. 1(3). pp. 46–52.
3. Golotov D.G. *Pravovoi status raboche-krest'yanskoi inspekcii v sisteme organov gosudarstvennogo kontrolya v 1918–1922 gg.* [The legal status of the worker-peasant inspection system of state control in the years 1918–1922]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2005, no. 1, pp. 95–98.
4. *Gosudarstvennyi istoricheskii arhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-3. Opis' 1* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives R-3. Anagraph 1].
5. *Gosudarstvennyi istoricheskii arhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-12. Opis' 1* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives R-12. Anagraph 1].
6. *Gosudarstvennyi istoricheskii arhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-13. Opis' 1* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives R-13. Anagraph 1].
7. *Gosudarstvennyi istoricheskii arhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-21. Opis' 1* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives R-21. Anagraph 1].
8. *Gosudarstvennyi istoricheskii arhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-43. Opis' 1* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives R-43. Anagraph 1].
9. *Gosudarstvennyi istoricheskii arhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-57. Opis' 1* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives R-57. Anagraph 1].
10. *Gosudarstvennyi istoricheskii arhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-344. Opis' 1* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives R-344. Anagraph 1].
11. *Gosudarstvennyi istoricheskii arhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-354. Opis' 1* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives R-354. Anagraph 1].

12. Dianov A.G. *Vozniknovenie sovetskikh kontrol'nykh organov v Sibiri* [The emergence of Soviet control bodies in Siberia]. *European Social Science Journal*, 2013, no. 4(32), pp. 333–341.
13. Dorokhova G.A. *Raboche-krest'yanskaya inspekciya v 1920–1923 gg.* [Rabkrin in 1920–1923]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1959, 182 p.
14. Yerofeyev S.A. *Deyatel'nost' organov gosudarstvennogo kontrolya v guberniyah Srednego Povolzh'ya v period stanovleniya i uprochneniya Sovetskoj vlasti (1917–1928 gg.): avtoref. dis ... kand. ist. nauk* [Activities of state control in the provinces of the Middle Volga region during the formation and strengthening of Soviet power (1917–1928). Diss. Abstract]. Ulyanovsk, 2004.
15. Ivanov A.A. *Materialy inspekcii sovetskogo stroitel'stva narkomata raboche-krest'yanskoi inspekcii RSFSR kak istochnik po istorii sovetskoj dokolhoznoj derevni: k postanovke problemy* [Materials Inspection of the Soviet People's Commissariat building Rabkrin RSFSR as a source on the history of Soviet dokolhoznoy Village to the problem]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 2009, no. 1(67), pp. 77–82.
16. Ikonnikov S.N. *Sozdanie i deyatelnost' obshchiny organov CKK-RKI v 1923–1934 gg.* [Establishment and operation of joint-CCC RCT bodies in 1923–1934 gg.]. Moscow, Nauka Publ., 1971.
17. Kasimov S.F. *Iz istorii sozdaniya i deyatelnosti organizacii partiino-gosudarstvennogo kontrolya v Bashkirii (1917–1922 gg.)* [From the history and activities of the organizations of the Party and state control in Bashkiria (1917–1922)]. *Uchenye zapiski Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Scientific notes of the Bashkir State University]. Ufa, 1966.
18. Krasnov A.V. *Socialisticheskii kontrol': istoricheskii opyt KPSS.* [Socialist control: the historical experience of the Communist Party]. Moscow, Mysl' Publ., 1987, 253 p.
19. Makarov G.S. *Leninskii plan reorganizacii gosudarstvennogo kontrolya v sovetskii partiino-gosudarstvennyi kontrol' i ego osushchestvlenie na territorii Mordovii 1923–1934 gg.* [Lenin's plan of reorganization of state control in the Soviet party-state control and its implementation in the territory of Mordovia, 1923–1934]. *Uchenye zapiski Mordovskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Scientific notes of Mordovia State University]. Saransk, 1966, no. 52.
20. Mineeva E.K. *Vliyanie RKI na obespechenie pravoporyadka v pervye gody Chuvashskoi avtonomii (k postanovke voprosa)* [The effect of the working peasants inspection on law enforcement in the early years of the Chuvash autonomy (to the question)]. In: *Aktual'nye problemy bezopasnosti i ikh otrazhenie v protsesse prepodavaniya sotsial'no-gumanitarnykh distsiplin* [Relevant security issues and their reflection in teaching of social-humanitarian disciplines]. Cheboksary, 2010, pp. 109–115.
21. Mineeva E.K. *Organy upravleniya v usloviyakh formirovaniya avtonomii narodov Srednego Povolzh'ya v 1917–1936 gg.* [Controls the formation of autonomy of the peoples of the Middle Volga region in 1917–1936]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2007, no. 1, pp. 27–40.
22. Morozov L.F., Portnov V.P. *Organy CKK-NK RKI v bor'be za sovershenstvovanie sovetskogo gosudarstvennogo apparata (1923–1934 gg.)* [Bodies CCC-NK RCTs in the struggle for improving the Soviet state apparatus (1923–1934)]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1960, 220 p.
23. Moskalenko I.M. *Organy partiinogo kontrolya v period stroitel'stva socializma* [Bodies of party control in the period of socialist construction]. Moscow, Moscow University Publ., 1981, 169 p.
24. Nikonorova T.N. *Komissiya partiinogo kontrolya pri CK VKP(b) (1934–1952 gg.)* [Party Control Commission under the Central Committee of the CPSU(b) (1934–1952)]. *Rossiiskaya istoriya* [Russian history], 2015, no. 6, pp. 26–40.
25. *Sobranie zakononeni i rasporyazhenii pravitel'stva za 1920 g. Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR.* [Collection of Laws and government regulations for the 1920 Administrative Department of the People's Commissars of the USSR]. Moscow, 1943.
26. Chugunov A.I. *Organy socialisticheskogo kontrolya RSFSR 1923–1934 gg.* [Bodies of the socialist control of the RSFSR 1923–1934]. Moscow, Nauka Publ., 1972, 472 p.

KHARITONOV MIKHAIL – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Department of Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Cheboksary, Russia (muha21@rambler.ru).

KHARITONOVA SVETLANA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Cheboksary, Russia (ssbron@mail.ru).

Ссылка на статью: Харитонов М.Ю., Харитонова С.Б. История создания органов государственно-партийного контроля в Чувашии // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 4. – С. 154–161.

УДК 930.253(470.344):94(470.344)"1917/1934"
ББК Т.е(2Рос.Чув)л63+Т3(2Рос.Чув)612-33ю11

М.Ю. ХАРИТОНОВ, С.Б. ХАРИТОНОВА

МАТЕРИАЛЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННО-ПАРТИЙНОГО КОНТРОЛЯ В ЧУВАШИИ

Ключевые слова: органы государственно-партийного контроля, рабоче-крестьянская инспекция, Государственный исторический архив Чувашской Республики, уездные отделения рабоче-крестьянской инспекции.

Статья посвящена обзору материалов Государственного исторического архива Чувашской Республики как источника по изучению истории органов государственно-партийного контроля в Чувашии. Проводится анализ содержания документов фондов уездных отделений рабоче-крестьянской инспекции, областного отдела рабоче-крестьянской инспекции исполкома Чувашской автономной области, Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции Чувашской АССР. В фондах архива имеются разнообразные документы и материалы, позволяющие проследить историю создания и основные направления деятельности контрольных органов в Чувашии. Кроме того, данные источники могут быть использованы с целью изучения социально-политических процессов, происходивших в Чувашии в данный период.

В исторических исследованиях последних десятилетий возрастает интерес к деятельности контрольно-надзорных органов в различные периоды истории России [1; 9–13]. Интересным опытом функционирования контрольных органов в советский период стала рабоче-крестьянская инспекция (далее – РКИ). Особое значение для исследователя при рассмотрении вопроса истории органов государственно-партийного контроля играют документы и материалы центральных и местных государственных архивов. Значительный массив документов и материалов по истории рабоче-крестьянской инспекции Чувашии сосредоточен в фондах Государственного исторического архива Чувашской Республики (далее – ГИА ЧР).

Среди фондов ГИА ЧР большой интерес для исследования истории органов государственно-партийного контроля Чувашии представляют фонды уездных отделений рабоче-крестьянской инспекции (фонды Р-344, Р-57, Р-43, Р-13, Р-21).

В фонде Р-344 (Алатырское уездное отделение рабоче-крестьянской инспекции) [7] находятся дела за 1920–1921 гг., которые впервые поступили на хранение в ГИА ЧР в 1934 г. На фонд Алатырского уездного отделения РКИ составлена одна опись на 359 дел за 1920–1921 гг. В опись включены: приказы и циркуляры Наркомата РКИ РСФСР и Симбирского губернского отделения РКИ, приказы управляющего отделением, протоколы заседаний общего присутствия, сметы административно-хозяйственных расходов и отчеты о деятельности Алатырского уездного и участковых отделений РКИ, жалобы и заявления граждан, акты ревизий и обследований. Дела по личному составу: анкеты и списки работников Алатырского уездного и участковых отделений РКИ, ведомости на выдачу зарплаты из-за их малочисленности включены в общую опись. В отдельный раздел описи включены дела участковых отделений РКИ: приказы заведующих по общим вопросам и по личному составу, отчеты, сведения об их деятельности, акты ревизий и обследований предприятий, волостных и сельских советов, переписка с Алатырским уездным отделением РКИ по личному составу, проверке жалоб, анкеты и списки работников.

Фонд Р-57 (Батыревское уездное отделение рабоче-крестьянской инспекции) [6] содержит документы за 1921–1922 гг., которые поступили в ГИА

ЧР в 1927 г. На документы фонда была составлена одна опись на 31 дело, в которую включены следующие виды документов: циркуляры и инструкции Наркомата РКИ и областного отдела РКИ, протоколы заседаний коллегии Батыревского уездного отделения РКИ, отчеты о работе, сметы административно-хозяйственных расходов, доклады о деятельности ячеек и групп содействия РКИ, списки членов ячеек и групп содействия РКИ, книги регистрации жалоб и заявлений трудящихся, переписка с областным отделом РКИ и уездными учреждениями и предприятиями. В составе фонда оставлено два дела уполномоченного областного отдела РКИ по Батыревскому уезду за 1922 г., близкие по содержанию к документам фонда.

Документы фонда Р-43 (Чебоксарское уездное отделение рабоче-крестьянской инспекции) [5] поступили в ГИА ЧР в 1927 г., на них была составлена одна опись на 62 дела за 1919–1922 гг. В опись включены: приказы заведующего Чебоксарским уездным отделением РКИ, протоколы заседаний коллегии групп и ячеек содействия, отчеты и доклады о деятельности уездного отделения РКИ, сметы расходов и штатные расписания, акты ревизий и обследований деятельности учреждений, переписка с областным отделом РКИ, уездными учреждениями и предприятиями о проведении ревизий и обследований, жалобы и заявления граждан и переписка по их рассмотрению. В составе фонда содержатся 6 дел по личному составу: анкеты, удостоверения, списки работников РКИ и переписка по личному составу. Из-за небольшого количества дел отдельной описи по личному составу не составлялось.

В фонд Р-13 (Цивильское уездное отделение рабоче-крестьянской инспекции) [3] включены документы, принятые в ГИА ЧР в 1927 г. Документы объединены в одну опись на дела постоянного хранения за 1919–1921 гг. Фонд содержит приказы, инструкции, циркуляры Наркомата РКИ РСФСР и Чувашского областного отдела РКИ о деятельности бюро жалоб, о порядке производства ревизий и обследований, отчеты о деятельности Цивильского уездного отделения РКИ, документы об организации ячеек и групп содействия РКИ, акты обследований и ревизий, жалобы и заявления граждан. В эту же опись включены два дела по личному составу – анкеты и список работников РКИ.

Документы фонда Р-21 (Ядринское уездное отделение рабоче-крестьянской инспекции) [4] были приняты в ГИА ЧР в 1927 г. На дела фонда было оставлено две описи: первая опись дел общего делопроизводства за 1919–1921 гг. в количестве 76 дел и вторая опись дел по личному составу за 1919–1920 гг. в количестве 5 дел. В первую опись включены: положение о рабоче-крестьянской инспекции, циркуляры и инструкции Наркомата РКИ РСФСР и Казанского губернского отделения РКИ, протоколы общих собраний по организации ячеек и групп содействия РКИ, анкеты и списки членов ячеек и групп, жалобы и заявления граждан, акты обследований и ревизий, переписка с учреждениями и предприятиями о проведении ревизий. Во второй описи дел по личному составу включены ведомости на выдачу зарплаты работникам Ядринского уездного отделения госконтроля, сведения и списки по личному составу за 1919–1920 гг.

Проанализированные материалы фондов уездных отделений рабоче-крестьянской инспекции позволяют сделать вывод о их неравнозначности по наполненности материала. Наибольший интерес представляют материалы ревизий и доклады инспекторов рабоче-крестьянской инспекции по результатам проверок и ревизий по обследованию учреждений и предприятий. В целом в данных фондах присутствуют разнообразные данные, позволяющие

дать оценку деятельности рабоче-крестьянских инспекций в уездах, а также рассмотренные материалы могут быть полезны исследователю для анализа социально-экономической, общественной, культурной жизни региона.

Ценные материалы для исследования истории органов государственно-партийного контроля в Чувашии содержатся в фонде Р-12 (Областной отдел рабоче-крестьянской инспекции Исполкома Чувашской АО) [2]. Областной отдел рабоче-крестьянской инспекции при Ревкоме Чувашской автономной области был образован согласно постановлению VII Всероссийского съезда Советов решением Революционного комитета ЧАО от 6 июля 1920 г. В связи с ликвидацией Ревкома как временного органа власти и образованием 11 ноября 1920 г. на I съезде Советов ЧАО исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Чувашской автономной области (Облсполкома ЧАО) отдел рабоче-крестьянской инспекции перешел в ведение последнего и стал именоваться отделом рабоче-крестьянской инспекции облсполкома ЧАО (Облотдел РКИ). Это был единый в области орган социального контроля, который осуществлял контрольно-ревизионную работу и всестороннее обследование деятельности всех органов государственного управления, хозяйства и общественных организаций.

Документы облотдела РКИ ЧАО поступили в ЦГА ЧАССР в 1927 г. в количестве 205 дел. В фонде две описи: первая опись дел общего делопроизводства за 1920–1925 гг. в количестве 189 дел, вторая опись дел по личному составу в количестве 14 дел. В первую опись включены приказы и распоряжения заведующего облотделом РКИ по общим вопросам и личному составу, протоколы заседаний коллегии облотдела РКИ, протоколы совещаний ответственных работников РКИ, отчеты и доклады о деятельности областного и уездных отделов РКИ, акты, сведения и переписка по проведению обследований и ревизий государственных, хозяйственных и общественных организаций области. Во вторую опись дел по личному составу включены ведомости на выдачу зарплаты работникам уездных отделов РКИ, анкеты, удостоверения, списки работников РКИ и переписка по личному составу.

Изучение документов фонда показало их чрезвычайную разноплановость. Это отчеты (месячные и годовые) и доклады о деятельности облотдела РКИ; планы работы областного и уездных отделений рабоче-крестьянской инспекции; приказы, указания и циркуляры Народного комиссариата РКИ, Наркомата внутренних дел РСФСР о порядке производства ревизий и обследований; переписка с областными и уездными учреждениями; материалы обследований и доклады инспекторов рабоче-крестьянской инспекции о результатах обследований; протоколы заседания коллегии Чувашского областного отдела РКИ; переписка с уездными отделениями РКИ о порядке производства ревизий и обследований; акты осмотров и ревизий учреждений и предприятий; выписки из протоколов заседаний бюро жалоб; жалобы и заявления граждан и переписка с различными организациями по рассмотрению жалоб; протоколы общих собраний работников учреждений об организации ячеек содействия РКИ; документы о проведении курсов инспекторов уездных отделов РКИ.

На основе документов, представленных в фонде, можно проанализировать, насколько успешной была работа рабоче-крестьянской инспекции по совершенствованию советского государственного аппарата, контроля над проведением режима экономии государственных средств; определить, помогли ли массы, привлечение которых к работе в рабоче-крестьянской инспекции было одной из её задач, своим участием улучшать работу инспекции. До-

кументы также раскрывают результативность проверок и обследований учреждений здравоохранения, образования, культуры, социального обеспечения, промышленных предприятий, сельскохозяйственных коммун и колхозов, отдельных отраслей промышленности и сельского хозяйства.

Самым содержательным как по количеству представленных дел, так и по разнообразию имеющихся материалов является фонд Р-354 (Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции Чувашской АССР) [8]. Фонд содержит документы Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции Чувашской АССР за 1925–1934 гг. Создание Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции Чувашской АССР связано с преобразованием в 1925 г. Чувашской Автономной области в Чувашскую АССР, в результате которого вместо областного отдела РКИ был создан Народный комиссариат. Дела фонда поступили в ГИА ЧР в 1940 г., часть дел фонда была передана в органы НКВД. Дела фонда объединены в две описи. Первая опись – дела общего делопроизводства за 1925–1934 гг. на 990 дел, в нее включены: постановления, циркуляры УИК и СНК СССР, ЦИК НК РКИ СССР, ВЦИК и СНК РСФСР, НК РКИ РСФСР, Нижегородского крайисполкома, краевой РКИ, ЦИК и СНК Чувашской АССР, документы проверок, проведенных НК РКИ ЧАССР, сметы административно-хозяйственных расходов, штатные расписания НК РКИ, заявления и жалобы граждан, переписка с учреждениями, организациями и предприятиями. Во вторую опись включены дела по личному составу: приказы, распоряжения, карточки учета труда, заявления и личные дела сотрудников. Документы фонда позволяют проследить историю рабоче-крестьянской инспекции, изменение структуры, численности и квалификации сотрудников, задач и функций.

В целом имеющиеся в вышеупомянутых фондах ГИА ЧР документы и материалы создают необходимую базу для проведения исследования по обозначенной тематике. Однако за отдельные годы, особенно это касается периода начала 30-х гг. XX в., для осознания полной картины деятельности рабоче-крестьянской инспекции в Чувашии необходимо привлекать материалы, находящиеся в центральных и других архивах республики.

Литература

1. *Гиматдинова В.М., Чуканов И.А.* Создание системы «рабочего» и государственного контроля в начальный период советской власти // Поволжский педагогический поиск. 2013. № 1(3). С. 46–52.
2. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-12. Областной отдел рабоче-крестьянской инспекции Исполкома Чувашской АО.
3. ГИА ЧР. Ф. Р-13. Цивильское уездное отделение рабоче-крестьянской инспекции.
4. ГИА ЧР. Ф. Р-21. Ядринское уездное отделение рабоче-крестьянской инспекции.
5. ГИА ЧР. Ф. Р-43. Чебоксарское уездное отделение рабоче-крестьянской инспекции.
6. ГИА ЧР. Ф. Р-57. Батыревское уездное отделение рабоче-крестьянской инспекции.
7. ГИА ЧР. Ф. Р-344. Алатырское уездное отделение рабоче-крестьянской инспекции.
8. ГИА ЧР. Ф. Р-354. Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции Чувашской АССР.
9. *Дианов А.Г.* Возникновение советских контрольных органов в Сибири // European Social Science Journal. 2013. № 4(32). С. 333–341.
10. *Дианов А.Г.* Создание объединенных органов партийно-государственного контроля в Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 114–120.
11. *Иванов А.А.* Материалы инспекции советского строительства наркомата рабоче-крестьянской инспекции РСФСР как источник по истории советской доколхозной деревни: к постановке проблемы // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 1(67). С. 77–82.
12. *Минеева Е.К.* Влияние РКИ на обеспечение правопорядка в первые годы Чувашской автономии (к постановке вопроса) // Актуальные проблемы безопасности и их отражение в процессе преподавания социально-гуманитарных дисциплин / отв. ред. Н.В. Михайлов, В.М. Мельцов / Чебоксарский филиал Нижегородской академии МВД России. Чебоксары, 2010. С. 109–115.

13. Никонорова Т.Н. Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) (1934–1952 гг.) // Российская история. 2015. № 6. С. 26–40.

14. Яковлева И.П. Роль рабоче-крестьянской инспекции в легитимации советской власти (по материалам работы органов РКИ Кубани в 20-х гг. XX в.) // Теория и практика общественного развития. 2013. № 3. С. 133–136.

ХАРИТОНОВ МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (muha21@rambler.ru).

ХАРИТОНОВА СВЕТЛАНА БРОНИСЛАВОВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (ssbron@mail.ru).

M. KHARITONOV, S. KHARITONOVA

MATERIALS OF THE STATE HISTORICAL ARCHIVES OF THE CHUVASH REPUBLIC AS A SOURCE FOR THE STUDY OF THE HISTORY OF STATE-PARTY CONTROL BODIES IN CHUVASHIA

Key words: *organs of state and party control, Workers' and Peasants' Inspectorate; State Historical Archives of the Chuvash Republic; county departments of Workers' and Peasants' Inspectorate.*

The article is devoted to review of materials of the State Historical Archives of the Chuvash Republic as a source for the study of the history of state-party control bodies in Chuvashia. The authors analyze the content of documents from the funds of Workers' and Peasants' Inspectorate county offices, of the regional department of Workers' and Peasants' Inspectorate of the Executive Committee of the Chuvash Autonomous Region, of People's Commissariat of Workers' and Peasants' Inspectorate of the Chuvash ASSR. The archive funds contain a variety of documents and materials that enable to trace the history of creating and main directions of activity of control bodies in Chuvashia. In addition, the given sources can be used with the purpose of studying socio-political processes that took place in this period in Chuvashia.

References

1. Gimatdinova V.M., Chukanov I.A. *Sozdanie sistemy «rabochego» i gosudarstvennogo kontrolya v nachal'nyi period sovetskoj vlasti* [Creating a "working" system of state control in the initial period of Soviet rule]. *Povolzhskii pedagogicheskii poisk* [Volga Teachers search], 2013, no. 1(3). pp. 46–52.
2. *Gosudarstvennyi istoricheskii arhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-12. Oblastnoi otdel raboche-krest'yanskoi inspekcii Ispolkoma Chuvashskoi avtonomnoi oblasti* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives R-12. Regional department Rabkrin Executive Committee of the Chuvash Autonomous Region].
3. *Gosudarstvennyi istoricheskii arhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-13. Civil'skoe uездное otdelenie raboche-krest'yanskoi inspekcii* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives R-13. Tsvil'sk county department Rabkrin].
4. *Gosudarstvennyi istoricheskii arhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-21. Yadrinskoe uездное otdelenie raboche-krest'yanskoi inspekcii* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives R-21. Yadrinsky county department Rabkrin].
5. *Gosudarstvennyi istoricheskii arhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-43. Cheboksarskoe uездное otdelenie raboche-krest'yanskoi inspekcii* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives R-43. Cheboksary county department Rabkrin].
6. *Gosudarstvennyi istoricheskii arhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-57. Batyrevskoe uездное otdelenie raboche-krest'yanskoi inspekcii* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives R-57. Batyrevsky county department Rabkrin].
7. *Gosudarstvennyi istoricheskii arhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-344. Alatyrskoe uездное otdelenie raboche-krest'yanskoi inspekcii* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives R-344. Alatyrsky county department Rabkrin].
8. *Gosudarstvennyi istoricheskii arhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-354. Narodnyi komissariat raboche-krest'yanskoi inspekcii Chuvashskoi ASSR* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives R-354. People's Commissariat of Workers' and Peasants' Inspection of the Chuvash ASSR].
9. Dianov A.G. *Vozniknovenie sovetskikh kontrol'nyh organov v Sibiri* [The emergence of Soviet control bodies in Siberia]. *European Social Science Journal*, 2013, no. 4(32), pp. 333–341.

10. Dianov A.G. *Sozdanie ob"edinennykh organov partiino-gosudarstvennogo kontrolya v Sibiri* [Creating a united party and state control bodies in Siberia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University], 2014, no. 387, pp. 114–120.

11. Ivanov A.A. *Materialy inspekcii sovetskogo stroitel'stva narkomata raboche-krest'yanskoj inspekcii RSFSR kak istochnik po istorii sovetskoi dokolhoznoi derevni: k postanovke problemy* [Materials Inspection of the Soviet People's Commissariat building Rabkrin RSFSR as a source on the history of Soviet dokolhoznoy Village to the problem]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 2009, no. 1 (67), pp. 77–82.

12. Mineeva E.K. *Vliyaniye RKI na obespecheniye pravoporyadka v pervye gody Chuvashskoi avtonomii (k postanovke voprosa)* [The effect of the working peasants inspection on law enforcement in the early years of the Chuvash autonomy (to the question)]. In: *Aktual'nye problemy bezopasnosti i ikh otrazheniye v protsesse prepodavaniya sotsial'no-gumanitarnykh distsiplin* [Relevant security issues and their reflection in teaching of social-humanitarian disciplines]. Cheboksary, 2010, pp. 109–115.

13. Nikonorova T.N. *Komissiya partiinogo kontrolya pri CK VKP(b) (1934–1952 gg.)* [Party Control Commission under the Central Committee of the CPSU(b) (1934–1952)]. *Rossiiskaya istoriya* [Russian history], 2015, no. 6, pp. 26–40.

14. Yakovleva I.P. *Rol' raboche-krest'yanskoj inspekcii v legitimacii sovetskoi vlasti (po materialam raboty organov RKI Kubani v 20-h gg. XX v.)* [Role Rabkrin in legitimizing Soviet regime (based on the work of the bodies of Kuban RCT in 20s the XX century.)]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2013, no. 3, pp. 133–136.

KHARITONOV MIKHAIL – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Department of Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Cheboksary, Russia (muha21@rambler.ru).

KHARITONOVA SVETLANA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Cheboksary, Russia (ssbron@mail.ru).

Ссылка на статью: Харитонов М.Ю., Харитонов С.Б. Материалы Государственного исторического архива Чувашской Республики как источник по изучению истории органов государственного-партийного контроля в Чувашии // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 4. – С. 162–167.

УДК 94(47).084.3
ББК 63.3(2)612/613

И.З. ШАЯХМЕТОВА

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ КАДРОВОГО СОСТАВА ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ КОМИТЕТОВ ГОРОДСКИХ СОВЕТОВ ЮЖНОГО УРАЛА

Ключевые слова: городские советы, исполнительные комитеты, Южный Урал, кадровый состав.

Предложены результаты исследования образовательного уровня кадрового состава исполнительных комитетов городских советов Южного Урала на основании неопубликованных документов и материалов, выявленных в архивах Москвы и Уфы. Подготовка кадров для советских учреждений осуществлялась в совпартшколах. Это привело к складыванию слоя управленцев на местах, выполнявших текущие хозяйственные дела. Со временем обучение в совпартшколах стало необходимой ступенью карьерного роста наряду со вступлением в партию. Это означало превращение совпартшкол в номенклатурную привилегию, оторванную от населения, в интересах которого она была организована. В послевоенный период обострилась проблема подготовки квалифицированных кадров для советских органов. Многие сотрудники горсоветов, пришедшие на работу в годы Великой Отечественной войны и после нее, не имели достаточной теоретической подготовки и практического опыта. Это отрицательно сказывалось на работе отделов и управлений горисполкомов. В целях устранения указанных недостатков в СССР на базе трехгодичных школ были открыты четырехгодичные школы (вузы), по окончании которых выдавались дипломы о высшем образовании. Одновременно предусматривалось создание вместо годичных курсов переподготовки специалистов постоянно действующих краткосрочных курсов повышения квалификации. Руководящие кадры советов пополнялись частично за счет лиц, окончивших юридические институты, школы и факультеты университетов СССР, в которых была предусмотрена специализация студентов старших курсов, изъявивших желание работать в области советского строительства.

В настоящий период в Российской Федерации продолжают осуществляться политические преобразования, целью которых является укрепление вертикали государственной власти. В этом процессе важное место отводится реформе местного самоуправления. Для определения основных направлений реформирования муниципальной деятельности необходимо учитывать наследие прошлого. Одной из организационных форм органов местного самоуправления в советский период были городские советы. Они стали основой для трансформации традиционной системы российского управления.

Сложившаяся структура управления требовала вовлечения в работу советских органов квалифицированных кадров. В городах Южного Урала, как и в СССР и РСФСР, существовала разверстка, которая утверждалась президиумами обкомов. Как правило, высшее образование в 1920-е гг. уроженцы региона получали за его пределами [4]. Подготовка кадров для советских учреждений осуществлялась также в Уфимской губернской и уездных совпартшколах [15].

Прием курсантов (так называли слушателей совпартшкол в 1920-е гг.) проводился с 1 по 15 сентября ежегодно, начиная с 1919 г. [5]. Контингент курсантов совпартшкол был определен президиумом Башобкома следующим образом: 2/3 состава – лица из числа членов и кандидатов РКП, остальные места – для беспартийных; РКСМ – 40 мест, при этом большинство мест должно было предоставляться членам РКП; профсовету РКП – 5 мест; женотделу – 10 мест. Норма беспартийных составляла 35 мест, причем предпочтение должно было отдаваться рабочим. Особо оговаривалось разверсткой представительство национальных меньшинств в национальных республиках, например в Башкирской АССР: башкирам и татарам, чувашам и марийцам предоставлялось 50% из общего количества мест [10]. Также через «проле-

таризацию» вузов устранялись «будущие буржуазные специалисты» и готовились кадры советской формации [9].

Учебные программы совпартшкол включали лекции по текущей внутриполитической и международной обстановке, истории международного рабочего движения, истории революции и т.п. Первоначально срок обучения в совпартшколах составлял четыре месяца, по окончании которого устраивались экзамены для слушателей и их последующее распределение. При распределении выпускников придерживались, по возможности, плана, по которому выпускники возвращались в те организации, которые посылали их на учебу.

Разумеется, непродолжительность обучения, односторонность учебных программ, директивность в распределении выпускников, слабая подготовленность преподавателей, недостаточная материально-техническая оснащенность совпартшкол и некоторые другие недостатки в организации учебного процесса негативно отразились на подготовке специалистов для советских органов. Фактически знания, приобретенные ими в совпартшколах, не охватывали круг всех проблем практической жизни. Рабочих в порядке партийной дисциплины отрывали от станка, своей профессии, перекалывали в руководителей советских органов. Шли годы, терялась рабочая квалификация. Такие руководители держались за карьеру и стремились все на свете свести к своему уровню [3].

С другой стороны, хозяйственная разруха, голод, проблемы снабжения населения требовали действенных и оперативных мер. Форсированная подготовка кадров, в основном из числа рабочих, путем разверстки и обучения их в совпартшколах привела к складыванию слоя управленцев на местах, выполнявших текущие хозяйственные дела.

Поддавляющее большинство членов, кандидатов в члены горсоветов и их исполкомов прошли обучение в совпартшколах. Так, в 1927–1931 гг. в них обучалось 322 слушателя, или 1,3% от общего числа слушателей всех совпартшкол и комвузов СССР [2]. В 1931 г. совпартшкола Башкирской АССР была преобразована в комвуз, а в январе 1933 г. он был реорганизован в Башкирскую высшую Коммунистическую сельскохозяйственную школу [12].

Со временем обучение в совпартшколах стало необходимой ступенью карьерного роста наряду со вступлением в партию. Это означало превращение совпартшкол в номенклатурную привилегию, оторванную от населения, в интересах которого она была организована.

Подготовка кадров для советских органов осуществлялась также на краткосрочных курсах. В 1930–1931 гг. повышение квалификации на курсах советского строительства прошли Х.С. Назиров, Д.Ж. Аллаярова и Г.Л. Сидоркин – ответственные сотрудники Уфимского горсовета с высшим образованием [6]. Помимо этого с 1928–1929 гг. в Башкирской АССР функционировали республиканские курсы по переподготовке инструкторов, информаторов, председателей и секретарей исполкомов горсоветов [1].

При вузах также создавались институты общественных наук, которые должны были выполнять функцию внедрения пролетарской идеологии в сознание студентов [13]. Обществоведы в вузах рассматривались как «борцы партии», призванные учить студентов борьбе с буржуазной идеологией на практике. Была создана специальная сеть учреждений: Социалистическая академия общественных наук (1919 г.), переименованная позднее в Коммунистическую академию, созданный на ее основе Институт Красной профессуры (1921 г.) и коммунистические университеты разного уровня.

В послевоенный период обострилась проблема подготовки квалифицированных кадров для советских органов. Многие сотрудники горсоветов, пришедшие на работу в годы Великой Отечественной войны и после нее, не имели достаточной теоретической подготовки и практического опыта. Это от-

рицательно сказывалось на работе отделов и управлений горисполкомов [14]. По сути, региональная элита в послевоенный период превратилась из опоры режима и всей системы в один из источников кризиса системы [8].

Еще в 1944 г. по решению ЦК ВКП(б) была создана годовичная партийная школа. Большое значение имело постановление ЦК ВКП(б) от 2 августа 1946 г. «О подготовке и переподготовке руководящих партийных и советских работников». Состояние подготовки и переподготовки советских кадров было признано неудовлетворительным. В постановлении говорилось о необходимости переподготовки советских кадров в ближайшие 3-4 года [11]. Это постановление было принято не случайно, поскольку за годы Великой Отечественной войны на смену выдвиженцам «большого террора» пришли те, кого выдвинуло военное время. Они плохо знали марксистскую теорию в ее советском варианте, имели слабые представления о тонкостях современных взглядов партийного руководства. Подготовка и переподготовка были необходимы как средство не только непосредственного обучения, но и идеологического контроля и одновременно воспитания средних слоев управления.

26 июня 1956 г. ЦК КПСС принял постановление «О мерах по дальнейшему улучшению подготовки руководящих партийных и советских кадров» [7]. В этом постановлении было отмечено, что Высшая партийная школа, а также республиканские партийные школы проделали большую работу по подготовке кадров для советских учреждений. Вместе с тем перечисленных учебных центров было недостаточно для подготовки кадров. В целях устранения указанных недостатков в СССР на базе трехгодичных школ были открыты четырехгодичные школы, по окончании которых выпускники получали диплом о высшем образовании. Одновременно предусматривалось создание вместо годовичных курсов переподготовки специалистов постоянно действующих краткосрочных курсов повышения квалификации. Так, в течение 1961 г. по инициативе Совета Министров Башкирской АССР проводились семинары председателей, секретарей горисполкомов, советские работники повышали свой общеобразовательный уровень, обучаясь в вечерних школах и на заочных отделениях средних и высших учебных заведений [6. Д. 32; Д. 33; д. 39].

Руководящие кадры советских учреждений пополнялись частично за счет лиц, окончивших юридические институты, школы и факультеты университетов СССР, в которых была предусмотрена специализация студентов старших курсов, изъявивших желание работать в области советского строительства. К сожалению, в Башкирской АССР подобной специализации на юридическом факультете Башкирского государственного университета не было. В октябре 1986 г. на заседании бюро Башобкома КПСС обсуждался вопрос об организации ежегодного приема студентов из числа служащих советских учреждений для обучения специальности «Советское строительство» [6. Оп. 6. Д. 130. Л. 3]. Однако этот проект не удалось осуществить.

Одной из задач сложившейся в СССР кадровой политики было повышение образовательного уровня. Это было необходимым условием преодоления безынициативности сотрудников горисполкомов и должно было способствовать эффективному управлению. Пополнение членов горисполкомов Южного Урала в годы Великой Отечественной войны в результате кооптации советских служащих из числа эвакуированных лиц привело к подмене горсоветов в принятии основных решений, выработке законодательных постановлений и распоряжений их исполнительными комитетами. Превращение представительства в органах местного самоуправления в советский период, особенно в послевоенные десятилетия, в номенклатурную привилегию стало одной из причин кризиса органов местного самоуправления к началу 1990-х гг.

Отказ от советов и их исполкомов, произошедший в 1993 г., и передача их функций местной администрации не решили кризисных явлений системы местного самоуправления, особенно в городах, где повышенного внимания требуют вопросы инфраструктуры. Дальнейшее реформирование системы местного самоуправления призвано преодолеть кризисные явления и выработать более эффективный механизм народного представительства. Постановка этого вопроса в государственном масштабе связана с предшествующим периодом и многогранной деятельностью советов.

Литература

1. Ахмадиев Т.Х. Политические предпосылки формирования башкирской социалистической нации // Вопросы истории Башкирии. Вып. 2. Советский период. Уфа, 1972. С. 63.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-1235. Оп. 106. Д. 310. Л. 25.
3. Коржавин Н. Истоки и психология исторической задержки // Погружение в трясину (Анатомия застоя): сборник. М.: Прогресс, 1991. С. 6 – 14.
4. Национальный архив Республики Башкортостан (далее – НАРБ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 95об.
5. НАРБ. Ф. 22. Оп. 4. Д. 19. Л. 49.
6. НАРБ. Ф. Р-91. Оп. 5. Д. 10. Л. 187.
7. Об улучшении деятельности Советов депутатов трудящихся и усилении их связей с массами: Постановление ЦК КПСС. 22 января 1957 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 3-е изд. М.: Политиздат, 1957. Т. 9. С. 156–166.
8. Пашин В.П. Некоторые характерные черты деятельности партии социального аппарата // КПСС и номенклатура в советском обществе: материалы Интернет-конференции (декабрь 2005 – февраль 2006). Пермь: ПГТУ, 2007. С. 61.
9. Пашин В.П., Пашин А.В. Новые подходы в подготовке кадров советской формации в условиях нэпа // Номенклатура и номенклатурные практики в России: материалы Интернет-конф. «Номенклатура и номенклатурные практики в России» (февраль – апрель 2007 г.). Пермь: ПГТУ, 2007. С. 120.
10. Российский государственный архив социально-политической истории. Оп. 7. Д. 88. Л. 91.
11. Советы народных депутатов: Статус. Компетенция. Организация деятельности: сборник документов. М.: Юрид. лит., 1980. С. 44.
12. Халфин С.А. Развитие высшего и среднего специального образования в Башкирии за годы советской власти // Великий Октябрь и социалистическое строительство: тез. науч. конф. преподавателей кафедр общественных наук вузов БАССР. Уфа: БГУ, 1987. С. 96.
13. Черных А.И. Становление России советской: 20-е годы в зеркале социологии. М.: Памятники исторической мысли, 1998. С. 112.
14. Шаяхметова И.З. Кадровый состав исполнительных комитетов городских Советов Башкирской АССР в 1919 – 1991 гг. // Научное наследие А.-З. Валиди Тогана и современные проблемы федерализма в России: материалы Межрегион. науч.-практ. конф., посвященной 115-летию со дня рождения А.-З. Валиди Тогана (V Валидовские чтения). Уфа: БГУ, 2005. С. 256.
15. Шаяхметова И.З. Организация подготовки кадров в БАССР для советских и комсомольских органов в 1920-е гг. // Этапы большого пути: материалы республиканской науч. конф. Уфа: БГУ, 2005. С. 28–30.

ШАЯХМЕТОВА ИРИНА ЗУФАРОВНА – кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник лаборатории южноуральского городоведения, Башкирский государственный университет, Россия, Уфа (istoriografiya@mail.ru).

I. SHAYAKHMETOVA

STAFF EDUCATIONAL LEVEL OF MUNICIPAL COUNCIL EXECUTIVE COMMITTEES OF THE SOUTHERN URALS

Key words: municipal councils, executive committees, the Southern Urals, staff.

The article is devoted to study results of staff educational level of executive committees of municipal councils of the Southern Urals on the basis of unpublished documents and materials revealed in the archives of Moscow and Ufa. Staff training for Soviet institutions was carried out at Soviet party schools. This resulted in formation of government officials segment at the local level executing current economic tasks. Over time, training in Soviet party schools became a necessary step for career growth along with being a member of the party. This meant turning Soviet party schools into establishment privilege, disconnected from people, in whose interests it was organized. In the post-war period the problem of qualified personnel training for Soviet authorities worsened. Many employees of municipal councils who had started working during the Great Patriotic War and after it did not have sufficient theoretical training and practical experience. This

undermined the work of departments and offices of municipal executive councils. In order to address these shortcomings in the USSR on the basis of three-year schools four-year schools (higher education institutions) were opened, they delivered diplomas of higher education upon graduation. At the same time continuous short-term training courses were supposed to be organized instead of one-year refresher courses for specialists. Senior executives staff was replenished in part by individuals who graduated from legal institutions, schools and faculties of universities of the USSR, which provided specialization for undergraduates wishing to work in the field of Soviet construction.

References

1. Ahmadiev T.H. *Politicheskie predposylki formirovaniya bashkirskoi socialisticheskoi natsii* [Political prerequisites for the formation of the Bashkir socialist nation]. In: *Voprosy istorii Bashkirii. Vyp. 2. Sovetskii period* [Questions of history of Bashkortostan. Iss. 2: The Soviet Period]. Ufa, 1972, p. 63.
2. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. F. R-1235. Op. 106. D. 310. L. 25* [State archives of the Russian Federation. Archive R-1235. Anagraph 106. Document 310].
3. Korzhavin N. *Istoki i psikhologiya istoricheskoi zaderzhki* [The origins of psychology and historical delay]. *Pogruzhenie v tryasinu (Anatomiya zastoya): sbornik* [Works collection «Dive into the mire (anatomy stagnation)»]. Moscow, Progress Publ., 1991, pp. 6–14.
4. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Bashkortostan. F. 1. Op. 1. D. 9. L. 95ob* [The National Archives of the Bashkir Republic. Archive 1. Anagraph 1. Document 9].
5. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Bashkortostan. F. 22. Op. 4. D. 19. L. 49* [The National Archives of the Bashkir Republic. Archives 22. Anagraph 4. Document 19].
6. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Bashkortostan. F. R-91. Op. 5. D. 10. L. 187* [The National Archives of the Bashkir Republic. Archives R-91. Anagraph 5. Document 10].
7. *Ob uluchshenii deyatelnosti Sovetov deputatov trudyashchikhsya i usilenii ikh svyazei s massami: Postanovlenie TsK KPSS. 22 yanvarya 1957 g.* [On the improvement of the activities of the Soviets and strengthening their ties with the masses: The Resolution of the Central Committee of the CPSU. January 22, 1957]. *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsii i plenumov TsK. 3-e izd.* [CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. 3rd ed.]. Moscow, Politizdat Publ., 1957, vol. 9, pp. 156–166.
8. Pashin V.P. *Nekotorye kharakternye cherty deyatelnosti partii sotsial'nogo aparteida* [Some features of the activities of the party of social apartheid]. *KPSS i nomenklatura v sovetskom obshchestve: materialy Internet-konferentsii (dekabr' 2005 – fevral' 2006)* [Proc. of Internet Conf. «CPSU and the nomenclature in the Soviet society»]. Perm, 2007, p. 61.
9. Pashin V.P., Pashin A.V. *Novye podkhody v podgotovke kadrov sovetskoj formatsii v usloviyakh nepa* [New approaches in the preparation of the Soviet formation personnel in the conditions of the NEP]. *Nomenklatura i nomenklaturnye praktiki v Rossii: materialy Internet-konferentsii «Nomenklatura i nomenklaturnye praktiki v Rossii» (fevral' – april' 2007 g.)* [Proc. of Internet Conf. «Nomenclature and nomenclature practice in Russia»]. Perm, 2007, p. 120.
10. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii. F. 17. Op. 7. D. 88. L. 91* [Russian state archive of socio-political history. Archives 17. Anagraph 7. Document 88].
11. *Sovety narodnykh deputatov: Status. Kompetentsiya. Organizatsiya deyatelnosti: sbornik dokumentov* [The Council of People's Deputies: Status. Competence. Organization of activity: Collection of documents. Works collection]. Moscow, Yuridicheskaya literature Publ., 1980, pp. 44.
12. Khalfin S.A. *Razvitiye vysshego i srednego spetsial'nogo obrazovaniya v Bashkirii za gody sovetskoj vlasti* [Development of higher and secondary special education in Bashkiria during the Soviet era]. *Velikii Oktyabr' i sotsialisticheskoe stroitel'stvo: tez. nauch. konf. prepodavatelei kafedr obshchestvennykh nauk vuzov BASSR* [Proc. of Sci. Conf. «The Great October Revolution and socialist construction»]. Ufa, Bashkir State University Publ., 1987, p. 96.
13. Chernykh A.I. *Stanovlenie Rossii sovetskoj: 20-e gody v zerkale sotsiologii* [Formation of Soviet Russia: 20 years in a mirror of sociology]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ., 1998, p. 112.
14. Shayakhmetova I.Z. *Kadrovyyi sostav ispolnitel'nykh komitetov gorodskikh Sovetov Bashkirskoi ASSR v 1919 – 1991 gg.* [The staff of the executive committee of city council of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic in 1919–1991]. *Nauchnoe nasledie A.-Z. Validi Togana i sovremennye problemy federalizma v Rossii: materialy Mezhtregion. nauch.-prakt. konf. posvyashchennoi 115-letiyu so dnya rozhdeniya A.-Z. Validi Togana (V Validovskie chteniya)* [Proc. of Int. Sci. Conf. «Scientific Heritage A.-Z. Validi Togana and modern problems of Federalism in Russia»]. Ufa, Bashkir State University Publ., 2005, p. 256.
15. Shayakhmetova I.Z. *Organizatsiya podgotovki kadrov v BASSR dlya sovetskikh i komsomol'skikh organov v 1920-e gg.* [Organizing training BASSR for Soviet and Komsomol bodies in 1920s]. *Etapy bol'shogo puti: materialy respublikanskoi nauch. konf.* [Proc. of Conf. «The Big Way»] Ufa, 2005, pp. 28–30.

SHAYAKHMETOVA IRINA – Candidate of Historical Sciences, Research Laboratory of the South Ural Keeping Cities, Bashkir State University, Russia, Ufa (istoriografiya@mail.ru).

Ссылка на статью: Шаяхметова И.З. Образовательный уровень кадрового состава исполнительных комитетов городских советов Южного Урала // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 4. – С. 168–172.

УДК 94(470.41)''1905/1907'':[061:336]
ББК ТЗ(2)532-237(2-8К23)

Д.А. ЯЛТАЕВ

ОРГАНИЗАЦИЯ ВООРУЖЕННОЙ ОХРАНЫ УЕЗДНЫХ ФИНАНСОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВРЕМЯ КРЕСТЬЯНСКИХ ВОЛНЕНИЙ 1905–1907 ГОДОВ*

Ключевые слова: уездные казначейства, вооруженная охрана, революция 1905–1907 гг., крестьянские восстания.

В статье прослежено резкое изменение в системе охраны уездных казначейств Казанской губернии. Показано отсутствие внимания к данному вопросу со стороны властей до начала революционных событий 1905 г. Финансовые учреждения не имели специальной охраны, а сторожа были почти безоружны. Это привело к случаям самостоятельного обеспечения фискальными работниками своей защиты. В период аграрных беспорядков, вызванных революцией и неурожаями зерна, власти из-за ограниченности сил полиции использовали военную охрану силами местного гарнизона, а затем по инициативе Министерства финансов предоставили оружие работникам казначейств.

Развитие служб обеспечения охраны государственных и муниципальных организаций, связанных с хранением и передачей денежных сумм в современности – одна из наиболее сложных проблем, с которой сталкиваются правоохранительные органы. Техническое оснащение данных систем представляет в данный момент одну из наиболее сложных проблем поддержания высокого уровня безопасности финансовых объектов.

В России до начала XX в. вооруженная охрана уездных финансовых учреждений, где содержались деньги, была не особо развита. Относительная малочисленность уездных центров, по мнению властей, не требовала содержания сколько-нибудь значительной вооруженной охраны. Уголовникам-налетчикам было бы трудно скрыться в условиях сельской местности, где «все друг друга знали». К тому же слабо развитые промышленные предприятия и торговля определяли отсутствие в казначействах постоянных накоплений значимых сумм. В Казанской губернии крупные заводы располагались только в г. Казани. Как следствие, властям представлялось достаточным обеспечение охраны во время почтовой отправки денежных сумм, а также присутствие городских в дневное время суток на центральных улицах уездных городов.

В начале XX в. криминогенная среда начала существенно меняться. В результате быстрого роста численности партии эсеров и других политических движений все чаще стали происходить так называемые «экссы», т.е. грабежи государственных и коммерческих структур с целью добычи денежных средств для подпольной революционной борьбы.

5 мая 1903 г. в составе уездов учредили конную и пешую стражу, которая могла формироваться в относительно крупнее отряды. Однако реально в Казанской губернии она была создана лишь 2 ноября 1905 г. под влиянием массовых народных революционных выступлений, а следовательно, предназначалась больше для политической охраны.

Высший подъем революции 1905–1907 гг. и Манифест 17 октября 1905 г. привели к росту революционного брожения в регионе и обеспокоенности властей сложившимися обстоятельствами. Ситуация осложнялась тем, что в 1905 г. произошел недород хлебов [З. Л. 2]. Свяжский уездный казначей Н.Д. Баканов 19 октября 1905 г. докладывал управляющему Казанской казенной палатой К.А. Штенгеру: «Ввиду крайне смутного времени, считаю долгом довести до сведения, что в случае вооруженного нападения на Казначейство я

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФГНФ научного проекта № 15-11-21003.

положительно лишен возможности принять какие-либо меры к ограждению казенного имущества, так как в моем распоряжении находятся 4 присяжных и только один из них, стоящий у кладовой, вооружен шашкой и револьвером; при этом нельзя рассчитывать на помощь и со стороны местной полиции со штатом полицейской команды в 5 человек, точно так же и воинского начальника, имеющего в своем распоряжении конвойную команду в 6-8 человек» [2. Д. 2471. Л. 1]. Показателен и тот факт, что в г. Чебоксары в здании Уездного казначейства одновременно располагалось Уездное воинское присутствие, где принимались новобранцы. Как известно, последнее учреждение привлекало стечение большого числа местных жителей, под прикрытием которых могли бы легко действовать преступники.

Для решения вышеназванных проблем власти изначально ограничились мерами по использованию имеющихся человеческих ресурсов. 29 октября 1905 г. казанский губернатор П.Ф. Хомутов в письме К.А. Штенгеру предложил уездным полицейским исправникам в случае требований со стороны местных казначейств усилить их караулы полицейскими служителями, «насколько это окажется возможным» [2. Д. 2471. Л. 5]. 31 октября Чебоксарскому уездному исправнику Н.В. Яснитскому была направлена телеграмма, в которой ему предлагалось «немедленно войти в соглашение с городским управлением относительно отвода другого помещения для действий Уездного воинского присутствия при приеме новобранцев, в возможно большем удалении от местного казначейства» [2. Д. 2471. Л. 8]. Удивляет оперативность мероприятий, принятых местными властями. Уже 2 ноября 1905 г. деятельность Чебоксарского уездного по воинской повинности присутствия по приему новобранцев из здания Уездного казначейства была перенесена в помещение местного народного дома (общедоступного культурно-просветительского учреждения).

Чем же были вызваны столь внезапные перемены и скорость принятых властями мер? Дело в том, что с 24 октября в г. Цивильск начали циркулировать тревожные слухи о планирующемся разгроме казначейства. Радикальность настроений местного населения объяснялась тем, что в эти дни из Казани вернулась учащаяся молодежь, которая участвовала там в революционных «беспорядках». Молодые люди оповещали местных городских жителей, а через них и крестьян окрестных деревень, о начавшихся в Казани волнениях, комментируя их каждый по-своему. В качестве цели предполагалось вызвать демонстративные действия со стороны цивильских жителей, добрую половину которых составляли крестьяне. Агитация фрондирующей молодежи распространялась и на помещичьих крестьян соседних с городом селений, среди которых начавшиеся с лета волнения земельного характера так до сих пор и не прекращались. На фоне развернувшихся разговоров от вкладчиков сберегательных касс стали поступать настойчивые требования о возврате их вкладов. Работникам кассы было поручено разубеждать вкладчиков в правомерности слухов с целью, чтобы те не забирали вклады полностью [2. Д. 2471. Л. 10].

27 октября крестьяне с. Иванова Цивильского уезда разграбили усадьбу купца Н.П. Курбатова. 28 октября Цивильский уездный казначей Н.П. Златоустов в панике описывал программу «заговора крестьян»: «в первую очередь разгромить экономию Курбатова, затем экономии Арцыбышева и Верцелиуса при д. Мамино, откуда решено перейти в экономию Безобразова, а оттуда уже двинуться к городу для расправы с купцом Курбатовым и разгрома казначейства» [2. Д. 2471. Л. 12]. Военные власти ограничились явно «косметическими мерами». 3 ноября 1905 г. начальник управления казанской бригады генерал-лейтенант М.И. Вукотич в письме № 1074 управляющему Казанской казенной палатой сообщал, что «распоряжением временно командующего

войсками округа разрешено назначить, в случае просьбы уездных казначеев, военную охрану для казначейств из 1-2 человек от конвойной команды, о чем мною сделано по телеграфу распоряжение уездным воинским начальникам Казанской губернии» [2. Д. 2471. Л. 13]. Полиция же ввиду ограниченности средств и личного состава обещала прийти на помощь казначейству только в самый критический момент при угрозе разгрома его толпой.

Рассматривая вопрос о собственной неполицейской охране казначейств, следует отметить факт крайне скудного запаса оружия. В преддверии описанных событий Департамент государственного казначейства Министерства финансов 8 августа 1905 г. потребовал доставить сведения об оружии и его состоянии в уездных казначействах. В итоге оказалось, что в Лаишевском уездном казначействе имелись 1 шашка и 1 револьвер системы Смита – Вессона. В Свяжском казначействе вооружение было вообще анекдотичным: здесь нашли 1 шашку и 1 револьвер «неизвестно какой системы и совершенно не отвечающий своему назначению». В Тетюшском был только 1 револьвер. Этим оружием обеспечивались присяжные охранники. В других казначействах ситуация была не лучше [2. Д. 2601. Л. 1–5]. Городские полицейские команды получали оружие за счет местных городских дум, которые на эти цели выделяли деньги крайне неохотно. Доходило до того, что у городских иногда не было ни одного патрона к револьверам [5. С. 117]. В итоге цивильский казначей Н.П. Златоустов для хоть какой-то самозащиты купил один револьвер у купца Визгина, оказавшийся единственным во всем городе, а другой взял на время у местного воинского начальника. Конечно, стоимость револьвера не была очень уж большой – 21-27 руб. [4. С. 94], однако она сопоставима с месячным жалованием чиновника низкого ранга.

Не сразу устранили опасность и в Чебоксарах. 9 ноября 1905 г. местный уездный казначей П.П. Захаров писал чебокарскому уездному исправнику Н.В. Яснитскому, что соборный дьякон А.А. Языков в разговоре с местными жителями высказывал свое убеждение о необходимости разграбить Чебоксарское казначейство, уверяя крестьян, что деньги там их собственные. В Казани, несмотря на присутствие здесь отряда жандармов и относительно большое число дежурящих на улицах городских, власти также чувствовали себя не вполне спокойно. В марте Казанская казенная палата вместо востребованных до этого четырех солдат дневного караула запросила у воинского начальства увеличения военизированной охраны до восьми человек, ссылаясь на произошедшее тогда в Москве ограбление одного из банков.

Осенью 1906 г. ситуация в целом нормализовалась. К этому времени была сформирована конная и пешая полицейская стража. С другой стороны, Казанский, Лаишевский, Спасский, Тетюшский и Чистопольский уезды в 1906 г. очень сильно пострадали вследствие неурожая (ржи собрали 23,75%, овса – 18,9% от нормы), в Чебоксарском, Цивильском и Чистопольском уездах с августа по ноябрь прокатилась волна крестьянских восстаний [3. Л. 2, 11]. Поэтому напряженность сохранялась. Департамент государственного казначейства Министерства финансов 30 марта 1906 г. выслал в распоряжение Казанской казенной палаты 24 револьвера системы Смита – Вессона и 600 патронов к ним. Все уездные казначеи получили по 2 револьвера и 50 патронов [2. Д. 2601. Л. 25]. На постоянной основе для охраны использовались солдаты. Так, к примеру, в г. Мамадыш снаружи уездного казначейства дежурили два полицейских стражника с винтовками и два с шашками и револьверами внутри. В Тетюшах соответствующие функции выполняла команда стражников из 10 человек (2 дежурили, остальные оставались в запасе). В Цивильске около казначейства круглосуточно дежурили два стражника, а днем еще четыре располагались внутри. При этом полицейским стражникам оказывал по-

мощь один опытный городской, хорошо знающий жителей города и окрестностей [2. Д. 2471. Л. 34–58]. Вследствие подавления революции и нормализации обстановки военные власти решили снять боевую охрану финансовых учреждений. С 15 октября 1906 г. губернатором М.В. Стрижевским было принято решение освободить войска от нарядов по «окарауливанию» отделений банка, казначейств, почтово-телеграфных контор и прочих учреждений гражданского ведомства. В дальнейшем использовались полицейские подразделения, командированные в казначейства двух-трех стражников в дневное время, а ночью и в табельные и праздничные дни – только одного охранника [2. Д. 2471. Л. 64, 80]. Усилили также охрану казначейств своими сотрудниками 29 октября 1907 г. Департамент государственного казначейства Министерства финансов выслал в Казанскую губернию 53 револьвера системы Смита – Вессона и 1350 патронов к ним. На местах служащих казначейства получили по 4 револьвера и по 2 коробки патронов к ним [2. Д. 2601. Л. 39].

В период Российской империи вплоть до конца ее существования не была создана специальная охрана местных финансовых учреждений. Как правило, в дневное время рядом с ними находились постовые городские, в ночное же время и выходные дни охрану осуществлял сторож, который, как правило, был один на каждое казначейство. Только в период революции 1905–1907 гг. губернские власти временно прикомандировали солдат из местного гарнизона, которых уже к концу 1906 г. отозвали обратно. В дальнейшем Министерство финансов передало оружие служащим казначейств. Таким образом, непосредственное обеспечение безопасности осуществляли сами управляющие с бухгалтерами без постоянного охранника.

Литература

1. Евдокимова А.Н. Система управления сельским населением Чувашского края в церковной документации XIX века // Университетское образование в полиэтничных регионах Поволжья: к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова (VI Арсентьевские чтения): сб. ст. Чебоксары: ООО Центр научного сотрудничества Интерактив плюс, 2015. С. 84–95.
2. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 1. Оп. 3.
3. Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 194. 1907 г. Д. 102.
4. Тищенко В.Г. Полицейское оружие России конца XIX – начала XX веков // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. № 3(6). С. 93–97.
5. Ялтаев Д.А., Григорьев В.С. Вооружение полиции Чувашского края Казанской губернии в начале XX века // Вестник Чувашского университета. 2012. № 2. С. 116–118.

ЯЛТАЕВ ДМИТРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой отечественной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (dmru@mail.ru).

D. YALTAEV

**ORGANIZATION OF ARMED SECURITY FORCES
OF DISTRICT MONETARY INSTITUTIONS IN THE KAZAN PROVINCE
DURING THE PEASANTS' REVOLTS OF 1905–1907**

Key words: district treasuries, armed security forces, Revolution of 1905–1907, country revolts.

The article traces sharp changes in the system of district treasuries protection of the Kazan province. Lack of attention to the matter by authorities prior to revolutionary events of 1905 is shown. Financial institutions had no special protection, and watchmen were almost unarmed. It resulted in cases of independent protection ensuring by fiscal workers. In the period of agrarian disorders caused by revolution and crop failures, because of police forces limitation authorities used military protection of local garrison forces. Later by the initiative of the Ministry of Finance weapons were provided for use to treasuries employees.

References

1. Evdokimova A.N. *Sistema upravleniya sel'skim naseleniem Chuvashskogo kraya v tserkovnoi dokumentatsii XIX veka* [Control system of country people of the Chuvash region in church documentation of the 19th century]. *Universitetskoe obrazovanie v polietnichnykh regionakh Povolzh'ya: k 50-letiyu Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I.N. Ul'yanova (VI Arsent'evskie chteniya): sb.st.* [University education in many ethnoses regions of the Volga region: to the 50 anniversary of the Chuvash State University of name I.N. Ulyanov (VI Arsent'evsk readings): Collected papers]. Cheboksary, Tsentr Nauchnogo Sotrudnichestva Interaktiv Plyus Publ., 2015, pp. 84–95.
2. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan. Fond 1. Opis' 3* [The National Archives of the Tatar Republic. Archive 1. Anagraph 3].
3. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv. Fond 1284. Opis' 194. 1907 god. Dokument 102* [Russian State Historical Archive. Archives 1284. Anagraph 194, 1907 year. Dokument 102].
4. Tishchenko V.G. *Politseiskoe oruzhie Rossii kontsa XIX – nachala XX vekov* [Police weapon of Russia in the late 19th and early 20th centuries]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Law and order: history, theory, practice], 2015, no. 3(6). pp. 93–97.
5. Yaltaev D.A., Grigor'ev V.S. *Vooruzhenie politsii Chuvashskogo kraya Kazanskoj gubernii v nachale XX veka* [Arms of police of the Chuvash region of the Kazan province at the beginning of the XX century]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2012, no 2, pp. 116–118.

YALTAEV DMITRY – Candidate of Historical Sciences, Head of Russian History Department, Chuvash State University, Cheboksary, Russia (dmru@mail.ru).

Ссылка на статью: Ялтаев Д.А. Организация вооруженной охраны уездных финансовых учреждений в Казанской губернии во время крестьянских волнений 1905–1907 годов // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 4. – С. 173–177.

УДК 94:631(470.41)"1842/1852"

ББК ТЗ(2Рос-8Каз)52-21

Д.А. ЯЛТАЕВ, А.В. ЗОТИКОВ

ОРГАНИЗАЦИЯ ПЕРВЫХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ВЫСТАВОК В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА*

Ключевые слова: аграрная история, выставки сельского хозяйства, государственные крестьяне, удельные крестьяне, помещики, Казанская губерния.

В статье показан процесс зарождения выставок продукции и орудий сельского хозяйства в 40–50-х гг. XIX в. на примере Казанской губернии. Подробно описаны дискуссии о месте и времени проведения таких мероприятий между Министерством государственных имуществ и различными губернскими учреждениями. Сделаны выводы об изначальной низкой активности как помещиков, так и крестьян в процессе формирования выставочных экспозиций. Проведен сравнительный анализ участия представителей разных сословий, в особенности государственных и удельных крестьян, в работе сельскохозяйственных выставок.

Выставочное дело, сельскохозяйственные ярмарки сегодня являются приоритетным направлением во внедрении интенсивных методов хозяйствования в аграрном секторе. Интересен опыт первых шагов в этом направлении, которые власти еще Российской империи впервые предприняли во второй четверти XIX столетия. В то время проблемы народного продовольствия губернские власти ставили на первое место. Ежегодно губернаторы в своих отчетах писали о состоянии сельского хозяйства, предлагали способы по улучшению эффективности сельского хозяйства. Даже полиция во всех своих отчетах на первое место ставила вопросы о сборе урожая и организации местных ярмарок [6. С. 195].

Изначально организуемые при поддержке государства выставки ориентировались на создание промышленности на всей территории России. Достаточно быстро губернские власти и местные общественные объединения убедились в полезности данной формы стимулирования экономики и обратились к сельскому хозяйству – основной отрасли, приносящей доход подавляющему количеству отечественных хозяйств того времени. 9 декабря 1842 г. по инициативе министра государственных имуществ П.Д. Киселева император Николай I подписал указ «Об учреждении по губерниям выставок произведений земли, скота и произведений сельских ремесел» [5]. Изначально данный закон ориентировался только на юг России, в частности – на новороссийские губернии. Если судить по предусмотренной системе наград, особое внимание уделялось скотоводству. В этом документе уже предполагалось при успешности эксперимента распространить опыт на среднюю полосу империи, что и было сделано в последующие годы. Некоторые авторы считают, что сельскохозяйственные выставки в Казани начались еще в 1842 г. [3. С. 173], однако этого не могло быть, поскольку указанный закон вышел только в конце 1842 г., а действие на регионы центральной России распространял в последующие годы. Распоряжение выставками поручалось особому в каждой губернии комитету, состоящему из губернского предводителя дворянства, управляющего палатой государственных имуществ и трех помещиков, назначаемых по приглашению губернского предводителя дворянства. Согласно данному закону «к состязанию допускались произведения земли, скот и произведения сельских ремесел», деньги на награды и премии отпускались из хозяйственного капитала [5].

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-11-21003.

В Казанской губернии прослеживалась такая же тенденция, что и по всей России. В 1837 г. здесь была организована «Выставка мануфактурных и естественных производителей» [1. С. 75], целью которой было способствовать начавшемуся промышленному перевороту, хотя, конечно, фабричного производства здесь еще не существовало. В мае 1845 г. Министерство государственных имуществ открыло в Казани «Выставку сельских и других произведений». Министр П.Д. Киселев в письме казанскому губернатору С.П. Шипову указывал, что она учреждалась «первый раз для приобретения опыта» [4. Д. 575. Л. 1]. По современным меркам затраты государства на данное мероприятие были не столь уж и большие. Первый департамент Министерства государственных имуществ на проведение выставки выделил 850 руб. 67,5 коп., из них израсходовали 592 руб. 71,5 коп. Некоторый переизбыток выделенных средств, по-видимому, был связан с неудачным временем организации мероприятия. Май – начало разгара сельскохозяйственных работ. Во-первых, в это время крестьяне были заняты на своих наделах и не видели смысла в том, чтобы отвлекаться на незнакомое для них выставочное дело. Во-вторых, продукты их труда можно было демонстрировать в конце сезонных работ, а не в начале. По итогам выставки властями были сделаны соответствующие выводы [4. Д. 575. Л. 3].

В целом опыт 1845 г. можно считать вполне успешным, поскольку буквально через полтора года Министерство госимуществ 21 января 1847 г. приняло решение об организации второй Казанской выставки сельских произведений. Причем в этом случае произошло значительное расширение охвата региона, включавшего Среднее Поволжье и соседствующие территории. Выставка предназначалась для Вятской, Казанской, Нижегородской и Симбирской губерний. П.Д. Киселев считал, что местом ее проведения необходимо назначать селение или уездный город, куда осенью на ярмарки съезжаются крестьяне всех сословий. Отчасти это было справедливо, так как сами крестьяне пока еще не видели причин для своего участия, рассматривая выставки как очередную причуду властей. Приезд же крестьян из разных уездов на традиционную сельскую ярмарку являлся естественным делом. Кроме того, сельские жители могли опасаться ехать в Казань из-за дороговизны проезда и пребывания в большом городе.

Вокруг сроков и места организации выставки развернулась бурная дискуссия. Казанская палата государственных имуществ в письме от 6 марта 1847 г. к военному губернатору И.А. Баратынскому указала на наиболее удобное место для проведения выставки – село Богородское Тетюшского уезда (современный поселок городского типа Камское Устье Республики Татарстан), являвшееся географическим центром четырех вышеуказанных губерний (располагается на месте слияния двух судоходных рек Камы и Волги). Наилучшим временем открытия выставки палата посчитала период с 8 по 20 сентября, когда крестьяне завершали сбор урожая зерновых культур. Казанская удельная контора, соглашаясь с осенним сроком, предлагала оставить выставку в Казани, где имелась возможность совместить ее с изучением промышленного производства, которое практически полностью размещалась именно здесь. Губернский предводитель дворянства В.Ф. Желтухин подтверждал этот аргумент тем, что в уездных городах и селениях Казанской губернии не имелось больших ярмарок. Действовали только базары, продолжавшиеся от одного до двух или трех дней, на которые съезжались только крестьяне окольных селений для покупки дегтя, смолы, колес и других вещей, нужных в сельском быту. В.Ф. Желтухин предлагал сдвинуть сроки на октябрь, когда окончательно прекращались все сельскохозяйственные работы, а большинство помещиков возвращались из имений на постоянное жительство в Казань [4. Д. 575. Л. 7–9]. При обсуждении всех мнений организаторы учли еще одно обстоятельство – уездные города не распола-

гали достаточным количеством помещений для размещения всех экспонатов. В итоге решили провести выставку в Казани с 1 по 15 октября 1847 г. Департамент сельского хозяйства Министерства государственных имуществ выделил на расходы 777 руб. 71 коп. [4. Д. 575. Л. 11, 22, 24].

При этом все проявленные инициативы и приложенные усилия оказались тщетными. Сами сельские производители так и не проявили должного интереса. Количество представленных экспонатов оказалось настолько ничтожным, что власти отказались от идеи проведения выставки в 1847 г. и перенесли ее на следующий год в Нижний Новгород, справедливо приурочив ее к ежегодной всероссийской ярмарке [4. Д. 575. Л. 30].

И все-таки предпринятые усилия не пропали даром. Поскольку государственные органы власти и местное дворянское самоуправление в 1847 г. не смогли достичь успеха, инициативу на себя взяло Императорское казанское экономическое общество. Выставка «сельских произведений для Вятской, Пензенской, Казанской, Нижегородской, Саратовской, Симбирской и Самарской губерний» открылась 10 мая и продолжалась целый месяц – по 10 июня 1852 г. При этом следует отметить особенность этой выставки: новые организаторы проявили к ее организации и проведению научный подход. Согласно постановлению оргкомитета по понедельникам и пятницам выставка закрывалась для посетителей. Это время отводилось под заседания комитета, обсуждение экспонатов экспертами, поправку выставленных вещей, очистку помещений. В остальные дни выставка была открыта постоянно с 10 до 16 ч. По распоряжению казанского военного губернатора И.А. Баратынского под нее отвели четыре зала дома Казанского городского общества. Для удобства приняли следующее деление по классам продукции: *А – сельскохозяйственные продукты*: I – полеводства; II – луговодства; III – лесоводства; IV – огородничества; V – садоводства; VI – скотоводства; VII – пчеловодства; VIII – земледельческие орудия; IX – сельские мастерства; *Б – произведения мануфактурные*: X – заводские; XI – фабричные; XII – ремесленные; *В – произведения художественные*: класс XIII – живопись, скульптура и архитектура [4. Д. 782. Л. 1–129].

Чтобы представить масштабы мероприятия, можно привести несколько конкретных примеров. По I классу «продукты полеводства» было представлено 144 экспоната: ржи – 24, полбы – 17, ячменя – 16, пшеницы – 14, проса – 2, гречи – 7, конопляного семени – 9, льняного – 10. Наибольший интерес участники проявили к овсу: 13 человек привезли 31 образец. Помимо этого на Казанской выставке демонстрировались 5 образцов ржаной муки, 5 – ржаного солода, 5 – пшеничной муки, 3 – пшеничной крупы, 2 – ячменного солода. Всего в этом классе выступали 54 участника: 7 помещиков (1 из Нижегородской, остальные из Казанской губернии), 1 купец, 46 крестьян (4 из Вятской, 42 из Казанской губерний) [4. Д. 782. Л. 130–131].

Сопоставляя вышеприведенные цифры, легко заметить, что хлебопашцы соседних с Казанской губерний проигнорировали выставку. Только вятчане проявили высокую активность и сознательность. Особенно отличились М. Максимов и Е. Митюклаев: первый представил 14; а второй – 19 образцов, которые почти по всем позициям заняли первые места. Ни один из крестьян Казанской губернии не привез более 3 образцов. Если сравнить крестьян с помещиками, то относительно последних вырисовывалась грустная картина. Только один из них – В.Л. Тиле, представил все свое полевое хозяйство. Классы V «садоводство»; VI «скотоводство» проигнорировали все сословия и губернии [4. Д. 782. Л. 131–138]. Особый интерес вызвал участник класса пчеловодства казанский мещанин Я. Клыковский, представивший все соответствующие принадлежности: улья раз-

личных устройств, втулочные ковши, роевые блоки, маточники, кормовые корытца, курильницы, модели воскобойни и лежачего улья, проволочную сетку, пчелиный клей, трутней и рабочих пчел на булавках и др. На балконе дома городского общества Я. Клыковский выставил стеклянно-втулочный улей Прокоповича с роем пчел. В продолжении всей выставки он постоянно привлекал внимание посетителей, с удивлением и любопытством наблюдавших жизнь трудолюбивых плел [4. Д. 782. Л. 138]. Интересен и тот факт, что улей собственного изобретения показал известнейший математик, помещик Казанской губернии Н.И. Лобачевский, назвавший его «Столярский висячий улей». Он же вместе с помещиком О. Молостовым оказался среди лучших участников, демонстрировавших образцы шерсти [4. Д. 782. Л. 140, 142].

Всего экспозиция выставки была представлена 771 предметом. Помещики Казанской губернии привезли 54 экспоната, помещики Нижегородской губернии – 2, крестьяне Нижегородской губернии – 60, крестьяне Вятской губернии – 74, крестьяне Казанской губернии – 581. Цифры четко показывают, что выставка больше касалась местного производства. Более половины из заявленных губерний вообще не приняли участия из-за удаленности. Некоторые же активисты из Вятской и Нижегородской губерний уже были хорошо известны научной общественности по выставкам в Санкт-Петербурге и Вятке. Интересна и сословная принадлежность участников. Из состава Казанской губернии, как уже упоминалось, 7 помещиков выставили 54 экспоната, 3 крепостных – 10 экспонатов, 59 удельных крестьян – 102 экспоната. Крайне мало было купцов и мещан. Самую высокую активность проявили государственные крестьяне: 341 их представитель привез 379 предметов. Последнее обстоятельство можно объяснить их наибольшей представленностью среди населения Казанской губернии, а также относительной свободой по сравнению с крепостными и удельными крестьянами. С другой стороны крайне малое разнообразие привезенных государственными крестьянами экспонатов (в подавляющем большинстве случаев по одному на человека) говорит о неразвитости их хозяйства.

Выявилась существенная разница между удельными и государственными крестьянами. Первые отдавали предпочтение хлебопашеству. Из ремесел ограничивались по большей части изготовлением холстов, сукна, изредка – рогами, выделкой овчины. Вторые почти ничего не представили по земледельческим отраслям. При этом государственные крестьяне показали себя хорошими пчеловодами, кузнецами, колесными и кузовными мастерами, гребенщиками, шубниками. Некоторые даже лили дробь. Это объясняется развитием отходничества среди именно этой сословной категории населения, что способствовало созданию собственных производств на базе домашних хозяйств [2. С. 230–232]. Комитет выставки сделал интересные выводы о крестьянах разных уездов. Писали, что чебоксарцы – плохие хлебопашцы, но зато возделывают много льна, ткнут холст и полотно. Похожи на них оказались жители Тетюшского уезда, которые также не выставили земледельческих произведений, а ограничивались полотнами и скатертями. Крестьяне Царевококшайского уезда выказали себя трудолюбивыми хлебопашцами и отчасти пчеловодами. При этом отмечалось, что «зимой их жены прядут лен и шерсть, ткнут холсты и сукно, а мужья то охотятся, то играют на гусях веселя себя и других» [4. Д. 782. Л. 140, 142].

По итогам выставки медалями наградили 7 участников, похвальными листами – 42, денежными премиями – 4, подарками – 34, публичной похвалой – 22. Денежные премии комитет выставки выдавал только в том случае, если полностью был убежден в «скудности состояния представителя» [4. Д. 782. Л. 148].

Анализируя результаты проведения второй Казанской сельскохозяйственной выставки, можно выявить несколько тенденций. Интерес к этой форме развития аграрного производства помимо имперских и губернских властей начала проявлять научная общественность. Пока оставались слабо развиты экономические связи между разными губерниями. Крестьяне уже в середине XIX в. начали составлять определенную конкуренцию помещикам в инновационном подходе к сельскому хозяйству. Государственные крестьяне проявляли большую склонность к различным промыслам, а удельные оставались на консервативных позициях, развивая земледелие.

Литература

1. Загидуллин И.К. Социально-правовое положение жителей казенной деревни Волго-Уральского региона в первой половине XIX в. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2013. № 3. С. 64–84.
2. Зотиков А.В. Развитие отходничества в государственной деревне Чувашского края во второй трети XIX века // Человек труда в истории: актуальные вопросы исторической науки, архивоведения и документоведения. Чебоксары: Интерактив плюс, 2016. С. 228–233.
3. Назипова Г.Р. «Наше время – эпоха выставок»: к истории выставочной деятельности научного сообщества Казани (XIX – начало XX в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4-3. С. 173–178.
4. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 1. Оп. 2.
5. Об учреждении по губерниям выставок произведений земли, скота и произведений сельских ремесел // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. XVII. Отд. 2. № 16307.
6. Ялтаев Д.А. Обеспечение продовольственной безопасности в Казанской губернии на основе реформы 1900 года // Вестник Чувашского университета. 2015. № 4. С. 195–201.

ЯЛТАЕВ ДМИТРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой отечественной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (dmgu@mail.ru).

ЗОТИКОВ АЛЕКСЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ – старший преподаватель кафедры отечественной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (zotikov1187@mail.ru).

D. YALTAEV, A. ZOTIKOV ORGANIZATION OF FIRST AGRICULTURAL EXHIBITIONS IN THE KAZAN PROVINCE IN THE MIDDLE OF THE 19th CENTURY

Key words: agrarian history, exhibitions of agricultural industry, state peasants, appanaged peasants, landowners, the Kazan province.

The process of organizing production and agricultural tools exhibitions in the 40-50s of the 19th century on the example of the Kazan province is shown in article. Discussions about the place and time of holding such actions between the Ministry of state-owned properties and various provincial institutions are in detail described. Conclusions on initial low activity of both landowners and peasants in the course of preparing exhibition expositions are drawn. A comparative analysis of involvement of different estates representatives, in particular state and appanaged peasants is made.

References

1. Zagidullin I.K. *Sotsial'no-pravovoe polozhenie zhitelei kazennoi derevni Volgo-Ural'skogo regiona v pervoi polovine XIX v.* [Social legal status of inhabitants of the state village of the Volga-Ural region in the first half of the XIX century]. *Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya* [From history and culture of the people of Central Volga area]. 2013, no 3, pp. 64–84.
2. Zotikov A.V. *Razvitiye otkhodnichestva v gosudarstvennoi derevne Chuvashskogo kraja vo vtoroi treti XIX veka* [Development of an otkhodnichestvo in the state village of the Chuvash edge in the second third of the 19th century]. *Chelovek truda v istorii: aktual'nye voprosy istoricheskoi nauki, arkhivovedeniya i dokumentovedeniya* [Person of work in the history: topical issues of historical science, archive science and document science]. Cheboksary, Interaktiv plus Publ., 2016, pp. 228–233.
3. Nazipova G.R. «*Nashe vremya – epokha vystavok*»: k istorii vystavochnoi deyatelnosti nauchno-go soobshchestva Kazani (XIX – nachalo XX veka) [«Our time – an era of exhibitions»: to history of exhibi-

tion activity of scientific community of Kazan (19 – the beginning of the 20th century)]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of the Altai state university], 2008, no 4-3, pp. 173–178.

4. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan. Fond 1. Opis' 2* [The National Archives of the Tatar Republic. Archive 1. Anagraph 2].

5. *Ob uchrezhdenii po guberniyam vystavok proizvedenii zemli, skota i proizvedenii sel'skikh remesel* [About establishment on provinces of exhibitions of works of the earth, the cattle and works of rural crafts]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, Sobranie 2, Tom XVII. Otdelenie 2, no 16307* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Meeting 2. Tom. XVII. Office 2. No. 16307.].

6. Yaltaev D.A. *Obespechenie prodovol'stvennoi bezopasnosti v Kazanskoj gubernii na osnove reformy 1900 goda* [Providing food security in Kazan province based on 1900 reform]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2015, no 4, pp. 195–201.

YALTAEV DMITRY – Candidate of Historical Sciences, Head of Russian History Department, Chuvash State University, Cheboksary, Russia (dmru@mail.ru).

ZOTIKOV ALEKSEI – Senior Lecturer, Russian History Department, Chuvash State University, Cheboksary, Russia (zotikov1187@mail.ru).

Ссылка на статью: Ялтаев Д.А., Зотиков А.В. Организация первых сельскохозяйственных выставок в Казанской губернии в середине XIX века // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 4. – С. 178–183.

УДК 811.512.145:002.3

ББК 81.2Тат:76.02

В.М. ГАРИПОВА-ХАСАНШИНА, Л.И. ЯРУЛЛИНА

**ВОПРОСЫ ГРАФО-ФОНЕТИКИ
И ОРФОГРАФИИ ГЛАСНЫХ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА
НА СТРАНИЦАХ ТАТАРСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ
НАЧАЛА XX ВЕКА**

Ключевые слова: графема, вокализм, графо-фонетическая особенность, звуковой строй языка, графика, письменность, орфография, фонетика, орфография, диграф, диакритические знаки, периодическая печать.

Данная работа посвящена анализу статей по графо-фонетике гласных татарского языка, опубликованных на страницах татарских газет и журналов начала XX в. Цель статьи – определение вклада татарской периодической печати в развитие татарской фонетики и графики. В статье исследуются взгляды ученых, общественных деятелей татарского народа по вопросам вокализма татарского языка и передачи его на письме. Результаты работы могут представлять определённый интерес в изучении звукового строя и графики татарского языка.

Конец XIX – начало XX вв. являются рубежом больших перемен в общественно-политической и культурно-просветительской жизни татарского народа. Веяния нового времени, исторический прогресс, проникшие в татарское общество, оказали огромное влияние на рост духовно-национального самосознания народа. Подъем в национально-духовной сфере, в свою очередь, оказал значительное влияние на развитие национального образования, в частности на изучение и преподавание татарского языка. В этот период самые актуальные вопросы были связаны со звуковым строем татарского языка и способами передачи его на письме. Используемая долгое время без каких-либо изменений арабская письменность нуждалась в реформе, так как уже не могла отвечать требованиям современного татарского общества. По данному вопросу в конце XIX – начале XX вв. проводятся многочисленные конференции, съезды, разрабатываются проекты и т.д. Именно в этот период начинает выходить на свет большое количество различных самоучителей, азбук и пособий по татарскому языку (Х. Забир «Рәсемле әлифба» (1910), Г. Нугайбек «Башлангыч» (1911), Г. Алпаров «Хәреф вә имламыз» (1912), Н. Думави «Мөгәллим» (1913) и т.д.).

В эту бурно развивающуюся эпоху одной из основных площадок для дискуссий, споров, выступлений и способов доведения передовых теорий и идей до сознания народа становится татарская периодическая печать. Татарские газеты и журналы превращаются в арену для обсуждения настоящего и будущего татарской письменности, графики и орфографии, помогая тем самым широкому кругу читателей постичь новшества и достижения в изучении татарского языка.

В начале XX в. на страницах газет и журналов разгорелись настоящие дебаты и дискуссии, в которых принимали активное участие общественно-политические деятели, писатели и поэты, педагоги и просто небезразличные к судьбе татарской письменности люди. Особенно это касалось вопросов графики и орфографии, вокализма и консонантизма языка. На страницах изданий «Йолдыз», «Шура», «Мөгәриф», «Эш», «Мәктәп», «Укытучы» выступали такие видные деятели, как Г. Алпаров, М. Курбангадиев, Л. Джалай, Г. Ибрагимов, А. Мустафа, Г. Валид, Х. Гали, Й. Губайдуллин, Х. Джаникиев, Ш. Усманов, Дж. Шараф, Г. Хасан, Г. Хабиб и др.

На рубеже XIX–XX вв. главным вопросом в области графо-фонетики стал вокализм татарского языка, а именно: определение количества гласных и способы передачи их на письме, так как имеющиеся в арабском алфавите три графемы *ا*, *و*, *ى* не могли отражать на письме всю специфику гласных татарского языка. Своими размышлениями на эту тему поделился на страницах газеты «Йолдыз» («Звезда») и известный татарский общественно-политический деятель А. Максуди [12. С. 4], который указал на очевидные проблемы в этой области.

В 1911–1918 г. активными авторами татарских периодических изданий были Г. Исхаки [6. С. 495–497], Т. Каримов [7. С. 2], Х. Каримов [8. С. 491–493], З. Курмаши [10. С. 432], В. Халили [24. С. 81–82], Г. Шарипов [25. С. 563], Н. Яушев [27. С. 499–500], З. Алханов [1. С. 48], А. Мустафа [13. С. 27; 14. С. 47–50], Г. Сагди [17. С. 72–75; 18. С. 487–489; 19. С. 502–504] и др.

В статьях, вышедших в этот период, делаются попытки анализа графики и орфографии татарского языка. Многими авторами признается тот факт, что письменность требует реформы. Здесь необходимо заметить, что большинство из них понимало необходимость изменений, но содержание и сущность этих реформ каждый представлял по-своему.

Как уже отмечалось выше, особо жаркие дискуссии разгорелись вокруг вокализма татарского языка, где необходимо было ответить на два важных вопроса – количество гласных в татарском языке и количество букв для передачи их на письме. Н. Думави в своей статье по поводу обсуждаемого вопроса писал, что в целях сохранения целостности языка необходимо взять достаточное количество букв, чтобы они смогли отразить на письме татарскую речь в полном объеме. Автор замечал также, что при таком положении дел, когда все пишут по-разному и отсутствует доминирующее течение, придерживающееся определенного стиля письма, в этой области никакого продвижения не будет [2. С. 204–206].

На II Всероссийском съезде мусульманских преподавателей (1917) рассматривался вопрос о вокализме татарского языка и отмечалось, что в тюрко-татарском языке всего 6 звучных (голосовых) букв (мәд хәрәфә). Участники съезда пришли к мнению, что орфография тюрко-татарского диалекта в Поволжье должна основываться на фонетическом принципе. В основу резолюции съезда легли такие положения, как а) в корне слова каждому звуку должна соответствовать своя буква; б) не использовать для одного звука две графемы; в) в твердости и мягкости слов беззвучные буквы должны следовать за звучными (голосовыми) буквами; г) для типографии буквы должны быть только в одной форме [11. С. 55–56].

Н. Хаким выражает свое несогласие по поводу некоторых решений этого съезда. Автор считает, что не для каждого звука надо искать букву, а для каждой буквы необходимо найти свой звук. Он отмечает, что использование диакритического знака *ء* под *ى* неуместно. Автор также выступает против написания слов *تارتا*, *تەرتە*, *بارا*, *بەرە*, *بولا*, *بولە* только формой *تارتا*, *بارا*, *بولا*. Это, по мнению Н. Хакима, по-первых, приведет к тому, что в этом случае одна и та же буква будет обозначением двух разных звуков (**[a]** и **[ə]**) и, во-вторых, при использовании для мягкой *ه* (ə) и твердой хамзы *آ* (**a**) одной и той же буквы определить твердость или мягкость слова будет очень трудно, возникнут проблемы и при чтении [23. С. 82–84].

В 1-12 января 1919 г. в Казани проходила конференция по вопросам фонетики, графики и орфографии татарского языка, в ходе которой по теме определения количества гласных татарского языка дискутировали А. Мустафа

и Г. Шараф, каждый из них выступил с докладом. Так как их доклады рассматривали один и тот же вопрос, на страницах журнала «Магариф» они вышли в свет под заглавием «او (y – y), ای (ый – и) мерэжкэбме, бэсыйтмы? (кушыкмы, элле мөстэкийльме?)» («او (y – y), ای (ый – и) сложные или простые?»).

А. Мустафа придерживался взгляда, что y – y, ый – и – это сложные звуки. В качестве примера он привел слова, заканчивающиеся на و и ی: صو: (су), کتو (көтү), صی (сый), می (мий), کی (кий), طی (тый), یو (йуw). По мнению автора, если допустить, что каждый из звуков татарского языка самостоятельный, то для передачи их на письме потребуется 43 буквы [15. С. 78].

Г. Шараф, изучив эти звуки с акустического и физиологического аспектов, экспериментальным путем доказал, что они простые: «Я признаю звуки “ئو، ئی” простыми и считаю, что они должны передаваться на письме только одной буквой» [26. С. 83]. В результате экспериментов (многочисленных опытов) над гласными исследователь пришел к мнению, что в татарском языке десять самостоятельных гласных. Его поддержал и В.А. Богородицкий. Но при этом Г. Шараф, хотя и доказал существование в языке десяти гласных, на практике был сторонником передачи их на письме только шестью буквами [26. С. 80–83].

Одним из самых активных авторов татарской периодической печати того времени был Г. Ибрагимов. Проанализировав мнения по вопросу графофонетики и орфографии, Г. Ибрагимов указал еще на один существенный момент в вокализме татарского языка, а именно, на закон сингармонизма. Автор отмечал, что наличие в начале слова (на первой букве слова) знака твердости способствовало бы правильному его прочтению. Это привело бы к облегчению самого письма, а также облегчило бы обучение языку. Автор предложил в качестве графем для гласных татарского языка следующие буквы: ئا (а), ئه (э), ئی (и – ый), ئی (е – ы), ئو (о – о), ئو (y – y) [4. С. 198–216].

Г. Ибрагимов в газете «Татарстан» отмечал, что на совещании татаро-башкирских журналистов по поводу письменности, которое прошло 17-21 ноября 1920 г., пришли к следующим выводам: для передачи на письме десяти гласных татарского языка использовать шесть букв; исключить диакритические знаки; оставить для каждой буквы только одну форму независимо от ее позиции на письме. Таким образом, по мнению автора, будет поставлена точка на разногласиях по поводу графофонетики гласных букв [4. С. 207].

Авторы статей этого периода в зависимости от их мнения относительно вокализма татарского языка делятся на три группы: выступавшие за использование арабской графики без каких-либо изменений (сторонники старой имлы Н. Надиев и т.д.), исследователи, утверждавшие наличие десяти гласных (сторонники новой имлы К. Насыйри, Г. Нугайбек, М. Курбангалиев, Г. Алпаров, Х. Гали и т.д.). Третья группа хотя и признавала наличие десяти звуков, была за передачу на письме десяти звуков шестью графемами, чтобы не перегружать алфавит (сторонники средней имлы А. Максуди, Г. Ибрагимов, Дж. Валиди, Г. Сагди). Например, «Татар сарыфы», «Татар нэхүе» («Татарская морфология», «Татарский синтаксис») Г. Ибрагимова написаны средней имлой.

В поисках ответа на вопрос о точном количестве гласных в татарском языке и способах передачи их на письме исследователи предлагали различные варианты графем и диграфов. Авторы на материале арабского алфавита, используя диакритические знаки, придумывали свои буквы для гласных татарского языка. Например, для звука [y] предлагались او , او , او , تو , او , او ; для [y] – ئو , او , او , او , او , او ; для [o] – ئو , او , ئو , ئو , ئو , ئو ; для [ы] – ئی , ئی , ئی , ئی , ئی , ئی и т.д. Авторы писали теми буквами, которые они придумали. Газеты и журналы

также участвовали в популяризации определенной формы письменности. Например, А. Максуди пропагандировал через страницы газеты «Йолдыз» («Звезда») среднюю имлу. В результате всего этого татарская письменность начала XX в. напоминала очень пеструю картину, которая нуждалась в упорядочении как графики, так и орфографических норм.

Х. Джаникиев по поводу диграфа *نه*, предложенного для передачи звука [ə], писал, что его вообще трудно назвать буквой. По его мнению, в таких словах, как *مهسنهله*, *تهمين*, знак *نه* надо убрать полностью. Вместо этого он предложил во всех позициях звука [ə] использовать только форму *ه* [3. С. 32]. Х. Джаникиев выступал против букв *نا*, *ئا*, *ئو*, *ئو*, *ئو*, *ئو* и подвергал сомнению возможность называть такие графемы, как *نه*, *ئا*, *ئو*, *ئو*, *ئو*, *ئو*, буквами. Более приемлемым вариантом для обозначения гласных Х. Джаникиев называл *ا*, *ه*, *و*, *ي*, *و*, *و*, *و*, *و*, *و*, *و*, *و* [3. С. 31–33]. По мнению автора, такие буквы не нарушают целостность и гармонию арабских букв, исключают путаницу.

Г. Исмаилов, проанализировав проделанную работу по совершенствованию написания букв, сделал вывод, что с 1800 г. по 1905 г. по этому направлению ничего существенного не сделано [5. С. 39–42]. Г. Нугайбек и М. Курбангалиев предлагали оставить из четырех форм каждой буквы только одну [16. С. 72].

Г. Хабиб придерживался мнения, что десять звуков в татарском языке – это доказанный факт и попытки передачи их на письме только шестью графемами приводят к путанице и практическому неудобству. Автор многократно подчеркивал, что отсутствие для четырех гласных отдельных букв – это грубое нарушение правил фонетики [22. С. 65–67].

М. Курмаш в своей статье также подчеркивал практическую непригодность татарской письменности. По его убеждению, правила орфографии на 80% неверны. М. Курмаш выступал за радикальные изменения в письменности [9. С. 62–64]. Х. Сафа в своих трудах поднимал вопрос генезиса и при определении количества гласных призывал провести сравнительно-исторический анализ звуков татарского языка. По мнению автора, только сравнительный анализ с другими тюркскими языками позволит дать более точную количественную и качественную характеристику татарским гласным [21. С. 98–101].

Таким образом, татарская периодическая печать начала XX в. стала одной из основных площадок для обсуждения проблем графо-фонетики и орфографии. В своих статьях авторы поднимали самые актуальные вопросы о звуковом строе и графике татарского языка. На страницах газет и журналов этого периода нашли отражение все основные события (съезды, курултай, собрания), посвященные вопросам языка и письменности. Татарская периодика, принимая самое активное участие во всех этих событиях, доводила до сознания людей идею значимости письменности и языка в историческом развитии и прогрессе татарского народа.

Литература

1. Алханов З. Имля хакында // Шура. 1914. № 2. Б. 48.
2. Думави Н. Хәрефләр вә имлябыз // Мәктәп. 1913. № 8. Б. 204–206.
3. Жәникиев Х. Тавышлы хәрефләр турында // Мәгариф эшчесе. 1926. № 1. Б. 31–33.
4. Ибраһимов Г. Имля – хәреф мәсьәләсе // Мәгариф. 1924. № 3–4. Б. 198–216.
5. Исмаилов Г. Бездә хәреф мәсьәләсе // Безнең юл. 1926. № 9. Б. 39–42.
6. Исхакый Г. Матбага вә хәрефләрбез хакында // Шура. 1911. № 16. Б. 495–497.
7. Кәримев Т. Тамгалар хакында // Шура. 1912. № 1. Б. 2.
8. Кәримев Х. Язу һәм табигатьне җиңеләйтү // Шура. 1911. № 16. Б. 491–493.
9. Курмаш М. Имля мәсьәләсе // Мәгариф. 1928. № 8. Б. 62–64.

10. Курмаши З. Имля мәсьәләсе // Шура. 1913. № 14. Б. 432.
11. Курбатов Х.Р. Татар теленең алфавиты һәм орфография тарихы. Казан: Тат. кит. нәшр., 1960. 132 б.
12. Максуди һ. Тел вә язү // Йолдыз. 1906. 15 февр., № 6. Б. 4.
13. Мостафа Ә. Язуыбызны төзәтү хакында // Укытучы. 1918. № 1. Б. 27.
14. Мостафа Ә. Язуыбызны төзәтү хакында // Укытучы. 1918. № 2. Б. 47–50.
15. Мостафа Ә. “اى”, “او” мөрәккәбме, басыйтмы? // Мәгариф. 1918. № 3. Б. 78–79.
16. Нуғайбәк Г., Курбангалеев М. Татарлар арасында имля һәм хәрәф ислаһы хәрәкәте // Мәгариф. 1927. № 10–11. Б. 71–75.
17. Сәғьди Г. Имля мәсьәләсе (сузыклар о, а, и, у һәм башкалар) // Мәгаллим. 1914. № 5. Б. 72–75.
18. Сәғьди Г. Тагын имля мәсьәләсе // Шура. 1917. № 21. Б. 487–489.
19. Сәғьди Г. Тагын имля мәсьәләсе // Шура. 1917. № 22. Б. 502–504.
20. Усманов Ш. Татарстанда имля мәсьәләсе // Мәгариф эшчесе. 1926. № 4–5. Б. 38–44.
21. Хафиз углы Сафа Татар шивәсендә ничә сузык аваз бар? // Мәгариф. 1928. № 5. Б. 98–101.
22. Хәбиб Г. Гарәп хәрәфе нигезендәге имляның чуалчыклығы турында // Мәгариф. 1928. № 1. Б. 65–67.
23. Хәким Н. Имля хакындагы карарлар турында // Укытучы. 1918. № 3. Б. 82–84.
24. Хәлили В. Тел вә имля мәсьәләсе // Шура. 1911. № 3. Б. 81–82.
25. Шәрәпов Г. Хәрәфләрәбезне ислаһ // Шура. 1911. № 18. Б. 563.
26. Шәрәф Ж. Жан иптәш докладның хәласасы // Мәгариф. 1918. № 3. Б. 80–83.
27. Яушев Н. Имля мәсьәләсе // Шура. 1913. № 16. Б. 499–500.

ГАРИПОВА-ХАСАНШИНА ВЕНЕРА МАКМУНОВНА – кандидат филологических наук, научный сотрудник, Российский исламский институт, Россия, Казань (gmvenega@mail.ru).

ЯРУЛЛИНА ЛЯИСАН ИЛЬСУРОВНА – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра истории и теории национального образования, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Россия, Казань (liysan-jarullina@mail.ru).

V. GARIPOVA-KHASANSHINA, L. YARULLINA

THE PROBLEMS OF GRAPH, PHONETICS AND SPELLING OF VOWELS IN TATAR LANGUAGE IN TATAR PERIODICALS OF THE EARLY 20th CENTURY

Key words: *grapheme, vocalism, graphic phonetic feature, sound structure of a language, graphics, written language, spelling, phonetics, digraph, diacritical signs, periodicals.*

The given work is devoted to the review of articles on graphic phonetics of vowels in the Tatar language which were published on the pages of Tatar newspapers and journals of the beginning of the twentieth century. The purpose of the article is to identify the contribution of Tatar periodicals to the development of the Tatar phonetics and graphics. This article takes a look at views of scholars and public figures of the Tatar people on vocalism of the Tatar language and its passing to written speech. The results of the work may be of particular interest in the study of the sound system and the graphics of the Tatar language.

References

1. Alkhanov Z. *Imlya khakynda* [About orthography]. *Shura* [Council], 1914, no. 2, p. 48.
2. Dumavi N. *Khareflar va imlyabyz* [Letters and our orthography]. *Maklap* [School], 1913, no. 8. pp. 204–206.
3. Zhanikiev Kh. *Tavyshly khareflar turynda* [About sound letters]. *Magarif eshchese* [Worker of education], 1926, no. 1, pp. 31–33.
4. Ibragimov G. *Imlya – kharef mas'alase* [The problem of orthography and letters]. *Magarif* [Education], 1924, no. 3–4, pp. 198–216.
5. Ismailov G. *Bezda kharef mas'alase* [Our issue of letters]. *Beznen yul* [Our way], 1926, no. 9, pp. 39–42.
6. Iskhakiy G. *Matbaga va khareflarbez khakynda* [About press and letters]. *Shura* [Council], 1911, no. 16, pp. 495–497.
7. Karimev T. *Tamgalar khakynda* [About signs]. *Shura* [Council], 1912, no. 1, p. 2.
8. Karimev Kh. *Yazu kham tabigat'ne zhinelaitu* [Facilitating writing and its nature]. *Shura* [Council], 1911, no. 16, pp. 491–493.
9. Kurmash M. *Imlya mas'alase* [About orthography]. *Magarif* [Education], 1928, no. 8, pp. 62–64.

10. Kurmashi Z. *Imla mas'alase* [About orthography]. *Shura* [Council], 1913, no. 14, p. 432.
11. Kurbatov Kh.R. *Tatar telenen alfavity kham orfografiya tarikhy* [The history of Tatar alphabet and orthography]. Kazan, Tatar kitap nashriyate Publ., 1960. 132 p.
12. Maksudi Kh. *Tel va yazu* [Language and writing]. *Ioldyz*, 1906, 15 fevral', no. 6, p. 4.
13. Mostafa A. *Yazuybyzny tozatu khakynda* [About correcting our writing]. *Ukytuchy* [Teacher], 1918, no. 1, p. 27.
14. Mostafa A. *Yazuybyzny tozatu khakynda* [About correcting our writing]. *Ukytuchy* [Teacher], 1918, no. 2, pp. 47–50.
15. Mostafa A. “او”, “اى” ” *morakkabme, basyitmy?* [Wisdom or nonsense “او”, “اى”]. *Magarif* [Education], 1918, no. 3, pp. 78–79.
16. Nugaibak G., Kurbangaliev M. *Tatarlar arasynda imla kham kharef islakhy kharakate* [The “movement” in letters and orthography among Tatars]. *Magarif* [Education], 1927, no. 10-11, pp. 71–75.
17. Sag"di G. *Imla mas'alase (suzyklar a, o, a, i, u ham bashkalar)* [About orthography (sounds o, a, i, y, and etc.)]. *Mogallim* [Teacher], 1914, no 5, pp. 72–75.
18. Sag"di G. *Tagyn imlya mas'alase* [About orthography again]. *Shura* [Council], 1917, no. 21, pp. 487–489.
19. Sag"di G. *Tagyn imlya mas'alase* [About orthography again]. *Shura* [Council], 1917, no. 22, pp. 502–504.
20. Usmanov Sh. *Tatarstanda imlya mas'alase* [The issue of orthography in Tatarstan]. *Magarif eshchese* [Worker of education], 1926, no. 4-5, pp. 38–44.
21. *Khafiz ugly Safa Tatar shivasenda nicha suzyk avaz bar?* [How many sounds in Tatar phonology]. *Magarif* [Education], 1928, no. 5, pp. 98–101.
22. Khabib G. *Garap kharefe nigezendage imlyanyn chualchkylygy turynda* [About some confusions in orthography due to Arabian letters]. *Magarif* [Education], 1928, no. 1, pp. 65–67.
23. Khakim N. *Imlya khakyndagy kararlar turynda* [About resolutions on orthography]. *Ukytuchy* [Teacher], 1918, no. 3, pp. 82–84.
24. Khalili V. *Tel va imlya mas'alase* [The issue of language and orthography]. *Shura* [Council], 1911, no. 3, pp. 81–82.
25. Sharipov G. *Khareflarebezne islakh* [Reforming our letters]. *Shura* [Council], 1911, no. 18, p. 563.
26. Sharaf Zh. *Zhan iptash dokladydyn kholasasy* [The true speech of friend]. *Magarif* [Education], 1918, no. 3, pp. 80–83.
27. Yaushev N. *Imlya mas'alase* [About orthography again]. *Shura* [Council], 1913, no. 16, pp. 499–500.

GARIPOVA-KHASANSHINA VENERA – Candidate of Philological Sciences, Scientific Worker, Russian Islamic Institute, Russia, Kazan.

YARULLINA LAYSAN – Candidate of Philological Sciences, Senior Scientific Worker, Center for the History and Theory of National Education, the Institute of History named after Sh. Mardjani an Tatarstan Academy of Sciences, Russia, Kazan.

Ссылка на статью: Гарипова-Хасаншина В.М., Яруллина Л.И. Вопросы графо-фонетики и орфографии гласных татарского языка на страницах татарской периодической печати начала XX века // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 4. – С. 184–189.

УДК 811.161.1

ББК 81.411.2

Т.Н. ЕРИНА, Э.В. ФОМИН

ЖИЛИ-БЫЛИ... К ПРОБЛЕМЕ ПАРНЫХ СЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: русский язык, лексика, словообразование, парные слова, словосложение.

Парные слова – исторически обусловленный активный способ номинации в русском языке. Их проблематика достаточно хорошо разработана на материале тюркских и финно-угорских языков. Однако в русском языке до сих пор нет специально посвященных им исследований. В статье затронут широкий спектр проблемных вопросов, связанных с изучением парно-повторных слов русского языка. Наличие такого рода лексических единиц осложняет дефиницию слова. Они представляют собой единицы синтаксического типа, состоят из двух самостоятельных синонимических (в том числе ассоциативных), антонимических или редупликативных компонентов, вступающих между собой в семантические связи и придающих слову значение абстрактности, обобщенности, множественности. Грамматически компоненты парных слов сохраняют самостоятельность, и эта особенность противопоставляет их словам, созданным на основе иных моделей словосложения.

Парные слова можно назвать новоустановленным пластом лексической системы русского языка. Знание о них существовало в лингвистической среде имплицитно, однако только в последнее время они становятся объектом специальных исследований. Так, наиболее серьезным трудом в области изучения парных слов русского языка является диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук бывшего научного сотрудника отдела славянского языкознания института славяноведения РАН Ф.Р. Минлоса «Редупликация и парные слова в восточнославянских языках» [7]. Автор сравнивает между собой парные слова и редупликаты, хотя и допускает их совместное рассмотрение [7. С. 3–4]. Видимо, выведение редупликатов в отдельный пласт русской лексики и их пристальное изучение [4, 6] связано с западными лингвистическими традициями, в языках которых парное словообразование в основном сводится к редупликации: «В русском и других европейских языках названная категория слов носит фрагментарный характер и употребление ее ограничивается чисто разговорной речью» [5. С. 188].

Парные слова являют собой обычную лексику в урало-алтайских языках. Их проблематика достаточно хорошо разработана на материале тюркских и финно-угорских языков [10, 11, 13–15]. Думается, это тот редкий случай, который предполагает применение теоретических и практических разработок, полученных на материале других языков России, к русскому языку. Надо полагать, что влияние контактирующих языков, главным образом восточных, подержало и усилило русское парное словообразование.

Парные слова русского языка в традиционной прагматической системе рассматривались в рамках составных слов как синонимические сближения типа *путь-дорога, стежки-дорожки, горе-злосчастье, гуси-лебеди, друг-приятель, грусть-тоска* или парные сближения суммарной семантики типа *хлеб-соль* (угощение), *отец-мать* (родители), *руки-ноги* (конечности), *внуки-правнуки* (потомство), *приход-расход, купля-продажа*. Исследователи русского языка принимают парное словообразование как малопродуктивное, характерное для индивидуально-авторской художественной речи. Слова типа *трень-брень, шаляй-валяй, калина-малина, гоголь-моголь, фигли-мигли* квалифицируются в качестве промежуточных между произведенными путем удвоения и синонимического сближения [12. С. 203–204].

Полагаем, что признание парного словообразования в русском языке в качестве малопродуктивного несправедливо: по предварительным оценкам количество таких слов в русском языке может достигнуть нескольких тысяч, особенно в случае признания редуцированных образований разновидностью парных слов.

Парные слова – композиты с обобщенным значением и (или) коннотацией, произведенные путем объединения двух слов на основе сочинительных (*друзья-товарищи, подобру-поздорову, худо-бедно, хиханьки-хаханьки, шуры-(а)муры*) или подчинительных (*культур-мультиур, ослик-мослик, чай-май*) отношений. Кроме того, в их же составе следует рассмотреть случаи агномичных редуциративных сочетаний типа *чики-пуки, эники-беники*.

Представляется, что в состав парных слов по семантическим причинам не могут быть включены такие слова, как *город-спутник, гриб-зонтик, молот-рыба, сапоги-скороходы*, квалифицируемые в качестве парных в работе Е.А. Бардамовой и А.А. Ивановой «Парные слова с пространственной семантикой в русском и бурятском языках» [1]. Подобного рода образования обладают абсолютно конкретным значением, что не характерно для парных слов. С грамматической точки зрения они очень похожи на изафет первого типа, в частности выделяющегося в тюркских языках, ср. с чувашскими примерами: *чул сурт* – букв. *камень дом*, т. е. 'каменный дом'; *йывăç карта* – букв. *дерево забор*, т. е. 'деревянный забор'.

Компоненты парных слов могут находиться в различных семантических связях, прежде всего синонимических и антонимических. Синонимичные парные слова образуются путем сочетания близких по значению слов, однако при этом они семантически объемней суммы компонентов, ср.: *хлеб* 'пищевой продукт, выпекаемый из муки', *соль* 'белое кристаллическое вещество с острым вкусом, употребляемое как приправа к пище' – *хлеб-соль* 'обед, стол, пища, предлагаемая посетителю, и угощение'; *царство* 'вся страна под одним государем; государство, земля, общество и весь народ', *государство* 'царство, империя, королевство, земля, страна под управлением государя' (толкования по [2], [9]) – *царство-государство* фольк. обобщающее название страны, управляемой царем; *шутка* 'то, что говорят или делают не всерьез, ради развлечения, веселья'; *прибаутка* 'забавная, остроумная, обычно рифмованная поговорка, вставляемая в речь' – *шутка-прибаутка* 'остроумная рифмованная поговорка, используемая в речи'. Абсолютная синонимия компонентов парного слова наблюдается в редких случаях: *вкривь-вкось, друг-товарищ*. «Синонимы употребляются вместе для уточнения смысла: как правило, в таких сочетаниях второе слово имеет более частную семантику, т. е. уточняет значение первого, более общего синонима...» [7. С. 5].

Широкое понимание синонимии позволяет в состав синонимичных парных слов зачислить ассоциативные парные слова. Они состоят из семантических компонентов, соотносящихся друг с другом в качестве видовых понятий, объединяемых в более общие родовые понятия [11. С. 50–51]: *папа-мама* 'родители', *руки-ноги* 'конечности', *рядком-чередком* 'по порядку', *нежданно-негаданно* 'вдруг', *подобру-поздорову* 'по доброй воле, пока не случилось ничего неприятного'.

Антонимичные парные слова производятся путем сочетания слов, противопоставленных по смыслу: *более-менее, взад-вперед, денно-ночно, туда-сюда*. Им присущи те же семантические признаки обобщения, абстрагирования, что и синонимичным парным словам. Нетрудно заметить, что в основе образования обеих разновидностей парных слов лежит одна и та же цель – уточнить мысль путем подбора близких или противопоставленных по значению слов.

Разновидностью парных слов являются созданные путем редупликации слова. «Редупликаторы (т.е. вторые компоненты) в дивергентных повторах функционально близки к деривационным морфемам, а сами повторы – к производным словам, обладающим, однако, специфическими особенностями: 1) каждый редупликатор “привязан” лишь к одному редупликанту; 2) повтор строится не произвольно, а в соответствии с определенными фонетическими закономерностями» [11. С. 79].

Различаются мотивированная и немотивированная, а также незначащая редупликации [8. С. 97]: *мост-шмост, тят-ляп; фигли-мигли, хухры-мухры, тыр-пыр; шиндыр-мындыр, ширли-мырли*.

Как правило, в редупликативных парных словах второй беззначный компонент находится в подчинительной связи с первым: *страсти-мордасти, тят-ляп*. Однако в некоторых случаях редупликат может и предшествовать основной полнозначной части: *ё-моё* междометие досады < *ё* редупликат + *моё* ‘принадлежащее мне’; *шуры-муры* ‘любовные похождения, шашни’ < *шуры* редупликат + *амуры* ‘любовные отношения’.

Парные слова усложняют определение границ слова.

В фонетическом аспекте выделяются следующие особенности парных слов: во-первых, возможна пауза внутри парного слова на стыке компонентов, тогда как в обычных случаях она не допускается: *выпить-закусить* [вып’ит’ / зькус’йт’], *шито-крыто* [шб’ить / крь’ить]; во-вторых, в парных словах каждый компонент сохраняет свое основное ударение, а в производных или сложных словах, образованных традиционными способами, оно одно: *бұхты-барáхты, мóре-океáн; социомéтрия, геологоразвéдочный*.

Общими критериями цельнооформленности парных и сложных слов можно назвать фиксированный порядок компонентов, правда, в парных словах не всегда последовательный (*мама-папа = папа-мама, туда-сюда = сюда-туда*), и особый графический облик (как правило, дефисное написание).

При словоизменении целостность парных слов может быть нарушена отдельным морфологическим оформлением каждого компонента, что не вписывается в дефиницию слова, предполагающую непроницаемость: *житье-бытье, житья-бытья, житью-бытью; ходить-гулять, ходил-гулял, ходишь-гуляешь* (сложным словам при словоизменении присущ единственный грамматический показатель).

В образовании парных слов задействованы почти все части речи: 1) имена существительные: *кошки-мышки, прыг-скок, танцы-шманцы, чудюдо, шум-гам*; 2) имена прилагательные: *суетный-маетный, такой-сякой*; 3) имена числительные: *сотни-тысячи*; 4) местоимения: *то-се*; 5) наречия: *любо-дорого, нежданно-негаданно, подобру-поздорову, туда-сюда, худобедно, шито-крыто*; 6) глаголы: *ищи-свищи, рядить-судить, шататься-мотаться*; 7) междометия, в том числе звукоподражания: *диль-дон, тик-так, трали-вали, хи-хи-ха-ха, чих-пых*. Большим участием в производстве парных слов отличаются имена существительные, глаголы, наречия и междометия.

Парные слова в русском языке имеют специфику в сравнении, например, с урало-алтайскими языками: они внутренне не заключают в себе значение множественности, которое создается добавлением суффиксов одновременно к обеим частям (*путь-дорога – пути-дороги*); требуют обязательного согласования компонентов в речи (*друзья-товарищи, друзей-товарищей, друзьям-товарищам* и т.д.); легко могут быть заменены синтаксическими эквивалентами (*более-менее = более или менее; с пылу-жару = с пылу с жару*). Последнее свойство в языках с широко развитым парным словообразованием

реализуется с трудом. Разрыв парного слова разрушает его, компоненты снова обретают конкретные значения, ср. с чувашскими парными словами: *çăkăr-tăvar* 'еда' → *çăkărpa tăvar* 'хлеб с солью'; *хаçат-журнал* 'периодика' → *хаçат тата журнал* 'газета и журнал'. Лишь в случае с редупликативными парными словами их синтаксические эквиваленты следует признать равными с исходными основами: *вăштăр-ваштăр* подражание неравномерному шуму, шороху, шелесту = *вăштăр та ваштăр*; *тăнкăр-танкăр* подражание неравномерному гроыханию, грохоту = *тăнкăр та танкăр*.

Основные сферы использования парных слов – русские фольклорные тексты и разговорная речь, см.: *Не сдавайся ты, милая племянница, на ихнито умы-разумы* [3. С. 136]; *По сеням, сеням батюшкиным, сеням матушкиным ходила-гуляла красна девица* [3. С. 141]; *Наши подарки малы-велики, малы-велики – в двери не лезут...* [3. С. 57]; *Мне бы не хотелось, чтобы игра команды была шаляй-валяй* (тренер о новой сборной России по футболу в передаче «О спорте» на Радио России 5 сентября 2016 г.).

При этом парные слова используются и в художественной литературе чаще всего как имитация разговорной речи, например они замечены в текстах А. Пушкина, М. Лермонтова, часты в произведениях Д. Гранина, С. Довлатова, В. Крапивина, Э. Севелы. Особый интерес вызывают парные образования с редупликатами в русской речи представителей иных языковых культур, особенно восточных: *автобус-мавтобус, аджика-маджика, видик-шимидик, персик-мерсик / мерсик-персик, Ташкент-Машкент, шурма-хурма*.

Итак, парные слова – лексические единицы синтаксического типа. Они состоят из двух самостоятельных синонимических (в том числе ассоциативных), антонимических или редупликативных компонентов, вступающих между собой в семантические связи и придающих слову значение абстрактности, обобщенности, множественности. Грамматически компоненты парных слов сохраняют самостоятельность, и эта особенность противопоставляет их словам, созданным на основе иных моделей словосложения. Кроме того, парные слова, на наш взгляд, заслуживают специального лексикографирования.

Литература

1. Бардамова Е.А., Иванова А.А. Парные слова с пространственной семантикой в русском и бурятском языках // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 3. С. 5–9.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Астрель-АСТ, 2004.
3. Жили-были...: Русская обрядовая поэзия // сост. Г.Г. Шаповалова, Л.С. Лаврентьева. СПб.: Блиц, 1998. 285 с.
4. Крючкова О.Ю. Вопросы лингвистической трактовки лексической редупликации в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2004. № 2. С. 63–83.
5. Маннапова Л.М. Закономерности образования парных слов // Вестник Чувашского университета. 2008. № 1. С. 188–191.
6. Мехеда М.И. О некоторых структурно-функциональных особенностях редупликатов в русском языке // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2009. № 2. С. 263–272.
7. Минлос Ф.Р. Редупликация и парные слова в восточнославянских языках: автореф. дис... канд. филол. наук. М., 2004. 20 с.
8. Минлос Ф.Р. Рифмованные сочетания в русском фольклоре. Редупликация и парные слова // Русский язык в научном освещении. 2005. № 9. С. 96–115.
9. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: ок. 100000 слов, терминов и фразеологических выражений. 27-е изд., испр. М.: Изд-во Оникс, 2010. 736 с.
10. Павлов И.П. Парные слова в современном чувашском языке // Исследования по этимологии и грамматике чувашского языка: сб. ст. / НИИЯЛИЭ. Чебоксары, 1988. С. 56–77.
11. Семенова Г.Н. Композитообразование в чувашском языке и его национальная специфика. М.: Прометей, 2005. 317 с.
12. Современный русский литературный язык. 2-е изд., перераб. / Н.М. Шанский, А.Н. Тихонов, А.В. Филиппов и др. Л.: Просвещение, 1988. 671 с.

13. Федина М.С. Парные слова коми языка в лексикографическом аспекте // Вопросы коми филологии: сб. науч. ст. Сыктывкар: СыктГУ, 2005. С. 111–116.

14. Шибасова Н.Л. Типология парных слов: автореф. дис... канд. филол. наук. М., 2006. 22 с.

15. Шиянова А.А. История изучения парных слов в финно-угорском языкознании // Вестник угроведения. 2012. № 1. С. 63–68.

ЕРИНА ТАМАРА НИКОЛАЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (tnerina@rambler.ru).

ФОМИН ЭДУАРД ВАЛЕНТИНОВИЧ – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств, Россия, Чебоксары (yeresen@yandex.ru).

T. ERINA, E. FOMIN

ONCE UPON A TIME...

ON THE PROBLEM OF ALLITERATING WORDS OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Key words: the Russian language, vocabulary, word formation, alliterating words, composition.

Alliterating words represent a historically caused active way of nomination in the Russian language. Their problematics is rather well developed on material of the Turkic and the Finno-Ugric languages. However in the Russian language there are no researches to date which are specially devoted to them. The article touches upon a wide range of the problematic issues connected with studying of pair and alliterating words of the Russian language. The existence of such lexical units complicates the definition of a word. They represent units of syntactic type, consisting from two independent synonymic (including associative), antonymous or the reduplicating components entering in semantic links with each other and attaching to the word the significance of abstractness, generality, multiplicity. They represent units of syntactic type, the antonymic or the replication of the components entering among themselves semantic links and attaching to the word significance of abstractness, generality, plurality consist from two independent synonymic (including associative). Grammatically components of pair words keep independence, and this feature opposes them to the words created on the basis of other models of composition.

References

1. Bardamova E.A., Ivanova A.A. *Parnye slova s prostranstvennoi semantikoi v russkom i buryatskom yazykakh* [Paired with spatial semantics of the word in Russian and Buryat]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat University], 2014, no. 3, pp. 5–9.

2. Dal' V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of Russian language. 4 vols.]. Moscow, Astrel-AST Publ., 2004.

3. *Zhili-byli...: Russkaya obryadovaya poeziya* [Once upon a time ...: Russian ritual poetry]. St. Petersburg, Blits Pube., 1998, 285 p.

4. Kryuchkova O.Yu. *Voprosy lingvisticheskoi traktovki leksicheskoi reduplikatsii v russkom yazyke* [Questions of linguistic interpretation of lexical reduplication in Russian]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian language in the scientific coverage], 2004, no. 2, pp. 63–83.

5. Mannapova L.M. *Zakonomernosti obrazovaniya parnykh slov* [Laws of formation of paired words]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2008, no. 1, pp. 188–191.

6. Mekheda M.I. *O nekotorykh strukturno-funktsional'nykh osobennostyakh reduplikatov v russkom yazyke* [Some structural and functional features of replication in the Russian language]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University], 2009, no. 2, pp. 263–272.

7. Minlos F.R. *Reduplikatsiya i parnye slova v vostochnoslavjanskikh yazykakh: avtoref. dis... kand. filol. nauk* [Reduplication and paired words in the East Slavic languages: Abstract of Diss.]. Moscow, 2004, 20 p.

8. Minlos F.R. *Rifmovannye sochetaniya v russkom fol'klore. Reduplikatsiya i parnye slova* [Rhyming combinations in Russian folklore. Reduplication and paired words]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian language in the scientific coverage], 2005, no. 9, pp. 96–115.

9. Ozhegov S.I. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: ok. 100000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenii. 27-e izd.* [Explanatory Dictionary of the Russian language: approx. 100,000 words, terms, and idiomatic expressions. 27th ed.]. Moscow, Oniks Publ., 2010, 736 p.

10. Pavlov I.P. *Parnye slova v sovremennom chuvashskom yazyke* [Paired words in modern Chuvash language]. *Issledovaniya po etimologii i grammatike chuvashskogo yazyka: sb. st.* [Collected Papers «Research on etymology and Chuvash grammar»]. Cheboksary, 1988, pp. 56–77.

11. Semenova G.N. *Kompozitobrazovanie v chuvashskom yazyke i ego natsional'naya spetsifika* [Composer Education in the Chuvash language and national identity]. Moscow, Prometei Publ., 2005, 317 p.

12. Shanskii N.M., Tikhonov A.N., Filippov A.V. et al. *Sovremennyi russkii literaturnyi yazyk. 2-e izd.* [Modern Russian literary language. 2nd ed.]. St. Petersburg, Prosveshchenie Publ., 1988, 671 p.

13. Fedina M.S. *Parnye slova komi yazyka v leksikograficheskom aspekte* [Paired word Komi language in lexicographical aspect]. *Voprosy komi filologii: sb. nauch. st.* [Collection of Scientific articles «Questions Komi philology»]. Syktyvkar, 2005. pp. 111–116.

14. Shibasova N.L. *Tipologiya parnykh slov: avtoref. dis... kand. filol. Nauk* [Typology of paired words: Abstract of Diss.]. Moscow, 2006, 22 p.

15. Shiyanova A.A. *Istoriya izucheniya parnykh slov v finno-ugorskom yazykoznanii* [History of the study of paired words in the Finno-Ugric linguistics]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin Ugric], 2012, no. 1, pp. 63–68.

ERINA TAMARA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Russian Language and Literature Department, Chuvash State University, Cheboksary, Russia (tnerina@rambler.ru).

FOMIN EDUARD – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Humanities and Social-Economic Disciplines Department, Chuvash State Institute of Culture and Arts, Cheboksary, Russia (yeresen@yandex.ru).

Ссылка на статью: Ерина Т.Н., Фомин Э.В. Жили-были... К проблеме парных слов русского языка // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 4. – С. 190–195.

УДК811.512.111' 373

ББК Ш12=653.1*3

Г.А. ЕРМАКОВА

**ФУНКЦИЯ СЛОВ С ЗАГЛАВНОЙ БУКВЫ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ Г. АЙГИ
(на примере анализа одного из циклов сборника «Здесь»)**

Ключевые слова: лексические единицы, функция слов с заглавной буквы, мифологическое сознание, основной мотив, художественное пространство.

В данной статье представлена функция слов с заглавной буквы в художественном пространстве Г. Айги. Автор на основе анализа одного из циклов («Пора благодарности». 1976–1978) сборника «Здесь» доказывает присутствие системы в употреблении слов с заглавной буквы в творчестве поэта. Анализ функциональной стороны данных слов позволил увидеть свойственные им основные функции: номинативную, идентифицирующую, символическую, эмоциональную, экспрессивную, дейктическую, стилистическую. Основной вывод, сделанный автором, следующий: Г.Н. Айги через систему слов, написанных с заглавной буквы, представляет «мир горный», основную тему всего своего творчества – тему света.

В художественных текстах Г.Н. Айги слова с заглавной буквы составляют определённую систему, с их помощью поэт представляет «универсальные истины» [4. С. 307]. Наша задача – определить своеобразие значения этих слов. Значение слова, согласно В.Д. Бондалетову, – это то его содержание, которое «приблизительно одинаково понимается и говорящим, и слушающим и включает в свой состав три типа отношений: денотативное (отношение значения слова к предмету, от лат. denotatare – «отличать», «обозначать»); сигнификативное (отношение к понятию лат significare – «обнаруживать», «давать», «знать»); структурное (отношение значения слова, а также всего слова к другим словам данного языка)» [5. С. 26]. Слова с заглавной буквы в художественном пространстве Айги обладают всеми названными типами отношений, однако их качество несколько своеобразно по сравнению с другими единицами языка, что и обеспечивает им языковую – речевую специфику и объединяет их в особую подсистему в пределах общей лексико-семантической системы языка поэта. Задача данных слов – обозначить ключевое понятие всего творчества поэта. Основная разница между обычными лексическими единицами языка Г.Айги и данными словами заключается не в морфологии, а в употреблении и использовании, они выполняют особую смыслоносную, стержнеполагающую функцию. Функция данных слов – семасиологическая (от греч. semasia – «обозначение» и logos – «слово», «учение»), они не только называют (Чистота, Божество, Господь, Разговор), но и «выражают понятие о предмете» (Свет, Смысловенность, Светоналичность) [9. С. 29–30, 57–62].

Для того чтобы доказать это, произведем семиотический анализ лексем, представленных Г.Айги с заглавной буквы, для этого проанализируем подобные слова в цикле «Пора благодарности» сборника «Здесь» (Айги. Здесь: Избранные стихотворения. 1954–1988. М.: Современник, 1991. 287 с.). «Здесь» – это первая книга, которую Г. Айги смог опубликовать в России в 1991 г. На ее название, может быть, как замечает Ф.Ф. Ингольд, повлияли слова Б. Пастернака, которые он и приводит в указанной статье: «Вечное. Непреходящее-сущностное – здесь! И прекрасны мы – здесь, и тайна, и чудо, и наша нескончаемость, все – здесь!» [8. С. 44]. С точки зрения Ф.Ф. Ингольда, в «поэзии Геннадия Айги вещи естественного мира возвращаются записанными вещами-словами. Круг этих вещей и слов количественно ограничен» [8. С. 45]. Но именно круг этих слов и состоит, как показало наше исследование, из лек-

сем, прописанных с заглавной буквы. Простоту элементарного, земного, повседневного поэт воспринимает как чудо или внезапную боль, тогда, чтобы мы, читатели, обратили на эти вещи-предметы, явления внимание, он и представляет их с заглавной буквы («Солнце», «Береза», «Сиянье», «Безмолвье», «Книга», «Гул», «Величавость», «Любовь»), т.е. по-своему выделяет.

Анализ начнем со стержневых произведений указанного цикла: *«Мир-Сосны»*, *«Возвращение: сосны»*, *«Сосны: прощанье»*. Композиция сборника *«Здесь»*, по нашему представлению, соответствует мифологическому сознанию древних чувашей. Анализ показал, что слова с заглавной буквы являются центром произведений, из ста шестидесяти стихотворений сборника *«Здесь»* они присутствуют в восьмидесяти трех, их количество составило триста семьдесят четыре слова. Расположение всех циклов сборника соответствует «гнездовому поселению» древних с жертвенным деревом. В данном случае – это сосна. Стихотворение *«Мир-Сосны»*, расположенное в десятом цикле *«Пора благодарности»* включает в свой состав тридцать слов с заглавной буквы, оно в композиционном плане занимает центральное место, подобно «жертвенному дереву» древних чувашей. Все остальные стихотворения, дополняя и расширяя его, располагаются вокруг него, как в «родовом гнезде» вокруг «дома родоначальника» и «жертвенного дерева». К тому же Г. Айги в данном цикле к образу сосны обращается в трёх произведениях, т.е. три раза, такое композиционное построение соответствует композиции заговоров древних чувашей, почти все тексты заговоров с простым параллелизмом имеют по три композиционных блока, т.е. они трёхчастны. В данном цикле встречаются три композиционных блока, объединённых темой «Сосна». Образ сосны выступает в качестве «жертвенного дерева», святого места рода, в сборнике – святого места поэта, значит, десятый цикл, названный поэтом *«Пора благодарности»*, есть, если «придерживаться мифологического сознания древних, место моленья, место обращения к Богу, отсюда следует, что стихотворения *«Мир-Сосны»*, *«Возвращение: сосны»*, *«Сосны: прощанье»* символизируют модель мира древних; сосны, в данном случае, символизируют мировой столб» [6. С. 237]. К такому символу можно отнести и трёхкратное обращение поэта к образу сосен, здесь «три» заменяет изображение укрепления небесного свода, являясь символом вертикального пространства: верхнего, среднего и нижнего миров. Связь между блоками «сосна» тематическая, основанная на сцеплении по принципу спирали: поэтический образ сосны, находящейся во вневременном пространстве, приравнен поэтом к «мировому дереву», поэтому он их приравнивает к *«Музыке-Мира»*, к *«Крику-Вселенной»*, «по Мира ветвям» сосен спускаемся к земле «огромности» макромира:

вы – корня касающиеся
Огромности я-человека
так – что по Мира ветвям
сознание – то частью Огромности
то беспредельно – по вашим ветвям [1. С. 166].

Сосны, являясь «жертвенным деревом», приносят на землю заветы отцов:

отцы – столь крепящие
в мозгу все отцовское –
сосны сосны хоралы хоралы бесшумные
в пробуждении Мира-Единог... [1. С. 166].

Составим лексические поля из слов с заглавной буквы к поэтическому образу сосны, представленному в трёх стихотворениях цикла *«Пора благодарности»* и определим их функции.

Лексическое поле № 1 («Мир-Сосны»)

«Мир-Единый», «Сон о Себе», «Светило», «пред-облики Мира», «Огромности я человека», «по Мира ветвям», «пред-Слова», «адамо-Сиянье», «Грозное Слово», «вы Отчие», «Цифры Набата», «вы Отчие», «Всеохватность», «Очередной Великий Вечер», «Воспоминанье обратного нашего Изображения в Мире Солнцедвиженья Реального Смерто-Задержанность», «Музыки-Мира», «Крико-Вселенной», «Книги» [1. С. 166–167]. Функция – идентифицирующая, экспрессивная.

Лексическое поле № 2 («Возвращение: сосны»)

«Пребыванье», «Земля», «Стократность – в Незримости: Сно-Восприятием», «домом Любви», «Устойчивость ясная Гласо-Возможности – той же Стократностью Отчей! – Тень – Чистота: в единящем Безмолвии Незамутняемом», «соучастие Лучшего», «Уходящие», «Душа», «Вкладо-Сиянье первичной Нетронутостью», «подобие Её» (нам кажется, что через лексему «Её» поэт, вероятно, представил Душу Мира) [1. С. 171]. Функция – идентифицирующая, символическая.

Лексическое поле № 3 («Сосны: прощанье»)

«Гул», «Величавость сосны», «прощанье, вмещающее Око-Душу: Солнце», «Сиянье Простоты за Миром», «Любовь не наша», «Нет смерти», «Сияя» [1. С. 177]. Функция – идентифицирующая, символическая, экспрессивная.

Наша догадка относительно слова «Её», кажется, оправдана, так как Айги, если во втором стихотворении лишь намекнул на то, что «сосны» – это «Око Души», то в третьем стихотворении поэт явно называет сосну «Оком Души», что доказывает, что стихи поэта составляют единое поле, монолит, что тема одного стихотворения расшифровывается в другом, что говорит о присутствии композиции, построенной по принципу спирали, основой которой являются лексемы, прописанные с заглавной буквы. Если в первом стихотворении «сосны» называются «Светилом», без уточнения – каким, то в третьем стихотворении оно уточнено – это солнце, в этом тоже просматривается принцип спирали. Поля сцеплений, имеющие в своей основе лексемы с заглавной буквы, представляют собой движение поэтического образа «сосен» к понятию «любовь» по принципу спирали.

Светило..... → Солнце
 Всеобщий совокупности Лик..... → Сиянье Простоты
 Ветви мира..... → Величавость
 Подобие Её..... → Душа
 Быть, Пребывать..... → Сиять
 Пред-Слово..... → Открывать..... → Любовь

Таким образом, через стержневые слова, прописанные с заглавной буквы в указанных трех произведениях, мы вышли на спираль:

1. Сосны – это «Пред-Слово» (первый виток спирали),
2. Пред-слово надо «Открыть» (второй виток спирали),
3. Пред-слово есть «Любовь» (третий виток спирали),

в которой отражается уникальная духовная культура чувашей, имевших интенсивные культурные контакты с этносами Сибири, передней и средней Азии, Северного Кавказа.

Древнечувашская вера, этническое мировоззрение нашли отражение в построении указанных стихотворений Г. Айги. Древний мир, как мировоззренческая основа этнической культуры, сформировал нравственно-эстетические традиции народного искусства, которые нашли отражение в творчестве поэта. Представ-

ления о неизбежности взаимодействия трёх миров чётко просматриваются в его поэзии через систему представления слов с заглавной буквы.

«Солнце», «Отчий их дом» / «С утра кусты жасмина». 1976 [1. С. 165].

Сигналы мира горнего, согласно поэту, посылаются людям, следует лишь их заметить, ощутить. Они и в белых, «священнодействующих» цветах жасмина, так похожих на солнце, являющееся их отчим домом, поэтому, вероятно, лексемы «Солнце», «Отчий» представлены в данном произведении с заглавной буквы. Функция данных слов – идентифицирующая.

«Места» 2 раза / «Флокссы: и в памяти – «Радуйся» [1. С. 168–170].

«Простота», «Сама» / «Флокссы: безветрие» [1. С. 173].

Места, где цветут флоксы, считаются поэтом тем пространством, где присутствует «пение жизни», радость бытия, «дыхание-нежность». Флоксы, как считает художник слова, есть символ чистоты, самой величественной простоты, по этой причине лексемы «Места», «Простота», «Сама» представлены с заглавной буквы:

в веющем свете: окрестности-в-свет-вызывающем
а Место? – все больше – как пауза:
где свеже-рождение – ветр! ...
(блик-и-ребенок-и-облик
свежесть-и-блеск! –

Функция – символическая.

«Ты», «День» / «Ты-День» [1. С. 172].

Лексемой «стрижи» поэт обозначает мир горний, они, стрижи, приносят в День весть неба – сакрального пространства, и лирический герой, соприкасаясь с этим пространством, очищается, обогащается духовно: он как бы проникает в луч, идущий от неба к земле, он слышит звук этого луча, он видит его. И он, как День, возносится «мерцанием-молитвой».

Функция указанных слов – дейктическая (указательная).

«И» / «И: место рябине» [1. С. 174].

«И» в творчестве Айги – разделительно-соединительный знак, в данном произведении мы считаем его знаком присутствия Бога, т.е. Божье спускается на землю сквозь ствол знака «И», поэтому знак «И» написан с заглавной буквы:

И – у входа: вся – подобием:
Параскева-Пятница-рябина [1. С. 174].

Функция союза «И» – стилистическая, смыслоносная, представляющая связь земного и небесного.

«Простота да Такая», «Благодарность-Безмолвье», «Солнце» / «Солнце: березы» [1. С. 175–176].

Жизнь была чтоб понять что она – Простота
да Такая: лишь шепчешь... –
и чтоб стала потом – Благодарность-Безмолвье... –
...о спокойствием равная
Солнцу
береза!..) – [1. С. 175].

Лексемами «Простота да Такая», «Благодарность-Безмолвье», «Солнце» поэт обозначил чистоту, равную чистоте Бога. Береза хранит его чистоту и спокойствие, несмотря на то, что «мир сей» её теряет, ибо многие пребывают в нем со «спящей душой», от этого поэту больно:

...не встретиться видно
с кем бы надобно было... –
(да видать – уже после) [1. С. 176],

но надежда на встречу с сакральным не покидает его, ибо Солнце временами возвращается, и тогда жизнь кажется блаженною. Береза, спокойствием равная солнцу, есть для поэта знак сакральный. Функция указанных слов – дейктическая (указательная), номинативная.

«Лимб-Язык», «Сиянье» / «Родина-Лимб» [1. С. 178].

Лексемой «Сиянье» поэт обозначает то, что может сделать слово: оно может и сумерки сиять заставить, так, следует заметить, что чувашаи, когда поклонялись духам, живущим в запустелых строениях, на поустырях, проговаривали слова молитв, т.е. осуществляли духовнопоклонение, тогда «духи проявлялись в виде сияния» [7. С. 240]. Завершая данное стихотворение, художник слова замечает:

...та родина – язык.

Быть похороненным – в *той родине*, с надеждой: в *ней* – пребыть: в сиянье остающемся... [1. С. 178].

Художник слова верит в то, что и после его ухода в мир иной мирозидание не остановится, оно будет продолжаться, доказывая нашу версию, обратимся к его тезису: «Будем исходить из того, что Мирозидание продолжается, “законченный мир” – одна из наших условностей. И тогда слово Мастера – одна из творящих сил. Понимание его в таком контексте возвращает нас к первичной функции Мироупорядывающего Слова (с надеждой на некоторую гармонию соотношения сил – “высших” и “человеческих”). Что-то из такой возможности Слова, естественно, приходится искать в самом «слове как таковом» [2. С. 12]. Словом «Сиянье» поэт обозначает мир «высший», его, по мнению Г. Айги, не погасить, если даже в какое-то время в мире земном будет господствовать «Лимб-Язык». Язык народа – язык чистоты, духа этноса будет жить. От него исходит «Сиянье», а оно способно осветить сумерки жизни. Поэт обращается к слову, он его как бы видит и ведёт с ним разговор, растворяется в его сиянии. Наше суждение находит подтверждение в речи художника слова, произнесённой при получении международной премии «Золотой венец» 29 августа 1993 г. на фестивале «Поэтические вечера Струги»: «Здесь, на священной Охридской Земле, в золотой дымке Божьих смыслов и знаков, передвигающихся среди нас, словно явственно нас касаясь, я с грустью вспоминаю, как когда-то, среди полей России, мне, будто Огненный Столп, мерещилось, виделось – творящее Слово, которое – в середине семидесятих годов – я дерзнул назвать Ионическим, метафорически сославшись на определение Перво-Слова Апостолом.

Я никогда не отказывался от реальности этого Видения. И по-прежнему я считаю, что то, что мы называем Поэзией, однородно с творящими силами Вселенной, что Слово способно стать нашей сущностью, страдающей в равноедином жизневыдерживании со всем тем, что существует в Природе, вводя таким образом, скрепляющие “моменты” человечности в мир, словно в некий извечный атлас Поэзии – для встреч, узнаваний и постижений нами извечного человеческого братства» [3. С. 51]. Слово, по мнению Айги, дано людям земли для «встреч» с силами высшими, потому что Слово, по его мнению, есть знак «мира высшего» [2. С. 12]. Функция указанных слов – номинативная, адресная, эстетическая.

«Солнце», «Такое Осталось» / «Ходьба-прощанье» [1. С. 179].

В этом стихотворении три слова представляются с заглавной буквы: «Солнце», «Такое», Осталось». Слово «Солнце – это материальный знак, вместивший духовную суть Бога, поэт желает сказать, что мы тоже со време-

нем «отцветаем», пребываем же во времени для того лишь, чтоб проявить себя теми поступками, кои сопоставимы с действием Солнца. В стихотворении мы видим не эталонные «меры – строфа», а масштабы, равные Вселенной, в связи с этим представляем тезис поэта, который подтверждает нашу догадку: «... дело не в передаче чувств и “отображении мира”, а в абстрагированной абсолютизации выражения мира через “человека-поэта” – “абсолютизации” их в виде движущихся масс» энергии; слова призваны создавать эти ... разряды по законам так сказать “вселенской”, имея в виду их “неземную крупность”, не по-человечески организующиеся “масштабы”, а не эталонные “меры-строфы” старой поэзии». Единицей измерения для поэта являются не строки и строфы, а отдельные «разномерные монолиты» того или иного количества слов, «разнокалиберные блоки» ритмических конструкций. Данное стихотворение – такой разнокалиберный блок, вместивший в себя слова «вселенского масштаба»: «Солнце», «Такое Осталось». Функция – номинативная, экспрессивная.

«Сергие» / «Долго: березы» [1. С. 180].

Чистое в долгом покое движенье – чудо понятия «падает лист».

Лирический герой видит падающий лист: он падает тихо, спокойно, как неслышное «Сергие» в мире, – без суеты, присущей людям. В этом – мудрость мира, его простота, до которой так трудно прийти, а еще труднее понять и достойно нести. Лирический субъект принимает эту мудрость, понимает, она ему «родна и присутственна»:

яснее и без перемены:

в том же спокойном: давно уже было:

яснее: все так же: душа [1. С. 180].

Функция – номинативная, эстетическая.

Итак, на основе анализа цикла «Пора благодарности» сборника «Здесь» мы попытались доказать присутствие системы в употреблении лексем с заглавной буквы в творчестве поэта. Анализ их функциональной стороны позволил увидеть свойственные им основные функции: номинативную, идентифицирующую, символическую, эмоциональную, экспрессивную, дейктическую, стилистическую. Основным вывод, сделанный нами, таков: Г.Н. Айги через систему слов, написанных с заглавной буквы, представляет «мир горний», основную тему своего творчества – тему света.

Литература

1. Айги Г.Н. Здесь. М.: Современник, 1991. 287 с.
2. Айги Г.Н. Как бы это громко ни звучало // Чăваш ен. 1994. № 34. С. 12.
3. Айги Г.Н. Речь при получении Международной македонской премии // Лик Чувашии. 1994. № 4. С. 51.
4. Барт Р. Нулевая степень письма / пер. с фр. Г.К. Косикова // В мире семиотики. М.: Радуга, 1983. 628 с.
5. Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983. С. 26.
6. Ермакова Г.А. Слово Айги. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. 372 с.
7. Ермакова Г.А. Истоки мотивов света, огня в художественном мире М. Сеспеля и Г. Айги // Вестник Чувашского университета. 2010. № 4. С. 238–241.
8. Ингольд Ф.Ф. Речь, произнесённая на церемонии по поводу вручения премии Петрарки Геннадия Айги // Лик Чувашии. 1994. № 4. С. 43–46.
9. Реформатский А.А. Введение в языкознание. М.: Просвещение, 1967. С. 29–62.

G. ERMAKOVA

**FUNCTION OF CAPITALIZED WORDS
IN THE ART WORLD OF G. AIGI**

(IN THE CONTEXT OF ANALYSIS OF ONE CYCLE OF THE COLLECTION «HERE»)

Key words: *lexical units, function of capitalized words, mythological perception, the main motif, artistic space.*

The given paper presents the function of capitalized words in artistic space of G. Aigi. Based on analysis of one of the cycles («Time of gratitude». 1976–1978) of the collected book «Here» the author proves the presence of a system in the use of capitalized words in the poet's art. The analysis of the functional side of these words allowed to see their inherent basic functions: nominative, identifying, symbolic, emotional, expressive, deictic, stylistic. The main conclusion made by the author, is the following: G.N. Aigi through the system of capitalized words presents «the heavenly world», the main theme of his whole oeuvre – the theme of light.

References

1. Aigi G.N. *Zdes'* [Here]. Moscow, Sovremennik Publ., 1991, 287 p.
2. Aigi G.N. *Kak by eto gromko ni zvuchalo* [Like it loud sounds]. *Chavash en*, 1994, no. 34, pp. 12.
3. Aigi G.N. *Rech' pri poluchenii Mezhdunarodnoi makedonskoi premii* [Speech upon receipt of the Macedonian International award]. *Lik Chuvashii*, 1994, no. 4, p. 51.
4. Barthes R. *Le Degré zéro de l'écriture*. Paris, Seuil, 1972 (Russ. ed.: *Nulevaya stepen' pis'ma*. Moscow, Raduga Publ., 628 p.).
5. Bondaletov V.D. *Russkaya onomastika* [Russian onomastics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1983, p. 26.
6. Ermakova G.A. *Slovo Aigi* [The Word Aigi]. Cheboksary, Chuvash Stte University Publ., 2007, 372 p.
7. Ermakova G.A. *Istoki motivov sveta, ognya v khudozhestvennom mire M. Sespelya i G. Aigi* [The origins of the motifs of light, fire in the artistic world of M. Sespel' and G. Aigi]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2010, no. 4, pp. 238–241.
8. Ingol'd F.F. *Rech', proiznesennaya na tseremonii po povodu vrucheniya premii Petrarki Gennadiyu Aigi* [A speech delivered at the ceremony for the awarding of the prize Gennady Aigi]. *Lik Chuvashii*, 1994, no. 4, pp. 43–46.
9. Reformatskii A.A. *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to linguistics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1967, pp. 29–62.

ERMAKOVA GALINA – Doctor of Philological Sciences, Professor of Chuvash Philology and Culture Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

Ссылка на статью: Ермакова Г.А. Функция слов с заглавной буквы в художественном мире Г. Айги (на примере анализа одного из циклов сборника «Здесь») // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 4. – С. 196–202.

УДК 821.112.2-191.08

ББК Ш43(4Гем)(=432.42){5}*47-32*011.711.1

В.А. ИВАНОВ

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СТЕПЕНЕЙ СРАВНЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ И НАРЕЧИЙ ПРИ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ГЕРОЕВ В БАСНЯХ Г.Э. ЛЕССИНГА

Ключевые слова: степени сравнения, басня, немецкая литература, прилагательное, наречие, нравоучение, аллегория, фабулист, жанр, элятив.

В статье рассмотрено своеобразие языка басен Г.Э. Лессинга, в которых используются категории трех степеней сравнения прилагательных и наречий при характеристике отдельных черт героев его произведений. Проанализированы особенности речевой организации басен. При сравнительно-сопоставительном рассмотрении действующих лиц выявлены двоякое положение субъектов и объектов, относительность всех качеств личности. Структурно-семантические аспекты грамматической категории степеней сравнения представлены исходя из аутентичных примеров. Проиллюстрированы единство и отличие между компаративом и суперлативом, что особенно часто проявляется при передаче их средствами разных языков. Интерес представляет и упоминание о дефиниции басни, широком понимании данного жанра, активно использованного литературоведами в XVIII в. Количественные данные о басенном творчестве Лессинга свидетельствуют о том, какой специфический вклад он как гуманист внес в развитие реализма в литературе за свою 40-летнюю деятельность, начиная от первой публикации «Der junge Gelehrte» (1748) – «Молодой ученый» и кончая завершающим философским трудом «Erziehung des Menschengeschlechts» (1788) – «Воспитание человеческого рода». Доказан приоритет сентенции «Natur tut allzeit mehr» – первостепенное значение имеет условие естественного развития человека.

Качество предмета или действия, характеристика субъекта или объекта выражается категорией трех степеней сравнения – положительной, сравнительной, превосходной. В данной статье они называются интернациональными терминами *Positiv*, *Komparativ* и *Superlativ*, а их структурно-семантические особенности иллюстрируются на примерах басен Г.Э. Лессинга (*Gotthold Ephraim Lessing*), в которых действующие лица в образах представителей флоры и фауны выступают не в единственном числе, что создает благоприятные условия для сравнительно-сопоставительного рассмотрения: истина познается в сравнении. Источниками исследования служат 12 басен в стихах и 77 – в прозе классика немецкой литературы [1].

Немецкие литературоведы выделяют конкретность и богатство языка Лессинга прежде всего со ссылкой на его басни; в данном жанре точнейшим образом (*am deutlichsten* – *Superlativ*) в каждом слове достигнута высочайшая степень (*höchstmöglichst* – *Superlativ*) выражения мыслей нравоучителя (*Sittenlehrer*), сжатости и кратко высмеяны деспотизм и абсолютизм феодального общества, расцвет лакейства и угодничества, лъстивости и хвастливости, двуличия и притворства, фразерства и алчности методом *Tier genannt, Mensch gemeint* (назван зверь, имелся в виду *homo* в образе *lupus*), а человек человеку – волк, часто в овечьей шкуре. Язык Лессинга лаконичен, метко жалит (*hervorstechend* – *Superlativ*), имплицитно указывает на фигуранта во фрагменте случайно случившегося случая в такой степени правдоподобия, что, читая про самого сильного (*am stärksten* – *Superlativ*) зверя и беззащитного (*am schwächsten* – *Superlativ*) ягненка, приходишь на основе жизненного опыта к выводу: у сильного всегда бессильный виноват. Каждый читатель знает, кто он и как его звать, этого двуногого властелина и его жертву, вспоминает тот случай, время и место эпизода и две важнейшие категории встают перед глазами: *wo und wann* – где и когда [2].

Особенностью творчества фабулиста Лессинга (термин взят из его упомянутой книги [1. С. 566] и учтено, что *Fabel* – история, фабула – повествование,

краткое содержание, изложение действий и происшествий) является то, что он всю жизнь занимался описанием человеческих недостатков и пороков, о чем свидетельствуют включенные в указанный том басни: *Fabeln und Erzählungen in Reimen* [1. С. 287–315]; *Fabeln. Drey Bücher* [1. С. 417–447]; *Schriften. Vorrede zu den Fabeln* [1. С. 565–568]; *Briefe-Fabeln und Erzählungen* [1. С. 184–186]; *Lieder, Fabeln und Romanzen* [1. С. 186–187].

Особенностью языка фабулиста следует признать то, что он использует степени сравнения прилагательных при характеристике героев: *Schwächere* (более слабый – *Komparativ*) может оказаться *Mächtiger* (более сильным – *Komparativ*), и сильному отводится роль слабого, что видно из ситуации: *der Marder frisst den Auerhahn, der Fuchs – den Marder, den Fuchs – der Wolf* (куница ест глухаря, куницу ест лиса, лису – волк). Глухарь (в этом случае слабейший – *Superlativ*), а волк (сильнейший – *Superlativ*), т.е. по форме это два суперлатива. Куница сильная среди глухарей, но она слаба по сравнению с лисой, которая сильна в сравнении с куницей и слаба в сопоставлении с волком. Таким образом, в мире флоры и фауны субъекты и объекты, как и люди, находятся в двояком положении, везде налицо взаимодействие – положительной, сравнительной и превосходной степеней, все познается в сравнении, правда относительна. Господство дуализма на каждом шагу, везде релятив, отсутствие абсолюта.

Следующая особенность заключается в том, что хотя диалог подразумевает разговор между двумя или несколькими лицами, в баснях при речевой организации произведения случается, что в процессе диалога между людьми в зверином одеянии, одно и то же лицо выступает то в роли короля, то в роли рядового человека, а то и в роли зверя, и Лессинг на этот счет напоминает: *Natur tut allzeit mehr* (больше *Komparativ* от *viel* – много) *als Demonstration*. Пример налицо: *Hirsch* (лось) и *Fuchs* (лиса) спорят о своем превосходстве в росте и красоте, а как только услышали вдали лай борзой – *Windhund*, мигом сорвались наперегонки в кусты, не видя ни собаки, ни ее хозяина: природа научила их этому, и герой моментально превратился в труса [1. С. 289]. В данном аспекте поучительны ответы Лессинга на вопрос: *Wer ist der größte* (*Superlativ* – самый крупный) *Mann?* Ответ: тот, кто в определенной ситуации может оказаться маленьким (*sich zum kleinsten – Superlativ – machen*), ближе всех подойти (*am nächsten* от *nah – Superlativ*) или же задать вопрос «умнейшему» (*klügsten – Superlativ*) среди дураков. Так благодаря превосходной степени фабулист добивается увеличения дистанции между «кем был» и «кем стал» или оказался волею судьбы. Использование компаратива в ситуации с псевдогероем – комаром, готовым уничтожить не только царя зверей – льва, но и больше (*mehr* от *viel* – много *Komparativ*) врагов: сидя на голове отдыхающего после разбоев льва, он созвал целое пиршество для рекламы своего героизма среди соплеменников с триумфальными плясками и победными песнями (*Siegeslieder*), а когда лев проснулся, участники «концерта» мигом разлетелись вместе со своим кумиром.

Для выражения превосходной степени у Лессинга активно встречаются дополнительные языковые средства, указывающие на очень высокий уровень качества, присущего существу, (*der sehr hohe Grad*) через *Elativ* (*absoluter Superlativ*) с помощью специальных для этих целей прилагательных и наречий типа *höchst* (высочайший), *äußerst* (исключительно), *außerordentlich* (чрезвычайно), *ungewöhnlich* (необычно), *wunder* (удивительно) и т.п. Например, *rechte Hunde* (настоящие собаки, которые будто встречаются только далеко-далеко в Индии, и им не страшны даже львы); *der dümmere Dumme* (более глупый дурак), *die liebe Liebe* (любимая любовь), *unermäßne Größe* (неизмеримая, необъятная величина), *angemaßte Macht* (безгранично, несоразмерная власть);

Überfluß (изобилие) и другие лексемы [1. С. 423, 295, 227, 289, 291, 290], виртуозно привлеченные фабулистом к описанию поучительнейших случаев, близких к анекдотам: как хитро лиса посадила на место хвастливого аиста, кочевавшего по миру в поиске вкуснейших червячков и жирнейших лягушек, своим язвительным вопросом: *Sie sind lange in Paris gewesen, mein Herr? Wo speist man da am besten (Superlativ от gut – хорошо)? Was für Weine haben Sie da am meisten (Superlativ от viel – много) empfunden?* (Долго ли Вы были в Париже, сударь? Где там можно лучше всего отобедать? Какие вина Вам больше всего понравились?) [1. С. 421].

Неописуемо богат мир суперлатива по форме и содержанию в баснях Лессинга, от *bösen Winter* (злая зима, вместо очень холодная и длинная) до *reichen Sommer* (богатое лето, допустимо райское) для ласточки, вечно ищущей новую весну и сладкую жизнь в новом краю, а вот муравей удивляет ее своим трудолюбием: он заготавливает для себя запасы для жизни на родной земле и не надеется на лучшую долю в далеком краю, где *bessere Schwalben (besser – Komparativ от gut)*. Автор теоретизирует о явлениях *Allegorie* и *Ironie*, сопутствующих иноказанию в статье «*Vom Wesen der Fabel*» («О сути басни») [1. С. 481–489]. Чтобы было правдоподобно, использует *in einem Jahre* (однажды ... горы стали двигаться) или вместо *ißt* (кушает) – *aß* (кушал), т.е. вместо *Präsens* предиката – *Imperfekt*. Эпицентр событий остается один: действует *der Schwache (Positiv)*, *der Schwächere* (более слабый – *Komparativ*) и *der Schwächste (Superlativ)*. Он действителен и для *Staaten und Könige* [1. С. 485], о чем свидетельствует правдоподобие событий и образов (*Ähnliches*) и у Эзопа, и у Лессинга, и у Крылова, и у Галкина – *unter die Allegorie einer Handlung versteckte Lehre* – спрятанное под аллегорическое действия учение.

Нравоучитель-фабулист Лессинг внес вклад в развитие действенной литературы и формирование позитивных качеств личности – *den Menschen vollkommener machen (Komparativ – vollkommen – совершенный)*, проповедуя *realistische Kunst* (искусство), он изображал реальность через образы животных при характеристике отдельных их черт. Лессинг в обобщенном виде дал дефиницию термина «басня»: «*Wenn wir einen allgemein moralischen Satz auf einen besonderen Fall zurückführen, diesem besonderen Fall die Wirklichkeit erteilen und eine Geschichte daraus dichten, in welcher man den allgemeinen Satz anschauend erkennt, so heißt diese Erdichtung eine Fabel*» [2. С. 181]. Данным определением жанра басни литературоведы широко пользовались до конца XVIII в., обращая особое внимание на последовательность процесса сочинения басни: сначала поэт выбирает определенное общеизвестное положение из морального кодекса народной мудрости, затем это положение используется при описании особого случая, которому умело придается вид действительности, в заключение мастером пера слагается стихотворение по данной истории до такой степени убедительно, что читатель вспоминает произошедший случай из своей жизни, и такое сочинение называется басней – *Fabel*.

Выше мы подкрепили наше исследование примерами своеобразия языка басен Лессинга в аспекте целенаправленного обогащения их степенями *Superlativ u Komparativ*. По мнению исследователя Лессинга, любая поэзия, с которой поэт связывает свои намерения, может называться басней [1. С. 481], в которой, как упоминалось, все познается в сравнении в условиях оппозиции, сравнительная степень имеет место и там, где обычно обходятся положительной степенью: У сильного всегда бессильный виноват – *Positiv*, а у Лессинга более слабый становится жертвой более сильного – *Der Schwächere wird gemeiniglich ein Raub des Schwächeren – Komparativ*.

В 1777 г., наставляя студентов на активную жизненную позицию в процессе изучения языков и на развитие критики, он говорил следующее: *Hören*

Sie nicht auf, bis Sie auf den Boden kommen, und sagen Sie dann der Welt rein heraus, was Sie entdeckt haben [1. С. VI] – «Не прекращайте свою деятельность, пока Вы ходите по земле, и потом честно объявите миру, что Вы открыли». Язык его острый, критика – адресная и имеет панхронический характер. Его *Fabeln* написаны для народа на народном языке и действительно представляют собой *eine unter die Allegorie einer Handlung versteckte Lehre* [1. С. 483] – сентенцию, замаскированную под аллегорию действия.

Литература

1. Deutsche Literaturgeschichte in einem Band. Berlin: Volk und Wissen Volkseigener Verlag, 1967. 181 S.
2. Lessing G.E. Werke in drei Bänden. Erster Band. Leipzig: VEB Leipziger Druckerei, 1962. 615 S.

ИВАНОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ – доктор педагогических наук, профессор кафедры иностранных языков, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (bella-lucia@rocketmail.com).

V. IVANOV

PECULIARITIES IN THE USE OF DEGREES OF COMPARISON OF ADJECTIVES AND ADVERBS WHEN CHARACTERIZING HEROES IN FABLES OF G.E. LESSING

Key words: *degrees of comparison, fable, German literature, adjective, adverb, moral, allegory, fabulist, genre, elatus.*

The article deals with the uniqueness of language in G.E. Lessing's fables, where the category of three degrees of comparison in adjectives and adverbs is used when describing certain features of heroes of his works. The peculiarities of speech organization in fables are analyzed. Comparative consideration of characters reveals a twofold situation of subjects and objects, relativity of all personality traits. Structural and semantic aspects of grammatical categories of degrees of comparison are presented by reference to authentic examples. Consonance and difference between the comparative and the superlative are illustrated which often becomes obvious at their transfer using the means of different languages. The definition of a fable mentioned in the article is of interest as well as a broad understanding of the genre which was actively used by literary critics in the 18th century. Quantitative data on the fables of Lessing's works indicate what specific contribution Lessing as a humanist had made to the development of realism in literature during his 40 years of work, starting with his first publication «Der junge Gelehrte» (1748) – «A young scientist» and ending with his final philosophical work «Erziehung des Menschengeschlechts» (1788) – «Education of humankind». The priority of the sententiousity «Natur tut allzeit mehr» is proven – natural development of a man is paramount.

References

1. Deutsche Literaturgeschichte in einem Band. Berlin: Volk und Wissen Volkseigener Verlag, 1967. 181 S.
2. Lessing G.E. Werke in drei Bänden. Erster Band. Leipzig: VEB Leipziger Druckerei, 1962. 615 S.

IVANOV VLADIMIR – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Foreign Languages Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

Ссылка на статью: Иванов В.А. Особенности использования степеней сравнения прилагательных и наречий при характеристике героев в баснях Г.Э. Лессинга // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 4. – С. 203–206.

УДК 811.111`25
ББК Ш12=432.1*72

О.Я. КАРПЕЕВА

НЕКОТОРЫЕ ВИДЫ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Ключевые слова: грамматическая категория, грамматическая трансформация, артикль, инфинитивная конструкция, несоответствия, замена, перестановка.

В статье рассматриваются возможные трудности и ошибки при переводе с английского языка на русский язык. Приводятся примеры несоответствий в значении и употреблении языковых единиц в двух языках, описываются некоторые виды грамматических трансформаций при переводе. Результаты работы могут быть использованы при обучении английскому языку и практике перевода и помочь изучающим его преодолеть грамматические и лексические трудности, с которыми приходится сталкиваться при переводе с английского на русский.

То, что английский язык, несомненно, имеет статус языка международного общения, владение им на определенном коммуникативном уровне является необходимостью для выпускников вузов. Таким образом, наличие у выпускника качественной языковой подготовки будет влиять на его профессионализм, так как новая информация из зарубежных источников поступает ежесекундно и является актуальной именно в момент поступления, а не завтра или послезавтра. Умение специалиста быстро перевести ее и использовать в своих целях дает возможность продвигаться вперед в науке и производстве, совершать открытия и создавать новые проекты, опережая своих конкурентов.

В чем состоит задача перевода? Безусловно, в обеспечении эффективного межъязыкового общения, чтобы создаваемый документ или текст на языке, на который он переводится, являлся бы полной смысловой заменой оригинала в функциональном, структурном и содержательном отношении [2. С. 53].

Самые распространенные ошибки перевода возникают из-за многозначности английских слов, дословного перевода идиом, перевода «под кальку» из-за того, что смысл одного и того же слова в английском языке может передаваться совсем другими словами в русском [3. С. 244].

Некоторые трудности связаны с тем, что существуют русские и английские слова, похожие по своей форме, но не совпадающие по значению либо совпадающие частично [1. С. 163]. Они могут отличаться семантической связью: *decade* и *декада*; быть частичными синонимами: *medicine* (1. медицина; 2. лекарство) и *медицина*; являться ложными синонимами: *routine* и *рутина*; иметь похожее звучание, но разный смысл: *magazine* (журнал) и *магазин* [3. С. 245].

Зачастую в русском языке отсутствует грамматическая категория, существующая в английском, и наоборот. В английском это может быть, например, герундий, артикль, инфинитивные и причастные конструкции. Эти несовпадения в двух языках вызывают необходимость их грамматически трансформировать. Давайте рассмотрим артикль. Любой из них, имея довольно отвлеченное значение, иногда нуждается в смысловом значении при переводе на русский язык. Мы знаем, что определенный артикль *the* произошел от указательного местоимения «этот», а неопределенный *a* – от числительного «один» [2. С. 54]. Бывают случаи, когда артикли требуют перевода именно в этих своих значениях, и это необходимо выразить в переводе для передачи точного смысла переводимой фразы. Следующие наглядные примеры демонстрируют историческую связь *a* с числительным *one*: We had not a girl in

our theatre staff. – В нашей театральной труппе не было ни одной девушки. He had not a friend on the globe. – У него не было ни единого друга на свете.

Определенный артикль также часто требует перевода, например:

Only in the groups they managed to visit that day they found 5 talented children. – Только в тех группах, которые они смогли посетить в этот день, они обнаружили 5 талантливых детей.

Из приведенных примеров следует, что невнимание к лексическому, а зачастую и к грамматическому значению артиклей при переводе с английского языка на русский может привести к неполной или неточной передаче смысла высказывания.

В русском языке нет инфинитивных конструкций, которые в большом количестве существуют в английском [1. С. 163]. Рассмотрим, например, перевод инфинитивной конструкции с предлогом *for*:

There are no boys or girls in the family for him to play. – В семье нет мальчиков и девочек, чтобы поиграть с ним [5. С. 83]. В данном случае инфинитивная конструкция переводится на русский придаточным предложением цели.

Несоответствия в значении и употреблении можно наблюдать и в категории числа существительных, и здесь мы сталкиваемся с необходимостью грамматических трансформаций:

Much useful advice was given to her by the audience. – Присутствующие дали ей много полезных советов.

Неисчисляемое *advice* в английском требует трансформации в множественное число исчисляемого существительного «совет» в русском.

Неисчисляемые существительные, выражающие абстрактные понятия, имеют большее число несоответствий с русскими: *news* – новости, *ink* – чернила, *watch* – часы, *money* – деньги, *to visit the suburbs of London* – посетить пригород Лондона, *on the outskirts* – на окраине, *carrots* – морковь, и т.п.

Существуют несоответствия и в употреблении герундия, инфинитива, причастия, их перфектных и длительных форм и т.п.

Можно сделать вывод, что вышеперечисленные расхождения требуют грамматических преобразований при переводе. Они относятся к видам переводческой трансформации.

Существует несколько классификаций переводческих трансформаций.

А.М. Фитерман и Т.Р. Левицкая выделяют три типа: грамматические трансформации, стилистические и лексические трансформации [4].

Я.И. Рецкер называет два типа трансформаций: грамматические трансформации в виде замены частей речи или членов предложения; лексические трансформации, заключающиеся в конкретизации, генерализации, дифференциации значений, антонимическом переводе, компенсации потерь, возникающих в процессе перевода, а также в смысловом развитии и целостном преобразовании [6].

Рассмотрим один из видов переводческой трансформации – перестановку, т.е. изменение места языковых элементов (слов, словосочетаний и частей предложения) в переводе высказывания по отношению к тексту подлинника. Перестановки необходимы из-за различия в порядке слов в предложении в английском и русском языках. В английском языке предложение часто начинается с подлежащего, за ним идет сказуемое. Чаще всего центр сообщения (рема) стоит на первом месте, а второстепенная информация (тема), куда относятся обстоятельства, находится в конце предложения.

В русском языке порядок слов может быть другим: второстепенные члены могут находиться в начале предложения, потом следует сказуемое, и завершается оно подлежащим. Это необходимо иметь в виду при переводе.

Наиболее частый случай перестановки – изменение порядка слов и словосочетаний в предложении связан с коммуникативным членением:

Heavy clouds appeared from nowhere and it started raining.

Неизвестно откуда появились тяжелые тучи, и начался дождь.

Иногда следует изменить порядок частей сложного предложения, поменять местами главное и придаточное:

If she ever writes her story she will certainly get the greatest success. – Она несомненно добьется огромного успеха, если только напишет свою историю.

Здесь в английском варианте первым стоит придаточное предложение, а в переводе на русский – главное. Иногда может быть и наоборот.

Еще один вид трансформаций – замена. Это может быть замена формы слов, части речи другой частью речи, членов предложения, видов синтаксической связи и др.

Под заменой формы слова подразумевается изменение числа у существительных, временных форм глагола и т.п.

Young Jolion's eye twinkled. (Д. Голсуорси). – В глазах молодого Джолиона вспыхнул огонек.

We got the doctor to forbid reading the paper when the war broke out. (Д. Голсуорси). – Когда началась война, мы попросили доктора запретить ему читать газеты.

В английском языке в придаточных предложениях времени и условия вместо будущего времени употребляется настоящее, хотя в русском языке будет употребляться будущее время.

If you have some time, please ring her. – Если у тебя будет время, пожалуйста, позвони ей.

When I come, the children will be sleeping. – Когда я приду, дети будут спать.

Очень распространенный вид замены – это замена частей речи, например, отглагольного существительного, обозначающего какого-нибудь деятеля (swimmer, writer и т.п.), на русский глагол в личной форме, либо просто существительного на глагол:

He is a very good swimmer. – Он очень хорошо плавает.

She is no singer, but she likes listening to his songs. – Она не певица, но любит слушать, как он поет.

Иногда при переводе изменяется синтаксическая структура предложения – заменяются члены предложения. Это может быть, например, замена английской пассивной конструкции русской активной, когда страдательный залог в английском меняется на действительный залог в русском:

I was met at the station by my brother. – На вокзале меня встретил брат.

She was given time to think it over. – Ей дали время подумать.

The article is considered to be perfect. – Эту статью считают отличной.

Можно привести много примеров переводческих трансформаций. Каждое слово, будучи лексической единицей, является частью лексической системы языка. Этим объясняется своеобразие семантической структуры слов в разных языках. В русском и английском языках в значении слова иногда выделяются разные признаки одного и того же понятия или явления. В них отражается видение мира, свойственное носителям этих языков, а это обязательно приведет к трудностям при переводе.

Литература

1. Волкова А.В., Карпеева О.Я. Глагольная каузация как когнитивный способ выражения причинно-следственных связей в чувашских и английских пословицах // Вестник Чувашского университета. 2013. № 2. С. 162–165.
2. Карпеева О.Я., Петрова О.А. Косвенные речевые акты в обучении речевому этикету // Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (16 ноября 2015 г.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2015. С. 52–60.
3. Карпеева О.Я., Свеклова О.В. Лексико-грамматические аналогии при обучении иностранному языку // Вестник Чувашского университета. 2015. № 4. С. 243–246.
4. Левицкая Т.Р., Фитерман А.М. Пособие по переводу с английского языка на русский. М.: Высш. шк., 1973. 136 с.
5. Практический курс английского языка / под ред. В.Д. Аракина. М.: Владос, 1998. 536 с.
6. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Международные отношения, 1974. 216 с.

КАРПЕЕВА ОЛЬГА ЯНОВНА – старший преподаватель кафедры иностранных языков № 1, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (s1lverfox@rambler.ru).

O. KARPEEVA

**SOME KINDS OF GRAMMATICAL TRANSFORMATIONS
IN TRANSLATION FROM ENGLISH INTO RUSSIAN**

Key words: *grammatical category, grammatical transformation, article, infinitive construction, inconsistencies, replacement, reordering transformation.*

The article discusses possible difficulties and mistakes in translating from English into Russian. Examples of inconsistencies in meaning and use of some language units in two languages are given and some kinds of grammatical transformations in translation are described. The results of the work can be used in teaching English and translational practice and can help students to overcome grammatical and lexical difficulties which they face translating from English into Russian.

References

1. Volkova A.V., Karpeeva O.Ya. *Glago'l'naya kauzatsiya kak kognitivnyi sposob vyrazheniya prichinno-sledstvennykh svyazey v chuvashskikh i angliiskikh poslovitsakh* [Verbal cognitive causation as a way of expressing cause-effect relationship in the chuvash and english proverbs]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2013, no. 2, pp. 162–165.
2. Karpeeva O.Ya., Petrova O.A. *Kosvennye rechevye akty v obuchenii rechevomu etiketu* [Indirect speech acts in speech etiquette training]. *Lingvistika, lingvodidaktika, perevodovedenie: aktual'nye voprosy i perspektivy issledovaniya: sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (16 noyabrya 2015 g.)*. [Proc. of Int. Sci. Conf. «Linguistics, linguodidactics, and translation: current issues and prospects of research»]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2015, pp. 52–60.
3. Karpeeva O.Ya., Sveklova O.V. *Leksiko-grammaticheskie analogii pri obuchenii inostrannomu yazyku* [Lexical and grammatical analogies in teaching english language]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2015, no. 4, pp. 243–246.
4. Levitskaya T.R., Fiterman A.M. *Posobie po perevodu s angliiskogo yazyka na russkii* [Manual on translation from English to Russian]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1973, 136 p.
5. Arakin V.D., ed. *Prakticheskii kurs angliiskogo yazyka* [Practical course of the English language. 1 course]. Moscow, Vlados Publ., 1998, 536 p.
6. Retsker Ya.I. *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika* [Translation theory and translation practice]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1974, 216 p.

KARPEEVA OLGA – Senior Lecturer, Foreign Languages Department № 1, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (s1lverfox@rambler.ru).

Ссылка на статью: Карпеева О.Я. Некоторые виды грамматических преобразований при переводе с английского языка на русский // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 4. – С. 207–210.

УДК 81'373.21

ББК 81.2-3

Г.Е. КОРНИЛОВ

**ЭТНОТОПОНИМИЯ РЕСПУБЛИК ПОВОЛЖЬЯ
(БАШКОРТОСТАН, КОМИ, МАРИЙ ЭЛ, МОРДОВИЯ,
ТАТАРСТАН, УДМУРТИЯ, ЧУВАШИЯ) – XXXIX:
А-АНЛАУТНЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ***

Ключевые слова: компаративистика, этимология, контактология, оноματοлогия, топонимика.

Статья продолжает инвентаризацию и интерпретацию А-анлаутных топонимов и апеллятивов в языках Поволжья, в ней дается этимология комонима «Ака(р)шур» (Удмуртия) и приведены другие топонимы на -шор / -шур на территориях Чувашской и Удмуртской республик, имеющие в определяющей части апеллятивы тюркского (в основном татарского и чувашского) происхождения.

0.0.2.7.3. **АКАШУР** – нп Можгин. р-на, так значится в «Алфавитном указателе населенных пунктов Удмуртской АССР» [12. С. 119], но в тексте справочника читаем: «... удмуртская д. *Акаршур* Пычасского с-та Можгинского р-на в 9 км от центра Совета» [12. С. 79]. Согласно современным данным, почерпнутым нами из Интернета, в Удмуртии нп *Акашур* не значится, есть только д. *Акаршур* в Пычасском р-не, следовательно, написание *Акашур* в «Алфавитном указателе...» ошибочно, хотя и вызывает допущение **-г-** mobile в консонантном сочетании **-рш-**, ср. чув. *вёршён* при рус. диал. *вижень* «стриж», чув. *шаршан* «укладка двухметровых стволов (дров)» при рус. *сажень*, чув. *Шәмәш* при рус. *Чемурша* – назв. с. быв. Чемуршин. с-та Чебоксар. р-на и т.д.

И в ошибочном, и в правильном написании название деревни представляется этимологически прозрачным.

В случае *Акашур* – это сложение тюрк. личного имени *Ака*, многократно рассмотренного нами в предыдущих статьях данной серии [5. С. 199–206], и удм. *шур* «река», слоб. *шур* «ложбина», согласно В.И. Лыткину и Е.С. Гуляеву, этимологически тождественные коми *шор* «ручей», «весенний ручеек, талая вода», «поток (после дождя, после обильного снеготаяния)» [7. С. 322б]. Безупречная гомогенность тюрк. *саз*, чув. *шор*, *шур* «болото (стоячее или проточное)», чув. *-шур: шыв-~* «половодье, полые воды, водная стихия», нам представляется, не может быть препятствием для сближения пермских и болгаро-чувашских основ.

Во втором случае *Акар-*: *~шур*, имеем в определяемой части тот же самый, рассмотренный выше, географический номенклатурный термин *шур*, а в первой части – болгар.-чув. *акар* «борзая (собака)», заимствованное в удмуртские говоры в виде *акар* «хищник; зверь» (при удм. литер. *пöйшур*, *сьось*). На территории современного Пычасского и Можгинского районов Удмуртии проживают удмурты, русские и татары, чувашки не упоминаются, но фонетически *Акар-*: *~шур* менее убедительно возводить к башк.-тат. *игәр* «помесь от собаки-самки и волка-самца» [3. С. 23] и вероятнее считать влиянием дотатарского периода, впрочем, М. Ряснен указывает для него ханты-мансийские параллели *ākār*, *akar* и *ākār*, близкие к венг. *agár* «Windhund» [17. С. 38b]. Кроме В.Г. Егорова, никто не указывает несомненно гомогенное тур. *zağar* «охотничья собака; гончая».

* Исследование выполнено при финансовом содействии Министерства образования и науки РФ (грант ГО 2-1.6-123).

На общетюркском уровне можно допускать сохранение и употребление если не в болгаро-чувашских, то в кыпчакско-татарских диалектах причастия *акар* «проточный» на базе *ак-* «течь, протекать», ср. туркмен. *акар* «проточный, ~ая, ~ое» или даже *ак* в составе *акаба* (из *ак-* плюс иран. *аб* «вода») «проточный, текучий, не стоячий», *акаба сув* «проточная вода».

Тюркское происхождение если не потамонима, то положенного в основу его определяющей части апеллятива *акар* выглядит вполне допустимым на фоне других названий населенных пунктов Удмуртии на *-шур*, содержащих явные тюркизмы, ср.:

Аксакшур – удм. д. б. в. Кечевск. с-та Малопургин. р-на, тюрк. *аксак* «хромец, хромоногий», в том числе имя личн.;

Акчашур – удм. д. б. в. Кузьмин. с-та Кезск. р-на, тюрк. *акча* «денежка, деньга»;

Бабашур – удм. д. б. в. Якшур-Бодьин. с-та Якшур-Бодьин. р-на; *Бабашур* – удм. д. б. в. Узин. с-та Селтин. р-на, тюрк. *баба* «отец», «дед», «почтенный старец» и т.д.;

Бугашур – тат. д. б. в. Ежев. с-та Юкамен. р-на, тюрк. *буга* «бык», «Телец» (астр.), «буйвол», «здоровенный, силач» (о мужч.);

Истишур – удм. д. б. в. Кожиль. с-та Балезин. р-на; *Истошур* – удм. д. б. в. Пышет. с-та Юкамен. р-на, тюрк. *исти*, *ыстык*, *исси*, *ыссы* и т.д. «горячий, теплый и т.д.», перен. «приятный, добрый, ласковый и т.д.» [10. С. 668];

Кайшур – удм.-рус. д. б. в. Гурезь-Пудгин. с-та Вавож. р-на, ср. третий (последний) прав. приток р. Чебоксарки перед её впадением в Волгу на территории г. Чебоксары – *Кайбулка* (из **Кайбулак*, букв. «Задний / Западный булак / родник»);

Калашур – удм. д. б. в. Лутохин. с-та Киясов. р-на, тюрк. *кала* «город, крепость», «городище»;

Карашур – удм. д. б. в. Уром. с-та Малопургин. р-на; *Карашур* – рус. д. б. в. Большекибын. с-та Можгин. р-на; *Карашур*:- *~Пеки* – удм.-рус. д. б. в. Удугучин. с-та, *Карашур* – удм.-рус. д. б. в. Узей-Туклин. с-та Увин. р-на; *Карашур* – удм.-рус.-тат. д. б. в. Якшур-Бодьин. с-та Якшур-Бодьин. р-на, все 5 комонимов содержат тюрк. *кара* «черный», «грязный», наличествует даже комоним-калька – *Черношур* – удм. д. б. в. Бобья-Учин. с-та Малопургин. с-та;

Каршур – удм. д. б. в. Люк. с-та Балезин. р-на, тюрк. *кар* «снег; снежный, -ая, -ое» (тюрк. осмысление *Карел*:- *~ия* «Снежный край / Снежная страна»), но не исключено *кар* «крепость», ср. *-кар*: *Кудым~*, *-кар*: *Сыктыв~*, *-кар*: *Шупаш~* и т.д.;

Качкашур – удм.-рус. д. б. в. Качкашур. с-та Глазов. р-на, возможно, тат. *качкы* (диал.), *качкак* (литер.) «беглый, беглец», «Беглец, Беглянка» (прозвище);

Пусошур – удм.-рус. д. б. в. Ураков. с-та Глазов. р-на, тюрк. *басау*, чув. *пус(ă)*, *пос(ă)*, *посу*, *посу* > мар. *пасо*, *посо*, удм. *бусы* «поле», «нива» [15. С. 450–451];

Таганшур – удм. д. б. в. Кабалуд. с-та Кез. р-на, тюрк. *таган* «таган, таганок», «тренога под котел над огнем» и т.д. [13. IV. С. 9; 17. S. 456b];

Такашур – удм. д. б. в. Андрейшур. с-та Балезин. р-на, тюрк. *тăкă*, *тăкə* и т.д., удм. *така* из чув. *така* «баран; бараний, -ья, -ье» [17. S. 470a, b];

Чебершур – удм. д. б. в. Золотарев. с-та Глазов. р-на, тюрк. *чăбăр*, *чибəр*, чув. *чипер* «чистый», «красивый», «хороший» и т.п., удм. *чебер* «красивый» из тюрк. [17. S. 101b];

Чурашур – удм.-рус. д. б. в. Малопургин. с-та Малопургин. р-на; *Чурашур* – удм.-рус. д. б. в. Мельников. с-та Можгин. р-на; *Чурашур* – удм. д. б. в. Юкамен. с-та Юкамен. р-на, тюрк. *чура*, *чора* «слуга, раб; работник», «сын»,

«дочь» [17. S. 116а; 15. С. 424-425], отсюда чув. *сyра / сора* «детёныш», удм. *сyр / сьор* «чужой; приемный»;

Юртошур:- ~-*Какси* – удм. д. быв. Удмурт-Тоймобаш. с-та Алнаш. р-на, тюрк. *йорт, йурт* «двор с постройками», «жилище» и т.д., откуда удм. *юрт* «постройка; дом».

Итого 22 комонима из общего числа 197 названий населенных пунктов Удмуртии, образованных на основе географического номенклатурного термина *-шур* «ручей; река» (литер.), «ложбина» (диал.). В.И. Лыткин и В.И. Гуляев, впервые попытавшиеся дать этимологию этого термина, не придали значения тому очевидному обстоятельству, что этимологически тождественная параллель имеется только в коми, приводимые ими ханты-мансийские соответствия нуждаются в дополнительном обосновании, связь с венг. *ég* «ручей» несколько проблематична, а мар., морд., суоми, эст. и другие финские (не говоря об иных уральских, самодийских и т.д.) параллели вообще отсутствуют [7. С. 322б]. В этих условиях вспомнить о чув. *шур, шор* «болото; болотистая земля; болотистый луг» и поставить вопрос об их отношении к вышерассмотренным пермским *шур* (удм.), *шор* (коми) нам представляется вполне уместным. В частности, представляется вполне уместным ввести в научный оборот не рассматривавшиеся никем из наших предшественников топонимы на *-шур / -шор* в границах Чувашии.

Ограничимся названиями, собранными и представленными в Научный архив НИИ языка, литературы и истории при Совете Министров Чувашской АССР энтузиастом-историком И.Д. Никитиным в 1941 г. Собирали он их, по его собственным словам, в период с 1906 г. по 1940 г. Наличные в его записях топонимы, содержащие в своем составе географический номенклатурный термин *-шур*, распадаются на 3 группы:

1. В позиции определяемого члена словосочетания *-шур* употребляется в неизменном виде, это означает, что предшествующие компоненты функционируют в качестве прилагательных: *Вярәм шур* «Долгий шур» – на земле чув. с. Старые Шимкусы, соврем. Янтик. р-на; *Мән(ә) шур* «Великий шур» – на земле чув. д. Кильдишево, соврем. Ядрин. р-на; *Җинҗе шур* «Шур, вблизи которого совершался древнечувашский обряд *синьзе*» – на земле чув. д. Енешкасы, соврем. Красноармей. р-на; *Җирёклё шур* «Ольховый шур» – на земле чув. д. Вурманкасы – Виç ҫырма Шашкар быв. Шешкар. с-та быв. Сундыр. р-на; *Җитнё шур (пущи)* «(Поле) досталого шур» – на земле чув. с. Старые Шимкусы (см. выше); *Җуннә шур* «Горелый шур» – на земле чув. д. Вурманкасы – Виç ҫырма Шашкар (см. выше); *Ула шур* «Медвежий шур» – на земле чув. д. Илебары соврем. Козлов. р-на; *Хурән шур* «Березовый шур» – на земле чув. д. Новое Исаково соврем. Урмар. р-на; *Чётре шур* «Трясучий шур» – на земле чув. с. Старые Шимкусы (см. выше); *Шиклё (Шитлё) шур (кётессу)* «(Угол) опасного шура» – на земле чув. с. Старые Шимкусы (см. выше).

2. В позиции определяемого члена словосочетания *-шур* употребляется с постпозитивным притяжательным артиклем *-ё* (результат редукции древнего анафорического местоимения **-и* «он→его», в позиции после согласного). Это означает, что предшествующие компоненты функционируют в качестве существительного: *Амату шурё* «Шур Матери-горы» или «Шур божества *Амату*» – на земле чув. д. Вурманкасы – Виç ҫырма Шашкар быв. Шешкар. с-та быв. Сундыр. р-на; *Кәвакал шурё* «Утиный шур» – на земле чув. с. Ядрино (Етёрне = Чирёккасси) соврем. Ядрин. р-на; *Ландик шурё* «Шур Ландика» (прозвище) – на земле чув. д. Сяран-Сирмы соврем. Ядрин. р-на; *Мамәш шурё* «Шур Мамәша» (прозвище) – в Марий Эл, вблизи чув. д. Вурманкасы – Виç ҫырма Шашкар (см. выше); *Отаки шурё* «Шур Отаки» (возм. прозвище) – на земле чув. д. Вурманкасы – Виç ҫырма Шашкар (см. выше); *Җомкки шурё* «Сёмкин шур» (имя личное) –

на земле чув. д. Вурманкасы – Виç сырма Шашкар (см. выше); *Тёрне шурё* «Шур Тёрне» (?) – на земле чув. д. Юрмекейкино соврем. Моргауш. р-на; *Тутаркас шурё* «Шур нп Татаркасы», в Марий Эл, вблизи соврем. Большесундыр. с-та Моргауш. р-на (в Левобережье); *Тяпаня шурё* «Шур Тяпани» (прозвище) – на земле чув. д. Вурманкасы – Виç сырма Шашкар (см. выше); *Хвети шурё* «Шур Федеи» – на земле чув. д. Вурманкасы – Виç сырма Шашкар (см. выше); *Чакак шурё* «Сорочий шур», или «Шур Сороки» (возможно, прозвище) – на земле чув. д. Щамалы соврем. Мариинско-Посад. р-на; *Шапа шурё* «Лягушачий шур», или «Шур Лягушки» (возможно, прозвище) – на земле чув. д. Щамалы (см. выше); *Якăт / Яхать шурё* «Шур Якăта / Яхата» (прозвище) – на земле чув. д. Юрмекейкино соврем. Моргауш. р-на (см. выше).

3. В позиции определяемого члена словосочетания *-шур* употребляется с постпозитивным притяжательным артиклем *-и* (не подвергающимся редукции и переходу в *-ё*, в связи с чем предыдущий согласный производящей основы – в данном случае сонорный *-р* – геминируется: *-р->-рр-*, в результате образуются омонимичные: *шур-ри* «его болото», *шур-ри* «его белок», ср. диал. *Търна шурри* «Шур журавля (или Журавля)», но лит. *çăмарта шурри* «белок яйца».

Предшествующие компоненты топонимов, как и в случаях с *-шурё*, функционируют в качестве существительного (имени собственного или нарицательного). Нижеперечисленные примеры зафиксированы всего в двух населенных пунктах, из них два названия на земле чув. д. Старые Шимкусы соврем. Янтиков. р-на: *Кăвакал шурри* «Утиный шур», или «Шур Утки»; *Туй каччă шурри*, букв. «Шур участника свадьбы», на самом деле *Туй каччă* «Участник свадьбы» здесь прозвище хозяина луга; восемь названий на земле чув. д. Старые Арабоси соврем. Урмар. р-на: *Акши шурри* «Шур Акши» (прозвище), *Кăвакал шурри* «Шур Утки», или «Утиный шур», *Колова шурри* «Шур [чув. деревни] Колова», *Матъок шурри* «Шур Матёка» (уменьш. от Матвей), *Търна шурри* «Шур Журавля» или «Журавлиный шур», *Турхан шурри* «Шур Турхана», или «Турханов шур», *Эрехон шурри* «Шур Эрехона», или «Эрехонов шур» (прозвище на базе рус.-церк. Иерихон), *Ярмулла шурри* «Шур Ярмуллы», или «Ярмуллин шур» (тат. имя личное).

Чувашскому литературному и низовому (наречие анатри) *шур* соответствует верховое (наречие тури) *шор*, но с последним в материалах И.Д. Никитина примеров мало. Примеров 1-го типа, без дополнительных морфем, всего 4: *Шор сырма* «Овраг Шор» на земле чув. д. Хирлеппоси соврем. Аликов. р-на (в соврем. справочнике не значится, см. [1. С. 554-555]); *Шор* – назв. оврага / речки / сырма на земле чув. д. Испуханы / Иўспан соврем. Ядрин. р-на; *Шор* – назв. местности на земле чув. д. Вторая Чебакова соврем. Ядрин. р-на; *Шоркасы / Шоркасси* «Болотный выселок» – чув. д. быв. Крымзарайкин. с-та Аликов. р-на; примеров 2-го типа с притяжательным компонентом *-ё* тоже 4: *Охвин шорё* «Охвинов шор» – на земле чув. д. Кильдишева соврем. Ядрин. р-на; *Чора касси шорё* «Шор [деревни] Чоракасси» – на земле чув. д. Шоркасы быв. Крымзарайкин. с-та (см. выше); *Ола шорё* «Медвежий шор» (букв. «Шор Медведя») – на земле чув. с. Ишлей-Покровское (Первое Пихтулино быв. Чебоксар. у.); *Хăнтак шорё* «Шор Хăнтака» (прозвище) – на земле д. Иштереки соврем. Моргауш. р-на; *Манка шорё* «Сопливый шор» – на земле д. Мускаринкасы соврем. Чебоксар. р-на; 3-го типа – один пример: *Отньохха шорри* «Шор Отнёхи» (прозвище) – на земле чув. д. Прошкино соврем. Аликов. р-на (в соврем. справочнике не значится, см. [1. С. 436-437]).

В.И. Лыткин и Е.С. Гуляев [7. С. 322б] коми-зырян. *шор* 'ручей', «весенний ручеек», «талая вода», «поток (после дождя, после обильного снеготаяния)», удм. *шур* «река», слоб. *шур* «ложбина» возводят к общеперм. архетипу *šor «ручей, поток, течение, река» и указывают на то, что «пермские слова

традиционно сопоставляют с манс. *tūr, tōr* (<*sor) «озеро»; хант. *tor* «озеро, заливной луг», *Lár* «долина», «озеро», *tòr* «маленькое озеро без протоки»; венг. *ár* «поток, течение, стремнина»... Не исключено, что кз. *шор* и удм. *шур* связаны с венг. *ér* «ручей»...».

Коми авторы пользовались в основном теми же источниками, что и авторы «Историко-этимологического словаря венгерского языка» [16. I. С. 168б, 169а], но в отношении венг. *ár* «течение, поток» (переводные словари указывают еще значение «морской прилив», но «стремнина» не указывают) коми и венгерские ученые расходятся, а именно, последние считают венг. *ár* древним наследием угорской эпохи, сравнивают с *vog. AK., Szo. tūr, Al. tor* «озеро» (Steinitz: *Wog. Vok.* 208); *osztj. V. lar, Vj. jar* «пойма (реки)», *O. lar* «пойма (реки); озеро», *Ко. tōr* «маленькое озеро» (РД.)» и заключают, что праформой угорского праязыка могли быть *sarз или *šarз..., при этом говорят об ошибочности выведения из общефинноугорского или из тюркских, монгольских, кавказских и индоевропейских источников: *A szónak finnugor egyeztetése, valamint török, mongol, kaukázusi es indoeurópai származtatása téves*. То есть в их списке параллелей для венг. *ár* коми-зырян. *шор* и удм. *шур* отсутствуют.

Что касается венг. *ér* «ручей» (перен. «кровеносный сосуд», «прожилка в мраморе» и т.п.), то авторы цитируемого словаря считают его *vitatott eredetű* «спорного происхождения», указывая на его преимущественно терминологическое употребление в литературном языке и в качестве географического термина, в диалектной речи известно только в регионе Тис(с)ы. тем не менее, приведены для сравнения и предположения о древнем финно-угорском наследии: *züj. V., Sz. (коми-зыр.) šor* «речка, ручей», *КР (коми-перм.) šor* «иа» (то же) (Gen.); *votj. Sz. (удм.) šur* «река, течение», «речка, ручей, ручеек». Коми-зыр. слово проникло в хантыйский. Финно-угорской основой могут быть *šerз или *šärз (где -з означает звук неизвестного качества. – Г.К.) [16. I. С. 779б].

Нам представляется подозрительной фонетическая близость восстановленных архетипов: общеперм. *šor «ручей, поток, течение, река», доперм. *šarз-, *šärз- «поток, ручей, река, вода» или доперм. *šerз-, *šärз-; угор. *sarз или *šarз (см. выше) с чув. *šar или *šär, откуда соврем. чув. *шор, шур* «болото; болотистая земля, болотистый луг» [15. Т. II. С. 462; 17. S. 406b; 3. С. 339] и соврем. венг. *sár* «грязная (илистая) речка, речная вода», «болото, мокрое место», «грязь», «глина» [16. III. С. 487б, 488а], при этом бросается в глаза не смущающее авторов обстоятельство, что все исходные примеры на всех привлекаемых языках представляют собой один закрытый трехфонемный слог типа (C)ГC (согласный + гласный + согласный), в передаче латиницей (C)VC (консонант + вокал + консонант), а восстанавливаются основы в виде двух открытых четырехфонемных слогов типа CГCГ, в передаче латиницей CVCV, без объяснения, зачем в архетипе следует предполагать ауслатный (дополнительный) звук *-з: *sar-*, или *-з: *šar-*, или *-з: *šer-*, или *-з: *šär-*, что это – компонент корня или словообразовательный суффикс? Где доказательства, хотя бы в виде аналогий развития в других случаях?

В границах исповедуемой нами теории имитативов [6], в рамках радикалогии [4], предложенные выше объяснения следует признать всего-навсего ближней этимологией, не выходящей за пределы семьи близкородственных языков; авторы даже не допускают вопроса: если восстановленные архетипы не предположительны, то какого они происхождения в соответствующих постулируемых праязыках?

Очевидным является то, что консонантной базой всех примеров и архетипов являются \sqrt{SR} или $\sqrt{ŠR}$ (исключая тюрк. *саз / сас / һаз*). Постулируемая консонантная база – несомненная основа звукосочетаний, имитирующих аку-

стические эффекты струящейся воды, жидкости, |S|, |š| – идеофоны, символизирующие звукоподражающие шумы вообще и шум струи текущей или выступающей из-под ног воды, а |R| – идеофон-звукоизображение вибрации, дрожания струящейся среды, они лежат в основе многочисленных производных типа праслав. **sr-uja* (откуда вост.-слав. *с(м)руя* со вставным -т-), чув. *šâr-* (интранзитив, передающий эффект мочеиспускания, откуда **šârk* > *šâk* «моча»); соответствия в разных языках чув. *šûrBe* «бульон»; потамонимы, этимологически тождественные чув. *Сăр* «Сура» (прав. приток Волги), индоевропейские соответствия рус. *сп-*: ~*ать* из праслав. *sĕrati*, в их числе санскр. *sârati* «течет», *sarás* «жидкий», лат. *serum* «сыворотка» [13. Т. III. С. 740] и др., семантическое дерево которых обязательно включает идею воды, жидкости.

За пределами сказанного остаются тюркские *saz* / *sac* / *haз* «болото; болотистое, топкое место», «глина» (кирг.), несомненно гомогенные с чув. *шор*, *шур* < **šâr* или **šar*, но дело в том, что ни в одном этимологическом словаре тюркских языков ни один автор не решается хотя бы попытаться восстановить архетип для этих аллоформ, в крайнем случае дело сводится к вопросу: что первично -*з/-с/-з* по отношению к -*р/-ř* или наоборот, т.е. зетацизм или ротацизм. В случаях, когда имеет дело с интервокальными -*з/-с/-з*-, кажется, что все понятно: переход -*з/-с/-з*- в -*р/-ř*- – это результат соноризации последних под влиянием избыточной звучности/вокальности одновременно с двух сторон 2 гласных, но чем объяснить тогда переход -*з/-с/-з* в -*р/-ř* в позиции ауслаута, ведь в абсолютном конце слова звонкие обычно подвержены десоноризации, оглушению, поэтому примеры типа **kazak* > **karak* > чув. *хорак* / *хура* «разбойник»; **kazan* > **karan* > чув. *хоран* / *хуран* «котел»; **p^hadak* > **adak* > **azak* > **arak* > чув. *ора* / *ура* «нога» выглядят закономерными, причинно обусловленными, но примеры типа **kaz* > **kar* > чув. *хор* / *хур* «гусь», **sakiz* > **sakir* > чув. *сохăр* / *сухăр* «смола; сера», **juldur* / *joldiz* > **juldur* > чув. *çălmăр* «звезда; метеор» представляются нуждающимися в доосмыслении. К числу последних относится и упоминаемый выше случай **saz* > **sar* / **šar* > чув. *шор* / *шур*. Не убоившись быть подвергнутыми жесткой критике со стороны традиционалистов, смеем предположить, что ротацизм в ауслауте – не результат соноризации -*з>-р*, а следствие упрощения сочетания согласных, т.е. -*rz>-z* в кыпчакских, огузских и т.д. языках, но -*rz>-r* в гунно-болгаро-тюркских (из последних монг., тунг.-маньчж.), в этом случае пратюркский архетип **sarz*, откуда межтюрк. **sāz* (заместительная долгота -ā-) > тюрк. *saz* (утрата долготы гласного) > чагат. *saz* «Sumpf» и т.д., но в болг.-чув. *sar* (утрата второго согласного в сочетании -*rz* не порождает заместительной долготы единственного гласного) > **šar* (закономерный переход **s*->š-, ср. тюрк. *сагыш* > чув. *шохăш* / *шухăш* «мысль, дума и т.д.» и под.) > соврем. чув. *шор* / *шур*, каковые вполне могли оказать влияние на пермские *шур* / *шор*, особенно в контексте массы других болг.-чув. заимствований в последних, ведь, как справедливо подытожила Е.Ф. Васильева, «ученые отмечали разные количества болгаро-чувашских заимствований в удмуртском языке: Й. Буденц нашел 33 слова ..., Б. Мункачи – 57 ..., Ю. Вихман – 161 [18. С. 140–185], М.Р. Федотов – 438 [14. С. 84–170], И.В. Тараканов – 203 [11. С. 21–49]». Сама Е.Ф. Васильева в «Удмуртско-русском словаре» [12] «обнаружила 105 чувашизмов» [2. С. 110]. По нашим наблюдениям, в этот самый большой удмуртско-русский словарь (35 000 слов) не попали многие чувашизмы, наличествующие в гораздо более объемном «Русско-удмуртском словаре» [9].

Если признавать число, названное все равно М.Р. Федотовым (438) или И.В. Таракановым (203), следует его считать большим, особенно с учетом того, что на территории Удмуртии сегодня не значится ни один чувашеязычный населенный пункт и Удмуртия не граничит с Чувашией, не имеет каких-

либо масштабных экономических и производственных связей. Естественно, возникает вопрос о месте и времени бывших межэтнических контактов еще до вхождения их предков в состав России.

Вряд ли сколько-нибудь значительная часть предков болгаро-чувашей в конце I – начале II тысячелетия н.э. проживала среди предков современных удмуртов и в течение нескольких столетий в результате межэтнических браков и некоторых дополнительных причин перешла полностью в бытовом общении на удмуртский язык.

Удмурты когда-то жили в среде предков чувашей, а позже в результате масштабных межэтнических конфликтов и других причин, в первую очередь – разгрома Болгарской Федерации, ушли на север (современную территорию). Совместное проживание имело место в составе Волжской Болгарии в бассейне Нижнего Прикамья, куда с VII в. из южнорусских степей, Северного Кавказа, Прикубанья, проникли тюркоязычные племена *болгар* // *булгар*, говорившие на древнечувашском языке, функционировавшем в течение 2-3 столетий в Среднем Поволжье и в Прикамье в качестве языка межнационального общения, будучи официальным языком Волжской (Великой) Болгарии, разгромленной в 1167 г. Андреем Боголюбским (сыном Юрия Долгорукого), а после восстановления, в 1236 г. – монголо-татарами, после чего все население правобережья Камы вошло в состав Казанского ханства, где болгаро-чуваший язык в качестве государственного был заменен на родственный кыпчакотатарский, среди удмуртов возникла казанско-татарская администрация, поселились татары, составляющие по сей день один из трех главных этносов Удмуртской Республики (удмурты, русские, татары).

Ныне среди топонимов Удмуртии преобладают имена удмуртского, русского и татарского происхождения, а вот в составе нарицательной лексики – соперничают древнечувашские (болгаро-чувашские) и казанско-татарские (кыпчакско-татарские), что свидетельствует о том, что большинство географических названий здесь возникло после 1236 г., после ухода удмуртов из Нижнего Прикамья (из пределов Волжско-Камской Болгарии) на современные, более северные, территории. Поэтому определяющая часть топонима *Акаршур* восходит к нарицательному болгаро-чувашскому зоониму *акар* «борзая (собака)», географический номенклатурный термин *шур*, видимо, восходит, как и коми *шор* (и их финно-угорские соответствия), к той же символической основе на базе \sqrt{SR} или \sqrt{SR} , что и чув. *шор* / *шур*, но сам географический объект назван, несомненно, удмуртами.

Несколько сомнительным остается одно, не упоминавшееся выше, обстоятельство, а именно, не является ли *-шур*: *Акар~* тем же словообразовательным компонентом, что и *-шур* в составе литературного удмуртского слова *пйшур* «зверь»? Ответ на этот вопрос могут дать ознакомившиеся с нашей статьей специалисты по пермским языкам, более продвинутые в изучении удмуртских наречий.

(Продолжение следует)

Литература

1. Аликовская энциклопедия. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. 636 с.
2. Васильева Е.Ф. Чувашизмы в «Удмуртско-русском словаре», изданном в 1983 г. // Пермистика 10: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: материалы X Междунар. симпозиума. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2009. С. 107–116.
3. Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 355 с.
4. Корнилов Г.Е. Этимология. Лингвистические исследования, критика и обобщения. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2010. 168 с.

5. Корнилов Г.Е. Этнотопонимия республик Поволжья (Башкортостан, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия) – XXXVIII: А-анлаутные географические названия // Вестник Чувашского университета. 2016. № 2. С. 199–206.
6. Корнилов Г.Е. Имитативы в чувашском языке. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1984. 184 с.
7. Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. 386 с.
8. Никитин И.Д. Топонимика (Названия урочищ, оврагов, лесов и ... селений ЧАССР): рукопись // Научный архив Чуваш. гос. ин-та гуманитарных наук, 1906-1940.
9. Русско-удмуртский словарь. М.: ГИС, 1956. 1360 с.
10. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общeturкские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974. 767 с.
11. Тараканов И.В. Заимствованная лексика в удмуртском языке. Ижевск: Удмуртия, 1982.
12. Удмуртская АССР. Административно-территориальное деление на 1 июля 1971 года. Ижевск, 1972. 148 с.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1996. Т. I–IV.
14. Федотов М.Р. Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками. Чебоксары, 1968.
15. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. / ЧГИГН. Чебоксары, 1996. Т. I–II.
16. A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. Első kötet. A-Gy. 1142 old. 1967; Második kötet. H-O. 1111 old. 1970; Harmadik kötet. Ó-Zs. 1231 old. 1976. Budapest, Akadémiai kiadó.
17. Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkisprachen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1969 [Lexica societatis Fenno-Ugricae XVII. 1.]. 533 S.
18. Wichmann Y. Die tschuvassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. MSFOu, XXI. Helsingfors, 1903.

КОРНИЛОВ ГЕННАДИЙ ЕМЕЛЬЯНОВИЧ – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы, Чувашский государственный университет, Чебоксары, Россия (gennkorn@rambler.ru).

G. KORNILOV

ETHNIC TOPONYMS OF VOLGA REGION REPUBLICS (BASHKIR, KOMI, MARI, MORDVA, TATAR, UDMURT, CHUVASH REPUBLICS) – XXXIX: A-NAMES OF PLACES

Key words: comparative linguistics, etymology, contactology, onomatology, toponymy.

The article continues the inventory and interpretation of A-anlaut toponyms and appellatives in the languages of the Volga region, it gives etymology of the comonym «Ака(п)шур» (Udmurtia) and lists other toponyms ending with -wop / -uyp in the territories of the Chuvash and the Udmurt republics, having in their defining part appellatives of Turkic (mostly Tatar and Chuvash) origin.

References

1. Alikovskaja jenciklopedija [Alikovsky encyclopedia]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2009. 636 p.
2. Vasil'eva E.F. Chuvashizmy v «Udmurtsko-russkom slovare», izdannom v 1983 g. [Chuvashizmy in «Udmurt-Russian Dictionary», published in the year 1983]. *Permistika 10: Voprosy permskoj i finno-ugorskoj filologii: materialy X Mezhdunar. simpoziuma* [Permistika 10]. Izhevsk, Udmurt University Publ., 2009, pp. 107–116.
3. Egorov V.G. *Jetimologičeskij slovar' chuvashskogo jazyka* [Etymological dictionary Chuvash]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1964, 355 p.
4. Kornilov G.E. *Jetimologija. Lingvističeskie issledovanija, kritika i obobshhenija* [Etymology. Linguistic research, criticism and generalization]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2010, 168 p.
5. Kornilov G.E. *Etnotoponimija respublik Povolzh'ja (Bashkortostan, Komi, Marij El, Mordoviya, Tatarstan, Udmurtiya, Chuvashiya) – XXXVIII: A-anlautnye geograficheskie nazvaniya* [Ethnic toponyms in Volga region republics (Bashkir, Komi, Mari, Mordva, Tatar, Udmurt, Chuvash republics) – XXXVIII: A-names of places]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2016, no. 2, pp. 199–206.
6. Kornilov G.E. *Imitativy v chuvashskom jazyke* [Imitation in the Chuvash language]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1984. 184 p.
7. Lytkin V.I., Guljaev E.S. *Kratkij jetimologičeskij slovar' komi jazyka* [Concise etymological dictionary Komi language]. Moscow, Nauka Publ., 1970, 386 p.

8. Nikitin I.D. *Toponimika (Nazvanija urochishh, ovragov, lesov i ... selenij ChASSR). Rukopis' Nauchnyj arhiv Chuv. gos. in-ta gumanitarnyh nauk* [Toponymics (Titles stows, ravines, forests and villages of ChASSR)], 1906–1940.
9. *Russko-udmurtiskij slovar'* [Russian-Udmurt Dictionary]. Moscow, 1956, 1360 p.
10. Sevortyan E.V. *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov (Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye)* [The Etymological dictionary of Turkic languages. Common Turkic and Half Turkic bases on vowels]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 767 p.
11. Tarakanov I.V. *Zaimstvovannaja leksika v udmurtskom jazyke* [Loanwords in the Udmurt language]. Izhevsk, Udmurtija Publ., 1982.
12. *Udmurtskaja ASSR. Administrativno-territorial'noe delenie na 1 ijulja 1971 goda* [Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic. Administrative-territorial division on July 1, 1971]. Izhevsk, 1972, 148 p.
13. Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, Progress Publ., 1996, vol. I-IV.
14. Fedotov M.R. *Istoricheskie svjazi chuvashskogo jazyka s volzhskimi i permskimi finno-ugorskimi jazykami* [Historical ties Chuvash language with the Volga and Permian Finno-Ugric languages]. Cheboksary, 1968.
15. Fedotov M.R. *Etimologicheskij slovar' chuvashskogo yazyka: v 2 t.* [Etymological dictionary Chuvash. 2 vols.]. Cheboksary, 1996, vol. I–II.
16. A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. Első kötet. A-Gy. 1142 old. 1967; Második kötet. H-O. 1111 old. 1970; Harmadik kötet. Ö-Zs. 1231 old. 1976. Budapest: Akadémiai kiadó.
17. *Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1969 [Lexica societatis Fenno-Ugricae XVII. 1.]. 533 S.
18. Wichmann Y. *Die tschuvassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen*. MSFOu, XXI. Helsingfors, 1903.

KORNILOV GENNADIY – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of Russian Language and Literature Department, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

Ссылка на статью: Корнилов Г.Е. Этнотопонимия республик Поволжья (Башкортостан, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия) – XXXIX: А-Анлаутные географические названия // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 4. – С. 211–219.

УДК 81'373.21

ББК 81.2-3

А.А. ЛЕОНТЬЕВА

НАЗВАНИЯ АНТРОПОГЕННЫХ ОБЪЕКТОВ В ЧУВАШСКОЙ МИКРОТОПОНИМИИ

Ключевые слова: ономастика, топонимика, микротопонимия, номинация.

Статья посвящена изучению чувашских микротопонимов. Автором рассматриваются особенности чувашских антропогенных микротопонимов на примере названий частей селений, также названий незаселенных, но созданных человеком объектов (мостов, мельниц, дорог, полей, искусственных прудов). В статье дается структурная характеристика данных названий, анализируется семантика топонимобразующих основ. Выделяются основные принципы номинации чувашских микротопонимов: по свойствам самого объекта, отношению к другим объектам и связи с человеком. Принцип номинации по свойствам самого объекта объединяет названия, указывающие на физико-географические особенности объекта, время его существования; зоофорные и фитофорные топонимы. Названия, отвечающие принципам номинации по отношению к другим объектам и связи с человеком, мотивированы как именами собственными, так и апеллятивной лексикой. Особенности лексико-семантических групп автор исследует на основе большого фактического материала, отражающего диалектные различия чувашского языка.

Согласно А.В. Суперанской, «микротопонимы – это индивидуальные названия небольших природных или искусственно созданных объектов, обычно отражающие их характер и свойства» [3. С. 48]. В чувашской микротопонимии, как и в микротопонимии любого региона, можно выделить две основные группы микротопонимов: названия геогенных объектов, связанные с объектами естественно-географического характера, и названия антропогенных объектов, номинирующие объекты культурно-исторического характера. Особенности названий антропогенных объектов нами будут рассматриваться на примере названий частей селений, также названий незаселенных, но созданных человеком объектов (мостов, мельниц, дорог, полей, искусственных прудов), взятых из материалов архива ЧГИГН [1].

В структурном отношении чувашские микротопонимы двучленны, состоят из определяющего и определяемого компонентов. В качестве определяемого слова употребляется номенклатурный термин, указывающий на род и вид географического объекта. В наших примерах встречаются следующие географические термины: *урам* «улица», *кас* «улица»; *сут/сот* «пригорок, скат, склон» [5. С. 428], т.е. улица на склоне; *ушкӑн* «часть селения, околоток» [5. С. 520], *кукӑр* «изгиб, поворот улицы» [5. С. 190], *пралук* «переулок» (в названиях частей селений); *кӗпер* «мост», *арман* «мельница», *сул* «дорога», *сукмак* «тропинка», *пӗве* «пруд», *уй* «поле», *лусӑ* «поле хлебное, пашня» [5. С. 316], *хир* «поле, нива». Компоненты чувашских антропогенных микротопонимов связаны по типу изафета (например, *Лавкка касси*, *Улӑх кӗперӗ*, *Натали сукмакӗ* и др.) и примыкания (например, *Кивӗ урам*, *Пӗчӗк кӗпер*, *Аслӑ сул* и др.). Определяющий компонент дифференцирует объект, выделяет его из числа подобных. В чувашских микротопонимах он обычно находится на первом месте и вызывает на какое-либо свойство объекта.

Большинство микротопонимов Чувашии имеют прозрачную семантическую структуру, и это позволяет определить с той или иной степенью вероятности мотив номинации. Можно выделить несколько принципов номинации: 1) номинация объекта по присущим ему свойствам и качествам, 2) номинация объекта по отношению к другим объектам, 3) номинация объекта по его связи с человеком.

Анализ языкового материала показывает, что в топонимическом пространстве Чувашии довольно обширную группу составляют микротопонимы, в основе классификации которых лежит первый принцип номинации, т.е. названия, данные по особенностям самого географического объекта, качественные микротопонимы. Рассмотрим некоторые из них.

1. Названия, указывающие на физико-географические особенности объекта: 1) величину, размер: *Мӑн кӗпер* (< чув. *мӑн* «большой, крупный» и *кӗпер* «мост»), Марпосадск. р-н, Арзаматово; *Мӑн пӗве* (< чув. *мӑн* «большой» и *пӗве* «пруд»), Чебоксарск. р-н, Микши-Энзей; *Мӑн сул* (< чув. *мӑн сул* «большак, магистральная дорога» [5. С. 234]), Красноармейск. р-н, Кюльсирма; *Пысӑк пӗве* (< чув. *пысӑк* «большой» и *пӗве* «пруд»), Красноармейск. р-н, Алманчино; *Пӗчӗк кӗпер* (< чув. *пӗчӗк* «маленький» и *кӗпер* «мост»), Красноармейск. р-н, Н. Игити; *Пӗчӗк пӗве* (< чув. *пӗчӗк* «маленький» и *пӗве* «пруд»), Аликовск. р-н, Хоравары; *Пӗчӗк уй* (< чув. *пӗчӗк* «маленькое» и *уй* «поле»), Чебоксарск. р-н, Микши-Энзей; *Пӗчӗк урам* (< чув. *пӗчӗк* «маленькая» и *урам* «улица»), Канашск. р-н, Анаткасы; *Пӗчӗк кас* (< чув. *пӗчӗк* «маленькая» и *кас* «улица»), Комсомольск. р-н, Старочелны-Сюрбеево; *Пӗчӗк ҫот* (< чув. *пӗчӗк* «маленькая» и *ҫот* «улица на склоне»), Красночетайск. р-н, Ижекей; *Пӗчӗк ушкӑнь* (< чув. *пӗчӗк* «маленькая» и *ушкӑнь* «часть селения»), Аликовск. р-н, Ишпарайкино; *Хӗсӗк урам* (< чув. *хӗсӗк* «узкая» и *урам* «улица»), Канашск. р-н, Кошноруй и др.;

2) протяженность: *Вӑрӑм кӗпер* (< чув. *вӑрӑм* «длинный» и *кӗпер* «мост»), Цивильск. р-н, Имбюрти; *Вӑрӑм уй* (< чув. *вӑрӑм* «длинное» и *уй* «поле»), Аликовск. р-н, Таутово; *Вӑрӑм урам* (< чув. *вӑрӑм* «длинная» и *урам* «улица»), Красноармейск. р-н, Синъял-Чурино; *Кӗске кӗпер* (< чув. *кӗске* «короткий» и *кӗпер* «мост»), Цивильск. р-н, Имбюрти и др.;

3) форму: *Тӑрӗ урам* (< чув. *тӑрӗ* «прямая» и *урам* «улица»), Комсомольск. р-н, Н. Тимерчеево; *Тӑваткал урам* (< чув. *тӑваткал* «квадратная»), Канашск. р-н, Оженары; *Виҫкӗтеслӗх уйӗ* (< чув. *виҫкӗтеслӗх* «треугольник» и *уй* «поле»), поле треугольной формы), Канашск. р-н, Яшкильдино; *Йӗкӗрлӗ кӗпер* (< чув. *йӗкӗрлӗ* «сдвоенный» и *кӗпер* «мост»), Ибресинск. р-н, Ленино; *Хӗреслӗ урам* (< чув. *хӗреслӗ* «перекрещивающаяся» и *урам* «улица»), Яльчикск. р-н, Н. Ищеряково; *Хӗреслӗ сул* (< чув. *хӗреслӗ* «перекрещивающаяся» и *сул* «дорога»), Вурнарск. р-н, Хора-Сирма и др.;

4) степень застроенности в названиях улиц: *Хӑрах кас* (< чув. *хӑрах* «один, без пары» и *кас* «улица», букв. «улица-односторонка»), Батыревск. р-н, Именево; *Мӑшӑрлӑ урам* (< *мӑшӑрлӑ* «парная», буквально «улица, застроенная с двух сторон»), Цивильск. р-н, Хорамалы и др.;

5) материал, покрытие и другие особенности в названиях мостов: *Ҫӗр кӗпер* (< чув. *Ҫӗр кӗпер* «насыпь»), Красночетайск. р-н, Тарханы; *Хӑма кӗпер* (< чув. *хӑма* «деревянный» и *кӗпер* «мост»), Яльчикск. р-н, Яманчурино; *Тӑпра кӗпер* (< чув. *тӑпра* «земляной, почвенный» и *кӗпер* «мост»), Моргаушск. р-н, Юнгапоси; *Тимӗр кӗпер* (< чув. *тимӗр* «железный» и *кӗпер* «мост»), Вурнарск. р-н, Рунги; *Чул кӗпер* (< чув. *чул* «каменный» и *кӗпер* «мост»), Ядринск. р-н, Янымово; *Карлӑклӑ кӗпер* (< чув. *карлӑклӑ* «с перилами» и *кӗпер* «мост», мост с перилами), Канашск. р-н, Яшкильдино; *Хӗрлӗ кӗпер* (< чув. *хӗрлӗ* «красный» и *кӗпер* «мост»), Аликовск. р-н, М. Туваны; *Шурӑ кӗпер* (< чув. *шурӑ* «белый» и *кӗпер* «мост»), Красночетайск. р-н, Тарханы и др.

Возможны и метафорические названия: *Турчка урамӗ* (< чув. *турчка* «кочерга» и *урам* «улица»), Вурнарск. р-н, Одиково; *Чӗлӗм касси* (< чув. *чӗлӗм* «трубка» и *кас* «улица»), Батыревск. р-н, Первомайское; название поля *Йӗм пӗҫҫи* (< чув. *йӗм пӗҫҫи* «штанина»), Яльчикск. р-н, Н. Шимкусы; название улицы *Кӗнчелеҫҫи* (< чув. *кӗнчелеҫҫи* «прялка»), Вурнарск. р-н, Тузи-Сярмус;

Кёрепле кукри (< чув. *кёрепле* «грабли» и *кукяр* «поворот улицы»), Аликовск. р-н, Таутово и др.

2. Названия, характеризующие объект с точки зрения времени существования, возраста. Такие названия обычно содержат компоненты: *сёне* «новая» и *кивё* «старая»: *Кивё урам* (< чув. *кивё* «старая» и *урам* «улица»), Цивильск. р-н, Хорамалы; *Кив пёеве* (< чув. *кивё* «старый» и *пёеве* «пруд»), Ибресинск. р-н, Ленино; *Кив уй* (< чув. *кивё* «старое» и *уй* «поле»), Аликовск. р-н, Хоравары; *Сёне урам* (< чув. *сёне* «новая» и *урам* «улица»), Канашск. р-н, Ухманы; *Сён кас* (< чув. *сёне* «новая» и *кас* «улица»), Яльчикск. р-н, Н. Шимкусы; *Сён сот* (< чув. *сёне* «новая» и *сот* «улица на склоне»), Красночетайск. р-н, Тарханы; *Сёне пёеве* (< чув. *сёне* «новая» и *пёеве* «пруд»), Канашск. р-н, Богурданы и др. Обычно по мере роста населенного пункта появляются новые антропогенные объекты, чаще всего их так и называют *Сёне урам* «новая улица», *Сёне пёеве* «новый пруд» и т.д. С течением времени подобные названия утрачивают информативность, первоначальный смысл, поэтому иногда у них появляются другие названия, например, *Сёне урам* «новая улица» переименовали в *Самрăксен урамё* «молодежная улица», Яльчикск. р-н, Янтиково.

3. Названия, содержащие в своем составе наименования животных: *Автан коккяр* (< чув. *автан* «петух» и *коккяр/кукяр* «изгиб, поворот улицы»), Моргаушск. р-н, Паймурзино; *Качака урам* (< чув. *качак* «коза» и *урам* «улица»), Урмарск. р-н, Шоркистры; *Серси касси* (< чув. *серси* «воробей» и *кас* «улица»), Батыревск. р-н, Алманчиково; *Шапа кас* (< чув. *шапа* «лягушка» и *кас* «улица»), Батыревск. р-н, Тойси; *Карас пёви* (< чув. *карас* «карась» и *пёеве* «пруд»), Аликовск. р-н, Хоравары; *Пулă пёви* (< чув. *пулă* «рыба» и *пёеве* «пруд»), Аликовск. р-н, Торопкасы; *Кушак сукмакё* (< чув. *кушак* «кошка» и *сукмак* «тропинка»), Аликовск. р-н, В. Выла; *Лаша сулё* (< чув. *лаша* «лошадь» и *сул* «дорога»), Канашск. р-н, Атнашево и др. Данные названия, особенно названия улиц, могут быть и отпрозвищными.

4. Названия, указывающие на особенности флоры: *Хурама касси* (< чув. *хурама* «вяз» и *кас* «улица»), Моргаушск. р-н, Яраккасы; *Пилеш касси* (< чув. *пилеш* «рябина» и *кас* «улица»), Аликовск. р-н, Раскильдино; *Сăка касси* (< чув. *сăка* «липа» и *кас* «улица»), Аликовск. р-н, Юманлыхи; *Куршанак касси* (< чув. *куршанак* «репейник» и *кас* «улица»), Комсомольск. р-н, Тугаево; *Кăмпа сукмакки* (< чув. *кăмпа* «гриб» и *сукмак* «тропинка»), Комсомольск. р-н, Чурачки; *Хурама сулё* (< чув. *хурама* «вяз» и *сул* «дорога»), Цивильск. р-н, Опнеры и др. В агроономах обычно содержится информация о посаженной культуре: *Тулă пусси* (< чув. *тулă* «пшеница», пшеничное поле), *Хуратул пусси* (< чув. *хуратул* «гречица», гречишное поле), *Ыраш пусси* (< чув. *ыраш* «рожь», ржаное поле), Яльчикск. р-н, Ново-Байдеряково. Данные микротопонимы близки к нарицательной лексике.

Второй принцип номинации чувашских микротопонимов – это номинация объекта по отношению к другим объектам. Он объединяет несколько групп локативных микротопонимов.

1. Названия, указывающие на местоположение объекта в пространстве. Микротопонимы данной группы, особенно названия частей селений, встречаются во всех сельских населенных пунктах Чувашии, часто они образуют соотносительные ряды: 1) *тури*, *ту* (сокр. от *тури*), *сўлти* «верхняя» – *анатри*, *анат* (сокр. от *анатри*), *аялти* «нижняя», указывающие на расположение объекта относительно реки или оврага (например, *Тукас* «верхняя улица» – *Анаткас* «нижняя улица» (относительно оврага), Комсомольск. р-н, Байбахтино) либо связанные с пространственной вертикалью (например, *Сўлти урам* «верхняя улица» – *Аялти урам* «нижняя улица», Канашск. р-н, Оженары и др.); 2) *малти* «передняя» – *кайри* (*хысăлти*) «задняя», указывающие на положение

ние объекта относительно друг друга: *Малти урам* «передняя улица» – *Кайри урам* «задняя улица», Красноармейск. р-н, Алманчино; *Малти кас* «передняя улица» – *Хысал кас* «задняя улица», Батыревск. р-н, Именево и др. Рассмотренные модели «верхняя – нижняя» и «передняя – задняя» иногда расширяются за счет тополексемы «средняя» (чув. *варринчи, вӑта, вӑтам*): *Варринчи урам*, Вурнарск. р-н, Н. Яхакасы; *Вӑтам урам*, Ядринск. р-н, Сехры; *Вӑта кас*, Канашск. р-н, Атнашево и др. В составе других микротопонимов данный признак выявляется в меньшей степени и представлен в основном единичными примерами, без соотнесения: *Анатри пёве* (< чув. *анатри* «нижний» и *пёве* «пруд»), Моргаушск. р-н, Паймурзино; *Малти кёпер* (< чув. *малти* «передний» и *кёпер* «мост»), Красноармейск. р-н, Шорги; *Малти уй* (< чув. *малти* «переднее» и *уй* «поле»), Аликовск. р-н, Мартынкино; *Тури кёпер* (< чув. *тури* «верхний» и *кёпер* «мост»), Вурнарск. р-н, Хора-Сирма и др.

Центральная улица во многих населенных пунктах именуется *Аслӑ урам* (< чув. *аслӑ* «главная»), например, в д. Имбюрти Цивильского р-на, в с. Первомайское Батыревского р-на и т.д. Ориентация по сторонам света в чувашской микротопонимии особое распространение не получила, выявлены единичные примеры: *Хёвелтухӑс урамё* (< чув. *хёвелтухӑс* «восток», Восточная улица), Красноармейск. р-н, Кюльсирма; *Ѕурҫёр урам* (< чув. *ѕурҫёр* «север», Северная улица) и *Кӑнтӑр урам* (< чув. *кӑнтӑр* «юг», Южная улица), Чебоксарск. р-н, Мамги.

2. Названия, указывающие на расположение объекта относительно другого, пространственно смежного с ним объекта. Они могут быть мотивированы как именами собственными, так и апеллятивной лексикой. Данный признак объединяет микротопонимы, образованные от различных видов топонимов: потапонимов (улица *Элӑп кас* < река *Элӑп*, Ибресинск. р-н, Хорамалы; поле *Кӑкар уйё* < река *Кӑкар*, Шумерлинск. р-н, Бреняши; дорога *Пушанар сулӑ* < река *Пушанар*, Цивильск. р-н, Первомайск; мост *Яхвис* < река *Яхвис*, Ибресинск. р-н, Хорамалы и др.), оронимов (улица *Ахлат касси* < овраг *Ахлат*, Аликовск. р-н, Сормвары; улица *Хурах ҫырма касси* < овраг *Хурах ҫырма*, Янтиковск. р-н, Тенево; поле *Типвар пусси* < овраг *Типвар*, Цивильск. р-н, Имбюрти; мост *Аслӑ Вар кёперё* < овраг *Аслӑ Вар*, Яльчикск. р-н, Н. Ищеряково; пруд *Атлавар пёви* < овраг *Атӑлар*, Чебоксарск. р-н, Вурманкасы и др.), комонимов (улица *Кармал касси* < *Кармал* (д. Шаймурзино), Яльчикск. р-н, П. Буртасы; улица *Мӑрат касси* < *Мӑрат* (д. Н. Мураты), Комсомольск. р-н, Тугаево; улица *Люля касси* < п. *Люля*, Батыревск. р-н, Балабаш-Баишево; дорога *Алманч сулӑ* < *Алманч* (с. Алманчино), Красноармейск. р-н, Н. Ишти; дорога *Вӑрнар сулӑ* < *Вӑрнар* (п. Вурнары), Вурнарск. р-н, Одиково; поле *Нёркеч пусси* < *Нёркеч* (д. Атнашево), Канашск. р-н, Асхва и др.), годонимов (мельница *Турикас арманё* < улица *Турикас*, Комсомольск. р-н, Н.-Тимерчеево, пруд *Турикас пёви* < улица *Турикас*, Чебоксарск. р-н, Чандрово и др.), некронимов (поле *Кив масар ҫёрё* < название кладбища *Кив масар*), Канашск. р-н, Оженары и др.).

Большая часть названий по данному признаку образована от апеллятивной лексики. В качестве топонимообразующей основы выступают значимые для данного населенного пункта объекты: базар или любая другая торговая точка (*Лавкка касси* (< чув. *лавкка* «магазин» и *кас* «улица»), Комсомольск. р-н, Тугаево; поле *Лавкка хыҫё* (< чув. *лавкка* «магазин» и *хыҫ* «задняя часть», буквально «Поле за магазином»), Батыревск. р-н, Именево; *Пасар кас* (< чув. *пасар* «базар» и *кас* «улица»), Батыревск. р-н, Первомайское; *Пасар сулӑ* (< чув. *пасар* «базар» и *сул* «дорога»), Комсомольск. р-н, Н. Высли и др.); школа (*Шкул урамё* (< чув. *шкул* «школа» и *урам* «улица»), Красноармейск. р-н, Шорги; *Шкул кёперри* (< чув. *шкул* «школа» и *кёпер* «мост»), Канашск. р-н, Оженары; *Шкул пёви* (< чув. *шкул* «школа» и *пёве* «пруд»), Канашск. р-н, Богурданы и др.); клуб (*Клуп урамё* (< чув. *клуп* «клуб» и *урам* «улица»), Чебоксарск. р-н, Именево).

сарск. р-н, Чандрово), больница (*Больница касси* (< *больница* и чув. *кас* «урам»), Яльчикск. р-н, Янтиково), гараж (*Гараж пёви* (< *гараж* и чув. *пёве* «пруд»), Красноармейск. р-н, Алманчино) и др.

Признак, характеризующий место расположения антропогенного объекта, является основным и в названиях, описывающих его местоположение относительно природных объектов: *Върман касси* (< чув. *върман* «лес» и *кас* «улица»), Канашск. р-н, Кошноруй; *Върман сүлэ* (< чув. *върман* «лес» и *сүл* «дорога»), Красночетайск. р-н, Ижекеи; *Улăх касси* (< чув. *улăх* «луг» и *кас* «улица»), Батыревск. р-н, Первомайское; *Улăх кёперё* (< чув. *улăх* «луг» и *кёпер* «мост»), Вурнарск. р-н, Рунги; *Шорлăх урамё* (< чув. диал. *шорлăх* «болото» и *урам* «улица»), Моргаушск. р-н, Вомбакасы; *Шурлăх касси* (< чув. *шурлăх* «болото» и *кас* «улица»), Яльчикск. р-н, П. Буртасы; поле *Ик шур хушиши* (< *шур* «болото» и *хушă* «пространство, промежуток», буквально «Поле между двумя болотами»), Комсомольск. р-н, Н. Тимерчеево.

Микротопонимы, номинирующие антропогенные объекты, в большей степени ориентированы на деятельность самого человека, поэтому третий принцип номинации – это номинация объекта по его связи с человеком. Самыми продуктивными в этой группе являются названия, образованные от антропонимов: 1) личных имен: *Стаппан урамё* (< м. л. имя *Степан*, улица Степана), Цивильск. р-н, Тойси; *Укашăн касси* (< ж. л. имя *Агафья*, улица Агаши), Яльчикск. р-н, Н. Шимкусы; *Ванька арманё* (< м. л. имя *Ванька* < *Иван*, мельница Ваньки), Марпосадск. р-н, Арзаматово; *Макар кёперё* (< м. л. имя *Макар*, мост Макара), Ядринск. р-н, Сятраево; *Емельян сүлэ* (< м. л. имя *Емельян*, дорога Емельяна), Козловск. р-н, Шутнерово; *Натали сукмакё* (< ж. л. имя *Наталия*, тропинка Наталии), Цивильск. р-н, Б. Тугаево и др.; 2) прозвищ: *Уксах Ехрем урамё* (< прозвище *Уксах Ехрем* «хромой Ефрем»), Вурнарск. р-н, Тузи-Сярмус; *Чипер арăм касси* (< прозвище *Чипер арăм* «красивая жена»), Батыревск. р-н, Первомайское; *Француз урамё* (< прозвище *Француз*), Урмарск. р-н, Саруй и др.; 3) фамилий: *Лукин кёперри* (< фамилия *Лукин*, мост Лукина), Канашск. р-н, Оженары; *Мучалов шыв арманё* (< фамилия *Мучалов* и чув. *шыв арманё* «водяная мельница»), Канашск. р-н, Асхва; *Панов солё* (< фамилия *Панов*, дорога Панова), Шумерлинск. р-н, Ч. Алгаши; 4) имени и отчества (в редких случаях): *Иван Андрейч сукмакё* (тропинка Ивана Андреевича), Цивильск. р-н, Б. Тугаево. Следует заметить, что в рассмотренном поссесивном типе микротопонимов сохраняются вышедшие из употребления дохристианские личные имена, например: *Сарпи кёперё* (< чув. дохр. ж. л. имя *Сарпи* (< *Сарă* «светлая» + *-пи*, «аффикс-компонент, образующий женские языческие имена», образованный от перс. *биби* «госпожа» [4. С. 23-24]) и *кёпер* «мост», мост Сарпи), Красночетайск. р-н, Ижекеи; *Айттар сүлэ* (< чув. дохр. м. л. имя *Айттар* (< Айдтар – 1) каз. тат. (т.-п.) КСИ «сильный, могучий, знаменитый»; Айдтарбек – тат. (т.) Айдтар+Бек; 2) Хайдар – а. «лев»; Л. халифа – Хайдарали – п. (а.) Хайдар+'Али (подробная этимология приводится в статье профессора Г.Е. Корнилова «Топонимия республик Поволжья (Башкортостан, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия) – XIX: А-анлаутные географические названия» [2. С. 247–250]) и *сүл* «дорога», дорога Айдар), Цивильск. р-н, Опнеры и др.

Разнообразную информацию культурно-исторического и социально-политического характера дают микротопонимы, возникшие на базе апеллятивной лексики. Приведем некоторые из них.

1. Названия, указывающие на занятия населения, его хозяйственные и производственные навыки: *Арман касси* (< чув. *арман* «мельница» и *кас* «улица»), Моргаушск. р-н, Б. Токшики; *Арман кёперё* (< чув. *арман* «мельница» и *кёпер* «мост»), Аликовск. р-н, Шундряши; *Арман сүлэ* (< чув. *арман* «мельница» и *сүл* «дорога»), Урмарск. р-н, Мусирма и др.; *Еç сүлэ* (< чув. *еç* «работа» и *сүл* «доро-

га»), Марпосадск. р-н, Шамал; *Итем сүлэ* (< чув. диал. *итем* «ток, гумно» и *сүл* «дорога»), Урмарск. р-н, Саруй; *Конюшня пёви* (< *конюшня* и чув. *пёве* «пруд»), Моргаушск. р-н, Шупоси; *Кётүс сүлэ* (< чув. *кётүс* «пастух» и *сүл* «дорога»), Марпосадск. р-н, Арзаматово; *Тимёрсё кёперё* (< чув. *тимёрсё* «кузнец» и *кёпер* «мост»), Шемуршинск. р-н, Бичурга-Баишево; *Ферма касси* (< *ферма* и чув. *кас* «улица»), Яльчикск. р-н, Янтиково; *Ферма пёви* (< *ферма* и чув. *пёве* «пруд»), Аликовск. р-н, Хоравары; *Ферма сүлэ* (< *ферма* и чув. *сүл* «дорога»), Яльчикск. р-н, Тоскаево и др.; *Хэртнэ пусси* (< чув. *хэртнэ* «подсека» и *пуса* «поле»), Канашск. р-н, Ухман и др.

2. Названия, связанные с социальными, историческими понятиями: *Лашман сүлэ* (< *лашман* «государственный крестьянин, участвовавший в заготовке корабельного леса для постройки флота России», чув. *лашман сүлэ* «лесовозный тракт» [5. С. 210]), Шумерлинск. р-н, Ч. Алгаши; *Полковник сүлэ* (< *полковник* и чув. *сүл* «дорога»), Канашск. р-н, Кошноруй; *Салтак арманё* (< чув. *салтак* «солдат» и *арман* «мельница»), Вурнарск. р-н, Синъял Яуши; *Улпут арманё* (< чув. *улпут* «барин» и *арман* «мельница»), Аликовск. р-н, Таутово; *Халăх кёперё* (< чув. *халăх* «общественный» и *кёпер* «мост»), Козловск. р-н, Шутнерево и др.

3. Названия, образованные от этнонимов: *Вырăс сёрё* (< чув. *вырăс* «русская» и *сёр* «земля», название поля), Цивильск. р-н, Хорамалы; *Ирсе арманё* (< чув. *ирсе* «эрзя» и *арман* «мельница»), *Ирсе сүлэ* (< чув. *ирсе* «эрзя» и *сүл* «дорога»), Ядринск. р-н, Сятраево; *Мăкшă сүлэ* (< чув. *мăкшă* «мокша» и *сүл* «дорога»), Аликовск. р-н, В. Выла; *Мишер арманё* (< чув. *мишер* «мишарь» и *арман* «мельница»), Шемуршинск. р-н, Байдеряково; *Мишер касси* (< чув. *мишер* «мишарь» и *кас* «улица»), Батыревск. р-н, Именево; *Сармăс сүлэ* (< чув. *сармăс* «мари» и *сүл* «дорога»), Комсомольск. р-н, Н. Тимерчеево; *Чăваш арманё* (< чув. *чăваш* «чуваш» и *арман* «мельница»), Шемуршинск. р-н, Байдеряково; *Чăваш касси* (< чув. *чăваш* «чуваш» и *кас* «улица»), Комсомольск. р-н, Сюрбей-Токаево; *Чăваш уйё* (< чув. *чăваш* «чуваш» и *уй* «поле»), Цивильск. р-н, Хорамалы; *Русский конец*, *Чувашский конец* – части с. Тябердино-Эткерovo Комсомольского р-на и др.

4. Названия религиозного и культового характера: *Йёрёх кокри* (< чув. *йёрёх* «семейно-родовое божество», «идол как символ злого духа» [5. С. 128] и *кукар* «изгиб улицы»), Красночетайск. р-н, Ижекеи; *Киремет кёперё* (< чув. *киремет* «злой дух» и *кёпер* «мост»), Красночетайск. р-н, Тарханы; *Масар кас* (< чув. *масар* «кладбище»), Ибресинск. р-н, Шоркино; *Масар сүлэ* (< чув. *масар* «кладбище» и *сүл* «дорога»), Батыревск. р-н, Н. Котяково; *Уй чўк кёперё* (< чув. *уй чўкё* «моление об урожае в поле с жертвоприношениями» и *кёпер* «мост»), *Уй чўк сүлэ* (< чув. *уй чўкё* «моление об урожае в поле с жертвоприношениями» и *сүл* «дорога»), Красноармейск. р-н, Алманчино; *Чиркў касси* (< чув. *чиркў* «церковь» и *кас* «улица»), Батыревск. р-н, Тойси; *Чиркў сукмакки* (< чув. *чиркў* «церковь» и *сукмак* «тропинка»), Янтиковск. р-н, Индырчи; *Чиркў сүлэ* (< чув. *чиркў* «церковь» и *сүл* «дорога»), Аликовск. р-н, Шерашево; *Чўклў кёперё* (< чув. *чўклў* «обряд жертвоприношения» и *кёпер* «мост»), Аликовск. р-н, Таутово и др.

Таким образом, анализ перечисленных примеров показывает, что чувашские антропогенные микропонимы тесно связаны с жизнью и деятельностью сельских жителей. Многие из них близки к нарицательной лексике. Имеют живую внутреннюю форму, что позволяет определить мотивы номинации. Типичные для топонимии принципы номинации: по свойствам и качествам самого объекта, по отношению к другому объекту, по связи с человеком – являются актуальными и для чувашской микропонимии. Если для раннего этапа наиболее характерна номинация по свойствам и качествам самого объекта, то в последние годы широко используется номинация объекта по

отношению к другому объекту. В третьем номинационном типе преобладают микротопонимы, образованные от личных имен.

Литература

1. Егоров Н.И. Картотека чувашских микротопонимов // Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук. Отд. 4. Ед. хр. 430.
2. Корнилов Г.Е. Топонимия республик Поволжья (Башкортостан, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия) – XIX: А-анлаутные географические названия // Вестник Чувашского университета. 2009. № 3. С. 245–251.
3. Суперанская А.В. Что такое топонимика? Из истории географических названий. 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. 178 с.
4. Федотов М.Р. Словарь чувашских нехристианских личных имен / ЧГИГН. Чебоксары, 1998. 148 с.
5. Чувашско-русский словарь / под. ред. М.И. Скворцова. М.: Русский язык, 1985. 712 с.

ЛЕОНТЬЕВА АННА АНТОНОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (annleonteva@yandex.ru).

A. LEONTYEVA

NAMES OF ANTHROPOGENIC OBJECTS IN THE CHUVASH MICROTOPYNIMY

Key words: *onomastica, toponymy, microtoponymy, nomination.*

The paper is dedicated to the study of chuvash microtoponyms. The author examines features of chuvash anthropogenic microtoponyms using the example of settlements parts as well as names of uninhabited but man-made objects (bridges, mills, roads, fields, artificially impounded bodies). The article gives a structural characteristic of these names, analyzes the semantics of the toponym-forming bases. The main nomination principles of chuvash microtoponyms are revealed: basing on properties of the object, its relation to other objects and its connection with a human being. The principle of nomination by the object's properties unites names, indicating physiographic features of the object, duration of its existence; zoophoric and phytophoric toponyms. The names meeting nomination principles in relation to other objects and connection with a human being are motivated by proper names and appellative vocabulary. Features of lexical-semantic groups are studied by the author on the basis of a large factual material that reflects dialectal differences of the Chuvash language.

References

1. Egorov N.I. *Kartoteka chuvashskikh mikrotoponimov* [Card file Chuvash microtoponyms]. Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel 4. Edinitsa khraneniya 430 [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archives 4. Storing Unite 430].
2. Kornilov G.E. *Toponimiya respublik Povolzh'ya (Bashkortostan, Komi, Marii El, Mordoviya, Tatarstan, Udmurtiya, Chuvashiya) – XIX: A-anlautnye geograficheskie nazvaniya* [The toponymy of the Volga republics (Bashkortostan, Komi, Mari El, Mordovia, Tatarstan, Udmurtia, Chuvashia) – XIX: A anlaut geographical names]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2009, no. 3, pp. 245–251.
3. Superanskaya A.V. *Chto takoe toponimika? Iz istorii geograficheskikh nazvanii* [What is toponymy? From the history of geographical names]. Moscow, Knizhnyi dom «Librokom», 2011, 178 p.
4. Fedotov M.R. *Slovar' chuvashskikh nekhristianskikh lichnykh imen* [Dictionary chuvash unchristian personal names]. Cheboksary, 1998, 148 p.
5. Skvortsov M.I., ed. *Chuvashsko-russkii slovar'* [Chuvash-Russian Dictionary]. Moscow, Russkij yazyk Publ., 1985, 712 p.

LEONTYEVA ANNA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Russian Language and Literature, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

Ссылка на статью: Леонтьева А.А. Названия антропогенных объектов в чувашской микротопонимии // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 4. – С. 220–226.

УДК 811.161.137+811.512.111.37

ББК Ш12-411.2*221*0081

Т.В. МЕШКОВА, О.В. СВЕКЛОВА, А.Р. ГУБАНОВ

**ОПТАТИВНОСТЬ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ:
СИНКРЕТИЧНЫЕ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ**

Ключевые слова: категория оптативности, императив, финальность, лингвистическая категория, синкретизм, синкретичные полипредикативные конструкции, субъектно-объектные отношения, корреляция, актуализация.

Недискретность (синкретичность) как лингвистический феномен определяет динамический характер развития языка. В связи с этим представляют теоретический и практический интерес синкретичные отношения в категории оптативности, в которых отражается связь логических и хронологических отношений объективной действительности средствами разноструктурных языков. В статье рассматриваются особенности соответствующих конструкций на материале русского и чувашского языков. Формирование в предложении недискретных значений (оптативных, императивных и финальных) зависит от множества лингвистических особенностей синкретичных оптативных конструкций (наличие/отсутствие активности субъекта, корреляция и актуализация дифференциальных признаков, коммуникативные установки и т.д.).

В современных исследованиях лингвисты-компаративисты всё чаще обращаются к изучению синкретичных (переходных) явлений, определяющих живость языка и динамический характер его развития [1–6, 8]. Язык, как известно, может выполнять разнообразие и сложные функции потому, что представляет собой весьма гибкую и в то же время высокоорганизованную систему, а синкретизм в языке обусловлен, с одной стороны, потребностью в языковом выражении рационального и эмоционального, а также общими тенденциями к экономии и экспрессивности. Синкретичные формы охватывают все его уровни, ибо естественный язык должен быть системой самодостаточной во всех видах и сферах речевой деятельности. В частности, синкретизм в синтаксисе – в категории оптативности – это явление, которое отражает связь различных логических и хронологических отношений объективной действительности средствами языка. Конструкции со значением оптативности включаются – наряду с императивными – в волеизъявительные по цели высказывания предложения [7. С. 171–172].

Формирование в предложении синкретичных значений (оптативных, императивных и финальных), как показывает практический материал русского и чувашского языков, связано с лингвистическими особенностями соответствующих конструкций.

Наличие/отсутствие активности субъекта – одна из особенностей интересующих нас конструкций. Если в оптативных и императивных предложениях вследствие специфики репрезентируемой ситуации весьма ярко представлены субъектно-объектные отношения (и желание, и побуждение чаще всего предполагают наличие как субъекта, выразителя желания/побуждения, так и его исполнителя), то в финальных предложениях данные отношения в значительной степени ослаблены, поскольку субъект цели, как правило, сам мыслится как ответственный за достижение поставленной им задачи: *Ты боишься, верно, чтобы нас кто не увидел, или не хочешь, может быть, показать белое личико на холод!* (Гоголь); *И он бился, ломал голову, изворачивался, чтобы не упасть тягело в глазах её или чтоб помочь ей разъярчить какой-нибудь узел, не то так геройски рассечь его* (Гончаров); *И еще вот что, мурза Чалыма: я невольню должен поехать в Казань чтобы доложить Шига-лею о том, как ты ведешь себя* (Турхан). – *Акă тата мён каласшăн элĕ, Ча-*

лыма мӑрса, манӑн ирӑксӑрех Хусана каймалла эсӑ хӑвна мӑнле тытни синчен Шигалее каласа пама.

Характерным признаком синкретичных полипредикативных конструкций является актуализация их семантических отношений, в частности корреляция дифференциальных признаков в семантической структуре императивных, финальных и оптативных отношений – основные компоненты семантической структуры императива: "действие", "императивность", "адресат (прямой или косвенный)", "говорящий" коррелируют с облигаторными компонентами значения оптатива: «субъект желания», «предикат желания», «содержание желания»: *Первою мыслию моею было опасение, чтобы батюшка не прогневался на меня за невольное возвращение под кровлю родительскую, и не почел бы его умышленным слушанием* (Пушкин); *Еще помолишься о том, чтобы дал Бог счастья всем, чтобы все были довольны и чтобы завтра была хорошая погода для гулянья, повернешься на другой бок, мысли и мечты перепутаются, смешаются, и уснешь тихо, спокойно, еще с мокрым от слез лицом* (Толстой); *Поют ночью, приглушенно, чтобы не тревожить стариков, а все равно звенит в лесу песня* (Турхан). – *Ҫӑрле юрлаҫҫӗ, ваттисене кансӑрлес мар тесе шӑппӑн ҫеҫ шӑрантараҫҫӗ, ҫавах янӑрать вӑрманта юрӑ*. Как видно из примеров, их экспрессивность активно способствует актуализации в них значения желания, поскольку если постановка цели представляется актом логики и результатом серьезного обдумывания возможных вариантов и вероятных последствий, то желание – выражение эмоционального состояния говорящего.

Существенным компонентом рассматриваемых конструкций является семантика контактного слова в главной предикативной части, в частности, часто вспомогательным компонентом сказуемого выступает оптативный глагол: *Потом... в письме вашем играют мысль, чувство... вы жили эту ночь и утро не по-своему, а как **хотел**, чтобы вы жили, ваш друг и я, – это во-вторых; наконец, в-третьих...* (Гончаров); *Я толкнул локтем Володю, Володя толкнул меня и наконец решился: сначала робким голосом, потом довольно твердо и громко, он объяснил, что так как мы нынче должны ехать, то **желали бы**, чтобы девочки вместе с нами поехали на охоту, в линейке* (Толстой); *Все мечты мои, во сне и наяву, были о нем: ложась спать, я **желал**, чтобы он мне приснился; закрывая глаза, я видел его перед собою и лелеял этот призрак, как лучшее наслаждение* (Толстой). Как видно из примеров, в главной предикативной части выражено желание, а придаточной – конечная цель субъекта, основанная на исполнении желания [7]. В чувашском языке эквивалентами русских вербальных оптативных компонентов выступают глаголы *кил* и *те*: *Мне бы хотелось, чтобы она вам понравилась* (Чувашские народные сказки (далее – ЧНС)). – *Манӑн вӑл сире килӑшессе шанас **килет***; *Хочу, чтобы мы с матерью жили в новом доме и в полном довольстве* (ЧНС). – *Эпӗ аннепе пӑрле ҫӑнӑ ҫуртра ҫителӑклӑ пурӑҫпа пурӑнас **тетӑп***; *Хочу, чтобы рухнули стены вокруг царских дворцов и чтобы все люди жили в хороших домах и ели досыта*. – *Патша керменӑн стенисем ишӑлсе анчӑр, ҫынсем пурте лайӑх ҫуртсенче пурӑнчӑр тата вӑсен тӑраниччен ҫимелӑх апат пултӑр **тетӑп***; *Хочу, чтобы не было на свете зла и несправедливости* (ЧНС). – *Тӑнчере хаярлӑхпа тӑрӑсмарлӑх пӑттер **тетӑп***; *Рад пастушок, плененный окружающей красотой и чудесной утренней погодой, и хочется ему, чтобы все птицы вторили звукам свирели* (Турхан). – *Кӑтӑҫ чунне ҫутҫанталӑк илемӑ тыткӑнларӑ, унӑн пур кайӑксене те хӑй шӑхличӑпе пӑрле юрлаттарас **килет***; *Хочет, чтобы воевода всех чувашей и черемисов здешних взял под свою высокую руку* (Турхан). – *Воевода кунти пӑтӑм чӑвашсемпе черемиссене хӑй аллипе тытса тӑтӑр, **тет***.

Экспрессивность в соответствующих конструкциях в русском и чувашском языках также может выражаться посредством выстраивания градационного ряда придаточных частей (а) или интонационно (б): а) *Я хотел, чтобы лекция от начала до конца была такая умная, чтобы из нее нельзя было выкинуть и нельзя было к ней прибавить ни одного слова* (Толстой); *Ну так вот, брат, чтобы лишнего не говорить, я хотел сначала здесь электрическую струю повсеместно пустить, так чтобы все предрассудки в здешней местности разом искоренить; но Пашенька победила* (Достоевский); *Ночью он свистнул в кольцо и попросил, чтобы к утру на этом месте появился огромный город и чтобы он, солдат, был в этом городе царем* (ЧНС). – *Сёрле вӑл сёрё витёр шӑхӑрчӑ те ирхинене сак вырӑнта пысӑк хула ўссе лартӑр тесе, сав хулара вӑл, салтак, патша пултӑр тесе ыйтрӑ; А чего не сделаешь, чтобы стать хоть чуть смелее, чтобы заглушить нестерпимую боль в сердце!* (Уяр). – *Кӑштах та пулин хӑюллӑрах пулас тесе, чӑре ыратӑвне лӑплантарас тесе мӑн кӑна тумӑн!*; б) *Месяц величаво поднялся на небо осветить добрым людям и всему миру – чтобы всем было весело колядовать и славить Христа* (Гоголь); *А чтобы тебе с дороги не сбиться – вот тебе моток ниток, он тебя доведет, куда надо* (ЧНС). – *Султан аташмалла ан пултар – сана сип сӑмхи паратӑп, вӑл сана кирлӑ сӑре илсе ситерӑ; Радею о пользе родимой Руси, желаю одного – чтобы для Руси и для тебя, великий князь, было благо* (Турхан). – *Тӑван Раççейе усӑ кӑрес тесе сунатӑп, манӑн пӑр ёмӑт – Раççейшӑн тата саншӑн, аслӑ княç, ырлӑх пултӑр.*

Подчеркнем, что в интересующих нас конструкциях на императив указывают семантика и форма контактного глагола: *Долг требовал, чтобы я явился туда, где служба моя могла еще быть полезна отечеству в настоящих, затруднительных обстоятельствах...* (Пушкин); *Я в этом был убежден; и это убеждение произвело во мне чувство веселья такого рода, которое требовало того, чтобы кому-нибудь сообщить его* (Толстой); *Знаешь, я думаю, гораздо бы лучше прямо объясниться с князем, – говорил я, – сказать ему, что я его уважаю как человека, но о наследстве его не думаю и прошу его, чтобы он мне ничего не оставлял, и что только в этом случае я буду ездить к нему* (Толстой). В чувашском языке маркером финальности выступает императивный вербальный компонент без релятива тесе: – *Дай мне в помощь трех своих солдат да накажи им, чтобы они меня во всем слушались, как старшего* (ЧНС). – *Мана пулӑшса пыма хӑвӑн виçӑ салтакна пар, вӑсене хуш: асли вырӑнне хурса мана яланах итлеччӑр; Он похитил меня из родительского дома, держит в заточении и требует, чтобы я вышла замуж за его племянника, злого волшебника* (ЧНС). – *Вӑл мана атте-анне килӑнчен вӑрласа кайрӑ, хупса усрать, хӑйӑн тӑванне, усал тухатмӑша качча тухма хистет; Сиди себе покуривай да строго следи, чтобы не пропустить к нам, кого не следует* (ЧНС). – *Ларах чӑлӑм туртса, лайӑх сӑнаса лар, пирӑн пата никама та ан кӑрт; Сегодня он потребовал, чтобы князь привел на Ордынку главу казанского посольства Булата Ширина* (Турхан); – *Паян вӑл Ордынкӑна Хусан посольствин пуслӑхне Булат Ширина илсе пыма хушрӑ; Новый хан предупреждает, чтобы русские не трогали и не обижали вышедшего с ним из одного рода Сахиб-Гирея, и еще требует, чтобы Крыму выплатили шестьдесят тысяч алтын* (Турхан). – *Сӑнӑ хан сӑпла асӑрхаттарат: вырӑссем унпа пӑр йӑхран тухнӑ Сахиб-Гирее ан тӑкӑнччӑр тата ан кӑрентерччӑр, тата Крыма утмӑл пин алтын тӑлеме хушать.*

Особенностью чувашских финальных конструкций с закрепленной императивной глагольной формой является также то, что придаточная часть с

предикатом в императиве зафиксирована: она может находиться только в постпозитиве. Ср.: *Только ты скажи бригадиру, чтобы он нас на другую работу не выгонял* (Шолохов). – *Эсё бригадира кала-ха: пире ытти ёсе ан хйвалатър*. Как уже отмечалось выше, в биномах с релятивом *тесе* придаточная часть с названным показателем связи может находиться только в препозиции или интерпозиции: *Лапшинов кланялся, крестился, говорил зычно, чтобы слышали все* (Шолохов). – *Лапшинов пуҫне тая-тая сӑхсӑхрӗ, пурте илтчӗр тесе, пыр тӗпӗле хулӑнӑн каласрӗ; Нечаев прикрыл рот узкой ладонью, чтобы не видно было улыбки* (Шолохов). – *Кулни ан курӑнтър тесе, Нечаев ҫаварне ҫинҫе ал тупанӗпе хупларӗ*.

Коммуникативные установки говорящего выступают как главный параметр оптативных синкретичных конструкций. Прежде всего, следует отметить, что логические отношения между субъектами интенционального состояния в русском и чувашском языках могут устанавливать инверсию ремы: **Чтобы мне отдохнули руки и ноги**, если что-нибудь когда-либо крал, выключая разве вареники с сметаной у матери, да и то еще когда мне было лет десять от роду (Гоголь); **Чтобы помогать**, надо сначала право такое иметь, не то: "Crevez chiens, si vous n'êtes pas contents!" (Достоевский); **Чтобы не оставаться в степи одному со своим горем**, с неотступными мыслями о Наталье, он взял с собой Прохора Зыкова (Шолохов); **А чтобы старушка-мать одна без них не томилась**, он и за ней слуг послал с наказом привезти во дворец (ЧНС). – **Ватӑ амӑшӗ вӗсемсӗр ан тунсӑхлатър тесе**, вӑл тарҫисене ӑна кермене илсе килме кӑларса ячӗ; **А чтобы как-то загладить перед Иваном свою провинность**, быстро вскочили со своих мест и тут же за дела принялись: один дрова несет, другой очаг разводит, третий еду готовит (ЧНС). – **Иван умӗнче хӑйсен айӑпне сирес тесе** вырӑнӗсенчен сиксе тӑчӗҫ те сийӗнчех ёҫлеме пусларӗҫ: пӗри вутӑ йӑтса кӗрет, тегри вучах чӗртет, виҫсӗмӗшӗ апат хатӗрлет; **Чтобы обратить на себя внимание**, гнал лошадей целых двадцать верст (Турхан). – **Хӑйне кӑтартас тесе** лашана ҫирӗм ҫухрӑм хӑваларӗ; **Чтобы как-то скрывать свое волнение**, Иливан извлек из-за пазухи шыбыр (Турхан). – **Хӑй хумханнине кӑтартас мар тесе**, Иливан хӗвӗнчен шӑпӑр кӑларчӗ.

Оптативные отношения в финальных конструкциях актуализируются также дистанцированной позицией частей фрейма выражаемых ситуаций: интенциональное состояние субъекта выражается автономной моноредикативной конструкцией без других ситуативных пропозиций: *Чтобы он подавился этим камнем...* (Гоголь); *Чтобы что-нибудь сделать из ребенка, нужен страх... не так ли, топ cousin?* (Толстой); *Чтобы не спал, не дремал, не курил и ни от кого не принимал никаких вещей и подарков* (Куприн); *Чтобы доставили в штаб в целости!* (Шолохов); *Шел кривыми переулками, по задворкам – чтоб меньше встретить людей* (Шукшин). *Чтобы друг против друга никогда не воевати, а встречати друг друга токмо хлебом-солью!* (Турхан). – *Нихӑҫан та пӗр-пӗринпе вӑрҫӑ вӑрҫмалла ан пултӑр, пӗрне-пӗри ҫӑкӑр-тӑварпа ҫеҫ кӗтсе илмелле пултӑр! Чтобы досталась тебе жена-красавица и чтобы народила тебе кучу сыновей* (Турхан). – *Сана чиперкке арам лектӗр, вӑл сана купипе ывӑлсем ҫуратса патӑр*. Данные конструкции, как видно из примеров, по сравнению с чисто финальными конструкциями являются более эмоционально насыщенными. В реализации соответствующих смысловых отношений в чувашском языке участвует десемантизированный вербальный релятив **пултӑр**. Наиболее частотными моделями выступают конструкции, в которых предикат в придаточной части выражаются причастными формами на : а) **-нӑ/-нӗ**: *Чтобы не помянули меня недобрым словом* (М. Ухсай). – *Мана япӑх*

сăмахсемпе ан аса **илнӗ** пултӑр; *Чтоб с базу ни шагу* (Шолохов). – *Кил картишӗнчен пӗр утӑм та ан тухнӑ* пултӑр; б) **-малла/-мелле**: *Чтобы вы не соскучились* (Уяр). – *Тунсӑхламалла* ан пултӑр; *Чтобы не было чего-нибудь еще хуже* (Турхан). – *Япӑх пулмалла* ан пултӑрччӗ; *Чтобы все были довольны* (Кибек). – *Кӑмӑллӑ пулмалла* пултӑр; в) **-акан/-екен**: *Чтобы никто не мешал* (Петерки). – **Чӑрмантаракан** ан пултӑр; *Чтоб тебе пусто стало, чтоб тебе поводыря не нашлось* (Петерки). – *Хӗвеле ан кур! Хӑвна савӑтса сӳрекен* ан пултӑр; *Чтобы он помогал людям, добро другу делал* (Емельянов). – *Пурне те пулӑшакан* пултӑр, *сынна ырӑ тутӑр*.

Синкретичные оптативные конструкции, таким образом, могут служить как для выражения собственно оптативного значения, так и для репрезентации императивных и финальных значений в зависимости от лексико-грамматических средств рассматриваемых конструкций. Системное исследование данного лингвистического процесса на материале оптативных высказываний позволяет также определить синкретизм как универсальное свойство языка, уточнить его статус, объем и содержание в сопоставляемых языках.

Литература

1. *Бабайцева В.В.* Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000.
2. *Вереснева В.А.* Интерпретация термина «синкретизм» в лингвистике // Преподаватель XXI века. 2011. № 1, ч. 2. С. 319–323.
3. *Вереснева В.А.* Термин «синкретизм» и познание мира в лингвистике // Вестник Университета Российской академии образования. 2011. № 5(58). С. 96–99.
4. *Вереснева В.А.* Эволюционно-синергетические основания парадигмы лингвистического синкретизма. Текст // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 1(32). С. 354–356.
5. *Высоцкая И.В.* Грамматический синкретизм в поэзии И. Бродского // Иосиф Бродский: Стратегии чтения: материалы междунар. науч. конф. М.: Изд-во Ипполитова, 2005. С. 113–123.
6. *Мешкова Т.В., Губанов А.Р.* Модусные и диктальные компоненты в семантической структуре когнитивно-коммуникативной категории оптативности // Вестник Чувашского университета. 2013. № 4. С. 244–248.
7. *Формановская Н.И.* Благопожелание как концепт в основе речевого этикета // Речевое общение. 2011. Вып. 12(20). С. 69–76.
8. *Langacker R.W.* Foundations of cognitive grammar. Vol. 2: Descriptive application. Stanford, 1991.

МЕШКОВА ТАТЬЯНА ВАЛЕРИЕВНА – соискатель ученой степени кандидата филологических наук кафедры русского языка как иностранного, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (Meshkova21@mail.ru).

СВЕКЛОВА ОКСАНА ВИТАЛЬЕВНА – старший преподаватель кафедры иностранных языков № 1, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары.

ГУБАНОВ АЛЕКСЕЙ РАФАИЛОВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (alexgubm@gmail.com).

T. MESHKOVA, O. SVEKLOVA, A. GUBANOV THE OPTATIVE AS A LINGUISTIC CATEGORY: SYNCRETIC POLYPREDICATIVE CONSTRUCTIONS

Key words: category of the optative, imperative, finality, linguistic category, syncretism, syncretic polypredicative constructions, subject-object relationship, correlation, actualization.

Nondiscreteness (syncretism) as a linguistic phenomenon defines the dynamic nature of language development. In this regard, of theoretical and practical interest are syncretic relationships in the category of the optative, which reflect the relationship of logical and chronological relationships of objective reality by means of languages of different structures. The paper examines features of respective structures in the Russian and the Chuvash languages. Formation of non-discrete values (optative, mandatory and final) in a sentence depends on many linguistic features of syncretic optative structures (presence/absence of a subject's activity, correlation and actualization of differential signs, communicative setups etc.).

References

1. Babaitseva V.V. *Yavleniya perekhodnosti v grammatike russkogo yazyka* [The phenomena of transition in the grammar of the Russian language]. Moscow, 2000.
2. Veresneva, V.A. *Interpretatsiya termina «sinkretizm» v lingvistike* [Interpretation of the term «syncretism» in linguistics]. *Prepodavatel' XXI veka* [Teacher of the XXI century], 2011, no. 1, iss. 2, pp. 319–323.
3. Veresneva V.A. *Termin «sinkretizm» i poznanie mira v lingvistike* [The term «syncretism» and knowledge of the world in linguistics] *Vestnik Universiteta Rossiiskoi akademii obrazovaniya* [Bulletin of the University of the Russian Academy of Education], 2011, no. 5(58), pp. 96–99.
4. Veresneva V.A. *Evolutsionno-sinergeticheskie osnovaniya paradigmy lingvisticheskogo sinkretizma* [Evolutionary synergistic base of linguistic syncretism paradigm] *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture, education], 2012, no. 1(32), pp. 354–356.
5. Vysotskaya I.V. *Grammaticheskii sinkretizm v poezii I. Brodskogo* [Grammar syncretism poetry Brodsky]. *Iosif Brodskii: Strategii chteniya: materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Proc. of Int. Sci. Conf. «Joseph Brodsky: Reading Strategies»]. Moscow, 2005, pp. 113–123.
6. Meshkova T.V., Gubanov A.R. *Modusnye i dikta'nye komponenty v semanticheskoi strukture kognitivno-kommunikativnoi kategorii optativnosti* [Modus and dikta'nye components in the semantic structure of the cognitive-communicative category optative]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2013, no. 4, pp. 244–248.
7. Formanovskaya, N.I. *Blagopozhelanie kak kontsept v osnove rechevogo etiketa* [Good wishes as a concept at the basis of the speech etiquette]. *Rechevoe obshchenie: spetsializirovannyi vestnik* [Speech dialogue: specialized Gazette], 2011, iss. 12(20), pp 69 – 76.
8. Langacker R.W. *Foundations of cognitive grammar. Vol. 2: Descriptive application*. Stanford, 1991.

MESHKOVA TATIANA – Aspirant Candidate of Philological Sciences, Russian as a Foreign Language Department, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

SVEKLOVA OKSANA – Senior Teacher of Foreign Languages № 1 Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

GUBANOV ALEKSEY – Doctor of Philological Sciences, Professor, Russian as a Foreign Language Department, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

Ссылка на статью: Мешкова Т.В., Свеклова О.В., Губанов А.Р. Оптативность как лингвистическая категория: синкретичные полипредикативные конструкции // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 4. – С. 227–232.

УДК 81:165.194
ББК Ш10*000.22

Н.В. НИКОЛАЕВА, В.И. СЕРГЕЕВ

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА, ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ КОГНИЦИЯ И ЗООМОРФИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, когнитивизм, когниция, человеческая когниция, сверхглубинная семантика, зоонимы и зооморфические метафоры.

Статья имеет целью рассмотреть вопросы, связанные с феноменом метафоры в рамках когнитивной лингвистики и когнитивизма, что предполагает изучение связи языка с сознанием и мышлением и объяснение языкового развития через мыслительные и ментальные категории. Приводится сопоставление терминов «когниция», «когнитивистика», «когнитивизм», «когнитивная лингвистика» и «метафора». Доказывается, что метафора должна рассматриваться как одно из основных средств человеческого мышления, как продукт человеческой мысли. В качестве перспективной темы исследования затрагиваются зооморфические метафоры.

Когнитивная лингвистика – направление в языкознании, изучающее связи языка с сознанием и мышлением и объясняющее языковое развитие через мыслительные и ментальные категории. Не будет преувеличением сказать, что когнитивная лингвистика, или так называемая «сверхглубинная семантика», является другой высшей ступенью изучения связи языка и мышления. В ходе исторического развития языка и мышления характер их взаимодействия не оставался неизменным. Эти изменения и натолкнули исследователей XX в. прибегнуть к термину *когнитивная лингвистика*, который впервые был введен в 1975 г. Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [14].

В рамках когнитивной лингвистики старые вопросы (проблемы, взаимоотношения языка и мышления) зазвучали по-новому.

Когнитивизм – это направление в науке о познании, о восприятии мира и самого *homo sapiens*'а в процессе человеческой деятельности. Наука о познании, восприятии самого человека разумного (*homo sapiens*) сейчас называется когнитивной лингвистикой, которая является частью общей когнитивистики наряду с когнитивной психологией, когнитивной философией, социологией и т.д. но человеческая когниция, как и сама когнитивная лингвистика, до сих пор отодвинуты на периферию антрополингвистики, отодвинуты на задний план или попросту игнорируются соединения «человек и язык», «человек в языке», «человек как фактор языка». Вопрос этот был поднят в конце прошлого века В.И. Сергеевым [9. С. 10–11], но до сих пор исследователи (особенно лингвисты) не хотят прислушиваться к мнению Э. Бенвениста, который впервые поднял вопрос об антропоцентризме (человек в языке) [3. С. 9].

Проект создания науки о языке на антропологических началах был разработан В. Гумбольдтом, который утверждал, что «человек становится человеком только через язык» [5. С. 314].

По мнению Ю.С. Степанова, «ни один крупный лингвист... не миновал вопроса об антропоцентризме в языке, а следовательно, и в лингвистической теории» [11. С. 57], но и не поставил вопрос ребром.

Нет спору, что «ни один лингвист не миновал вопроса об антропоцентризме», рассматривал этот вопрос вскользь, между прочим... Но мы должны учесть и то, что о чем говорит Т.Г. Винокур [4], ссылаясь на авторитет М. Бреала: «Сейчас, начиная комплексное изучение человеческого феномена, мы должны отдавать себе отчет в том, что формула “человек и язык”, будучи ключом к исследованию самых разных аспектов биологически и социологически значимой деятельности, созидающей мир, восходит к наукам фи-

пологического цикла: “Лингвистика прежде всего говорит человеку о нем самом”» [13; 4. С. 361].

Все согласятся с тем, что “в когнитивистике главное внимание уделяется человеческой когниции, исследуются не просто наблюдаемые действия, а их ментальные репрезентации (внутренние представления, модели), символы, стратегии человека..., т.е. когнитивный мир человека изучается по его поведению и деятельности...” [8. С. 9–10].

Обратим внимание на проблемы комплексного изучения человека и мнение некоторых исследователей, которые характеризуют когнитивную лингвистику как новую научную парадигму. Если это так, то наши лингвисты должны были принять эту новую парадигму всерьез, а на самом деле – все наоборот. В научном издании «Человек в системе наук» [12] напечатана лишь одна статья Т.Г. Винокур «Речевой портрет современного человека» [4], да к тому же в разделе «Человек в культуре», а раздел «Человек и язык» вовсе отсутствует, т.е. отсутствует раздел, посвященный проблеме антропоцентризма, воззрению, согласно которому «человек – центр и высшая цель мироздания» или «антропоцентризм есть воззрение, согласно которому человек есть центр Вселенной и конечная цель всего мироздания» [10. С. 46].

Когнитивная лингвистика – как один из важнейших ее разделов – человеческая когниция, возникают «на базе когнитивизма в рамках современной антропоцентрической парадигмы, существенно расширяющей горизонты лингвистических исследований» [8. С. 10].

Из-за пассивности лингвистов (нет ни одной монографии, посвященной проблемам когнитивной лингвистики и человеческой когниции), выдающийся отечественный психолог Б.Г. Ананьев в монографии «Человек как предмет познания» [2] вынужден был пропустить главу под названием «Когнитивная лингвистика и человек», таким образом, в ассоциации наук, образующих человекознание, у автора выпала лингвистика, которая является наиважнейшим фактором прогресса научного познания и общественного развития.

А теперь сопоставим термины *когниция*, *когнитивистика*, *когнитивизм*, *когнитивная лингвистика* и *метафора*.

Когниция – важнейшее понятие когнитивной лингвистики, оно охватывает знание и мышление в их языковом воплощении. Когнитивизм – это особое направление в науках: как в гуманитарных, так и в естественных, объектом изучения которых являются человеческий разум, мышление. Это наука о познании и знании, т.е. о человекософии.

Никто из исследователей не возражает тому, что метафора является универсальным орудием мышления и познания мира и самого человека во всех сферах его деятельности, но нет солидных монографических работ, посвященных метафоре.

Соприкасающиеся точки когниции и метафоры почти одни и те же: познание, знание, мышление (своеобразное). Это и дает нам право говорить не только о концептуальной метафоре, но и о когнитивной метафоре. Выходит, что когнитивистика – наука об общих принципах, управляющих ментальными процессами (мироощущением, мировосприятием).

Метафоризация – основная ментальная операция, способ познания и объяснения мира (добавим: *и человека*. – *Авт.*) – связана с процессом отражения и обозначения нового знания через старое, изученное.

Объектом изучения в когнитивной лингвистике является язык и владеющий этим языком феномен – человек. В сотворении метафоры участвует сам человек, умудренный опытом, делами и наделенный страстями.

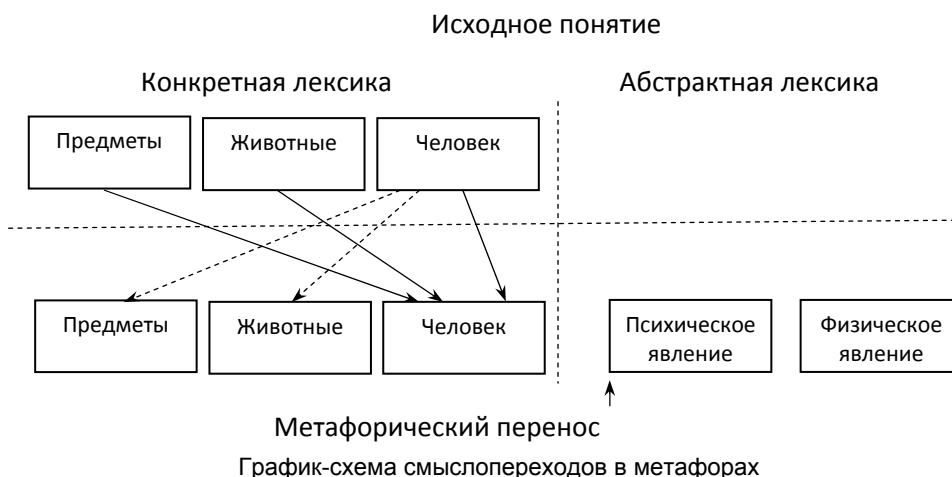
Термин *когнитивная лингвистика* овеян новизной появления (примерно 50–70-е гг. прошлого века), но термин *метафора* интересует умы исследователей еще со времен Аристотеля, в понимании которого она была «сокращенным сравнением». В «Поэтике» он дал следующее определение метафоры: «Метафора – это приложение к одной вещи имени, принадлежащего другой». Одним из первых Аристотель предлагает свою теорию метафоры [1].

Проблема метафоры и обсуждение феномена метафоры в методологическом аспекте свидетельствуют об осознании той роли, которую метафора выполняет в течение многих тысячелетий как лингвистическая модель, используемая как инструмент для когнитивной обработки данных языков. Технология метафоры как бы ясна и прозрачна (но в то же время и не ясна, не говоря уже о прозрачности) для многих исследователей, но общей теории метафоры как не было, так нет и сейчас.

Метафора – явление многоаспектное и является предметом изучения ряда отраслей знания и разделов лингвистики (шире филологии). В поэтике, стилистике, риторике, эстетике – как определенный вид тропов, в лексикологии – как источник новых значений, т.е. как семантическая деривация, в прагматике – как ассоциативный механизм и объект интерпретации и восприятия в речи, в психолингвистике, когнитивной лингвистике, психологии и когнитивной психологии, логике, философии – как способ мышления и познания действительности.

Как мы видим, существует многообразие подходов к изучению человека [2. С. 3]. То же самое следует сказать о метафоре и метафоризации. Настала пора сотворения (воплощения) идеи создания целостной концепции человека и метафоры, ибо эти два феномена опосредованно связаны друг с другом. Осознание себя (человека) «мерой всех вещей» дает человеку право создавать в сознании антропометрический порядок всех вещей.

Метафора – универсальное явление в языке. Во многом метафора говорит человеку о нем самом. В этом можно легко убедиться, если посмотреть на график-схему смыслопереходов в метафорах.

Согласно этой простой схеме, «центр притяжения» метафоры – человек и все, что связано с его жизнью, мышлением.

В рамках когнитивной лингвистики метафора должна рассматриваться как одно из основных средств человеческого мышления, как продукт человеческой мысли. Человек не столько выражает свои мысли при помощи мета-

фор, сколько мыслит метафорами о себе. Поэтому не удивительно, что в конце прошлого и в начале нового века теория метафоры вновь вышла на первый план лингвистической проблематики как область знания, она непосредственно связана с вопросами соотношения языка и мышления, языка и познания, т.е. с человеческим феноменом.

Зооморфические метафоры – метафоры, развившиеся по модели «животные» (дикие, домашние, птицы, рептилии и др.) → «человек» считаются самыми распространенными, но и они описаны в научной литературе лишь эпизодически. Такие метафоры всегда функционально – экспрессивно – эмоционально – оценочно нагружены и семантизируют характеристику свойств личности, ее поступков, характера и поведения. Тип метафоры «животные» → «человек» считается одним из самых сильных видов метахарактеристик когнитивной личности. Хотя метафора как когнитивное явление до сих пор досконально не изучена, исследования по этой теме считаются лишь верхушкой айсберга, верхушкой затопленной модели, но есть надежда на изучение сущности «метафорического айсберга».

Замечено, что формирование признаковой базы метафор и сравнительных оборотов проходит почти одинаково. С одной стороны, ассоциативные признаки анимализмов тех и других выделяются на основе наблюдений человека за внешним видом, жизнью и повадками животных (у этих метафор и сравнений внутренняя форма обычно ясна), а с другой стороны – чисто эмпирическое восприятие человеком животных осложняется мифологическим переосмыслением этих образов, они испытывают влияние духовной культуры: фольклорных текстов, религиозных представлений и др. Фундаментальное описание всего комплекса таких культурологических коннотаций дано в трудах А.В. Гура, Н.А. Кожевниковой, З.Ю. Петровой [6, 7].

Сокращения

СИС – Словарь иностранных слов (СИС). СПб.: Victory, 2010. 813 с.

Литература

1. *Аристотель*. Искусство метафоры [Электронный ресурс]. URL: <http://metaphor.narod.ru/review/aristotel.htm>.
2. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. М.; СПб.: Юпитер, 2010. 282 с.
3. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 447 с.
4. *Винокур Т.Г.* Речевой портрет современного человека // Человек в системе наук: сб. ст. М.: Наука, 1989. С. 361–369.
5. *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 397 с.
6. *Гур А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1977. 912 с.
7. *Кожевникова Н.А., Петрова З.Ю.* Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. М.: Языки русской культуры, 2000. 476 с.
8. *Маслова В.А.* Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта; Наука, 2004. 294 с.
9. *Сергеев В.И.* Развитие лексической семантики чувашского языка (Основные тенденции). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1991. 175 с.
10. Словарь иностранных слов. СПб.: Victory, 2010. 813 с.
11. *Степанов Ю.С.* Методы и принципы современной лингвистики. М.: URSS, 1975. 311 с.
12. Человек в системе наук. сб. ст./ АН СССР, Всесоюз. межвед. центр наук о человеке; сост. Е.В. Филиппова; отв. ред. И.Т. Фролов. М.: Наука, 1989. 504 с.
13. *Breal M.* *Essays de semantique*. 6th ed. Paris, 1924.
14. *Lakoff G., Gohnson M.* *Metaphors we live by*. Chicago, 1980.

НИКОЛАЕВА НАТАЛИЯ ВИТАЛЬЕВНА – старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары, (nicknata75@inbox.ru).

СЕРГЕЕВ ВИТАЛИЙ ИВАНОВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры чувашского языкознания и культуры, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (servitchuv45@rambler.ru).

N. NIKOLAEVA, V. SERGEEV

COGNITIVE LINGUISTICS, HUMAN COGNITION AND ZOOMORPHIC METAPHORS

Key words: cognitive linguistics, cognitivism, cognition, human cognition, super deep semantics, zoonyms and zoomorphic metaphors.

Article aims to consider the questions connected with the phenomenon of a metaphor within cognitive linguistics and cognitivism that assumes studying connection of the language with consciousness and thinking and explanation of language development through thought and mental categories. Comparison of the terms «cognition», «cognitive science», «cognitivism», «cognitive linguistics» and «metaphor» is given. It is proved that a metaphor should be considered as one of the main properties of human thinking, as a product of human thought. As a perspective subject of a research zoomorphic metaphors are mentioned.

References

1. Aristotel'. *Iskusstvo metafory* [Art of a metaphor]. Available at: <http://metaphor.narod.ru/review/aristotel.htm>.
2. Anan'ev B.G. *Chelovek kak predmet poznaniya* [Man as an object of knowledge] Moscow, St. Petersburg, Yupiter Publ., 2010, 282 p.
3. Benvenist E. *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1974, 447 p.
4. Vinokur T.G. *Rechevoi portret sovremennogo cheloveka* [Speech portrait of a modern man]. *Chelovek v sisteme nauk: sb. st.* [Man in the Sciences: collected papers]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 361–369.
5. Gumbol'dt V. *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu* [Selected works in linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1984, 397 p.
6. Gur A.V. *Simvolika zhivotnykh v slavyanskoj narodnoj traditsii* [Symbolism of animals in Slavic folk traditions]. Moscow, Indrik Publ., 1977, 912 p.
7. Kozhevnikova N.A., Petrova Z.Yu. *Materialy k slovaryu metafor i sravnenii russkoj literatury XIX–XX vv.* [Materials for the dictionary of metaphors and similes of the Russian literature of the XIX–XX centuries]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 2000, 476 p.
8. Maslova V.A. *Vvedenie v kognitivnyy lingvistiku* [Introduction to cognitive linguistics]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2004, 294 p.
9. Sergeev V.I. *Razvitiye leksicheskoi semantiki chuvashskogo yazyka (Osnovnye tendentsii)* [Development of lexical semantics of the Chuvash language (Basic trends)]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1991, 175 p.
10. *Slovar' inostrannykh slov* [Dictionary of foreign words]. St. Petersburg, Victory Publ., 2010, 813 p.
11. Stepanov Yu.S. *Metody i printsipy sovremennoi lingvistiki* [Methods and principles of modern linguistics]. Moscow, URSS Publ., 1975. 311 p.
12. *Chelovek v sisteme nauk: sb. st.* [Man in the Sciences: collected papers] Moscow, Nauka Publ., 1989, 504 p.
13. Breal M. *Essays de semantique*. 6th ed. Paris, 1924.
14. Lakoff G., Gohnson M. *Metaphors we live in*. Chicago, 1980.

NIKOLAEVA NATALIA – Senior Lecturer of Foreign Languages Department № 2, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

SERGEYEV VITALY – Doctor of Philological Sciences, Professor, Chuvash Linguistics and Culture Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

Ссылка на статью: Николаева Н.В., Сергеев В.И. Когнитивная лингвистика, человеческая когниция и зооморфические метафоры // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 4. – С. 233–237.

УДК 81:39

ББК 82.3(2РОС)[Чув.]3

В.Г. РОДИОНОВ

ЭТИМОЛОГИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМАНТИКИ НАЗВАНИЯ ОБРАЗА ЗМЕЯ-ПОКРОВИТЕЛЯ В ЧУВАШСКОЙ МИФОЛОГИИ

Ключевые слова: образ змея-покровителя, злые змеи, этимология, трансформация семантики, древнебулгарская и чувашская мифология, хозяин подводного мира.

Исторический анализ фонетики и семантики названий разных образов змеев в чувашской мифологии позволяет заключить, что из добрых и злых персонажей последние возникли относительно недавно через татарский язык. В легендах и преданиях добрый змей представлен как златорогий (белый) покровитель домашнего скота, прежде всего лошадей, а также как охранитель государственных границ. Булгаро-хазарское (шаркан) и кыпчакско-половецкое (сазган) названия доброго змея образованы из двух слов: шар / саз «болото» и кан «хан, каган». В чувашской мифологии древнее название образа змея-покровителя оставалось этимологически прозрачным до исчезновения исконного значения слова хун «хан», в XIX в. оно зафиксировано в значении «небесный конь» (шорхон / шурхун). Лексема, обозначающая цельный образ хозяина подводного царства, со временем трансформировалась в название места нахождения почивших добрых духов-святы (Шурхун > Сархун), а затем – места захоронения предков (сар хурӑн). Основными причинами разрушения первоначального образа доброго змея явились смена типов хозяйствования (скотоводство > земледелие) и влияние мировых монотеистических религий (ислам, христианство), а также социально-политические и культурно-идеологические факторы последних столетий.

До настоящего времени названия чувашских мифологических образов, связанных со змеем, филологами системно не рассмотрены, совсем не изучен образ доброго змея, встречающегося в ряде легенд и преданий чувашского фольклора. Настоящая статья посвящена этимологии и трансформации семантики названия доброго крылатого змея в булгаро-чувашской мифологии. Результаты данного исследования достигнуты путём генетических и контактных сравнений в рамках сравнительно-исторического метода.

В чувашской мифологии ряд образов создан на основе внешних змеиных атрибутов, каждый из которых имеет отдельное название и набор ценностных качеств. По народному поверью, *Аштаха / Аштаха* – змей, плотающий людей и скот [2. С. 128], он может палить своим огнём нивы, поэтому местами называется и *Вутлә сёлен* (Огненный змей) [3. С. 279]. О данном образе сохранилась такая легенда: «*Аштаха сёлен үссе ситсессён турӑ сӳле илет сёклесе; сӳлтӑвӑлпалан, пӑлӑтпелен, сӳсӑмпелен илет. Кунта халӑха сиен тӑват, сывлӑшӑпе туртса илсе сӑтат, савӑнпа турӑ сӳле сёклесе илет ӑна...*» [2. С. 216] (Если змей *Аштаха* вырастет, то его *Турӑ* поднимает вверх бурей, облаками, молнией. Здесь он вредит народу, глотает, присасывая воздухом, поэтому *Турӑ* забирает его на небо...). Другое многоголовое чудовище, встречающееся больше всего в сказках, имеет название *Йӑлмевӑс* [3. С. 122]. Оба дракона являются внешними врагами людей, они приносят им общие бедствия.

Достигнув столетнего возраста, *Аштаха* обретает способности оборотничества и становится соблазнителем отдельных юношей (мужчин) и девушек (женщин). Данный образ имеет два названия: *Юхха* (превращается в красивую девушку и, выйдя в замуж, постепенно иссушает своего супруга [3. С. 24]; в качестве сожителя доводит любовницу до болезни со смертельным исходом [2. С. 216]) и *Вӑре/Вӑри сёлен* в последнем значении [3. С. 358, 366]. Особенно *Вӑре сёлен* является его внешний вид до обретения человеческого облика: во время полёта из рта он извергает огненные искры (словом *вӑре* выражено пылающе-кипящее состояние змея). В данном случае облик мифического

дракона-соблазнителя в воображении простых людей соотнесён с реальным явлением на небе в ночное время (падение метеорита, других небесных тел).

Все вышеперечисленные образы относятся к враждебным для людей демонологическим духам и силам. Фонетический облик названий злых змеев (*Астаха, Йёлмевёс, Юхха*) подтверждает их позднее появление в чувашском языке, скорее всего из соседнего татарского языка (исконно чувашские формы имели бы в начале данных слов фонемы *у/ы* и *ç*) [15. С. 66; 1. С. 14, 56]. В татарскую мифологию они проникли, по всей вероятности, через арабо-исламские письменные источники (мотив змееборства сильно развит в культуре индоиранских народов). По сравнению с враждебными к людям образами дракона образ доброго змея в чувашской мифологии, как уже было отмечено в начале статьи, совершенно не изучен, он не включен и в словник будущего мифологического словаря. Это касается образа златорогого змея, который, как убедимся ниже, был одной из главных мифологем предков чувашей в эпохи их кочевого образа жизни.

Информатор Н.И. Ашмарина из с. Новые Кармалы Белебеевского уезда Уфимской губернии в начале XX в. прислал материал следующего содержания: «*Раскалла́ сы́н сёлене кура́ть. Ма́йракалла́ сёлене курсасса́н шур тутта́р па́рахать сёлен умне. Сав шурá сине сёлен ма́йракине па́рахать. Унтан вара ва́л сын илсе тавра́нать те пуять: укса енчёкне ярсан укса нумай пулать, выльа́х картине хёстерсе хурсан выльа́х нумай пулать; ва́рла́х тыра́ сине чиксе хурсан тыра́ а́нать те хуса пуять. Сёлен ма́йракине сұхатсасса́н сұка ерет: пит хыта́ сыхлас пулать*» [4. С. 61] (Счастливый человек встречается с змеем. Если увидит рогатого змея, то перед ним застилает белый платок. На этом белом платке змей оставляет свои рога. Потом человек забирает их домой: если положит их в кошелек – деньги прибавятся, отнесёт в скотный двор – скот умножится, засунет в зёрна на семена – хлеба уродятся и хозяин разбогатеет. Если рога потеряются, то он обнищает, поэтому их следует очень оберегать). Ареал распространения этого мифического образа охватывает территорию всех этнографических групп чувашей, следовательно, он сложился не в последние эпохи истории народа.

Образ доброго змея уточняется в тексте информатора из с. Орауши Ядринского уезда Казанской губернии: рога его были золотыми (*ылттáн ма́йракалла́ сёлен*) [4]. Имеются тексты, рассказывающие о белом змее [6. С. 239] или о царе змеев [4. С. 61]. Как известно, тюркские народы Урало-Поволжья и Сибири называли Российского императора *шурá патша, ак падишах* «белый царь» (белый цвет символизировал коронованную власть государя). Следует полагать, что своеобразным символом короны являются и золотые рога змея из чувашской легенды. С этим связано предположение о царском происхождении белого (златорогого) змея. О другой особенности белого змея писал татарский просветитель Каюм Насыри: «Все змеи чёрного цвета, а царь змеев бывает белым, белый змей защищает татар, любит, заранее предупреждая и оповещая об опасности, всячески им помогает» [8. С. 282].

В чувашских легендах добрый змей выступает и как хозяин хлева, скотного двора: «*Выльа́х картинче пёр сёлен пулать тет, сав сёлен картари выльа́хсене сыхласа пурáнать тет*» [4. С. 59] (В скотном дворе всегда обитает какой-нибудь змей, он, как говорят, оберегает домашних животных). В другом тексте добрый змей представлен как хозяин конюшни [3. С. 255]. Этого змея строго запрещалось убивать или издеваться над ним. Данный образ в любом случае связан с божеством, покровительствующим скотоводству. Примечательно то, что он местами имел название *карта хунё*, т.е. «божок, живу-

щий в хлеву, владычествующий над домашними животными» [5. С. 163, 166]. Здесь хун «хан» выступает в значении «хозяин», что указывает на определённое сужение его первоначальной семантики (в таком более узком значении данное слово вошло в марийский язык: он [15. С. 357]).

Итак, через термин хун мы можем связать оба образа змея-покровителя: распределяющего земное богатство в пределах определённой территории (государства) и хозяина скотного двора, оберегающего главное богатство отдельного рода скотоводов. До сужения первоначального значения хун (понятие о правителе ханства в памяти чувашей постепенно стёрлось, следует полагать, после падения Казанского ханства) в чувашской мифологии, как и в татарской, бытовал цельный образ белого змея, покровительствующего населению государства. Данное предположение подтверждается рядом достоверных фактов.

В первую очередь следует вспомнить изображение герба Казанской губернии (коронованный дракон с золотыми крыльями, конец хвоста тоже золотой). По сообщению исконно местных преданий (имеются ещё тексты, составленные под воздействием представлений завоевателей-змееборцев), этот дракон жил в Казани и оберегал людей от внешних врагов. После падения города, как повествуют чувашские предания, этот покровитель в образе летающего змея (лебедя, другой птицы) покидает родные места. Например, информатор Н.И. Ашмарина из деревни Верхние Олгаши (Сундырский район, Чувашская АССР) сообщил такое предание: «*Тотар ёмгү, сиксе токса кайсан (после взрыва), вёре сёлен полса вёссе кайнă*» [5. С. 359] (Татарский царь, после взрыва [крепости], обратился в *Вёре сёлен* и улетел прочь). Подобные предания сохранились о падении Биляра (*Пүлер*) и других городов Волжской Булгарии [12]. На восточной границе Булгарского ханства тоже находился мифологический покровитель и защитник государственных границ, о котором писали авторы исторических текстов XVI–XVIII вв. «В записанных данными авторами легендах божественно-мифический змей, живущий в «Чёртовом городище» (название, данное русскими авторами) близ Елабуги, рисуется как помощник и священный покровитель людей, поклоняющихся ему», – пишет казанский учёный М.Х. Бакиров в своей новой монографии «Древнетюркская поэзия» [6. С. 280]. После падения города и государства «змей взмывает в небо и исчезает» [6].

В противоположность тюркской мифологии, в русской словесности змей был основным внешним врагом народа. «Образ Змея, – писал Б.А. Рыбаков, – правильно расценивается исследователями фольклора как “гиперболизированное олицетворение реальной опасности”. С.А. Плетнева правильно рассматривает образ змея в русской сказке как олицетворение степняков-кочевников, конных воинов, сжигавших деревни и города» [14. С. 544]. Такая традиция олицетворения степняков в древнерусском фольклоре сложилась, очевидно, уже к концу первого тысячелетия н.э. (набеги булгарских и хазарских племён). Следует полагать, что древнерусское слово *шарокань* «дракон» возникло в результате культурного воздействия самих огуро-булгар или же их соседей (венгров). В лексике восточных славян-змееборцев оно использовалось только в отрицательном значении.

По предположению М.Х. Бакирова (он опирается на материал Р.Г. Ахметьянова), этот освященный и обожествленный мифический образ в кипчакских языках имел название *сазаган*: «Это древнетюркское слово, означающее крылатого большого змея-дракона, сохранилось у куманов, казахов в форме “сазаган”, у кипчаков – “сазган”, башкир – “һазаган” и у татар – “ажаган”» [6. С. 278]. Здесь учёный весьма уместно приводит примеры поклонения

древних тюрков дракону. В частности, в китайских хрониках сохранились факты приношения жертвы Небу хуннами в Храме дракона, а своего шаньюя они хоронили, завернув в чёрный шёлк с изображением «белого крылатого змея-дракона». По сообщению армянского хрониста М. Каланкатуаци, северокавказские гунны (савиры) носили на шее золотые амулеты тоже с изображением змея (о том, что они были крылатыми, не сообщается, но можно об этом догадаться по разновидности используемого металла) [10].

Савиро-хазаро-булгарское название белого (золотого) дракона (многие факты говорят о том, что не только языки, но и мифологические представления этих огурских племён были идентичными) сохранено в венгерском языке в форме *sárkány* [шáркaнь] «дракон со змеевидным телом и крыльями, помощник шамана» (< др.-булг. *шарукань*) [1. С. 60]. Общетюркское название дракона со свойственным огуро-булгарским племенам ротацизмом (*шар* вместо *саз*) указывает на весьма древнее происхождение данного образа. Р.Г. Ахметьянов и М.Х. Бакиров склонны объяснить происхождение данной мифологемы фактом китайского влияния [1. С. 59–61; 6. С. 279], но к подобному сопоставлению башкирский учёный-фольклорист В.Г. Котов относится скептически. Он считает, что образ змея-дракона в архаическом мировоззрении является универсальным мифологическим символом нижнего мира [11. С. 291–292].

В связи с этим обратим внимание на весьма не случайное совпадение значений первых частей кыпчакского (*саз*) и древнебулгарского (*шар*) названий драконов: «болото» (в венг. *sár* [шар] «болото, грязь, топь» [16. С. 462]. Вторая часть термина (скорее всего, первоначальной формой является *кан* > чув. *хон* / *хун*) означала правителя местности. Таким образом, наиболее вероятным значением древнебулгарского двусоставного термина *шаракань/шаркань* является «болотный (подводный) правитель». Смягчение последнего согласного звука следует объяснить результатом присоединения аффикса принадлежности (ср.: *шур хун-ё* > *шур хунь*). В таком случае мы должны признать, что в термине обе части сохранили свои первоначальные значения и автономность, соответственно, подверглись и фонетическим изменениям в статусе отдельных лексем. Другими словами, мы должны ожидать современную фонетическую форму *шор хонь* / *шур хунь* или же *шорхон/шурхун* (после утери значения отдельных частей сложной лексики смягчение *н* убирается).

В статье В.П. Вишневского «О религиозных поверьях чуваш» (1846) имеется до настоящего времени не расшифрованное слово, которое, на наш взгляд, поможет нам полнее понять историю трансформации данного мифологического персонажа. В части описания главного бога (*Торá*) учёный пишет: «... он занимается только направлением стихий к плодородию земли и получает сведения о делах, производимых на земле и нуждах человеческих от подчинённых ему существ, также благих, которые для сего летают, бегают и разъезжают на белых конях (*шора шоргон*) по миру, почему и называются общим именем *сюреггензам* “всюду ходящие”» [9. С. 178].

Фонему *х* рядом с вперёдистоящим *р* В.П. Вишневский всегда изображал буквой *г*, отсюда мы можем восстановить чувашское звучание написанного слова *шоргон* как *шорхон* «небесный конь». Данную лексему в таком фонетическом облике мы встречаем и в молитвах о хлебах и человеке: «*Шурхунта выртакан Ырă амăшĕ, Шурхунта выртакан Ырă*» [7. С. 207]. Н.И. Ашмарин перевёл эти слова так: «Мать святого, почивающего в Шур-Хуне, Святой, почивающий в Шур-Хуне» [7. С. 211]. В данном случае *Шурхун* – это место нахождения почивающего *Ырă*.

Итак, до Нового времени лексема *Шорхон/Шурхун* в чувашском языке дошла в двух значениях: небесный конь белой масти и место нахождения по-

чивающего *Ырă*, последняя лексема переведена Н.И. Ашмариным как «святой». С точки зрения данных исторической фонетики мы можем объяснить следующее: 1) до стирания из памяти народа значения слова *хон / хун* (приблизительно в XVII в., т.е. в позднестарочувашский период чувашской эпохи [13. С. 813]) двусоставное словосочетание имело фонетический облик *шор хонь / шур хунь*; 2) после потери исконного значения вышеупомянутого слова (*хон*) палатальный звук *нь*, подчиняясь закону сингармонии, трансформировался и обрёл форму велярного *н*, в результате образовалось сложное слово *шорхон/шурхун*.

С позиции значения лексемы следует выделить такие семантические сдвиги: 1) хозяин подводного мира > место обитания *Ырă*; 2) табуны коней в подводном мире *Шор хонь* > небесный конь *Шорхон*. Замену дракона летающим белым конём можно отнести к изменениям последних веков, хотя подобное смещение допускалось, как нам представляется, и в более ранние эпохи. Хозяева подводного мира владели, как известно, табунами лошадей и крупного рогатого скота [11. С. 315]. Вполне возможно, что существовал отдельный миф о небесном коне, вышедшем из владений *Шорхон / Шурхун*, этот миф (он существует и в башкирской мифологии) не позднее XVIII в. обрёл ту изменённую форму, которую мы знаем через записи В.П. Вишневого.

Лексема *шорхон / шурхун* в значении места обитания *Ырă* (другое его название – *Киремет*) постепенно перестала символизировать водное пространство и стала обозначать место погребения предков. Тогда же возникла и лексема *сар(ă)хун* в значении места обитания *Ырă*, а потом и как места нахождения почивших предков (такое изменение произошло, скорее всего, под воздействием понятия *сар санталăк* «подземный мир»). Так как первоначальная семантика слов была полностью стёрта, народная фантазия придумала новую этимологию: *шурă хурăн* «белая берёза» и *сарă хурăн* «жёлтая берёза», которыми назывались старые кладбища, обросшие деревьями (там росли не одни берёзы). На них в праздник семик ходили поминать давно умерших предков, проводили хороводы и другие обряды.

Итак, в своем исследовании мы вели поиск названия златорогого змея в чувашской мифологии, объяснили его этимологию, а также проследили семантические сдвиги в историческом пространстве. В результате лингвистического анализа фонетики и семантики отдельных терминов и слов мы пришли к следующему заключению:

1. В чувашской мифологии образы змея бывают двух видов: злые и добрые. Анализ названий первого вида показывает на их позднее возникновение в чувашской устной словесности из татарского языка.

2. В сохранившихся легендах и преданиях добрый змей представлен как златорогий (белый) покровитель и защитник людей (ханства), а также как покровитель домашнего скота, прежде всего лошадей. Все перечисленные положительные качества этого змея в историческом прошлом (в болгарский и золотоордынский периоды среднеболгарской эпохи) были представлены в одном образе: мифологического покровителя и защитника государственных границ.

3. К концу первого тысячелетия нашей эры в южных районах степи и лесостепи сложились две противостоящие друг другу культуры: степняков-скотоводов (булгары, савиры, хазары, половцы и другие тюркские племена) и земледельцев (славянские племена). Первые поклонялись крылатому змею *Шаркань* (в кыпчакской среде – *Сазган*), а вторые относились к последовательным змеборцам.

4. Булгаро-хазарское и кыпчакское (половецкое) названия доброго змея образованы из двух слов: *шар/саз* «болото» и *кан* «хан, каган». Владыка под-

водного царства (хозяин воды) имел несметное число лошадей и крупный рогатый скот.

5. В чувашской мифологии данное название оставалось этимологически прозрачным до исчезновения исконного значения хун «хан», затем в форме *Шорă шорхон* было зафиксировано в значении «белый небесный конь».

6. Лексема, обозначавшая цельный образ хозяина подводного царства, со временем трансформировалась в название места нахождения почивших добрых духов-святых (*Шурхун* > *Сархун*), а затем – места захоронения предков (*сар хурăн*).

Основными причинами разрушения первоначального образа доброго змея *Шор хонё* / *Шур хунё* явились смена типов хозяйствования (скотоводство > земледелие) и влияние мировых монотеистических религий (ислам, христианство), а также социально-политические и культурно-идеологические факторы последних пяти столетий.

Литература

1. *Ахметьянов Р.Г.* Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М.: Наука, 1981. 144 с.
2. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка: в 17 выпусках. Казань: Татполитграф, 1929. Вып. 2. 240 с.
3. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чебоксары: Тип. «Чувашская книга», 1930. Вып. 5. 420 с.
4. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1937. Вып. 13. 320 с.
5. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка, 1941. Вып. 16. 376 с.
6. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка, 1950. Вып. 17. 434 с.
7. *Ашмарин Н.И.* Чувашская народная словесность: Исследования. Автобиография, воспоминания. Письма. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. 410 с.
8. *Бакиров М.Х.* Древнетюркская поэзия: неразгаданные тайны устного и письменного поэтического творчества наших предков. Казань: Тат. кн. изд-во, 2014. 390 с.
9. *Вишневский В.П.* О религиозных поверьях чуваш // Вишневский В.П. Письменная культура раннего просветительства. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. С. 177–192.
10. *Каланкатуаци М.* История страны Алуанк / пер. с древнеармян., предисл. и коммен. Ш.В. Смбабяна. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1984. 214 с.
11. *Котов В.Г.* Башкирский эпос «Урал-Батыр». Историко-мифологические основы. Уфа: Гилем, 2006. 408 с.
12. *Родионов В.Г.* К образу лебедя в жанрах чувашского фольклора // *Родионов В.Г.* Этнос. Культура. Слово. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. С. 53–73.
13. *Родионов В.Г.* Чувашский стих: Проблемы становления и развития. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1992. 224 с.
14. *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. 607 с.
15. *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка / ЧГИГН. Чебоксары, 1996. Т. 2. 509 с.
16. *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. / ЧГИГН. Чебоксары, 1996. Т. 1. 470 с.

РОДИОНОВ ВИТАЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры чувашской филологии и культуры, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (vitrod1@yandex.ru).

V. RODIONOV

ETYMOLOGY AND SEMANTIC TRANSFORMATION OF THE NAME OF THE SERPENT-PATRON'S IMAGE IN THE CHUVASH MYTHOLOGY

Key words: *image of the serpent-patron, evil snakes, etymology, semantic transformation, ancient Bulgarian and Chuvash mythology, the owner of the underwater world.*

Historical analysis of phonetics and semantics of names of different serpent images in the Chuvash mythology allows to conclude that among kind and evil characters of these serpents the latter appeared relatively recently through the Tatar language. In legends a kind

serpent is presented as the Goldenhorn (white) patron of the livestock, especially of horses as well as the guardian of state borders. Bulgarian-Khazar (sharkan) and Kypchak-Polovtsian (sazgan) names of a kind serpent are formed from two words: shar / saz "bog" and kan "khan, kagan". In the Chuvash mythology the ancient name of the serpent-patron's image was etymologically transparent until disappearance of the original meaning of the word hun "khan", in the 19th century it is fixed with a meaning "heavenly horse" (shorhon / shurhun). In the process of destruction the well-rounded image of underwater kingdom's owner has been transformed to the location of grave site kind Holy Spirits (shurhun > sarhun), and then to grave site of ancestors (sar hurän). The main reasons for destruction of the original image of a kind serpent were change in management types (cattle breeding > agriculture) and the influence of the world monotheistic religions (Islam, Christianity) as well as socio-political, cultural and ideological factors of the last centuries.

References

1. Akhmet'yanov R.G. *Obshchaya leksika dukhovnoi kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya* [General vocabulary of spiritual culture of the peoples of the Middle Volga region]. Moscow, Nauka Publ., 1981, 144 p.
2. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka: V 17 vypuskakh* [Chuvash Language Dictionary: in 17 issues]. Kazan, Tatpolitgraf Publ., 1929, Issue 2, 240 p.
3. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka* [Chuvash Language Dictionary]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1930, Issue 5, 420 p.
4. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka* [Chuvash Language Dictionary]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1937, Issue 13, 320 p.
5. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka* [Chuvash Language Dictionary]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1941, Issue 16, 376 p.
6. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka* [Chuvash Language Dictionary]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1950, Issue 17, 434 p.
7. Ashmarin N.I. *Chuvashskaya narodnaya slovesnost': Issledovaniya. Avtobiografiya, vospominaniya. Pis'ma* [The Chuvash people's literature: Researches. Autobiography, memories. Letters]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2003, 410 p.
8. Bakirov, M.Kh. *Drevnetyurkskaya poeziya: nerazgadannye tainy ustnogo i pis'mennogo poeticheskogo tvorchestva nashikh predkov* [Ancient Turkic poetry: unsolved mysteries of oral and written poetry of our ancestors]. Kazan: Tatar Publishing House, 2014, 390 p.
9. Vishnevskii V.P. *O religioznykh pover'yakh chuvash* [On the religious beliefs of the Chuvash]. In: Vishnevskii V.P. *Pis'mennaya kul'tura rannego prosvetitel'stva* [Written culture of early Enlightenment]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2004, pp. 177–192.
10. Kalankatuaci M. *Istoriya strany Aluank* [The history of the country Aluank]. Yerevan, 1984, 214 p.
11. Kotov V.G. *Bashkirskii epos «Ural-Batyr». Istoriko-mifologicheskie osnovy* [Bashkir epos «Ural-Batyr». Historical and mythological foundations]. Ufa, Gilem Publ., 2006, 408 p.
12. Rodionov V.G. *K obrazu lebedya v zhanrakh chuvashskogo fol'klora* [By way of a swan in the genres of the Chuvash folklore]. In: Rodionov V.G. *Etnos. Kul'tura. Slovo* [Ethnos. Culture. Word]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2006, pp. 53–73.
13. Rodionov V.G. *Chuvashskii stikh: Problemy stanovleniya i razvitiya* [The Chuvash verse: problems of formation and development]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1992, 224 p.
14. Rybakov B.A. *Yazychestvo drevnikh slavyan* [Paganism of the ancient Slavs]. Moscow, Nauka Publ., 1981, 607 p.
15. Fedotov M.R. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka: v 2 t.* [Etymological dictionary of the Chuvash language. 2 vols.]. Cheboksary, 1996, vol. 1, 470 p.
16. Fedotov M.R. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Chuvash language. 2 vols.]. Cheboksary, 1996, vol. 2, 509 p.

RODIONOV VITALIY – Doctor of Philological Sciences, Professor of Chuvash Philology and Culture Department, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

Ссылка на статью: Родионов В.Г. Этимология и трансформация семантики названия образа змея-покровителя в чувашской мифологии // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 4. – С. 238–244.

УДК 821.111Шекспир03
ББК Ш43(2)(=432.1){4}*8Шекспир4*002.187.3

А.И. ТРУКОВА, Т.Н. КУЗНЕЦОВА

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРЕВОДОВ СОНЕТОВ ШЕКСПИРА: СТИЛИСТИКО-КОМПАРАТИВНЫЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: сравнительный анализ, художественный перевод, поэтический дискурс, оригинальный и переводной тексты.

В статье рассмотрены вопросы перевода сонетов Шекспира на русский и чувашский языки. Проведен сравнительно-сопоставительный анализ перевода Сонета 33 с английского языка на чувашский. Несмотря на то, что проблемам перевода художественных произведений посвящено множество исследований, вопросы перевода английской поэзии, в частности сонетов Шекспира, на чувашский язык являются малоизученными. Отмечается, что смысл подлинника полностью невозможно передать ни одним переводом: переводчик находит в оригинальном произведении главное и подчиняет ему второстепенное, а всё остальное или опускается, или заменяется им. Сонеты Шекспира в переводе Н. Теветкеля – это перевод как с языка на язык, так и со стиля на стиль. Исследование вносит определенный вклад в осмысление проблем теории и практики художественного перевода.

Перевод художественных текстов на язык малочисленного народа является сложной задачей и представляет значительные трудности. Довольно часто в подобных случаях невозможно воспользоваться прямым переводом ввиду отсутствия переводчиков, которые владеют языком оригинального произведения и языком, на котором будет создан переводной текст. Одним из выходов из сложившейся ситуации является метод непрямого, вторичного перевода с языка-посредника, которым владеет носитель языка малочисленного народа. Подобную ситуацию можно наблюдать в случае перевода произведений английских поэтов на чувашский язык. Не все поэты владеют английским языком, и в процессе перевода иноязычных произведений они ссылаются на их русский вариант [5. С. 290].

Сонеты Шекспира, являющиеся знаменитой частью его поэтического наследия, и в наши дни остаются загадкой, несмотря на многочисленные исследования. В России творчество Шекспира и его Сонеты приобрели популярность в первой половине XIX в. Впервые попытки художественно переложить отдельные сонеты на русский язык были предприняты поэтом и критиком В.С. Межевичем [1. С. 123]. Первое издание полного собрания сочинений Шекспира на русском языке вышло в свет благодаря издателю и переводчику Н.В. Гербелю, который перевёл весь свод Сонетов Шекспира [3. С. 410]. Однако критики не оценили его работу, считая её слабой в эстетическом плане. Позднее под редакцией С.А. Венгерова было издано собрание сочинений Шекспира в пяти томах, что стало итогом освоения творчества английского поэта в России. В издание вошли 17 ранее опубликованных переводов таких мастеров, как И. Мамуна, Н. Гербель, С. Ильин, Ф. Червинский, и 137 новых, над которыми по приглашению С.А. Венгерова работали известные поэты К. Случевский, К. Фофанов, В. Брюсов, а также ведущие переводчики того времени В. Лихачев, Н. Холодковский, А. Федоров, В. Мазуркевич, Т. Щепкина-Куперник [1. С. 123].

Наконец, ситуация решительно переменилась, когда С.Я. Маршак взялся за переводы Сонетов. В 1948 г. был издан перевод всего цикла Сонетов, благодаря которому С.Я. Маршак удостоился сталинской премии, а его переводы стали всенародно любимыми и были неоднократно переизданы [4. С. 235]. Критики считают, что Сонетов Шекспира в русской литературе до Маршака не было, хотя их часто и много переводили [2. С. 395].

На чувашский язык Сонеты Шекспира перевел писатель, поэт, драматург, литературный переводчик, заслуженный деятель искусства Чувашской Республики Николай Александрович Петровский, известный как Николай Теветкел. Сонеты в переводах этого чувашского поэта много хвалили, но никогда ранее они не были предметом научного исследования. А их изучение представляется на редкость интересным. Сравним оригинал сонета 33 с его переводом на чувашском языке.

Сонет 33: оригинал и переводы

Оригинал	Перевод Н. Теветкеля	Перевод С. Маршака
Full many a glorious morning have I seen Flatter the mountain-tops with sovereign eye, Kissing with golden face the meadows green, Gilding pale streams with heavenly alchemy;	Хёвел ёмпү пек кăмăллăн йăл! кулĕ сăрт-ту ёмĕлкине хăваласа, вăранăç улăхсем анасласа е ылтăн хумсемпе тĕрленĕ кулĕ.	Я наблюдал, как солнечный восход Ласкает горы взором благосклонным, Потом улыбку шлет лугам зеленым И золотит поверхность бледных вод.
Anon permit the basest clouds to ride With ugly rack on his celestial face, And from the forlorn world his visage hide, Stealing unseen to west with this disgrace:	Сĕм пĕлĕтсем тухсан сулхăнланса сĕрпе, шывпа сухатĕ сирĕп пĕрлĕх тўпе хушĕ те хыт намăсланса – сăнталăк та ылмашĕ темĕн тĕрлĕ.	Но часто позволяет небосвод Слоняться тучам перед светлым тронem. Они ползут над миром омраченным, Лишая землю царственных щедрот.
Even so my sun one early morn did shine With all triumphant splendor on my brow; But out, alack! he was but one hour mine; The region cloud hath mask'd him from me now.	Ман ħраскал хёвелĕ те сăпла сĕкленĕ те – сасартăк! – пач сухалĕ, сив пĕлĕтпе тĕтреленсе хуралĕ – кама ħнман телейĕмшĕн ятлас?	Так солнышко мое вошло на час, Меня дарами щедро осыпая. Подкралась туча хмурая, слепая, И нежный свет любви моей угас.
Yet him for this my love no whit disdaineth; Suns of the world may stain when heaven's sun staineth.	Сĕрпе тўпе ħмăрлансан час-час Юратура сĕтет хёвеллĕ сас.	Но не ропщу я на печальный жребий – Бывают тучи на земле, как в небе.

Коммуникативное намерение сонета состоит в том, что любовь может угаснуть, а чувство разочарования – это нечто естественное.

Во время написания Сонетов 32 и 33 отношение Шекспира к адресату полностью меняется. Поэт дает понять адресату, что он глубоко разочарован. Невозможно сказать однозначно, какой поступок вызвал такое чувство, хотя можно предположить, что у адресата было много интересов кроме поэта, и он, возможно, окружил себя молодыми друзьями, обрекая Шекспира на одиночество. Неприязнь поэта к действиям адресата становится очевидной после прочтения сонета (и в оригинале, и в переводах на русский и чувашский языки), а также из выбора слов: «*basest*» (*подлый*), «*ugly*» (*уродливый*), «*forlorn*» (*покинутый*), «*disgrace*» (*позор*), «*disdaineth*» (*презирать*), «*staineth*» (*запятнанный*) – в оригинале; *слоняться*, *ползут*, *лишая*, *подкралась*, *хмурая*, *слепая*, *угас*, *печальный жребий* – в переводе С. Маршака; «*сĕм пĕлĕтсем*» (*темные тучи*), «*сулхăнланса*» (*затенить*), «*сухатĕ*» (*терять*), «*намăнланса*» (*стыдиться*), «*сив*» (*холодный*), «*хуралĕ*» (*потемнеть*), «*ħнман*», (*несчастный*), «*ятлас*» (*винить*), «*ħмăрлансан*» (*измениться*) – в переводе Н. Теветкеля.

Кроме того, солнце разрешает облакам закрывать свое лицо, поскольку оно убегает прочь на запад, и прямое сравнение сделано между солнцем и адресатом в девятой строфе (*Even so my sun one early morn did shine (так же и моё солнце однажды рано утром действительно вошло)*; *Так солнышко мое вошло на час; Ман ħраскал хёвелĕ те сăпла (Солнце моей судьбы такое же)*). А в заключительном двустишии, поэт, кажется, негодует на адресата за то, что он вызвал отчуждение в их отношениях.

Однако Сонет заканчивается на положительной ноте: поэт, который готов простить адресата, признает, что разочарование в этой жизни – нечто

совершенно естественное (*Suns of the world may stain when heaven's sun staineth* (солнцам на земле позволено иметь пятна, если даже небесное солнце в пятнах); *Бывают тучи на земле, как в небе; Щёрпе тўпе ймърлансан час-час юратура щётет хёвеллэ сас* (когда меняется погода, в любви теряется присутствие солнца).

Таким образом, и С. Маршак, и Н. Теветкел сумели донести до русского и чувашского читателей основное содержание сонета.

Что касается лексического наполнения переводов, здесь стоит отметить очевидный факт: насколько хорошо поэт владеет языком, настолько отчётливо он представляет те ассоциации, которые вызывает слово. Например, подстрочный перевод первой строки рассматриваемого сонета: «Я видел много великолепных тупр». Но он является неточным, так как на английском языке эпитет «*glorious*» (*великолепный*) по отношению к погоде всегда ассоциируется не только с голубым небом, но ещё и с солнцем. Мы можем смело утверждать, что поэтическое содержание слова «*glorious*» определяется этими ассоциациями. Говоря о поэтической точности, следует заметить, что перевод Н. Теветкеля: «Хёвел ёмпў пек кямъллән йъл кулэ...» (Солнце как царь улыбнется от души) по сравнению с «буквальной» копией оригинала обладает большей точностью. То же самое можно сказать и о переводе русского поэта: «Я наблюдал, как солнечный восход».

Значение «*великолепный*» в английском эпитете *glorious* сохранено, а в сонете Шекспира вся лексическая и образная система произведения подчёркивает данное значение. В самом деле: шекспировское «великолепное» солнце обладает «державным взором» (*sovereign eye*) и «всаторжествующим блеском» (*all triumphant splendour*), а «подлые» (*basest*) тучи «с позором» (*disgrace*) заслоняют его. Поэтому, отказываясь от понятия «*великолепный*», Маршак не применяет и эти образы-спутники: мы видим здесь, что «*благодарный взор*» заменил «*державный взор*», «*щедрые дары*» вытеснили «*блеск*», «*лишение щедрот*» применяется вместо «*позора*». Он старается не отдаляться от оригинала, а чувашский писатель, видимо, понимает подлинник по-своему. Теветкел в первой строке не переводит тот факт, что именно автор наблюдал восход солнца: «*Full many a glorious morning have I seen...*» – «Хёвел ёмпў пек кямъллән йъл! кулэ...» (Солнце как царь улыбнется от души). Теветкел применяет ещё и сравнительный оборот *ёмпў пек* (как царь), что не встречается в русском переводе. Солнце Теветкеля – царственное и величественное, ведь и у шекспировского солнца – *sovereign eye* (*державный взор*), что не свойственно солнцу С. Маршака.

Однако между чувашским вариантом и оригиналом заметна разница в грамматическом строе предложений. У Шекспира предложение имеет следующий вид: «... *permit the basest clouds to ride ..., and from the forlorn world his visage hide, stealing unseen to west ...*» (солнце... разрешает тучам проплывать перед своим небесным ликом, заслоняя его образ от всего мира, пока оно невидимое уходит на запад). Подлежащее во всей длинной фразе одно – солнце; у Н. Теветкеля подлежащих три – тучи, солнце (хозяин неба) и погода: «Сём пёлётсем тухсан сулхънланса ..., тўпе хуци те хыт намърланса – санталък та ылмашё темён тёрлэ» (темные тучи появляются, заволакивают небо, солнце стыдится, и погода меняется).

При чтении сонета Шекспира образ солнца приковывает взгляд читателя; при чтении перевода сонета Теветкеля взгляд на мгновение отрывается от него, что способствует незаметному смягчению впечатления ослепительного всевластия.

Эту разницу можно почувствовать не только при создании центрального образа, она также заметна при построении более второстепенных образов: меньше вещественности и яркости, больше воздушности и мягкости. Уже нет «золотого лика» (*golden face*), нет «небесной алхимии» (*heavenly alchemy*), вместе с ними исчезло вещественное содержание английского глагола *gild* – «золотить»; «йӓл кулӗ» (улыбка) заменила «поцелуй»; эмоциональные образы заменили вещественные: «сӗм пӗлӗтсем, сив пӗлӗтпе» (туча хмурая, холодная), «ӓнман телейӗмшӗн» (несостоявшееся счастье), «ман ӓраскал хӗвелӗ» (солнце моей судьбы).

Сонеты Шекспира характеризуются яркой образностью, которую можно считать одной из красот поэзии. Сложная словесная ткань помогает поэту выразить мысли.

Очевидно, шекспировский сонет изобилует различными средствами выразительности речи (тропами и стилистическими фигурами):

– метафоры: *flatter the mountain tops* (чествовать горы), *kissing with face the meadows* (касаться лицом луга), *gilding pale streams* (позолотить бледные потоки), *permit the basest clouds to ride* (позволить тучам бежать), *from the forlorn world hide* – (прятать от покинутого мира), *shine with splendor on my brow* (озарить лоб великолепием), *suns of the world* (солнце земли);

– эпитеты: *glorious morning* (славное утро), *sovereign eye* (державный взор), *golden face* (золотое лицо), *pale streams* (бледные потоки), *heavenly alchemy* (небесная алхимия), *ugly rask* (уродливая масса), *celestial face* (божественное лицо), *forlorn world* (покинутый мир), *triumphant splendor* (всетождествующий блеск);

– олицетворения: *morning flatter the mountain tops* (утро чествует вершины гор), *permit clouds to ride* (утро позволяет тучам бежать), *his visage hide* (утро прячет лицо), *stealing to west* (утро крадется на запад);

– инверсия: *a glorious morning have I seen* (я видел, как утро), *meadows green* (зеленые луга), *his visage hide* (прятать облик).

К сожалению, развёрнутое сравнение и метафора не являются главными поэтическими средствами чувашского переводчика. Н. Тевекелю не свойственно бесконечно изобретательное отношение к созданию новых сравнений и метафор. В своем переводе он ограничивает себя в использовании выразительных средств:

– метафоры: ылтӑн хумсемпе тӗрленӗ кӗлӗ (озера, покрытые золотым узором), ӓраскал хӗвелӗ (солнце моей судьбы);

– эпитеты: сӗм пӗлӗтсем (темные тучи), ӓнман телейӗмшӗн (потерянное счастье);

– олицетворения: хӗвел кӑмӓллӑн йӓл кулӗ (солнце от души улыбнется), вӑранӑҫ улӑхсем (луга проснутся);

– антонимия: ҫӗкленӗ те – ҫухалӗ (появится и исчезнет).

Н. Тевекел заменяет образы Шекспира более мягкими, спокойными, нейтральными, привычными для чувашского читателя. Однако к вопросу отступлений чувашский переводчик подошёл очень тактично, позволив себе отступить от оригинала только в мелочах: замена эпитетов, вспомогательных образов.

Следует отметить, чувашский перевод, как и оригинал, представлен тремя четверостишиями и одним двустушием, в котором содержится вывод и подводятся итог всему содержанию сонета.

Более того, структурный рисунок сохранен чувашским переводчиком: предложение со сложной синтаксической структурой в начале сонета, которое вводит тему произведения и развивает её. Далее следует менее сложное предложение, развивающее обозначенную в начале стихотворения тему. Синтаксическая структура заключительного последнего двустушия ещё более простая.

Литература

1. Аникст А. Творчество Шекспира. М.: Гослитиздат, 1963. 320 с.
2. Гаспаров М. О русской поэзии. СПб.: Азбука, 2001. С. 389–409.
3. Левидова И. Шекспир на русском языке // Вильям Шекспир. К четырехсотлетию со дня рождения. 1564–1964. Исследования и материалы. М.: Наука, 1964. 490 с.
4. Маршак С. Портрет или копия? (Искусство перевода) // Воспитание словом. М.: Сов. писатель, 1964. 235 с.
5. Трукова А.И. Поэтический дискурс и перевод // Вестник Чувашского университета. 2015. № 4. С. 290–294.

ТРУКОВА АЛЕНА ИВАНОВНА – кандидат экономических наук, заведующая кафедрой иностранных языков № 1, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (alenatrukova@mail.ru).

КУЗНЕЦОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (elre2007@mail.ru).

A. TRUKOVA, T. KUZNETSOVA

FROM THE HISTORY OF SHAKESPEARE SONNETS TRANSLATION:
STYLISTIC-COMPARATIVE ASPECT

Key words: comparative analysis, literary translation, poetic discourse, original and translated texts.

The article considers the issues of translation of Shakespeare's sonnets into the Russian and the Chuvash languages. A comparison and collation analysis of Sonnet 33 translation from English into Chuvash is made. Despite the fact that a lot of research into the problems of literary works translation has been carried out, the questions of English poetry translation particularly of Shakespeare's sonnets into the Chuvash language are still poorly studied. It is noted that no translation can convey the original text completely: a translator finds the main thing in the original and subordinates secondary things to it, all the rest is either omitted or replaced. Shakespeare's sonnets translated by N. Tevetkel are translation both from language into language and from style into style. The study contributes to the understanding of problems of the theory and practice of literary translation.

References

1. Anikst A. *Tvorchestvo Shekspira* [Shakespeare's creative work]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1963, 320 p.
2. Gasparov M. *O russkoi poezii* [About Russian poetry]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2001, pp. 389–409.
3. Levidova I. *Shekspir na russkom yazyke* [Shakespeare in Russian]. In: *Vil'yam Shekspir. K chetyrehsotletiyu so dnya rozhdeniya. 1564–1964. Issledovaniya i materialy* [William Shakespeare, to 400th anniversary of the birth. 1564–1964. Studies and materials]. Moscow, Nauka Publ., 1964, 490 p.
4. Marshak S. *Portret ili kopiya? (Iskusstvo perevoda)* [Portrait or copy? (Art of translation)]. In: *Vospitanie slovom* [Education by word]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1964, 235 p.
5. Trukova A.I. *Poeticheskii diskurs i perevod* [Poetic discourse and translation]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2015, no. 4, pp. 290–294.

TRUKOVA ALENA – Candidate of Economics Sciences, Head of Foreign Languages Department № 1, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

KUZNETSOVA TATIANA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Foreign Languages Department № 1, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

Ссылка на статью: Трукова А.И., Кузнецова Т.Н. Из истории переводов сонетов Шекспира: стилистико-компаративный аспект // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 4. – С. 245–249.

УДК 811.512.111'373.2
ББК Ш43(2)(=635.1)*011.71

Э.В. ФОМИН, А.М. ИВАНОВА

ПОЭТОНИМЫ В КОНТЕКСТЕ ЧУВАШСКОЙ ПИСЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Ключевые слова: поэтонимы, поэтонимикон, чувашская литература, чувашский язык.

Одним из внешних признаков чувашской литературы являются поэтонимы, представленные дохристианскими и православными именами, а также фамилиями чувашского происхождения. При этом православные имена подразделяются на очувашенные и те, которые сохранили оригинальное русское звучание. Выбор конкретных поэтонимов диктуется рядом условий: содержанием произведения, его хронотопом, а более – предпочтениями самих авторов. В чувашской литературе сложилась традиция, когда писатели устойчиво воспроизводят архаичные имена, не свойственные современной ситуации.

Специфику чувашской литературы формирует целый спектр признаков, которые в исследовательских целях можно разделить на две группы – внутренние и внешние.

Внутренним критерием, обеспечивающим национальное своеобразие художественных текстов, признается единство публицистичности и философичности произведений [13. С. 6].

Более осязаемы такие внешние признаки, как язык (чувашский), хронотоп (село прошлого) и поэтонимы (на чувашский лад). При этом на поэтонимы ложится основная нагрузка спецификации литературы, поскольку язык при переводе перестает быть таковым критерием, специфичный хронотоп еще нужно осознать, а имена в любом случае сохраняют оригинальное звучание.

К настоящему времени в чувашской литературе сложились четыре типа поэтонимов:

1) дохристианские чувашские имена (*Айтар, Нарспи, Пинеслу, Сентьер, Сетнер, Тайпи*);

2) очувашенные имена русского происхождения (*Иван (Ванёк) > Ванюк, Михаил (Миша) > Мишша, Алёна > Алюна, Наталья (Наташа) > Наташ*);

3) русские фамилии чувашского происхождения (*Арланов < арлан 'хомяк', Вурманов < вёрман 'лес', Кагаев < какай 'мясо', Малашов < малаш 'будущее'*);

4) русские антропонимы (*Андрей, Люба, Марина, Сергей, Федор*).

Дохристианские чувашские имена – мощное средство придания чувашской литературе самобытных свойств.

Данный вид поэтонимов является непременным атрибутом текстов исторического содержания, описывающих жизнь чувашей со времен Волжской Булгарии до начала XIX в., например, в трагедии Я. Ухсая «Тутимёр» используются такие поэтонимы, как *Асамат, Ахах, Кърлик, Курак, Тимёркке, Туйтирек, Тутимёр, Тялук*; в драме П. Осипова «Айтар» – *Айтар, Итулай, Пинерпи, Пичура, Сентьер, Сернюк, Улай, Янтулай*; в произведении Н. Сидорова «Хўхём хёрён хўхлевё» – *Папай, Паян, Силем, Тайпи, Эрсукки*. Подобные поэтонимы в исторической литературе незаменимы.

Кроме того, дохристианские имена востребованы в литературе о чувашах, исповедующих язычество, см. поэтонимы в романе Н. Ильбека «Хура сакър»: *Алиме, Вастик, Велит, Елисса, Етикан, Илтёмес, Илтиер, Имет, Ишти, Каплай, Кёмёлпи, Кукус, Лискав, Мулентей, Несухеа*.

Во многом благодаря именам, так или иначе сохранившимся до середины XX в. в чувашской языческой среде, в настоящее время встречаются фа-

милиии чувашского происхождения (*Абуков, Ахтимиров, Ахмеров, Илендеев, Казандаев, Мадуров, Мулендеев, Пуяндаев, Сидулов, Хурастеев*).

Генетически имена настоящей группы собственно чувашского, но более арабо-персидского происхождения, обусловленные татарским посредством. Тем самым формируется их яркое «восточное» звучание.

Корпус дохристианских антропонимов достаточно объемён. В словаре чувашских языческих имен В.К. Магницкого зафиксировано 10 587 мужских антропонимов [8], и именно данный список является основным источником поэтонимов для исторической литературы. (Впрочем, авторы не всегда стремятся к использованию реально существовавших имен. Они производят их соответственно с требованиями задуманных образов. У Д. Суслина в этнографической сказке «Юрăпи» главной героиней является *Юрăпи* (< *юрă* 'песня' + *-пи* формант женского имяобразования). В романах М. Юхмы, представляется, немало заимствованных поэтонимов, выдаваемых за чувашские). Словарь чувашских нехристианских личных имен М.Р. Федотова содержит 1687 словарных статей с этимологиями лемм [14]. Кроме того, в научной литературе [1–6, 9–12] этимологизированы еще не менее тысячи имен.

Между тем корпус дохристианских поэтонимов являет лишь небольшую часть чувашского антропонимикона. В словаре чувашских поэтонимов зафиксировано 294 имени доправославной эпохи [15]. Объяснить это можно незначительностью объемов чувашской исторической литературы и востребованностью одних и тех же имен, уже использованных в классических текстах.

Очувашенные имена русского происхождения. В чувашской художественной литературе доминируют поэтонимы с русско-православной этимологией, адаптированные под чувашское произношение. Сказанное касается и литературы о современной жизни.

Данные имена либо тотальны в рамках произведения, либо сосуществуют с русскими именами, в редких случаях поэтонимы в тексте являются чисто русскими. Так, в произведении Л. Сачковой «Микка» все персонажи повести носят очувашенные имена: *Микка / Миккуль < Николай, Митрук < Дмитрий, Вассá < Вáсса, Матрунь < Матрена, Люсá < Людмила (Люся), Тямма < ?, Ващиль < Василий*. Скорее всего в данном случае на выбор поэтонимов оказало влияние происхождение автора: писательница родом из Батыревского района Чувашской Республики, где антропонимы до сих пор подвергаются сильнейшей субституции.

Поэтонимы в повести А. Мышкиной «Виçĕ хёрпе сар каччă» распадаются на две группы – очувашенные и сохранившие русское звучание: 1) *Ващá < Василий (Вася), Елюк < Елена, Кёркури < Григорий, Куштан Ващá Иванё < Иван Куштанова Василия, Микул Ващá < Николаев Василий, Санюк < Александра (Саня), Çимук Катти < Семенова Катя, Çеруш < Сергей (Сергея); 2) Валера, Валя, Ваня, Венера, Володя, Галя, Иван Васильевич, Катя, Люся, Нина, Сергей, Степан Иванович, Эля.*

В повести Б. Чиндыкова «Сур сёр хысăнхи апатлану» события разворачиваются в чувашской деревне, но герои носят вполне русские имена, одно из которых модифицировано под иностранное звучание: *Николас, Лена, Зоя, Гена, Артур, Люда, Лилия.*

Фонетически все имена данного вида претерпели изменения в звуковом составе и в современном чувашском языке существуют в нескольких вариантах: *Андрей – Унтри / Энтри, Галя – Кáля / Каля́, Марина – Марине / Маринь, Федор – Хветёр / Хёветёр.*

Часть русских имен очувашилась на уровне словообразования: *Верук < Вера, Кётерук < Екатерина, Митюк < Дмитрий*, где *-ук, -юк* – форманты чу-

вашского имяобразования, совпадающие с русскими *-ок, -ёк* (*Людок, Ванёк*). Более того, для «данной группы имен характерны мощные контаминационные процессы семантического порядка» [7].

Повторяемость очувашенных поэтонимов русского происхождения высока. В этом сказывается традиция давать имена согласно святцам. В повести М. Трубиной «Ача чухнехи» описывается ситуация, когда трое детей в одной семье были наречены одним именем *Семен* 'Семен'.

Поэтонимы данной группы многовариантны, ср.:

Николай – 1) *Коля*, 2) *Колякка*, 3) *Кулькка*, 4) *Кулюкка*, 5) *Куля*, 6) *Макалай*, 7) *Микка*, 8) *Миккуль*, 9) *Микул*, 10) *Микула*, 11) *Микулай*, 12) *Микулкка*, 13) *Микуль*, 14) *Микус*, 15) *Микуш*, 16) *Мукус*, 17) *Никуш*;

Дмитрий – 1) *Мётри*, 2) *Мётрик*, 3) *Микка*, 4) *Микки*, 5) *Митти*, 6) *Митри*, 7) *Митрук*, 8) *Митрухха*, 9) *Митрюк*, 10) *Митўк*, 11) *Митюк*, 12) *Миччук*, 13) *Тимка*, 14) *Тимкка*, 15) *Тимма*, 16) *Тимук*;

Василий – 1) *Васили*, 2) *Ваҫилей*, 3) *Ваҫили*, 4) *Ваҫинкка*, 5) *Ваҫка*, 6) *Ваҫкă*, 7) *Ваҫлей*, 8) *Ваҫли*, 9) *Ваҫса*, 10) *Ваҫҫили*, 11) *Ваҫҫиль*, 12) *Ваҫҫук*, 13) *Ваҫук*.

Идентификация части очувашенных поэтонимов вызывает проблемы. Контекстуально эти имена являются русско-православными. Но их фонетический облик и деривационные модели настолько изменились, что уже без специальных исследований невозможно установить исходные формы: *Варккус* < Варвара? (Гордеев Д. Шăркалчă); *Велиме* < Вилена (?) (Лазарева А. Савăнтар ҫынсене); *Евьен* < Елена (?) (Ухсай Я. Силпири асамат кёперё).

В отражении имен русского происхождения, подверженных субституции, в явной форме проявляется неустойчивость правил чувашской орфографии. Невозможно представить, что поэтонимы, написанные в виде *Ванька* 'Иван (Ванька)', *Ҫтапан* 'Степан' и *Тимка* 'Дмитрий (Димка)', соответствуют их реальному звучанию: согласно приведенной орфографии их необходимо прочитывать как *Вань[г]а*, *Ҫта[б]ан*, *Тим[г]а* (?) при нормативных *Вань[к:]а*, *Ҫта[п:]ан*, *Тим[к:]а* с закономерным удвоенным отображением глухих согласных на письме.

Неожиданный поворот в функционировании очувашенных поэтонимов наблюдается в переводах художественных произведений на русский язык – они возвращаются в русский контекст в измененной форме, ср.: *Иăван* (< рус. *Иван*) → 1) *Иаван* (Нестерова З. И мужчины плачут); 2) *Иыван* (Фомин С. Лихая година; Максимов Н. Место в жизни); *Кётери(н)* (< рус. *Екатерина*) → 1) *Кидери* (Иванов-Паймен В. Мост); 2) *Кедерне* (Савельев А., Игнатъев В. Зарницы счастья); 3) *Кетерук* (Давыдов-Анатри В. Братишки); 4) *Кедерук* (Таллеров Л. Перепеленок); 5) *Катерук* (Ухсай М. Буйные ветры).

Русские фамилии чувашского происхождения. Русские фамилии чувашского происхождения в художественной литературе выполняют ту же функцию, что и очувашенные православные имена – работают на спецификацию национальной литературы. Однако фамилии с чувашскими основами воспринимаются читателями с большим недоверием. Они лишь внешне похожи на фактически существующие, но в них сразу же угадывается неестественность, особенно в случаях использования чувашских графем, ср.: *Кушкин* (Агаков Л. Салтак ачисем), *Хурашкин* (Лазарева А. Савăнтар ҫынсене).

Главное отличие поэтонимов в форме фамилий от фактических заключается в том, что первые нередко происходят от нарицательных слов (*Себадаев* (Агаков Л. Сараппанлă кушаксем, йёке хўресем тата ыттисем) < *ҫапата* 'лапти', *Тымаров* (Кипек М. Кайăк тусё) < *тымар* 'корень', *Урамов* (Лазарева А. Савăнтар ҫынсене) < *урам* 'улица'), а вторые – чаще всего отыменные, базирующиеся на основе дохристианских или очувашенных православных имен

(Ахвандеров < Ахвантер, Алендеев < Алентей, Савадеров < Саватер, Тимук < Тимук 'Дмитрий', Тражуков < Трашук 'Трофим').

Как правило, поэтонимы в форме фамилий уникальны. Лишь небольшая их часть повторяется: Арланов < арлан 'хомяк' (Лазарева А. Савантар сынсене; Лазарева А. Тёрёс ят; Осипов П. Какламан тымарсем; Ярантай Р. Кёмёл сулалла сехет); Акрамов < Акрамово русское название села Шурча Моргаушского района (Артемьев А. Салампи; Уяр Х. Шурча таврашёнче); Албутов < улпут 'барин' (Петров В. Хурлэхлэ кун; Чиндыков Б. Хёретнё сёмарта; Ванюшин < Ванюш 'Ванюша' (Кузьмин В. Сёр пики; Савельев-Сас А. Чулкасри сур кунне); Кузюков < Кузук 'Константин' (Кузьмин В. Чёркуш шывё – чёрё шыв; Ялавин С. Панкратов айапё); Кураков < курак 'грач', также антропоним (Кузьмин В. Чёркуш шывё – чёрё шыв; Максимов Н. Пёр хёрес айёнче); Сурбанов < сурпан 'женская головная повязка' (Сатай В. Сёр сирём утам та висё талак; Уяр Х. Шурча таврашёнче); Усламов < услам 'прибыль' (Кузьмин В. Сумрах-ха эс, савнисем; Осипов П. Сёнё хум); Юманов < юман 'дуб', также антропоним (Лисина Е. Пёркка мучи калавёсем; Лисина Е. Улэхпи). Видимо, повторяемость некоторых фамилий связана с их реальным функционированием вне художественного контекста.

Русские антропонимы, вопреки их распространенности в чувашской среде, фактически составляют периферию чувашского поэтонимикона.

Описанная ситуация вполне ожидаема. Эти имена менее интересны во всех отношениях, невыразительны, обыденны. Они вряд ли привносят в тексты дополнительные смыслы. С их помощью нельзя составить национальный колорит.

Полноправное введение в чувашскую литературу русских имен в неизменном виде, в каком они существуют в настоящее время в чувашской среде, должно сопровождаться системными изменениями – усилением внутренних национально-специфичных черт текстов, создаваемых чувашскими писателями. Это долгий и сложный процесс, и, видимо, лишь так можно объяснить приверженность чувашских авторов к архаичным именам. Однако архаичные имена имеют свойство придать всей литературе архаичность.

Литература

1. Данилова Л.В. К изучению арабско-иранских элементов в чувашской антропонимике // Диалекты и топонимия Поволжья. Чебоксары, 1979. Вып. 7. С. 3–15.
2. Данилова Л.В. К изучению арабско-иранских элементов в чувашской антропонимике // Диалекты и топонимия Поволжья. Чебоксары, 1980. Вып. 8. С. 131–144.
3. Данилова Л.В. Усвоение русских имен в чувашском языке и его диалектах // Диалекты и топонимия Поволжья. Чебоксары, 1977. Вып. 5. С. 41–50.
4. Данилова Л.В. Чувашская антропонимия Башкирской АССР XVII–XVIII вв. // Диалекты и топонимия Поволжья. Чебоксары, 1976. С. 26–34.
5. Егоров Н.И. Женские личные имена низовых чувашей-язычников // Культура и быт низовых чувашей. Чебоксары, 1986. С. 88–104.
6. Егоров Н.И. Женские личные имена низовых чувашей-язычников. II // Вопросы фонетики, грамматики и ономастики чувашского языка. Чебоксары, 1987. С. 54–71.
7. Леонтьева А.А. Семантические изменения при заимствовании личных имен // Вестник Чувашского университета. 2006. № 3. С. 235–243.
8. Магницкий В.К. Чувашские языческие имена. Казань: Тип. Император. ун-та, 1905. 101 с.
9. Петров Л.П. Этимология чувашских дохристианских имен. I // Вопросы фонетики, грамматики и ономастики чувашского языка. Чебоксары, 1987. С. 72–79.
10. Петров Л.П. Этимология чувашских дохристианских имен. II // Исследования по этимологии и грамматике чувашского языка. Чебоксары, 1988. С. 19–35.
11. Петров Л.П. Этимология чувашских дохристианских имен. III // Чувашский язык: история, этимология, фонетика. Чебоксары, 1991. С. 32–46.
12. Петров Л.П. Из истории чувашских дохристианских имен // Вопросы традиционной и современной культуры и быта чувашского народа. Чебоксары, 1985. С. 60–77.

13. Федоров Г.И. Наци кун-сӹлӹн сӹнарлӹ тӹкӹрӹ // Чӹваш литературин антологийӹ. Шупашкар, 2003. Т. 1. С. 5–14.
14. Федотов М.Р. Словарь чувашских нехристианских личных имен / ЧГИГН. Чебоксары, 1998. 148 с.
15. Фомин Э.В., Иванова А.М. Чӹваш поэтонимӹсен пуххи / Чӹваш патшалӹх университетӹ. Шупашкар, 2016. 84 с.

ФОМИН ЭДУАРД ВАЛЕНТИНОВИЧ – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств, Чебоксары, Россия (yeresen@yandex.ru).

ИВАНОВА АЛЕНА МИХАЙЛОВНА – доктор филологических наук, профессор кафедры чувашской филологии и культуры, Чувашский государственный университет, Чебоксары, Россия (amivano@ Rambler.ru).

E. FOMIN, A. IVANOVA

POETONYMS IN THE CONTEXT OF THE CHUVASH WRITTEN CULTURE

Key words: *poetonyms, poetonymikon, the Chuvash literature, the Chuvash language.*

One of external signs of the Chuvash literature are poetonyms, presented by pre-Christian and Orthodox names as well as by surnames of the Chuvash origin. In this case orthodox names are divided into the names which have taken the Chuvash form and the names preserved their original Russian sounding. The choice of specific poetonyms is dictated by a number of conditions: the content of the work, its chronotope, and more – by preferences of the authors. There was a tradition in the Chuvash literature, when writers steadily reproduce archaic names not peculiar to the modern situation.

References

1. Danilova L.V. *K izucheniyu arabsko-iranskikh elementov v chuvashskoi antroponimike* [By studying the Arab-Iranian elements in the Chuvash anthroponimics]. In: *Dialekty i toponimiya Povolzh'ya* [Dialects and toponymy of the Volga region]. Cheboksary, 1979, issue 7, pp. 3–15.
2. Danilova L.V. *K izucheniyu arabsko-iranskikh elementov v chuvashskoi antroponimike* [By studying the Arab-Iranian elements in the Chuvash anthroponimics]. In: *Dialekty i toponimiya Povolzh'ya* [Dialects and toponymy of the Volga region]. Cheboksary, 1980, issue 8, pp. 131–144.
3. Danilova L.V. *Usvoenie russkikh imen v chuvashskom yazyke i ego dialektakh* [Russian names mastering in the Chuvash language and its dialects]. In: *Dialekty i toponimiya Povolzh'ya* [Dialects and toponymy of the Volga region]. Cheboksary, 1977, issue 5, pp. 41–50.
4. Danilova L.V. *Chuvashskaya antroponimiya Bashkirskoi ASSR XVII–XVIII vv.* [The Chuvash anthroponymy of the Bashkir Republic of XVII–XVIII centuries]. In: *Dialekty i toponimiya Povolzh'ya* [Dialects and toponymy of the Volga region]. Cheboksary, 1976, pp. 26–34.
5. Egorov N.I. *Zhenskie lichnye imena nizovykh chuvashei-yazychnikov* [Female personal names of grassroots Chuvash pagans]. In: *Kul'tura i byt nizovykh chuvashei* [Culture and Life of grassroots Chuvash people]. Cheboksary, 1986, pp. 88–104.
6. Egorov N.I. *Zhenskie lichnye imena nizovykh chuvashei-yazychnikov. II* [Female personal names of grassroots Chuvash pagans. II]. In: *Voprosy fonetiki, grammatiki i onomastiki chuvashskogo yazyka* [Questions of Phonetics, Grammar, and Onomastics of the Chuvash language]. Cheboksary, 1987, pp. 54–71.
7. Leont'eva A.A. *Semanticheskie izmeneniya pri zaimstvovanii lichnykh imen* [Semantic changes in borrowing personal names]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2006, no. 3, pp. 235–243.
8. Magnitskii V.K. *Chuvashskie yazycheskie imena* [Chuvash pagan names]. Kazan, Imperator University Publ., 1905, 101 p.
9. Petrov L.P. *Etimologiya chuvashskikh dokhristianskikh imen. I* [The etymology of the Chuvash pre-Christian names. I]. In: *Voprosy fonetiki, grammatiki i onomastiki chuvashskogo yazyka. I* [Questions of phonetics, grammar, and onomastics of the Chuvash language]. Cheboksary, 1987, pp. 72–79.
10. Petrov L.P. *Etimologiya chuvashskikh dokhristianskikh imen. II* [The etymology of the Chuvash pre-Christian names. II]. In: *Issledovaniya po etimologii i grammatike chuvashskogo yazyka* [Studies in etymology and grammar of the Chuvash language]. Cheboksary, 1988, pp. 19–35.
11. Petrov L.P. *Etimologiya chuvashskikh dokhristianskikh imen. III* [The etymology of the Chuvash pre-Christian names. III]. In: *Chuvashskii yazyk: istoriya, etimologiya, fonetika* [The Chuvash language history, etymology and phonetics]. Cheboksary, 1991, pp. 32–46.

12. Petrov L.P. *Iz istorii chuvashskikh dokhristianskikh imen* [From the history of pre-Christian Chuvash names]. In: *Voprosy traditsionnoi i sovremennoi kul'tury i byta chuvashskogo naroda* [Issues of traditional and modern culture and way of life of the Chuvash people]. Cheboksary, 1985, pp. 60–77.

13. Fedorov G.I. *Natsi kun-shchulen sanarla tekere* [A figurative representation of the national life]. *Chavash literaturin antologii* [An anthology of the Chuvash literature]. Cheboksary, 2003, vol. 1, pp. 5–14.

14. Fedotov M.R. *Slovar' chuvashskikh nekhristianskikh lichnykh imen* [Dictionary of non-Christian Chuvash names]. Cheboksary, 1998, 148 p.

15. Fomin E.V., Ivanova A.M. *Chavash poetonimesen pukhkhhi* [Dictionary of Chuvash poetonyms]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2016, 84 p.

FOMIN EDUARD – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Humanities and Social-Economic Disciplines Department, Chuvash State Institute of Culture and Arts, Cheboksary, Russia.

IVANOVA ALENA – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Chuvash Philology and Culture Department, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

Ссылка на статью: Фомин Э.В., Иванова А.М. Поэтонимы в контексте чувашской письменной культуры // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 4. – С. 250–255.

УДК 811.512.111'373.21

ББК Ш12=635.1*316.1

Н.И. ЯКИМОВА, О.В. СОРОКИНА

ОЙКОНИМИЯ ЯЛЬЧИКСКОГО РАЙОНА ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Ключевые слова: структурно-семантическая модель, ойконимы, антропоойконимы, гидроойконимы, этноойконимы, отапеллятивные ойконимы, квалитатив.

Ойконимия, обозначающая в ономастике совокупность названий населенных пунктов определённой территории, представляет огромный интерес для научного исследования. В ней отражаются важнейшие этапы истории культуры создавшего ее народа и проявляются языковые закономерности. В статье рассмотрены ойконимы Яльчикского района Чувашской Республики по основным структурно-семантическим моделям, которые разделены на следующие группы: антропоойконимы общетюркского происхождения, гидроойконимы исконно чувашского и финно-угорского происхождения, этноойконимы, отапеллятивные ойконимы, образованные от географических терминов, наименований птиц и растений. Следует отметить, что квалитативы (асла «большой», кёсён «малый», кивё «старый», сёне «новый», анатри «нижний», тип «сухой») занимают ведущее место в образовании ойконимов Яльчикского района. Самый большой пласт ойконимов связан с антропонимами, т.е. с именами и фамилиями людей, так как большинство названий давалось по имени основателя поселения или человека, внёсшего вклад в развитие края, или в честь и память исторического лица региона.

В каждом регионе есть свои специфические названия сел и деревень. Территория Чувашской Республики разделена на 21 административный район. Яльчикский расположен в юго-восточной части республики. Граничит с районами Чувашской Республики: Батыревским – на юго-западе, Комсомольским – на западе; Республики Татарстан: Апастовским, Буинским, Кайбицким – на севере, востоке и юге.

По данным справочника об административно-территориальном делении Чувашии [3], в этом районе насчитывается по 54 единицы как чувашских, так и русских официальных названий деревень. Если учесть вариантные названия, то их общее количество становится намного больше.

Названиями деревень как Яльчикского, так и других районов Чувашии интересуются историки, этнографы, языковеды, а также имеется ряд исследований по топонимике у зарубежных ученых [7–9]. В настоящем исследовании рассмотрены основные структурно-семантические модели ойконимов вышеназванного района, для чего нами составлена тематическая картотека фактического материала и выявлены характерные особенности названий деревень данной местности.

Основной фактический материал можно разделить на следующие группы и подгруппы:

I. **Антропоойконимы** в основном общетюркского происхождения: офиц. рус. **Избахтино**, чув. Кавал – в «Словаре татарских имен» Г.Ф. Саттарова – Исбах «светлый, ясный, лучезарный» [5. С. 93] + рус. **-ино**; офиц. рус. назв. **Новое Изамбаево** (чув. Исемпел) ← Исэнбай, встречаются варианты: Исэн, Исэнэй, Исай, Эсенбай [5. С. 94], Исампай, Исанпай, языческое имя мужчины [1. Вып. III. С. 147] + рус. **-ево**; офиц. рус. назв. **Карабаево** (чув. Турхан) ← Карабай, встречается в таких фамилиях: Карабаев, Карапаев [5. С. 103] + рус. **-ево**; офиц. рус. назв. **Новое Тинчурино** (чув. Тёмер) ← Тинчура + рус. **-ино**, встречается в фамилиях: Тинчурин, Тинчуров [5. С. 180]; офиц. рус. назв. **Уразмаметево** (чув. Тярмәш) ← Ураз (имяобразующий компонент) ← тат. ураз «счастье» + Мамет (имяобразующий компонент) + рус. **-ево**, в словаре Г.Ф.Саттарова имя Мамат, (Мэмэт) сохранилось в фамилиях: Маматов, Ма-

метов [5. С. 121]; офиц. рус. назв. **Шаймурзино** (чув. Кармал) ← *Шэйморза* (*Шаһиморза*), встречаются варианты: *Шаһморза*, *Шаморза*, *Шахмар*, *Шахмай* [5. С. 219] + рус. **-ино**; офиц. рус. назв. **Старое Янашево** (чув. *Таяпа Энтри*) ← *Яныш*, встречается в фамилиях *Янышев*, *Янишев* [5. С. 230] + рус. **-ево**; офиц. рус. назв. **Яманчурино** (чув. *Яманчурел*) ← *Яманчура*, сохранилось в фамилиях *Яманчураев*, *Яманчурин* [5. С. 229] + рус. **-ино**. *Иаманчура* (*јаманчура*), селение Яманчурино, Буинск. к. [1. Вып. IV. С. 185]. В официальных чувашских названиях деревень встречаются эти же наименования, см. **Новое Изамбаево** (чув. *Исемпел*), **Яманчурино** (чув. *Яманчурел*), где прибавляется чувашский географический термин **ел / ял** «деревня». Заметим, что в Яльчикском районе существует д. **Арланкасси**, где *Арлан* (чув. мужское языческое имя) + *касси* «околоток», что буквально означает деревня Арлана.

II. **Гидроойконимы** можно разделить на две подгруппы:

1) названия исконно чувашского происхождения, когда широко используются гидронимические термины **кял(ё) / кӱл(ё)** «озеро»; **шур** «болото»; **шу / шыв** «вода»; *шур*, *шор*, *шурӑ*, *шорӑ* – болото, болотистая земля, болотистый луг [1. Вып. XVII. С. 228]; **Пус(ё)** «верховье, исток реки»: *Атёкпуç* ← чув. *атёк*, неизвестное слово + чув. *пуç* «начало, голова» = «деревня, расположенная в верховье реки или оврага под названием Атёк»; **Сӑрӑел** ← чув. *Сӑр*, гидроним, вероятно, индо-иранского происхождения + чув. географический термин **ел / ял** «деревня»; *Сӑр* (*сыр*), тайна (араб.) [1. Вып. XI–XII. С. 268] + *Ел* (*Эл*), река, вытекающая из озера «Ел-кӱл» и впадающая в «Тӑм шывӗ». Сливаются в одну реку в с. Янтиково [1. Вып. III. С. 7]. **Зуткял** ← назв. озера *Зуткял* ← чув. *çут(ӑ)* «белое» + чув. *кял / кӱл(ё)* «озеро»; = деревня *Çуткӱл* «Белое Озеро»; **Тӑрнашур** ← гидроним *Тӑрнашур* (первоначально *Тӑрнашур* – название озера, затем, когда воды стало меньше, к названию прибавилось слово *шур* (← чув. *тӑрна* (ср. *торна*) «журавль» + чув. *шур / шурлӑх* «болото»). Заметим, что на территории Чувашской Республики встречаются названия болотистых мест: **Кӑвакал шурри**, что букв. означает «утиное болото»; **Хӑвӑл сӑрма** ← гидроним *Хӑвӑлсӑрма* ← *хӑвӑл* «дупло, дуплистый; пустота, пустой» + чув. *сӑрма* «овраг» = «деревня между оврагами или у оврага под названием **Хӑвӑл сӑрма**». Ср. офиц. рус. назв. этой деревни *Кушелга*, которое образовано из тат. *куш* «двойной, сдвоенный, парный, спаренный, слитный, сросшийся» + тат. *елга* «река»; тат. *куыш(лы)* «дуплистый» + тат. *елга* «река»; В Башкирии тоже встречаются подобные наименования: например, *Куш-Елга* (башк. *Кушйылға*) в Белебеевском районе.

Шуршу ← чув. овр. *Шуршу* ← чув. *шур* «белый» + чув. диал. *шу / шыв* «вода» = «деревня у речки (оврага) *Шуршу*»; чув. *шур* «болото» + чув. диал. *шу / шыв* «вода» = «болотная речка»; ср. рус. назв. *Белая Воложка*, где рус. *воложка* «проток», «влага», «вода»; *Шуршу*, общее название восьми селений. N. *Шуршу* – сакӑр йал йачӑ: Тёрлемес, Муркар, Йупсар, Пӑрмас, Чашлама, Паймит, Йершер, Туканаш. // Нюц.-к. Шуршу, село Беловолжское (Козловск. р.). // Дер. Беловолжок (Яльчиковск. р.). // N. Шоршу, название земли, которая принадлежала указанным выше восьми селениям [1. Вып. XVII. С. 244]. **Элпуç** ← *Эл* (гидроним) + чув. *пуç* «начало, голова» = «деревня в истоке реки Эл»; *Ел-пуç* (*пус*) иначе *Кив-Ел-пуç*, назв. села Алдиарова, Янитик. вол. Цив. у. [1. Вып. III. С. 8].

2) названия финно-угорского происхождения: **Енел / Инелей** ← эрз. *ине* «большая» + *лей* «река», «речка», «овраг с источником», = «деревня вблизи большой реки Малая Була»; *Енел* (*эн'эл*); назв. селения Ново-Тойдеряково, Ново-Шимкусской вол., Тет. у.: *Енеллӗн*, *Енелле*, *Енелре* [1. Вып. IV. С. 118]. **Курнавӑш / Корнауши** ← мар. *корно* «дорога» + *вож* «корень», «приток», «распутье» = «деревня на развилке дороги, на скрещении нескольких дорог»;

Кўлпуç ← чув. *кўл(ё)* «озеро» + чув. *пуç* «начало, голова» = «деревня в начале озера»; **Тăрмăш** ← *Тăрăм* + *-ш* ← *вăш* ← мар. *вож* «приток реки») = «деревня у оврага (речки) *Тăрмăш*»; в Татарии – д. *Турмыш*, в Чувашии д. *Турмыши* в Янтиковском районе. Заметим, что рядом расположена и деревня *Тăрăм*. Есть и такое объяснение: **Тăрмăш / Турмыш** ← чув. *тăрмăш* (неизвестное слово) + чув. *йыш* «группа», «семья»; здесь можно предположить, что *Тăрмăш* – имя человека; По утверждению Э.В. Севортьяна, аффикс *-мыш* участвует в образовании отглагольных имен [6. С. 348].

Тимеш: Аслă Пăла Тимеш ← чув. *аслă* «большой» + чув. *Пăла* (р. Була) + *Тимеш* (название овра.) = «деревня *Тимеш* у реки *Большая Була*»; **Тип Тимеш** ← чув. *тип(ё)* «сухой» + *Тимеш*, назв. овра. (*-ш* ← *ăш* ← *- вăш* ← мар. *вож* «корень; приток реки» = «деревня у сухого оврага *Тимеш*»; **Анатри Тимеш** ← чув. *анатри* «низина» + *Тимеш* «деревня у сухого оврага *Тимеш*»; **Элексей Тимеш**: «деревня, выделившаяся из д. *Тимеш*, названа по имени основателя деревни *Алексея / Элексей*».

III. **Этноойконимы**. С термином *таяпа* в Яльчикском районе встречается три названия: *таяпа* ← каз. *тайпа*, *тайфа* «племя», тат. *тайпа* «родословная»; **Аслă Таяпа** ← чув. *аслă* «большой» + *таяпа*; **Кёçён Таяпа** ← чув. *кёçён* «малая» + *таяпа*; с. **Лац-Таяпа** основано переселенцами из Большой Таябы, где *Лац* «название речки» + *таяпа*; **Вырăскасси** ← чув. *вырăс* «русский» + *касси* «деревня, околоток» = букв. «деревня, околоток русских»; заметим, что в офиц. рус. названии этой деревни **Полевые Буртасы** обнаруживается этноним *буртас*: **Чăваш тăрăмё** ← чув. *чăваш* «чуваш, чувашский» + *тăрăм(ё)*; ср. д. *Тăрмăш* выделилась из с. *Тăрăм*, которая тоже расположена в Яльчикском районе.

IV. **Оттапеллятивные ойконимы** делятся на группы:

1) названия, образованные от географического термина *яр*, *обрыв* с определением *красный / кызыл*: **Хёрлёсыр** ← чув. *хёрлё* «красный» + чув. *сыр* «обрыв, яр, откос» = «деревня на откосе»; *Сыр* (*с'ыр*, *с'ур*), обрыв, края оврага, яр, откос берега: *Сурхи шывсем йухас*, *сырсем йулас* «Весенние реки текут, откосы остаются» [1. Вып. XI-XII. С. 109]; ср. офиц. рус. назв. **Козыльяры** ← тат. *козыл / кызыл* «красный» + *яр* «берег»; следует отметить, на карте Урало-Поволжья встречаются топонимы типа *Кызыльяр*, *Красный Яр*; «Заслуживает постановки вопрос о возможности / невозможности рассматривать в качестве родственных корней с иной ступенью чередований эрзя-мокш. *кар*: *карамс*, удм. *кыр*:- *кырыны* с тюрк. *йар*-, чув. *сыр*- «яр, обрыв, берег» (из **чыр* < **кыр*-); тюрк. *йаз*- «чертить, писать, рисовать», чув. *сыр* – то же; тюрк. **йыр* / **йир*- «размывать – о воде» (откуда *сырма* «овраг; речка»). Если ротацизм в тюркско-чувашских параллелях почти тотален, то внутри огузских и кыпчакских он встречается спорадически» [2. С. 162].

2) названия, образованные от наименований птиц: **Каркалар** ← тат. *карга* «ворона», чув. курак «грач», «ворона» + **-лар** (аффикс множественного числа) = букв. «деревня, где много ворон, грачей»;

3) названия, образованные от наименований растений: **Вăрăмхăва** ← чув. *вăрăм* «длинный» + чув. *хăва* «ива» = «деревня, где изобилуют ивы»; **Сирёклё шăхаль** чув. *сирёк* «ольха» + **-лё** + *Шăхаль* (назв. дер.) = «деревня *Шăхаль*, где много ольхи».

В образовании ойконимов Яльчикского района также участвуют такие качественные, как *аслă* «большой»: *Аслă Таяпа* (*Большая Таяпа*); *Аслă Елчёк* (*Большие Яльчики*); *Аслă Шăхаль* (*Новое Чурино*); *кёçён* «малый»: *Кёçён Патреккел* (*Малое Байдеряково*); *Кёçён Таяпа* (*Малая Таяпа*); *Кёçён Шăхаль*

(Новое Ищеряково); **кивё** «старый»: *Кивё Эйпеш* (Байглычево); **çёнё** «новый»: *Çёнё Пăва* (Новое Байбатырево); *Çёнё Тўскел* (Новое Тоскаево); *Çёнё Эйпеш* (Новое Андиберево); **анатри** «нижний»: *Анатри Тимеш* (Тораево); **тип** «сухой»: *Тип Тимеш* (Малая Ерыкла).

Итак, рассмотрев основные структурно-семантические модели ойконимов Яльчикского района, мы можем сделать вывод о том, что четкого разграничения между лексическими группами не имеется. По своей семантике ойконимы относятся к разным группам. В целом можно отметить, что качественные (аслә, кёçён, кивё, çёнё, анатри, тип) занимают ведущее место в образовании ойконимов Яльчикского района. Также многочисленны антропонимические названия, одни из них являются посвящениями, другие указывают на имя владельцев и т.д.

Литература

1. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чăваш сăмахёсен кёнеки. Казань; Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928–1950. Вып. I–XVIII.
2. *Корнилов Г.Е.* Топонимия республик Поволжья (Башкортостан, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия) – XVIII: А-анлаутные географические названия // Вестник Чувашского университета. 2008. № 3. С. 158–163.
3. *Нестеров В.А.* Над картой Чувашии. Историко-топонимические заметки. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1980. 144 с.
4. *Нестеров В.А.* Населенные пункты Чувашской АССР, 1917–1981 годы: справочник об административно-территориальном делении. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1981. 352 с.
5. *Самтаров Г.Ф.* Словарь татарских имен. Казань: Тат. кн. изд-во, 1981. 255 с.
6. *Севортян Э.В.* Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке: Опыт сравнительного исследования. М.: Наука, 1966. 437 с.
7. *Czegledy Katalin.* Contribution to the Microtoponymy of the Chuvash Republic. In: Rona-Tas A., ed. *Studies.* Budapest, 1982. pp 19–43.
8. *Rona-Tas A.* A magyar nyelv egy 1311-es volgai bolgar sírfeliraton. *Magyar Nyelv* 82, 1986, pp. 78–81.
9. *Sinor D.* Turkic yer «ground, place, earth» – Chuvash ser – Hungarian szer. In: *Essays in Comparative Altaic Linguistics* (Indiana University Uralic and Altaic Series 143). Bloomington, 1990, pp. 329–335.

ЯКИМОВА НАДЕЖДА ИВАНОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры чувашской филологии и культуры, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (yakimovanadya@yandex.ru).

СОРОКИНА ОКСАНА ВАСИЛЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры чувашской филологии и культуры, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (oksanasorokina-chgu@yandex.ru).

N. YAKIMOVA, O. SOROKINA

OIKONYMY OF YALCHIK REGION OF THE CHUVASH REPUBLIC

Key words: structural-semantic model, oikonyms, antropo oikonyms, hydro oikonyms, ethno oikonyms, otapellative oikonyms, the qualitative.

Oikonymy indicating in onomastics a set of names of localities of a certain area presents a great interest for scientific research. It reflects the most important stages of culture history of the people who created it and manifests linguistic patterns. The article describes oikonyms of Yalchik region of the Chuvash Republic on the basis of structural and semantic models and are divided into the following groups: antropo-oikonyms of Turkic origin, hydro-oikonyms of the native Chuvash-and Finn-Ugric origin, etno-oikonyms, otapellative oikonyms derived from geographical terms, names of birds and plants. It should be noted that the qualitatives (aslă «big», kёçён «small», kивё «old», çёнё «new», anatra «lower», type «dry») are leaders in formation of oikonyms of Yalchik region. The largest reservoir of oikonyms is associated with anthroponyms, i.e. with names and surnames of people, as most of the names were given by the name of the settlement founder, or person who made a contribution to development of the region, or in honor and memory of a historical person of the region.

References

1. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka* [Chuvash Language Dictionary]. Kazan, Cheboksary, Chuvashgosizdat Publ., 1928–1950, vol. I–XVIII.
2. Kornilov G.E. *Toponimiya respublik Povolzh'ya (Bashkortostan, Komi, Marii El, Mordoviya, Tatarstan, Udmurtiya, Chuvashiya) – XVIII: A-anlautnye geograficheskie nazvaniya* [The toponymy of the Volga republics (Bashkortostan, Komi, Mari El, Mordovia, Tatarstan, Udmurtia, Chuvashia). – XVIII: A-Anlaut geographical names]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2008, no. 3, pp 158–163.
3. Nesterov V.A. *Naselennye punkty Chuvashskoi ASSR, 1917–1981 years: Spravochnik ob administrativno-territorial'nom delenii* [Settlements of the Chuvash ASSR, 1917–1981 years: a Handbook on the administrative-territorial division]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1981, 352 p.
4. Nesterov V.A. *Nad kartoi Chuvashii. Istoriko-toponimicheskie zametki* [Above the map of Chuvashia. Historical notes toponymic]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1980, 144 p.
5. Sattarov G.F. *Slovar' tatarskikh imen* [Dictionary Tatar names]. Kazan, Tatar Publishing House, 1981, 255 p.
6. Sevortyan E.V. *Affiksy imennogo slovoobrazovaniya v azerbaidzhanskom yazyke: Opyt sravnitel'nogo issledovaniya* [The nominal word formation Affixes in the Azerbaijani language: Experience of comparative research]. Moscow, 1966, 437 p.
7. Czegledy Katalin. Contribution to the Microtoponymy of the Chuvash Republic. In: Rona-Tas A., ed. *Studies*. Budapest, 1982. pp 19–43.
8. Rona-Tas A. A magyar nepnev egy 1311-es volgai bolgar sirfeliraton. *Magyar Nyelv* 82, 1986, pp. 78–81.
9. Sinor D. Turkic yer «ground, place, carth» – Chuvash ser – Hungarian szer. In: *Essays in Comparative Altaic Linguistics (Indiana University Uralic and Altaic Series 143)*. Bloomington, 1990, pp. 329–335.

YAKIMOVA NADEZDA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Chuvash Philology and Culture, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

SOROKINA OKSANA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Chuvash Philology and culture, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

Ссылка на статью: Якимова Н.И., Сорокина О.В. Ойконимия Яльчикского района Чувашской Республики // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 4. – С. 256–260.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вестник Чувашского университета» просит авторов руководствоваться нижеприведенными правилами.

1. Авторские оригиналы представляются на бумажном и электронном носителях. Авторский текстовый оригинал должен быть пронумерован и подписан авторами на титульном листе с указанием даты.

2. К статьям, направляемым в редакцию, прилагаются:

- 1) *заявление автора на имя главного редактора;*
- 2) *анкета авторов;*
- 3) *две внешние рецензии;*
- 4) *ходатайство научного руководителя;*
- 5) *экспертное заключение о возможности опубликования статьи в открытой печати.*

3. Авторы должны указать рубрику, в которой следует поместить статью.

4. **Оформление статьи:**

- 1) *классификационные индексы Универсальной десятичной классификации (УДК), Библиотечно-библиографического классификатора (ББК);*
- 2) *инициалы и фамилия авторов;*
- 3) *название статьи;*
- 4) *ключевые слова;*
- 5) *аннотация статьи;*
- 6) *название статьи, инициалы и фамилия автора на английском языке;*
- 7) *ключевые слова на английском языке;*
- 8) *аннотация на английском языке;*
- 9) *текст статьи;*
- 10) *пристатейный библиографический список;*
- 11) *транслитерированный библиографический список References;*
- 11) *сведения об авторе.*

Авторские оригиналы подготавливаются с помощью компьютера в среде Microsoft Word (файлы типа doc). Формат бумаги А4, поля: справа и слева 4 см, сверху 4,5 см, снизу 5,7 см, от края до верхнего колонтитула 3 см, красная строка 0,75 см. Текст статьи набирается шрифтом Times New Roman размера 11 пт через 1 интервал.

Текст статьи представляется в двух экземплярах с приложением файла в электронном виде.

5. **Рисунки.** Количество рисунков не более 4. На рисунки должны быть ссылки. Рисунки должны быть внедрены в режиме Вставка Объект Рисунок Microsoft Word. Подрисуночные подписи выполняются шрифтом размера 9 пт.

6. **Формулы и буквенные обозначения по тексту.** Формулы набираются в редакторе формул Microsoft Equation. Шрифт для греческих букв – Symbol, для всех остальных – Times New Roman, основной размер 11 пт, крупный индекс 7 пт, мелкий 5 пт.

Латинские буквы набираются курсивом, буквы греческого алфавита и кириллицы – прямым шрифтом, обозначения матриц, векторов, операторов – прямым полужирным шрифтом.

Формулы располагаются по центру страницы. Номер формулы ставится у правого края. Нумеруются лишь те формулы, на которые имеются ссылки.

При выборе единиц физических величин рекомендуется придерживаться международной системы единиц СИ.

7. **Таблицы.** Текст в таблицах набирается шрифтом размером 9 пт, заголовок выделяется полужирным шрифтом. На таблицы должны быть ссылки.

8. **Список литературы.** Список строится по алфавиту, записи рекомендуется располагать сначала на языке издания, в которое включен список, затем на других языках. Источники набираются шрифтом Times New Roman размера 9 пт. При оформлении списка литературы необходимо руководствоваться ГОСТом Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила оформления».

Ссылки на источники в тексте даются в квадратных скобках, например [1], [1. С. 5].

9. Список References. Транслитерацию русского текста в латиницу следует производить в соответствии со стандартом BSI.

10. Сведения об авторах набираются полужирным шрифтом размера 10 пт **на русском и английском языках в именительном падеже** по следующей форме: *Фамилия, имя, отчество – ученая степень, должность, место работы, страна, город. Контактная информация (e-mail).*

11. Статьи, оформленные без соблюдения этих правил, возвращаются без рассмотрения. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что статья принята к печати. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Доработанный текст автор должен вернуть вместе с первоначальным экземпляром статьи, а также ответами на все замечания. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

12. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

13. В одном номере журнала может быть опубликовано, как правило, не более двух статей одного автора, в том числе в соавторстве.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ**Андреев О.В.**

Чувашская организация ОСОАВИАХИМа в системе оборонно-массовой работы в СССР в 1927–1940 годах.....5

Багдасарян А.О.

Разработка мероприятий по защите населения России от нападения с воздуха в годы Первой мировой войны.....18

Бойко И.И.

Школьники и студенты Чувашии о проблемах этнокультурного образования (по материалам социологического опроса)23

Васканова Н.А., Иванов А.Г.

Природно-географические условия жизнедеятельности крестьянской семьи горных марийцев Козьмодемьянского уезда в XIX – начале XX веков.....31

Гаврилов А.Д., Эшкерт А.М.

Региональное радиовещание для молодежи: современное состояние и перспективы развития (на примере Чувашской Республики)37

Галошева О.Н., Соколова В.И.

К вопросу о формировании и деятельности Чувашского комитета МОПРа в 1923–1928 годах46

Джумагалиева К.В., Краснова М.Н.

Использование соли в хозяйственной жизни казахского народа53

Евдокимова А.Н.

Социальное положение монашествующего духовенства Чувашского края в первой половине XIX века60

Егорова О.В., Казаков Н.А.

Условия жизни и труда как факторы адаптации народов Закавказья в Чувашской Республике69

Иванов Н.В.

Преступность в 60-х годах XX века, учтенная по линии уголовного розыска МВД Чувашской АССР78

Иванов Н.В.

Борьба работников ОБХСС с экономическими преступлениями в Чувашской АССР в 60–70-е годы XX века84

Иванова Т.Н., Вязова О.Г., Липатова И.А.

Память университетской корпорации: проблемы сохранения и анализа.....89

Кашаев И.М., Матюшин П.Н., Широков О.Н.

Организация мобилизации людских ресурсов в уездах Казанской губернии в начале Первой мировой войны (на материалах фонда Чебоксарского уездного воинского начальника).....98

Михайлова С.Ю., Музякова А.Л., Шумилова О.В.

Зарождение университетско-промышленных связей в Чувашии105

Михайлова С.Ю., Музякова А.Л., Шумилова О.В.

Университетская подготовка кадров для промышленности в Чувашии: направления, формы, динамика изменений в 70–80-е годы XX века 113

Салмин А.К.

Из этнографии древних и средневековых булгар 121

Седова Д.В.

Система ликвидации детской безнадзорности и правонарушений в послевоенное десятилетие (на примере Ульяновской области и Татарской АССР) 132

Сорокина О.Г.

Роль преподавателей вузов в становлении студенческого спорта в Чувашской Республике 140

Трифопова З.А., Лобастова О.А., Ростовцева М.М., Викторов О.Н.

Динамика расселения чувашей в России и сопредельных государствах с 1926 года по 2010 год 146

Харитонов М.Ю., Харитопова С.Б.

История создания органов государственно-партийного контроля в Чувашии 154

Харитонов М.Ю., Харитопова С.Б.

Материалы Государственного исторического архива Чувашской Республики как источник по изучению истории органов государственно-партийного контроля в Чувашии 162

Шаяхметова И.З.

Образовательный уровень кадрового состава исполнительных комитетов городских советов Южного Урала 168

Ялтаев Д.А.

Организация вооруженной охраны уездных финансовых учреждений в Казанской губернии во время крестьянских волнений 1905–1907 годов 173

Ялтаев Д.А., Зотиков А.В.

Организация первых сельскохозяйственных выставок в Казанской губернии в середине XIX века 178

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Гарипова-Хасаншина В.М., Яруллина Л.И.

Вопросы графо-фонетики и орфографии гласных татарского языка на страницах татарской периодической печати начала XX века 184

Ерина Т.Н., Фомин Э.В.

Жили-были... К проблеме парных слов русского языка 190

Ермакова Г.А.

Функция слов с заглавной буквы в художественном мире Г. Айги (на примере анализа одного из циклов сборника «Здесь») 196

Иванов В.А.

Особенности использования степеней сравнения прилагательных и наречий при характеристике героев в баснях Г.Э. Лессинга 203

Карпеева О.Я.

Некоторые виды грамматических преобразований при переводе с английского языка на русский 207

Корнилов Г.Е.

Этнотопонимия республик Поволжья (Башкортостан, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия) – XXXIX: А-Анлаутные географические названия 211

Леонтьева А.А.

Названия антропогенных объектов в чувашской микротопонимии 220

Мешкова Т.В., Сееклова О.В., Губанов А.Р. Оптативность как лингвистическая категория: синкретичные полипредикативные конструкции	227
Николаева Н.В., Сергеев В.И. Когнитивная лингвистика, человеческая когниция и зооморфические метафоры	233
Родионов В.Г. Этимология и трансформация семантики названия образа змея-покровителя в чувашской мифологии.....	238
Трукова А.И., Кузнецова Т.Н. Из истории переводов сонетов Шекспира: стилистико-компаративный аспект	245
Фомин Э.В., Иванова А.М. Поэтонимы в контексте чувашской письменной культуры	250
Якимова Н.И., Сорокина О.В. Ойконимия Яльчикского района Чувашской Республики	256
Правила для авторов	262

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

Andreev O. CHUVASH ORGANIZATION OSOAVIAKHIM (SOCIETY FOR THE PROMOTION OF AVIATION AND CHEMICAL DEFENSE) IN THE SYSTEM OF DEFENSIVE-MASS WORK IN THE USSR 1927–1940	5
Bagdasaryan A. DEVELOPMENT OF POPULATION PROTECTION MEASURES FROM AIR ATTACKS IN RUSSIA IN THE FIRST WORLD WAR	18
Boyko I. PUPILS AND STUDENTS OF THE CHUVASH REPUBLIC ABOUT THE PROBLEMS OF ETHNO-CULTURAL EDUCATION (BASED ON MATERIALS OF A SOCIOLOGICAL POLL).....	23
Vaskanova N., Ivanov A. NATURAL AND GEOGRAPHICAL CONDITIONS OF DAILY LIVING ACTIVITIES OF A RURAL FAMILY OF MOUNTAIN MARI IN KOZMODEMYANSK COUNTY IN THE 19 th CENTURY – THE BEGINNING OF THE 20 th CENTURY	31
Gavrilov A., Eshkerat A. REGIONAL RADIOBROADCASTING FOR THE YOUTH: CURRENT STATUS AND DEVELOPMENT PROSPECTS (ON THE EXAMPLE OF THE CHUVASH REPUBLIC)	37
Galosheva O., Sokolova V. REVISITING THE QUESTION OF FORMATION AND ACTIVITIES OF THE CHUVASH COMMITTEE OF MOPR (ISAFR) IN THE 1923–1929	46
Dzhumagaliyeva K., Krasnova M. THE USE OF SALT IN ECONOMIC LIFE OF THE KAZAKH PEOPLE	53
Evdokimova A. SOCIAL POSITION OF MONASTIC CLERGY OF THE CHUVASH REGION IN THE FIRST HALF OF THE 19 th CENTURY	60
Egorova O., Kazakov N. LIVING AND WORKING CONDITIONS AS ADAPTATION FACTORS OF PEOPLES OF TRANS-CAUCASIAN REGION IN THE CHUVASH REPUBLIC	69
Ivanov N. CRIMINALITY IN THE 60s OF 20 th CENTURY, DETECTED DELINQUENCY OF CRIMINAL INVESTIGATION DEPARTMENT OF MIA OF THE CHUVASH ASSR	78
Ivanov N. FIGHT OBKSS WORKERS AGAINST ECONOMIC CRIMES IN THE CHUVASH ASSR IN THE 60-70s OF 20 th CENTURY	84
Ivanova T., Vyazova O., Lipatova I. MEMORY UNIVERSITY CORPORATION: PROBLEMS OF PRESERVATION AND ANALYSIS	89
Kashaev I., Matyushin P., Shirokov O. THE ORGANIZATION OF HUMAN RESOURCES MOBILIZATION IN KAZAN PROVINCE DISTRICTS AT THE BEGINNING OF THE FIRST WORLD WAR (ON MATERIALS OF THE FUND OF CHEBOKSARY COUNTY MILITARY CHIEF)	98
Mikhailova S., Muzyakova A., Shumilova O. GENESIS OF UNIVERSITY-INDUSTRIAL RELATIONS IN CHUVASHIA	105
Mikhailova S., Muzyakova A., Shumilova O. UNIVERSITY STAFF TRAINING FOR INDUSTRY IN THE CHUVASH REPUBLIC: DIRECTIONS, FORMS AND DYNAMICS OF CHANGES IN 70-80s OF 20 th CENTURY	113

Salmin A. GLIMPSES OF ETHNOGRAPHY OF ANCIENT AND MEDIEVAL BULGARS	121
Sedova D. SYSTEM OF ELIMINATION OF CHILDREN'S HOMELESSNESS AND WRONG-DOING IN POST-WAR DECADE (ON THE EXAMPLE OF THE ULYANOVSK REGION AND THE TATAR ASSR)	132
Sorokina O. THE ROLE OF UNIVERSITY TEACHERS IN THE DEVELOPMENT OF UNIVERSITY SPORTS IN THE CHUVASH REPUBLIC	140
Trifonova Z., Lobastova O., Rostovtseva M., Viktorov O. THE DYNAMICS OF THE CHUVASHS MIGRATION IN RUSSIA AND NEIGHBORING STATES BETWEEN 1926 AND 2010	146
Kharitonov M., Kharitonova S. HISTORY OF CREATING STATE-PARTY CONTROL BODIES IN CHUVASHIA	154
Kharitonov M., Kharitonova S. MATERIALS OF THE STATE HISTORICAL ARCHIVES OF THE CHUVASH REPUBLIC AS A SOURCE FOR THE STUDY OF THE HISTORY OF STATE-PARTY CONTROL BODIES IN CHUVASHIA	162
Shayakhmetova I. STAFF EDUCATIONAL LEVEL OF MUNICIPAL COUNCIL EXECUTIVE COMMITTEES OF THE SOUTHERN URALS	168
Yaltaev D. ORGANIZATION OF ARMED SECURITY FORCES OF DISTRICT MONETARY INSTITUTIONS IN THE KAZAN PROVINCE DURING THE PEASANTS' REVOLTS OF 1905–1907	173
Yaltaev D., Zotikov A. ORGANIZATION OF FIRST AGRICULTURAL EXHIBITIONS IN THE KAZAN PROVINCE IN THE MIDDLE OF THE 19 th CENTURY	178

PHILOLOGICAL SCIENCES. LINGUISTICS

Garipova-Khasanshina V., Yarullina L. THE PROBLEMS OF GRAPH, PHONETICS AND SPELLING OF VOWELS IN TATAR LANGUAGE IN TATAR PERIODICALS OF THE EARLY 20 th CENTURY	184
Erina T., Fomin E. ONCE UPON A TIME... ON THE PROBLEM OF ALLITERATING WORDS OF THE RUSSIAN LANGUAGE	190
Ermakova G. FUNCTION OF CAPITALIZED WORDS IN THE ART WORLD OF G. AIGI (IN THE CONTEXT OF ANALYSIS OF ONE CYCLE OF THE COLLECTION «HERE»)	196
Ivanov V. PECULIARITIES IN THE USE OF DEGREES OF COMPARISON OF ADJECTIVES AND ADVERBS WHEN CHARACTERIZING HEROES IN FABLES OF G.E. LESSING	203
Karpeeva O. SOME KINDS OF GRAMMATICAL TRANSFORMATIONS IN TRANSLATION FROM ENGLISH INTO RUSSIAN	207
Kornilov G. ETHNIC TOPONYMS OF VOLGA REGION REPUBLICS (BASHKIR, KOMI, MARI, MORDVA, TATAR, UDMURT, CHUVASH REPUBLICS) – XXXIX: A-NAMES OF PLACES	211
Leontyeva A. NAMES OF ANTHROPOGENIC OBJECTS IN THE CHUVASH MICROTAPONIMY	220
Meshkova T., Sveklova O., Gubanov A. THE OPTATIVE AS A LINGUISTIC CATEGORY: SYNCRETIC POLYPREDICATIVE CONSTRUCTIONS	227
Nikolaeva N., Sergeev V. COGNITIVE LINGUISTICS, HUMAN COGNITION AND ZOOMORPHIC METAPHORS	233

Rodionov V. ETYMOLOGY AND SEMANTIC TRANSFORMATION OF THE NAME OF THE SERPENT-PATRON'S IMAGE IN THE CHUVASH MYTHOLOGY	238
Trukova A., Kuznetsova T. FROM THE HISTORY OF SHAKESPEARE SONNETS TRANSLATION: STYLISTIC-COMPARATIVE ASPECT	245
Fomin E., Ivanova A. POETONYMS IN THE CONTEXT OF THE CHUVASH WRITTEN CULTURE	250
Yakimova N., Sorokina O. OIKONYMY OF YALCHIK REGION OF THE CHUVASH REPUBLIC	256
RULES FOR THE AUTHORS	262

ВЕСТНИК ЧУВАШСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (16+)

Гуманитарные науки

№ 4 2016

Редактор **Н.И. Завгородняя**
Корректор **Г.Ф. Губанова**
Технический редактор **Н.Н. Иванова**

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзоре)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-66541 от 21.07.2016 г.

Сдано в набор 22.09.2016. Подписано в печать 14.12.2016. Выход в свет 22.12.2016.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 21,6. Уч.-изд. л. 25,1.
Тираж 200 экз. Заказ № 1405. Свободная цена.

Адрес редакции и издателя
428015, Чебоксары, Московский просп., 15

Типография Чувашского университета
428015, Чебоксары, Московский просп., 15